

مجلس علماء
الشرق.

НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
СОЮЗА С.С.Р.
1927 г.

14

19

Новый Восток

Научной Ассоциацией
Востоковедения
Короля С. С. П.
Основан
М. Павловичем

Nouvel Orient

КНИЖКА 19 ^{ая}

МОСКВА

Редакционная коллегия Нового Востока: **М. П. Павлович**,
Г. И. Бройдо, И. Н. Бороздин, В. А. Гурко-Кряжин, Б. Н. Мель-
ников, Д. М. Мышковский, С. Л. Вельтман (секретарь ред.
коллегии).

Десять лет национальной политики партии и соввласти.

Партия в нацрайонах за 10 лет революции.

Десятая годовщина Октября это целая века в жизни народов СССР. Каждый год существования советской власти во много раз приближает конечное торжество социализма. Прожитые десять октябрей — это десять светлых маяков, поставленных по пути передового человечества к своему окончательному освобождению от ига капитала.

Руководителем и вдохновителем этой великой борьбы пролетариата и трудящихся за новую жизнь является коммунистическая партия во всем мире. Она пошла во все страны мира звать эксплуатируемых на борьбу с эксплуататорами. Компартия пошла к угнетенным колониальным и полуколониальным народам, задыхающимся под тяжелым ярмом империалистских хищников, и показала им на трудный революционный путь, который они должны проделать совместно с мировым пролетариатом для своего окончательного освобождения.

Трудящиеся слои национальностей чутко прислушиваются к голосу коммунистов, следуя за ними на их тернистом революционном пути. Уже выдвинулся сознательный кадр пролетарских революционеров, давших первые авангардные бои чужестранному империализму, хищнически хозяйничающему в их странах на правах сильного.

Освобождение народов в пределах СССР служит одним из важнейших источников, откуда черпают революционную энергию сотни миллионов населения зарубежного Востока. В течение многих лет их старались убедить, что наше положение непрочно, и нам грозит возврат империализма: наше десятилетнее существование, наш последний Октябрьский праздник лучшее опровержение всех наветов врагов пролетарской революции.

Многочисленные и многолюдные делегации, прибывшие со всех концов света на наш Октябрьский праздник, ознакомились с нашими

достижениями за десяток лет революционной работы при неслыханно трудных условиях, в единоборстве почти со всем капиталистическим миром, опираясь только на революционный энтузиазм трудящихся нашего Союза и сочувствие и симпатии мирового пролетариата.

Громадный энтузиазм, который господствовал на конгрессе друзей народов СССР, служит нагляднейшим доказательством великих успехов нашей страны. Лучше всего это было выражено в резолюциях, которые были приняты на этом конгрессе, в особенности об опасности новой войны, где заграничные делегаты обещали всячески защищать наш Союз против нападений империалистов.

ВКП(б) имеет громадные достижения в нашей стране, она завоевала себе большой авторитет и доверие широких масс. В наших национальных республиках и областях, где самодержавие сумело внушить только неприязнь ко всему русскому, работа нашей партии, правильно поставленная национальная политика, сумели изгладить из памяти народов старые национальные обиды и создать новую единую трудовую семью, живущую общей братской жизнью под руководством пролетариата и его коммунистической партии.

За годы революции трудовое население СССР тесно связалось с коммунистической партией. Мы часто наблюдаем, даже в самых отсталых национальных районах, что о всяких своих невзгодах население обращается в партийные комитеты, будучи уверено, что в них оно непременно найдет справедливое разрешение своих вопросов. Оно уважает коммунистов, зная, что в партию принимают только лучших и достойных людей и беспощадно удаляют из ее рядов каждого, кто своим поведением показал себя недостойным высокого звания члена ВКП(б). Беднота слушает, как муллы, кулак и др. ругают коммунистов, и она знает, что объясняется это тем, что партия защищает всех несправедливо обиженных, эксплуатируемых и нуждающихся в ее защите.

За годы революции мы наблюдаем большой рост пролетарских и полупролетарских элементов из национальностей в рядах партии. До революции 1917 г. среди громадного большинства восточных народов совершенно не было членов партии большевиков. Эти народы мало были втянуты в революционное движение, а национально-революционное движение (где даже оно и было) возглавлялось мелко-буржуазными партиями, с.-р., трудовиками, а иногда даже кадетами.

Под руководством гг. Ленина и Сталина коммунистическая партия сумела найти правильный подход к бывшим угнетенным национальностям, представив им самим решить судьбу своей национальности, на основании нашей национальной программы и конституции СССР. Мы видим, как народы по постановлению своих полномочных съездов со-

ветов добровольно заключили общегосударственный Союз, который оказывается крепким и незыблемым и чем дальше все больше упрочивается.

Наилучшей гарантией крепости нашего советского пролетарского государства является коммунистическая партия, куда добровольно вступают тысячи и тысячи товарищей разных национальностей, сливаясь там в единую Всесоюзную коммунистическую партию, объединенную общим руководством совместно избранного ими ЦК. Больше одной трети членов партии составляют в настоящее время националы, приток в партию которых начинается с 1918 года.

Мы остановимся на некоторых цифрах. По последней партпереписи, в состав ВКП(б) входят: 10.841 тюрков, 4.431 осетин, 13.295 узбеков, 11.949 казак-киргизов, 14.285 татар, 2.340 башкир, 18.080 армян, 122.886 украинцев, 32.648 белоруссов, 45.342 евреев, 2.918 туркмен, 2.651 мордвы, 3.773 эстонцев, 1.826 финнов, 16.135 грузин, 1.103 бурят, 1.359 таджиков, 1.124 персов, 1.258 корейцев, 755 китайцев, 7 японцев, 849 калмыков, 3.540 чувашей и т. д. (цифры без коммунистов в армии). Русские составляют в партии 64,9%, а по партпереписи 1922 года они составляли 72%. Если возьмем партстаж националов до 1917 г. по партпереписи 1922 г., то мы, например, будем иметь 274 украинца, 102 белоруса, 274 поляка, 1.259 латышей, 257 евреев, 155 эстонцев и т. д. Тюрко-татарские народности имели всего единицы в партии, а все вместе пару десятков. Восточных женщин совершенно не было в партии, а теперь мы их насчитываем тысячи. Это нам говорит о том, что рост националов в партии, несмотря на то, что они не имеют больших пролетарских кадров, идет быстрее, чем рост великороссов.

За десять лет революции партия сумела вырасти внушительный кадр ответственных руководящих работников из националов, пользующихся большим авторитетом среди национального населения, из среды которого они сами вышли. Они лучше всего сумели приспособить наши общие принципы и тактику партии к требованиям местных бытовых и национальных особенностей. Еще в 1923—24 г. мы имели в составе пленумов парткомов небольшой процент националов, а в настоящее время мы имеем следующую картину: в Азербайджане—56,1%, Татари—49%, Узбекистане—61,2%, Украине—48%, Казакстане—45,5%, Чувашии—73% и т. д.

Идет успешная коренизация аппаратов власти в нац. районах. Партия принимает необходимые меры для того, чтобы увязать этот процесс с интернациональным воспитанием масс. В десятилетие Октября мы можем сказать всем угнетенным народам мира: идите по нашему революционному пути и также добьетесь колоссальных успехов.

достижениями за десяток лет революционной работы при неслыханно трудных условиях, в единоборстве почти со всем капиталистическим миром, опираясь только на революционный энтузиазм трудящихся нашего Союза и сочувствие и симпатии мирового пролетариата.

Громадный энтузиазм, который господствовал на конгрессе друзей народов СССР, служит нагляднейшим доказательством великих успехов нашей страны. Лучше всего это было выражено в резолюциях, которые были приняты на этом конгрессе, в особенности об опасности новой войны, где заграничные делегаты обещали всячески защищать наш Союз против нападений империалистов.

ВКП(б) имеет громадные достижения в нашей стране, она завоевала себе большой авторитет и доверие широких масс. В наших национальных республиках и областях, где самодержавие сумело внушить только неприязнь ко всему русскому, работа нашей партии, правильно поставленная национальная политика, сумели изгладить из памяти народов старые национальные обиды и создать новую единую трудовую семью, живущую общей братской жизнью под руководством пролетариата и его коммунистической партии.

За годы революции трудовое население СССР тесно связалось с коммунистической партией. Мы часто наблюдаем, даже в самых отсталых национальных районах, что о всяких своих невзгодах население обращается в партийные комитеты, будучи уверено, что в них оно непременно найдет справедливое разрешение своих вопросов. Оно уважает коммунистов, зная, что в партию принимают только лучших и достойных людей и беспощадно удаляют из ее рядов каждого, кто своим поведением показал себя недостойным высокого звания члена ВКП(б). Беднота слушает, как муллы, кулак и др. ругают коммунистов, и она знает, что объясняется это тем, что партия защищает всех несправедливо обиженных, эксплуатируемых и нуждающихся в ее защите.

За годы революции мы наблюдаем большой рост пролетарских и полупролетарских элементов из национальностей в рядах партии. До революции 1917 г. среди громадного большинства восточных народов совершенно не было членов партии большевиков. Эти народы мало были втянуты в революционное движение, а национально-революционное движение (где даже оно и было) возглавлялось мелко-буржуазными партиями, с.-р., трудовиками, а иногда даже кадетами.

Под руководством гг. Ленина и Сталина коммунистическая партия сумела найти правильный подход к бывшим угнетенным национальностям, представив им самим решить судьбу своей национальности, на основании нашей национальной программы и конституции СССР. Мы видим, как народы по постановлению своих полномочных съездов со-

По ряду округов введены национ. инструктора наробразов, развертывающие нацшколы, ликпункты, избы-читальни и т. д.

В 1925/26 г. было школ I ст. 489, семилеток 4, девятилеток 1, школ крестьянской молодежи 2, школ туземцев интернатского типа 10, педтехникумов 1, партшкол 4, детдомов 2, ликпунктов 239, изб-читален 96.

Изданы 3 мордовских, 1 татарская, 1 латышская, 1 эстонская, 1 немецкая и 1 латгальская газеты. В Ойратской автономной области издается газета на ойратском языке.

По Вятской губ., где нацмены составляют 6,52%, имеются для нацмен 55 школ I ступени, 1 школа крест. молодежи, 2 школы-семилетки, 8 школ II ступени, 8 изб-читален, 41 ликпункт.

В перевыборах советов участвовали: русских 62,4%, мари 64,8%, мордвы 66,2%, нацмены составляют 10% членов сельсоветов, имеется 54 нацмен предсельсоветов, 21 член вигов, 11 членов уиков и 7 членов пика.

Выделено 17 нацсельсоветов.

Рост просвещения национальностей.

Самое тяжелое наследие, которое досталось пролетарскому государству от старого режима, заключается в культурной отсталости многомиллионных масс населения Союза. Национальности СССР, в особенности восточные, к моменту революции имели громадное количество азбучно неграмотных, доходившее у многих до 99,5%, то-есть почти что поголовную неграмотность.

Октябрьская революция, положившая конец царству капиталистов, призвала к власти трудящиеся массы всех народов. Одним из главных моментов Октября было освобождение всех национальностей и их приобщение к культуре и просвещению.

Итоги культурных достижений национальностей Союза за 10 лет свидетельствуют, несомненно, о значительном культурном росте этих национальностей.

Остановимся на школьном строительстве. До революции многие национальности не имели совершенно школьных зданий, все пришлось создавать заново. С 1924 г. начинается значительное школьное строительство, и с тех пор дело все расширяется.

В Азербайджане количество тюркских детей в школах за эти годы выросло с 39 тысяч до 111 тысяч. Количество школ в Башкирии выросло от 420 до 700. В Чувашии от 500 до 670. В Татарии местами охвачены школьной сетью 92% детей школьного возраста.

В Чувашии за время революции создано больше тридцати школ профтехнического образования. В Узбекистане, где совершенно не было

фабрично-заводского ученичества, мы имеем теперь около 400 узбеков, готовящихся в квалифицированные рабочие, в Азербайджане—580, в Татарии—256. Рост националов в школах фабрично-заводского ученичества заметно идет вперед из года в год. Даже в Казахстане из кочевников готовятся в школах будущие рабочие.

Национальности составляют сейчас большой процент и в школах II ступени. На Украине их больше половины всех учащихся; в Татарии—около 7.000 учеников татар; в Азербайджане около 2.000 тюрков обучаются в техникумах; в Казахстане — 2.372 казака. Такое же положение и в других республиках.

Много националов обучаются в вузах; одни узбеки за время революции послали около 400 студентов на учебу; другие народы от них не отстают. Идет подготовка новых специалистов из националов. Растут кадры национального учительства, появляется уже национальный медицинский и агрономический персонал.

Но всё это только хорошее начало культурного роста народов. Внереди еще предстоит громадная работа.

В области партпросвещения мы имеем обширную сеть нацсовпартшкол и тысячи школ политграмоты, где обучаются десятки тысяч товарищей, среди которых большой процент и беспартийных активистов, главным образом, из местных крестьян. Национальные комвузы в Москве, как КУТВ и КУНМЗ, готовят работников со значительной квалификацией. Сильно развиваются и нацкомвузы на местах, как Средне-Азиатский в Ташкенте, Закавказский в Тифлисе, Северо-Кавказский в Тифлисе, татарский в Казани и т. д.

У нас на глазах создается новая социалистическая культура на национальных языках, на которой воспитываются широкие массы в духе ленинизма, готовясь к борьбе со всеми пережитками старого мира, как в области бытового, так и в области узко-националистических пережитков. В настоящее время в пределах СССР издаются журналы, газеты и книги почти на 50 языках. На большинстве из этих языков до революции не было никакой печатной светской литературы. 16 народов получили свою письменность только от советской власти, а раньше они считались бесписьменными.

Выходящие 206 газет на нацязыках имеют тираж около 900 тысяч. За время революции приходилось создавать нового национального автора, публициста, и в особенности читателя, так как массы национальностей не имели никакой привычки к чтению периодической литературы и газет, а теперь вдобавок к газетам еще читают до 130 журналов на нацязыках. Национальные издательства печатают десятки тысяч листов новой литературы, и все это находит себе спрос у выросшего национального читателя.

Посмотрим хотя бы бегло, что делается в национальных республиках в области национально-культурного строительства за годы революции, по данным, появившимся в печати за последнее время. Само собою ясно, что они отрывочны и далеко не одинаковы для разных республик и, к сожалению, далеко не полны, но все-таки и эти сведения говорят очень много. Стоит остановиться на них, ибо они служат хорошим показателем, как мы проводим национальную политику в согласии с заветами Ильича по данному вопросу. Начнем с западных районов, а затем перейдем — к остальным.

Укр. ССР.

Национальное строительство. Нац. политику осуществляет ЦК нацмен при ВУЦИК с органами при губ. и окрисполкомах. Имеется 7 немецких, 3 болгарских, 1 польский и 1 еврейский нацрайоны. Будут образованы еще греческие и 9 русских нацрайонов. Имеется около 1.000 нац. местечковых, поселковых и сельсоветов; из них 341 русских, 237 немецких, 138 польских, 115 еврейских и т. п.

Открыты курсы секретарей сельсоветов для еврейских, польских, болгарских и немецких советов. Создано 58 национальных судебных камер; 36 еврейских, 12 немецких, 6 польских, 4 болгарских. В ряде городов милицейские участки проводят свою работу также на еврейском языке. Еврейское население вовлекается в производительный труд. В 1913 г. было 43.653 евреев-земледельцев; в 1927—107.550; в 1925/26 г. было 1.699 нацменовских школ (в 1924/25 году — 1.208). В 1926/27 году было педтехникумов: 4 еврейских, 1 польский, 2 немецких и 1 болгарский; сел.-хоз. школ: 2 еврейских, 2 польских, 5 немецких, 1 болгарская; 15 еврейск. техн. профшкол, 6 еврейских школ ФЗУ, 1 немецкая медицинская школа, одна драмстудия и т. д.; 3 еврейских совпартшколы, 1 немецкая, 2 польских, 1 болгарская, 1 татарская. Имеется 85 нацклубов. В 1925/26 г. было 1.699 нацменовских школ (в 1924—25 г.—1.208), 441 изба-читальня, 213 библиотек, 930 ликпунктов; в 1927 г. выходят 5 еврейских газет, 2 немецких, 1 польская, одна болгарская, около которых группируются значительные кадры корреспондентов; журналов — 3 еврейских, 3 немецких, 2 польских.

Белорусская Советская Соц. Республика.

Культурное строительство. Белоруссия за 4 года построила 4.000 школ. В 1914 г. школы охватывали 43,9% детей; в 1926 г.— 66,2%; 93,5% начальных школ — с белорусским языком преподавания.

В 1926/27 уч. году открыты 8 новых польских с.-х. школ, 2 новых рабфака для индустриальных рабочих и 1 для сельхозрабочих. Открыт крестьянский воскресный университет, рассчитанный на 50 слушателей и двухгодичный курс.

Татарская Автономная ССР.

Татарская республика образована в 1920 г.

Культурное строительство. На 1/X 1926 г. было 2.014 шк. I ступени, из них 1.017 тат., 711 русских и 286 нацмен. В татарских школах было 72.676 учащихся, в русских — 53.578, в нацменовских — 14.835. Охвачено школами 37,5% всех детей.

За 1925/26 г. организовано вновь 11 школ крестьянской молодежи, из них 6 татарских с 378 учащимися, 2 русских, 1 нацменовская, 2 смешанных.

В сельских местностях имеется 23 семилетки, из них 10 татарских с 2.237 учащимися.

Имеются 4 школы II ступени, из них 2 татарских.

В 1925/26 г. в техникумах и профшколах обучалось 2.856 татар (39,9% — прирост на 5% по сравнению с предыдущим годом), 3.731 русских (52,1%). В 1926/27 г. в техникумах по Казани татары составляли 57,4% вновь принятых.

В вузах за этот же год число татар увеличилось на 2,5%.

В том же году действовало: 318 изб.-читален (из них 164 татарских, 48 нерусских нацмен, выпущено 155 книг на татарском языке, в деревню направлено 850.000 экземпляров книг и 40 названий газет и журналов. Было 438 селькоров.

Для сопоставления приведем данные за 1916 г.

	Школ министер.	Земск.	Церк.-прих.
Русских	383	531	188
Татарских	19	16	—

Курсы по введению татарского языка выпустили в 1925/26 г. около 1.000 работников разной специальности.

В 1927 г. в Казани открыт Дом Татарской Культуры. Идет популяризации идеи нового тюркского алфавита. В 1926 г. было 5.000 чел., знавших латинский алфавит.

Здравоохранение. В 1925/26 г. было 66 больниц в кантонах и 16 в Казани, через амбулатории прошло 25 млн. больных, были созданы врачебные отряды для борьбы с венерическими болезнями.

В 1925/26 г. было 120 сельских яслей (24.000 детей, в 1926/27 г. открыто еще 76 сельск. яслей на 1.450 детей.

АССР Немцев Поволжья.

В 1917 г. было всего школ 165; в 1925 г.—311 школ I ступени, 1 совпартшкола, 13 семилеток (из коих 9 немшкол), 3 школы II ступени (1 нем.); 2 школы крестьянской молодежи (немецкие). 60% учащихся в школах первой ступени — немцы.

В Маркштадте имеется немецкий педтехникум, механический техникум, в других городах имеются: сельско-хозяйственный техникум, текстильн., профтехнические школы и т. п.

В области насчитывается 67 изб-читален. В половине изб-читален имеются стенгазеты. В 1925 г. было 248 ликпунктов, 13 групп неграмотных и 27 школ малограмотных.

Крымская АССР.

Культурное строительство. В Крыму имеется татарский педагогический техникум, фельдшерско-акушерский техникум и др. специальные техникумы. Имеются 343 татарские школы, 289 русских; количество татарских изб-читален 48—45% всех изб. Кооперировано 47,2% крестьянских дворов. За последний год Крымиздат выпустил 71 название на татарском языке.

Грузинская ССР.

За 4 года советизации Грузии число учащихся возросло от 150.000 до 265.000. До войны во всех школах Закавказья насчитывалось 222.750 учащихся; в 1927 г. в Азербайджане и Грузии (без Армении) было 467.263 учащихся.

Развиваются авт. республики: в Абхазии введен новый алфавит. В Сухумском уезде на средства крестьян строятся 14 школ. В Аджаристане до советизации было 13 сельских школ, теперь 112. Учится 1.175 девочек. Основаны сельско-хозяйственные школы. В Батуме имеются Аджарский педагогический институт, рабфак, индустриальный техникум, 2 детдома и т. д. В селах 5 больниц, 20 врачебных пунктов. Ведутся работы по ирригации засушливых областей.

Азербайджанская ССР.

Культурное строительство характеризуется ростом числа учащихся за 4 года: с 52.000 до 170.000. В автономной области Нагорного Карабаха за 4 года открыто 140 школ I ступени, сельско-хозяйственный

техникум, 7 клубов, 26 красных уголков и т. д. Увеличено количество больниц и медпунктов.

4 мая 1927 г. в Гандже заложен дом культуры.

Усиленно проводится латинский алфавит. В 1927 г. лиц, знающих латалфавит насчитывалось 120.000 чел. Школы 1 ступени переведены с первого года на латалфавит.

Развивается деятельность Азгосиздата, приступившего теперь к изданию сочинений Ленина на тюркском языке.

Узбекская ССР.

За 4 года число школ увеличилось в 4 раза. Ташкентский госуниверситет выпускает специалистов агрономов, инженеров, экономистов, врачей; в большинстве владеющих местными языками. В 1927 г. был первый выпуск узбекской совпартшколы в Самарканде. В Ташкенте открыт кооперативный техникум, насчитывающий 150 слушателей — узбеков, туркменов, таджиков, казаков. К 10-летию Октября открыты еще курсы для переквалификации рабочей силы, рабфак, подготовительные курсы для рабфака — все для обслуживания коренного населения. Отпущено в этом году 71 тыс. рубл. на профтехническую школу ткачества.

В то же время увеличивается и расширяется школьная сеть для национальных меньшинств: так, в этом году открыто еще два педагогических техникума для таджиков. НЮПрос приступил к организации дошкольных учреждений для национальных меньшинств.

Туркменская ССР.

За три года своего существования ТССР имеет большие достижения в культурном строительстве. Так, в 1923/24 г. училось в школах 12 тысяч детей, а в 1925/26 г. — 23 тысячи, в 1927 г. — 27 тысяч. До революции по всему Туркменистану было менее 5.000. Количество школ утроилось. Истрачено за последний год 25.000 тыс. руб. на постройку и ремонт школ.

В последнее время правительство решило ввести новый латинизированный алфавит, который откроет путь культуре в широкие массы.

Предполагается установить радиоприемники и громкоговорители в 180 аулах.

В 1923/24 г. было 7 больниц, сейчат их 14.

Казакская ССР.

В области культурного строительства имеются несомненные успехи. Культурное строительство применяется к условиям жизни кочевников.

Так, имеется около 20 передвижных юрт-читален. До революции было 560 аульных школ, теперь 1.600 школ с преподаванием на киргизском языке.

Киргизская ССР.

Культурное строительство.

До войны было в области 70 школ — 16 врачей
Теперь. 480 » — 100 »

Культурное строительство Башкирии.

В 1914/15 г. было 62% русских школ и лишь 9,3% башкирских. Теперь соотношение коренным образом изменилось. В 1926 г. было 572 башкирских школы I ст., 582 — татарских, 788 — русских и 204 школы других национальностей. За год количество татарских школ увеличилось на 29%.

Количество школ удвоилось по сравнению с довоенным временем. В 1914 г. — 1 с.-х. техникум, в 1926 г. — 3. До войны не было ни одной школы ФЗУ — теперь 7.

Малые народности Севера.

Для устройства малых народностей Севера образован в 1923 г. Комитет помощи малым народам Севера, проделавший большую работу по изучению экономики, правовых условий, быта и культуры северных народностей. Пленум комитета принял ряд решений относительно развития школьного дела, открытия библиотек, пунктов по ликвидации неграмотности, подготовки культработников из среды туземцев; в этих целях решено открыть туземные отделения в техникумах и институтах Урала и Сибири.

В целях подготовки работников существует рабфак северных народов при Ленинградском Институте Живых Восточных Языков. 24 человека, кончивших в этом году факультет, выехали на места для организации пунктов ликвидации неграмотности среди алеутов, гиляков, тунгусов, якутов на Сахалине и чукчей на Камчатке. Среди студентов имеются представители следующих национальностей: тунгусы, орочены, самоеды, остяки, гольды, камчадалы, енисейцы, гиляки, лопари, алеуты, вогулы, чукчи и др.

Открыты трехмесячные курсы для работников просвещения для северных народов. Для детей самоедов и лопарей открыты школы в Пе-

чорском крае и Новой Земле. В Б. Земельской тундре функционируют 2 школы, открываются 3 школы. В Хосэда-Харде строится культурная база.

НКЗдрав в бюджете 1926—27 г. предусматривает организацию 20 врачебных пунктов, 120 коек, 2 передвижных детконсультаций и т. п.

В 1927 г. была совершена медицинская экспедиция в Якутскую тундру для борьбы с местными болезнями. В тундре работают 2 отряда РОКК, 1 отряд НКЗдрава, ветотряд, строится больница.

Октябрь и письменность народов Востока.

В жизни каждого народа письменность играет очень видную роль. На ряду с общим развитием культуры развивается и письменность, приспособляясь все больше и больше к нуждам и требованиям момента. Мы это видели и на опыте русской орфографии: она была трудна для широких масс, и революция внесла поэтому ряд изменений в орфографию, значительно облегчивших ее усвоение.

Более отсталые народы Востока получили свою письменность от древних арабов вместе с исламом, и эта письменность застывшего корана оказывается доступной только служителям аллаха, располагающим свободным временем в достаточном количестве, и им подобным, материально вполне обеспеченным. Грамотных среди большинства народов Востока всего по несколько человек на сотню, а остальные пребывали в темноте и невежестве.

Более полвека назад передовые люди Востока, как Ахундов и другие поняли, что арабский шрифт является тормозом в культурном развитии народов Востока, и предложили перейти к латинскому шрифту. Сильные люди того времени, от которых зависело проведение в жизнь этой реформы, не хотели пойти на нее. Личные хлопоты Ахундова перед русскими властями, турецким султаном и персидским шахом кончились ничем.

Октябрьская революция, призвавшая к власти самих трудящихся, ставящая себе одной из главных задач поднятие культурного уровня отсталых народов, дала возможность народам Востока исправить свой старый арабский алфавит, а потом и совершенно отказаться от него и перейти на латинский алфавит.

При таком положении вещей, когда у громадного большинства народов Востока имеется очень незначительное старое литературное наследие (большей частью религиозного содержания) и небольшое число грамотных по арабскому алфавиту, от перемены алфавита выигрывает подавляющее большинство населения, которое легче и во много раз быстрее научится грамоте на родном языке. Если части грамотных при-

дется изучить еще одну азбуку — беда невелика, так как они немногочисленны, и для них это тоже полезно, ибо они получают ключ и к западно-европейским языкам.

К десятой годовщине Октябрьской революции мы можем подытожить значительные успехи в деле перехода к латинскому шрифту в республиках. Во главе идет передовой Азербайджан, имеющий солидную пролетарскую базу в Баку. Там выходит ежедневная газета на латинском алфавите, имеющая до 6.000 подписчиков и большие кадры рабочих, селькоров. В госучреждениях употребляется уже латинский шрифт, а также в школах, начиная с первого года обучения.

Средне-азиатские республики, как Узбекистан, Туркменистан и др., уже издали декреты своей центральной власти о переходе к новому алфавиту. Идет заметная работа по новому алфавиту в Башкирии, Киргизии и др.

Организованный в этом году Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита проводит большую подготовительную работу, изготовляя для типографий республик латинский шрифт по унифицированному алфавиту, издает учебники и т. д.

Народы Северного Кавказа имеют уже периодическую прессу, учебники и школы, работающие на латинском алфавите. Даже в Турции вопрос о переходе к латинскому алфавиту стоит уже в порядке дня.

Октябрьская революция, обновляющая жизнь народов, дает им и новую письменность, которая поможет им быстрее двигаться по пути строительства социализма.

Вот некоторый итог по проведению нацполитики в СССР в области культурного строительства, начиная с более передовых народов западных частей СССР до самых забытых, живущих в приполярных районах, в стране северного сияния и круглой зимней ночи. Все двигают свою культуру вперед и улучшают свое материальное положение.

Национально-научная работа.

В области национально-научной работы мы имеем признанные всеми солидные достижения. До Октябрьской революции, мы почти не имели солидных трудов по изучению Востока, с точки зрения марксизма. Созданная трудами покойного товарища М. П. Павловича «Ассоциация востоковедения» заполнила этот пробел. Организованные при ней отделы: политэкономический, историко-этнологический и секции развивают большую работу, в области изучения экономики, социальных отношений, политики, истории, археологии, этнографии, искусства, литературы и лингвистики как советского Востока, так и зарубежного. Проводились научные экспедиции ВНАВ в разные национальные рай-

оны, которые дали реальные результаты в смысле опубликования научных трудов и содействия в научной работе национальным научным органам.

Организован Государственный центральный музей народоведения, который имеет богатые отделы Средней Азии, Кавказа, Сибири, и многие другие, которые служат хорошим показателем под'ема культурного уровня народов СССР, поскольку это отражается в их быте. Недавно возникший музей восточных культур знакомит с культурой и искусством как зарубежного, так и советского Востока. Институт Востоковедения и Институт Этнических Культур Народов Востока готовят целую плеяду новых работников востоковедов. Эту же работу выполняет и Институт Живых Восточных Языков в Ленинграде, обращая особое внимание на подготовку переводчиков.

В трудах Академии Наук восточные вопросы заняли довольно почетное место, и ее экспедициями были обследованы многие народы Востока и Севера. Опубликован целый ряд трудов академиков по изучению национальностей и народностей Союза.

При Комкадемии организовалась недавно комиссия по изучению национального вопроса, которая организовала уже ряд интересных докладов и приступила к подготовке к печати необходимых материалов для изучения нац. вопроса.

Вопрос об изучении национальностей поставлен революцией довольно серьезно, и он будет успешно разрешаться.

Индустриализация нацрайонов к 10-й годовщине Октября.

Одна из худших форм угнетения и неравенства народов заключалась в задержке экономического развития национальных окраин. Там, как правило, не строили каких-либо крупных промышленных предприятий, так как не хотели давать национальным районам экономически окрепнуть. Старались держать их в экономической и культурной отсталости, чтобы облегчить верховное бюрократическое управление ими. Само-собой ясно, что царизм не мог допустить образования значительного кадра пролетариата из туземного населения, а русские капиталисты не хотели также иметь влиятельных конкурентов в лице туземных крупных предпринимателей.

Октябрьская революция провозгласила лозунг равенства народов не только на словах, но и на деле. Как только это стало возможным провести в жизнь, советская власть приступила к хозяйственному строительству в этих нацрайонах.

В восстановительный период хозяйственного строительства в нацреспубликах главное внимание было обращено на те отрасли хозяйства, которые обрабатывают местное сырье, приближая, таким образом, мест-

ную промышленность к туземному населению, вовлекая в нее местных рабочих, создавая новые национальные пролетарские кадры.

Каковы же итоги?

Из тех неполных сведений, которыми мы обладаем, ясно виден хозяйственный рост восточных национальных республик. Азербайджанская республика, пережившая длительную полосу гражданской войны и только с 1920 г. окончательно ставшая советской, все-таки успела на хозяйственном фронте довольно много. Мы не будем касаться подробно нефтяной промышленности, как общесоюзной, отметим, что турки все больше проникают в эту промышленность, в которой создаются довольно обширные пролетарские кадры. Уже в 1926 г. число рабочих тюрков увеличилось до 35.800. К общему % членов профсоюзов турки составляют 39,6%. Город Ганджа становится большим промышленным тюркским центром Азербайджана. Там пущен в ход хлопкоочистительный завод, пропускающий 120 тыс. пудов сырца в сезон. Хорошо работает суконная фабрика, оборудование которой было переброшено из центральной России. Из 400 рабочих турки составляют там около 70% (большинство — тюрчанки). Заканчивается строительство ситценабивной фабрики в 66 тысяч веретен с электростанцией при ней. Открытие предполагается к 10-летию Октября. Строится шелкомотальный завод, который удвоит продукцию из местного сырья. Идет на полном ходу строительство 4-х консервных и фруктообрабатывающих заводов. Заканчивается постройка мощного холодильника. Уже начал работать новый маслодельный завод, и заканчивается его отделение по изготовлению мыла. Идет большое строительство в Баку — иодного завода, кирпичных, кожевенных, лесопильных и др. В 1927/28 г. предполагается вложить в промышленность Азербайджана на капитальное строительство 11 млн. руб. Предполагается построить мощную Зурабовскую электростанцию и Степанокерскую в Нагорном Карабахе.

В Азербайджане мы имеем яркую картину строительства местной промышленности на Востоке. К этому надо еще добавить ирригацию (орошение) в районе Муганской степи, где будут орошены новых 30 тысяч десятин.

В Грузии, где соввластью только с 1921 г. ведутся большие работы по орошению засушливых областей, прорыт ряд каналов, ведутся работы по ирригации Сенгарской долины в 40 тысяч десятин. Посевная площадь достигла довоенных размеров. Плодоводство — 146% довоенного. Сбор чая составляет 250% довоенного. Сбор табаку превысил довоенный ровень. В Аджаристане заканчивается постройка чайного завода, который будет перерабатывать миллион фунтов чайного листа в год. Там же строятся консервная фабрика, три маслодельных завода. 1 известковый и 2 кирпичных. В Боржоме строится завод по сухой переработке дерева и добычанию креозота. Пущены в ход три новых шелко-

мотальных фабрики и одна — шелкокрутильная. В Кутаисе построена, а в Тифлисе строится сукошная фабрика, а также цементный завод. По пятилетнему плану Грузии там предполагается построить 75 новых предприятий стоимостью в 14 млн. руб. и переоборудовать 34 существующих. Усиленно идет работа по электрификации Грузии. Построена мощная Земоавчалская электростанция. Приступлено к сооружению Рионской электростанции в 60.000 лошадиных сил. Строится Абапская электростанция. В Абхазии строится электростанция в 30.000 лошадиных сил. В Аджаристане уже закончена новая электростанция.

В Узбекистане в центре внимания стояло восстановление хлопководства. В 1927 г. посеяно хлопка на 30% больше прошлого года и даже выше плана. Повышено качество хлопка, и удвоилось количество тракторов. Земельная реформа совершила целую революцию в жизни дехканских масс. Бедняцкие хозяйства получили, кроме земли, также 300 тыс. голов скота и на 364 тыс. руб. мертвого инвентаря. Это усилило кооперирование деревни, охватившее до 60% дехканских хозяйств. Наряду с достижениями в посеве технических растений, развивается строительство местной промышленности. В Фергане строится первая в Узбекистане ткацкая фабрика в 40 тысяч веретен и 1.200 станков. Строится большой кожевенный завод на 20 тысяч кож в год. Заключается постройка трех холодильников. В Ташкенте к 10-летию Октября открывается механический завод. Строится мощный консервный завод, а также кундутный завод, и там же будет построена самая крупная в СССР красильная фабрика, которая использует местные красильные вещества. В Ферганском округе организована добыча местной руды разных металлов на 3½ млн. руб. За время революции построен завод по оборудованию хлопкоочистительных заводов. Строятся три новых завода в Таджикистане по переработке местного сырья. В Ташкенте выстроена мощная гидроэлектростанция. В Фергане заканчивается постройка новой электростанции. Самаркандский округ приступает к сооружению 6-ти электростанций. Мы видим, как Узбекистан довольно быстро индустриализуется, а вместе с этим создается там и кадр местных рабочих: в прошлом году там было уже 16.800 рабочих узбеков или 43,5% к общему числу организованных рабочих УзССР.

В Туркменистане так же, как в Узбекистане, хлопок составляет важнейшую часть хозяйства. В 1927 г. посев хлопка перевалил довоенную норму. На 10% этому способствовала работа по ирригации. В 1927 г. был открыт Керкинский канал, орошающий 16 тыс. гектаров хлопковых полей, и еще два канала, орошающие 4.000 десятин. За 2 года на орошение затрачено семь млн. рублей. Земельная реформа привела к организации почти 70 колхозов, а сел.хоз. кооперация охватывает около 25% хозяйств. Наделаны землей и водой вернувшиеся туркмены-беженцы из Афганистана в количестве около 600 клубок.

Кызыл-Арватские жел.-дорожные мастерские удвоили свою производительность, а на работу туда поступило уже немало туркмен. Идет подготовка для организации на месте текстильной промышленности. Многие из молодых туркмен направлены на Реутовскую текстильную фабрику под Москвой, чтобы там научиться ткацкому делу. Подготавливается в Туркменистане постройка стекольного завода стоимостью в 118 тысяч рублей. В 1925 г. на промышленность там тратилось 2.300 тысяч, в 1927 г. — 7.895 тысяч, а в 1928 г. предполагается потратить еще 6.840 тыс. рублей. Для республики с населением около миллиона жителей это уже большие достижения по пути к индустриализации.

В Дагестане мы имеем за время революции целый ряд новых промышленных предприятий, давших возможность привлечь горское население на фабрики и заводы. Хорошо работает новый стекольный завод «Дагогни», где уже успели выработать из горцев Кавказа квалифицированных рабочих. Начата постройка шерсте-прядельной фабрики. Закончена постройка трех нефтяных вышек. Скоро будет готова овощно-консервный и бутылочный заводы. Строится гидроэлектростанция на 6 тысяч лошадиных сил. Прорыт известный Октябрьский канал, орошающий много земли.

В Казакстане, где имеется еще громадное количество кочующего населения, проводится большая работа по содействию их оседанию на землю. Кочевники, становящиеся оседлыми, получают возможность пользоваться сел.-хов. машинами. Так, за один 1925/26 год в Казакстане было реализовано 240 тракторов. В с.-х. кооперации казакские хозяйства составляют 45%. В Семипалатинске идет строительство суконной фабрики и кожевенного завода; в пустыне Кара-Кули — серного завода. Строится лесопильный завод и шелкомотальная фабрика. Продолжается постройка грандиозного водохранилища в пять млн. куб. сажень. На саксаульных разработках заняты, главным образом, казаки. На промыслах Эмба-Нефть и соляных работает много казаков. Всего рабочих-казаков в 1926 г. насчитывалось 6.799, и в профсоюзах они составляли 21,6% общего числа организованных там рабочих. В капитальное строительство за прошлый год было вложено 493 тыс., а в нынешнем — 1.476 тыс. В 1927/28 л. капитальные затраты предполагаются в 2.802 тыс. Это даст большой толчок индустриализации Казакстана.

В Киргизской республике в 1926 г. открылась первая текстильная фабрика. В скором времени там будет закончена постройка сахарного завода в г. Фрунзе и заводов цементного и лесопильного для разработки карандашного дерева. В 1925/26 г. вложено в капитальное строительство 105 тысяч, а в 1926/27 г. — 1.043 тыс., а в следующем году предполагается вложить 1.245 тыс. Строящаяся Туркестанско-Сибирская железная дорога внесет много нового в экономику Средней Азии, содействуя разработке естественных богатств, имеющих там в изоби-

лии. Так, например, там обнаружены недавно 3½ миллиарда тонн калия, залежи серы, угля и разных металлов. Киргизская республика очень много выиграет от новой дороги, проходящей в значительной степени по ее территории. Увеличатся также кадры местного пролетариата, привлекаемого к железнодорожному строительству.

На Северном Кавказе заканчивается постройка маслобойного завода в Кабардино-Балкарской области, лесопильные заводы в Ингушетии и Сев. Осетии. В Чечне уже построены: лесопильный, винокуренный и механический и четыре кирпичных завода. Идет также работа по электрификации национальных областей Сев. Кавказа. Прорытие Волго-Донского канала внесет большое оживление в экономическую жизнь народов этих районов. В Калмыцкой области открыта электростанция.

В Армении заканчиваются в этом году работы по орошению 13.000 десятин и осушке 3.000 десятин. Идет сооружение канала для орошения 24.000 десятин. Производится разработка местной медной руды, сооружается брикетная фабрика и стекольный завод, а также механический завод. Заканчивается постройка лесопильного завода, а в марте месяце этого года уже пущен новый карбидовый завод. Строится большая электростанция. Для маленькой Армении это все является уже широким размахом индустриализации.

Республики и области Поволжья мало чем отличаются в отношении промышленности от соседних с ним русских районов. Продукция Башкирской промышленности составляет 96,7% довоенной; строится завод дубильных экстрактов. Растет промышленность местного значения, и количество рабочих в ней с 3.169 в 1925 г. дошло до 6.876 в нынешнем. В Татарстане, где очаги промышленности были уже давно, идут работы по постройке крупного гудронного (перегонка смолы) завода, число рабочих госпромышленности за 1926 г. выросло на 15%, продукция же увеличилась с 18 млн. руб. до 30 млн. руб. Имелось в 1926 г. 4.425 рабочих татар, в профсоюзах они там составляют 20,2%.

В Крыму в этом году начинает работать Керченский металлургический завод. В Симферополе заканчивается постройка кожевенного завода, в Севастополе открылись два завода дельфиньего жира и приступлено к постройке портового холодильника.

В Чувашии построена деревообделочная фабрика, и готовится завод по дубильному экстракту. Даже в далекой Якутии строятся два завода: консервный и лесопильный.

Мы не останавливались подробно на наших западных национальных республиках, так как они мало чем отличаются от остальных частей Союза. В Белоруссии на капитальное вложение в промышленность по-

шло в 1923—24 г.—1.314,9 тысяч рублей, в 1924—25 г.—2.072,4 тыс. руб., а в 1925—26 г.—4.288,9 тыс. рублей. По пятилетнему плану предполагается вложить в капитальное строительство 130 млн. Что касается Украины, то ее левобережная сторона не уступает другим промышленным районам СССР, а правобережная — центральному, сельскохозяйственному району Достаточно указать что капитальные затраты на Украине в 1925—26 г. было 194.612 тысяч рублей, в 1926—27 г.—253.389 тыс. руб., на 1927—28 г. предполагается 270.579 тыс. руб., а по пятилетке—321.860 тыс. рублей. Значение Днепростроя для Украины достаточно известно.

Следующие таблицы показывают рост валовой продукции промышленности и капитальных вложений в нее в национальных республиках и областях (по данным Госплана СССР).

Валовая продукция промышленности национальных республик и областей (по союзной и прочей в тыс. руб., по данным Госплана).

	1925/26 г.	1926/27 г.	Намечено на 1927/28 г.
БССР	84.150	96.799	102.995
ЗСФСР	289.271	350.823	400.505
УзбССР	166.886	16.495	199.926
ТуркССР	19.667	25.404	0,935
По 22 авт. респ. и обл.			
РСФСР	—	146.608	173.087,1

Капитальные вложения в промышленность нацреспублик и областей (по союзной и прочей промышленности в тысячах руб., по данным Госплана).

	1925/26 г.	В том чис. на новые заводы	1926/27 г.	В том чис. на новые заводы	1927/28 г.	В том чис. на новые заводы
УССР	194.612,8	14.258	253.379,1	42.307	270.579	50.394
БССР	5.201	—	8.634	—	13.222	—
УзбССР	13.465,8	8.399	12.164,8	5.584,5	16.165	8.615
ТуркССР	2.052,2	330	4.266	3.189	6.840	4.884
ЗСФСР	89.658	5.619	108.470	10.497	104.829	25.847
По 22 авт. респ. и обл. РСФСР . .	10.040,9	—	17.610,3	—	20.336	—

Из обзора достижений национальностей за десять лет пролетарской революции как в политическом, так и в советском, хозяйственном

и культурном отношении ясно видно, какая гигантская работа проделана в сравнительно небольшой срок, да притом еще при всех тех трудностях, которые мы имеем на нашем пути от всего нашего враждебного капиталистического окружения.

Совершенно вздорными являются обвинения троцкистской оппозиции против партии, будто она не уделяет достаточного внимания нуждам национальностей и не дает правильного руководства. Приведенные факты из жизни национальностей являются наилучшим опровержением всех злобных измышлений оппозиции, спекулирующих на невыдержанных элементах, плохо разбирающихся в нашей нацполитике. Факты кричат против оппозиции, вот почему они оказались и среди националов беспочвенными. Партия и дальше пойдет по своему испытанному ленинскому пути и доведет национальности СССР кратчайшим путем к полной победе социализма.

Советское строительство в Средней Азии и его задачи к 10-летию Октябрьской революции.

Средняя Азия представляет яркое доказательство того, как отсталые народности бывшей царской империи, находившиеся на положении эксплуатируемых колоний, становятся, на основе провозглашенного Октябрьской революцией принципа национального самоопределения, равноправными членами великой семьи народов, членами Союза Советских Социалистических Республик; как эти отсталые народы, ставши членами этой семьи, дружными усилиями всех трудящихся поднимают свое хозяйство, свою культуру, шагают в ногу по пути социалистического строительства вместе с народами, более культурными, более промышленными.

Скоро минет 10 лет с момента образования первого Совета в бывшем Туркестанском генерал-губернаторстве; несколько менее прошло времени с момента образования советов в Бухаре и Хорезме, и ко дню 10-летия великого «Октября» крайне важно проследить процесс оформления советского Туркестана, укрепления и поднятия его хозяйства и культуры.

Для учета всех трудностей и преград, которые лежали на этом пути, необходимо несколько остановиться на том, что представляла собою Средняя Азия ко времени Октябрьской революции.

Советская власть застала чрезвычайно запутанную обстановку во взаимоотношениях народностей Средней Азии, образовавшуюся в результате векового деспотизма. Четыре основные народности Средней Азии — таджики, узбеки, туркмены и киргизы, отложившиеся в Средней Азии в результате целого ряда народных переселений и завоеваний, не переставали враждовать между собою. Туркмены теснили Хорезмское ханство; в Бухаре туркмены вытесняли узбеков с берегов Аму-Дарьи, киргизы оседали в Сыр-Дарьинской области, вытесняя узбеков. В дальнейшем возникает вражда между туркменами и узбеками в Хиве и Бухаре из-за земельно-водного неравенства и торговой эксплуатации кочевников-туркмен торговцами-узбеками; у туркмен с киргизами из-за пастбищ в Закаспийской области и, наконец, узбекско-киргизская вражда также из-за торговой эксплуатации киргиз узбеками.

С приходом русских, с образованием вассальных ханств Хивы и Бухары, вражда между отдельными народами Средней Азии и вну-

тренные противоречия в среде каждой национальности стали чувствоваться еще острее. Чем резче проявляются национальные противоречия, тем легче было царизму справляться с делом колониального управления. *Divide et impera* гласил давний лозунг колониальной царской политики. Приход русских особенно тяжело отразился на положении туркмен, разделенных особой англо-русской комиссией на пять частей и прикрепленных к пяти различным государствам. Тот же принцип *divide et impera*, который проводился царизмом в Туркестане, проводился хивинским и бухарским правительствами по отношению к народам, населяющим Хиву и Бухару. И бухарский эмир и хивинский хан, видя растущую угрозу своему владычеству со стороны туркмен, становившихся все более и более видной силой в борьбе за укрепление своего хозяйства, при невозможности справиться с ними открытой силой, ищут иных путей покорения туркмен. Бухарский эмир создает среди туркмен родовую аристократию, возводя туркменских вождей в дворянство, усиливает влияние духовенства, постепенно захватывающее в свои руки население. Хивинский хан натравливает один туркменский род на другой, снабжает их оружием для борьбы друг с другом, добиваясь тем дезорганизации среди туркмен.

Культурная отсталость туркменского населения, отразившаяся на примитивном способе орошения земли, не давала туркменам расширять свою посевную площадь и толкала их к грабегам узбекского населения. «Бог даст узбекам, а узбеки — нам», — говорит туркменская поговорка, метко выражающая взаимоотношения туркмен и узбеков.

Ханы старались управлять туркменами по водным каналам и путям. Инструкции ханов предписывали местным властям давать воду туркменам ни мало, ни много, говоря: «сытый туркмен тебя завоюет, голодный ограбит, и только полуголодный будет тебе не опасен».

Безусловно, в такой обстановке ни один народ Средней Азии не имел возможности совершенствоваться и развивать свое хозяйство. Вся система государственного управления, искусственно прикреплявшая отдельные народности друг к другу, была построена на угнетении одной нации другой. Немудрено поэтому, если к моменту, когда трудящиеся Средней Азии взяли власть в свои руки, страна в политическом и экономическом отношениях была крайне отсталой при почти поголовной безграмотности населения.

Культурные и религиозные предрассудки цепко держали в своих руках население Средней Азии и в дальнейшем не мало тормозили развитие революционного самосознания трудящихся; к этому следует добавить еще отсутствие промышленного пролетариата в Средней Азии, где он был представлен исключительно железнодорожными рабочими.

При таких условиях, при такой запутанности межнациональных отношений, при культурной отсталости, грянула Октябрьская револю-

ния, в результате которой в бывшем Туркестане образовались Туркестанская Автономная Республика, Бухарская и Хорезмская Народные Республики. Но, если гнет царской власти в бывш. Туркестане был свергнут одновременно повсюду, если вместе с этим Хива и Бухара перестали быть царскими колониями, то последним предстояла еще борьба с собственной властью хана и эмира. Эта борьба завершилась лишь в 1920 году: в апреле этого года первый всехорезмский народный курултай объявил бывшее Хивинское ханство упраздненным и провозгласил Хорезмскую Народную Республику; в сентябре того же года над дворцом эмира взвился красный флаг Бухарской Народной Советской Республики.

То обстоятельство, что Бухара и Хорезм позднее вступили на путь революционного развития, также отрицательно сказалось на темпе, с каким осуществлялось советское строительство в этой части Туркестана.

Новое строительство Средней Азии может быть разделено на три периода: 1) от 1917 года до 1920 г.; 2) от 1920 г. до национального размежевания Средней Азии; 3) от национального размежевания до настоящего времени. Как один из разграничительных моментов, 1920 год может быть взят потому, что в Туркестанской Автономной Республике этот год отмечен, как начало советского строительства в плановом порядке, а в Бухаре и Хорезме, как уже сказано, в этом году образовались народные республики.

Первый период строительства был необычайно тяжел. С первого же момента он стал протекать в условиях полной оторванности белогвардейским фронтом от остальной Советской России, в условиях контрреволюционных вспышек, тяжелого голода, экономической разрухи и разгоравшегося басмачества.

Бежавший эмир, его чиновники не могли примириться с своим свержением, не могли примириться с тем, что трудящееся население организует свою власть. Странники старого свергнутого строя не успокоились. Они посылают своих приверженцев, снабженных деньгами и оружием, на территорию бывшей Бухары с целью не давать возможности наладить мирную трудовую жизнь. Начало организовываться басмаческое движение. Условия развития басмаческого движения сложны, многообразны, различны в различных частях Средней Азии и ждут своего исследователя. Здесь только можно отметить одно: экономические осложнения, вызванные мировой войной, неясность в первое время классового характера советской власти для большинства туземного населения была использована бывшими царскими чиновниками в целях открытого грабежа; к тому же, обстоятельство, что советская власть в первые дни своего существования представлялась властью, преимущественно городской и европейской, было причиной, что советская власть дехканами была воспринята, как новая форма эксплуата-

ции. Голод, возникший вследствие прекращения подвоза хлеба, обострил все классовые противоречия. Грабежи, насилия «советских» партизанских отрядов, реквизиции у дехкан хлеба для прокормления железнодорожных рабочих и Красной армии убеждали дехканство в необходимости борьбы. Басмаческое восстание становится широким движением: над ним было поднято знамя национально-религиозное. Разрушались дороги, торговые пункты, города, убивались отдельные работники советской власти, экономическое обнищание росло. Казалось, мирная трудовая жизнь становилась надолго невозможной.

Можно привести немногие, но красноречивые слова IX Съезда Советов Турк. Республики о первом периоде существования советской власти в Туркестане ¹⁾: «Обстановка, создавшаяся в Турк. Республике к концу 19 года, была до боли невыносима. Туркестан истекал кровью. Советская власть была на краю гибели».

В этот период, разумеется, не могло быть и речи о мирном строительстве. Этот период закончился лишь к 1920 году, когда была установлена связь с Советской Россией. С этого момента создается более благоприятная обстановка для строительства. Это строительство начнется оформлением центральных органов власти; с них началось и ими пока ограничилось. Если посмотреть законодательные акты Туркестанской Автономной Республики за этот период времени, то мы не найдем актов из области строительства низового советского аппарата, мероприятий по улучшению его работы или по приближению его к населению. Лишь с 1920 года, с IX Съезда Советов Турк. Республики, было положено прочное основание советскому строительству. IX съездом была поставлена задача раскрепощения батрачества и бедноты от байско-манапского влияния, задача сплочения их вокруг советов, задача такого сконструирования всего советского аппарата, чтобы он был приспособлен к обслуживанию широких трудовых масс кышлака. Здесь может быть указано на проведение частичного землеустройства Ферганы, на образование при ЦИК'е Турк. Республики национальных отделов — Киргизского, Узбекского, Туркменского, — сыгравших большую роль в деле подготовки кадра туземных работников.

Но местные органы советской власти продолжали оставаться чрезвычайно слабыми, оторванными от коренного населения; весь низовой аппарат требовал оздоровления.

XI Съезд Советов Турк. Республики поставил в порядок дня ряд новых важнейших задач советского строительства, именно строительства низового аппарата.

Задачи эти были: «Упростить конструкцию советских органов в центре и на местах, сократить их в порядке организованной чистки

¹⁾ Советское строительство УзССР; из матер. II-го Всеузбекского Съезда Советов, стр. 4.

и подобрать людей, способных на честную и упорную работу в советских органах; усилить места и весь центр тяжести советской хозяйственной работы перенести в уезды, волости и кишлаки; выдвинуть из состава рабочих и беднейших дехканских масс новых работников, которых проводить членами исполкомов для привлечения к работе новых сил для укрепления связи с массами».

В чрезвычайно трудных условиях протекал также период существования нардных республик Хорезмской и Бухарской с момента их образования. От прежнего режима им досталось совершенно распатанное хозяйство, полное невежество населения и резко выраженная национальная и межплеменная вражда; к тому же, и непривычка к самостоятельному государственному управлению, острый недостаток подготовленных работников делали положение молодого хивинского правительства почти безвыходным.

Достаточно сказать, что из всей посевной площади Хивы в 220 тыс. десятин раньше около 150 тыс. десятин шло под посев хлопка, и лишь незначительная часть засеивалась жетом; в 1921 году положение резко меняется: лишь 25 тыс. десятин осталось под хлопком, а на долю хлеба приходилось около $\frac{2}{3}$ всей посевной площади того времени. Крестьянское хозяйство приходило в упадок.

Также катастрофически падало производство и экспорт основных предметов крестьянского хозяйства Бухары: хлопка, каракуля, шерсти и импорта — чая, сахара, мануфактуры. Грамотных в Бухаре насчитывалось около 3 проц.

Но как ни важен был вопрос восстановления хозяйства Хорезма и Бухары, другой более острый вопрос — вопрос национальный, требовал немедленного разрешения.

Но он не мог быть разрешен одними усилиями правительств, пока выражавшимися в заверениях в чувствах дружбы и взаимного прощения старых обид между враждовавшими национальностями. Он требовал практических мероприятий. Эти первые мероприятия хивинского правительства нельзя признать удачными. Составленное из лишенных революционного сознания элементов, правительство пошло по явно неправильному пути. Оно пошло по пути разоружения туркмен, карательных экспедиций, военно-полевых судов. Связи с туркменскими низами не было; туркменский передовой элемент не пользовался доверием. Национальный мир был сорван событиями в сентябре 1920 г., когда вожди туркменских племен были предательски расстреляны правительством, и началось восстание туркмен.

В 1921 году во главе Хорезма стало новое правительство, и на 2-м Хорезмском курултае в мае 1921 г. прежде всего ставится вопрос о высших органах власти, оформление которых завершается разделением власти исполнительной и законодательной, избранием Хорезмского Цен-

трального Исполнительного Комитета. К числу же практических мероприятий по национальному вопросу должно быть отнесено создание при Хорезмском ЦИК'е Туркменского отдела, основными задачами которого было: «обследование и изучение экономических, правовых, политических, культурно-национальных условий туркменской жизни». Представительство туркмен было обеспечено также и в местных советах (Шуро).

Первым курултаем, собравшимся в мирной обстановке, был 3-й, происходивший в июле 1922 г. 3-й курултай сделал дальнейший шаг к улучшению узбекско-туркменских отношений, образовав при ЦИК'е киргизское бюро по типу туркменского отдела. Курултай предпринимает ряд экономических мероприятий: намечен проект создания земельного фонда из бывших ханских земель для наделения землей безземельных и малоземельных крестьян; утверждено постановление об открытии дехканского банка, экономический совет заменяется назиратом торговли и промышленности. 3-й курултай вместе с тем констатировал начинающийся под'ем экономической жизни страны и ее успокоение.

Национальная политика в этот период в Бухаре проводилась на основании программы Бухарской Коммунистической Партии, принятой на 2-м курултае. Эта программа гласила: «Бухарская Коммунистическая Партия отстаивает полное равноправие всех национальностей, проживающих на территории БНСР, и не допускает деления на господствующие и подчиненные нации; в частности же, все национальности БНСР пользуются совершенно одинаковыми правами: а) быть избирателями и избираемыми во все местные и центральные органы власти; б) свободно распоряжаться своим имуществом в пределах, установленных общегосударственными законами; в) на получение всякой правительственной помощи; г) на образование и т. п.; граждане всех наций одинаково ответственны перед законом и имеют одинаковые налоговые обязанности; за всеми нациями БНСР признается право пользования родным языком в школьном деле, литературе и судопроизводстве».

Наметившийся под'ем народного хозяйства, некоторые достижения, хотя и незначительные, в деле просвещения и здравоохранения, успокоение страны привели к мысли трудящихся Средней Азии, принадлежащих к одной национальности, но раз'единенных искусственными границами отдельных государств, об'единиться. Трудящиеся Средней Азии поняли, что только при условии об'единения каждой национальности они получают возможность свободного развития на основе общности языка, культурных и экономических условий и быта. Одно за другим были вынесены постановления о национально-территориальном размежевании Средней Азии: сначала на чрезвычайной сессии Турк. ЦИК'а 18 сентября 1924 г., затем также в сентябре того же года на 5-м Курултае Советов Бухары и на 5-м Хорезмском Курултае. Дальнейшее оформление образо-

вавшихся в результате размежевания Средней Азии национальных объединений происходит на второй сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 11-го созыва и 2-й сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 2-го созыва в октябре 1924 г. и завершается на XII Съезде Советов РСФСР и на III Общесоюзном Съезде Советов в мае 1925 г.

В результате размежевания на территории Средней Азии образовались Туркменская и Узбекская (с Таджинской авт. обл.) Советские Социалистические Республики, вошедшие в Союз ССР, как Союзные Республики, Киргизская Автономная Республика, вошедшая в состав РСФСР и позднее переименованная в Казакскую, с Кара-Калпакской авт. областью, и Кара-Киргизская авт. область, позднее переименованная в Киргизскую и преобразованная в авт. республику.

Это национальное размежевание Средней Азии подвело итог стремлению разрозненных групп одной и той же национальности к объединению. Актом размежевания искусственные границы, разделявшие трудящихся одной и той же национальности, были уничтожены: сложный узел национально-экономических и бытовых отношений народов Средней Азии был распутан; они получили полную возможность свободно развиваться.

Некоторые товарищи называли размежевание Средней Азии второй революцией. С того момента прошло почти 3 года, и теперь это мнение вполне нашло себе подтверждение в достижениях и подъеме хозяйства республик Средней Азии. Но вместе с тем национальное размежевание Средней Азии является и величайшим мероприятием национальной политики советской власти и Коммунистической партии и огромным революционизирующим фактором в деле дальнейшего освобождения отсталых угнетенных народов Востока.

Национальное размежевание поставило перед трудящимися Средней Азии новые задачи. Огромные естественные богатства Туркменистана и Узбекистана говорят за то, что эти республики призваны служить крупнейшей базой в хозяйственном отношении для всего Союза ССР. Почва Туркменской Республики, являющейся наиболее жаркой страной, дает возможность благодаря этому производить технические культуры большой ценности, возвращать высокие сорта хлопка. Многие отрасли хозяйства, как скотоводство, коневодство, рыбный промысел, остававшиеся заброшенными, являют большие возможности; то же самое можно сказать и об Узбекистане, основным национальным доходом которого является сельское хозяйство.

О том, какая огромная работа предстояла трудящимся Туркменской и Узбекской Республик, какие трудные задачи были перед ними, мы можем видеть по работам первых учредительных съездов советов этих республик. Эти съезды не только выполнили оформление высших

органов власти республики, но и наметили ряд ближайших мероприятий, которые должны провести правительства этих республик почти во всех отраслях хозяйства, строительства и культуры.

«Центральной хозяйственной задачей,—говорил тов. Шелехес, на I-м Всеузбекском Съезде Советов,—которая должна служить предметом постоянного внимания, является развитие и укрепление, в первую очередь, сельского хозяйства».

«Вторая основная задача,—говорил он далее,—строительство советского аппарата, в первую очередь, низового... Здесь нам предстоит сделать очень много. Мы знаем, что у нас еще далеко не совершенен низовой советский аппарат, он не удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляет ему крестьянство... Прежде всего, мы должны направить свою силу на организацию хорошего советского аппарата, посредством которого мы будем разрешать все основные вопросы, стоящие перед нашей партией и советской властью... Помимо этой заботы, перед нами стоит еще большая работа в области осуществления культурных задач... Здесь задача — борьба с элементарной неграмотностью населения, за развитие культуры»¹⁾.

Эти общие задачи нашли себе конкретное выражение в резолюциях I-го Всеузбекского Съезда Советов, по докладам о хозяйственном строительстве, о низовом аппарате, по докладу НКПроса. Резолюция по докладу о хозяйственном строительстве указывает, что должно быть сделано в области сельского хозяйства, торговли, кооперации, промышленности, кредита и т. д. и т. п. Характерна резолюция по докладу о низовом аппарате. Из нее видно, что дело советского строительства в Узбекистане только еще нагнетается, переживает младенческие годы; резолюция шаг за шагом, детально указывает, какова должна быть работа низового советского аппарата; она носит характер инструкции.

Вот несколько пунктов этой резолюции: «Установить регулярные открытые заседания пленума сельсоветов; б) установить регулярный созыв вик'ов, с представителями сельсоветов, союза «Кошчи», женщин-делегаток, профсоюза и комсомола; все вопросы, ставящиеся на пленумах сельсоветов и в сессиях вик'ов, надлежит предварительно прорабатывать в комиссиях вик'ов и сельсоветов; созывать регулярно сессии вик'ов и сельсоветов для отчета перед широкими массами избирателей; регулярно созывать расширенные пленумы исполкома, с участием представителей вик'ов; прикрепить для руководства работой к каждому волисполкому по одному члену исполкома, при разрешении принципиальных вопросов советского строительства, имеющих непосредственное отношение к нуждам кишлака; обязать отделы исполкомов и обл-

¹⁾ Стенографич. отчет I-го Всеузбекского Съезда Советов.

исполкомов привлекать представителей с мест, как-то дехкан от сохи, сельсоветов, комитетов взаимопомощи и др.»¹⁾.

Вот как нашли себе отражение задачи строительства в постановлениях Первого Учредительного Съезда Советов Туркмении.

Постановления этого съезда, начиная с декларации об образовании Туркменской ССР, продолжая обращением к трудовому населению Туркменистана, с призывом в тесном содружестве напрячь силы «для достижения конечной цели, — установления социалистического общества», заканчиваются вопросами советского строительства, сельского и водного хозяйства и культуры. В этих резолюциях съезд подчеркивал еще не изжитые недостатки управления, отсталость хозяйства и темноту быта, указал причины их и пути к их изжитию. «Необходимо», говорит съезд, «прежде всего, устранить все условия, мешающие дальнейшему развитию производительных сил республики: уравнивать права мужчин и женщин в первую голову на землю и воду, обеспечить водой и землей безземельных и малоземельных, привлечь к управлению широкие массы трудящихся и развить среди них грамотность». «Необходимо изыскать пути мирной ликвидации вождя, путем противопоставления ему более прогрессивных и лояльных групп внутри самого рода, способных осуществить принципы советской власти. Необходимо стать на путь постепенного вытеснения представителей консервативного духовенства из суда казиев».²⁾

Эти резолюции,—не только план будущих мероприятий правительства Туркменской республики, они — план и метод работы центральных и местных работников советского аппарата.

Два года прошло со времени учредительных съездов Советов Туркменистана и Узбекистана. Труден был путь, пройденный трудящимися этих республик. Тяжела была их работа по восстановлению хозяйства, по организации управления и укреплению советской власти, по рассеянию бытовой темноты и невежества. Можно уже подводить итоги сделанному, можно уже составлять план на дальнейшее, можно еще раз подчеркнуть недостатки, чтобы в будущем окончательно их изжить.

Все это и было проделано трудящимися Средней Азии на втором съезде советов Туркменской и Узбекской республик в текущем году.

Вот, например, проведенная советизация земли и воды в Туркменской республике. Тяжелый удар был нанесен «мольку и «санашиговому»³⁾ землепользованию. Получил право на землю и воду холостой дехканин. Сосредоточением земельных наделов отдельного хозяйства в одном месте, ликвидацией родовых земель, установлением межакуль-

1) Резолюция по докладу о низовом аппарате I Съезда Советов Туркмен. ССР.

2) Резолюция I-го Туркменского Съезда Советов по советскому строительству.

3) «Санашик» или общинная земля, подвергавшаяся ежегодному переделу „мольку“ — подворно-наследственное владение землей и водой.

ного равенства на землю и трудовой нормы землепользования, лишением права на землю тех, кто не занимался личным трудом,— всем этим земельно-водная реформа пробудила производственные силы аула, дав сильный толчок его экономическому росту. В итоге земельно-водной реформы наделено безземельных 3.317 хозяйств, с общим количеством посевов в 5.305 десятин, малоземельных наделено 6.659 хозяйств, с общим количеством посевов 7.454 десятины; по Мервскому району наделено 21.124 хозяйства, из них в порядке перераспределения — 6.021 хозяйство.

«Земельно-водная реформа значительно подняла авторитет советской власти в ауле, связала теснейшим образом дехкан с советской властью; поэтому сейчас не менее половины членов наших аулсоветов в Полторацке и Мерве — бедняки, получившие землю и воду в порядке реформы».¹⁾

Или, например, мероприятия в области семейно-бытовой: запрещение многожества, объявление калыма вне закона, установление наказания за развод в том случае, если он вызван корыстными побуждениями.

В результате этих и целого ряда других мероприятий, советская власть в Туркменистане проникла и укрепилась в самых отдаленных и глухих уголках республики, в отдаленном Ташаузском округе, где впервые были произведены выборы в этом году, и в скотоводческих районах песков Кара-Кум.

Резко подчеркнуты успехи в результате национального размежевания в работах 2-го Всеузбекского С'езда Советов.

Вот слова тов. Файзуллы Ходжаева, председателя СНК Узбекской республики, на 2-м Всеузбекском с'езде, обращенные к нашим зарубежным врагам: «Если хотите посмотреть, что получилось в результате национального государственного размежевания, посмотрите на теперешнюю Советскую республику, Узбекистан, посмотрите на то, какие установились в этой республике отношения между отдельными национальностями, посмотрите, как овладели широкие массы рабочих и крестьян всей государственной властью в этой республике; посмотрите и скажите, кто управляет этой страной. Посмотрите на то количество школ, которое построила советская власть, на ту просветительную работу, которую ведет советское правительство; посмотрите на взаимоотношения, которые сложились между советской республикой и Советским Союзом, в который Узбекистан входит добровольно, в качестве равноправного члена. Посмотрите на существующий полный национальный мир, рост нашей промышленности и сельского хозяйства, доходящий до довоенных норм, рост товарооборота. Посмотрите и убедитесь, что дало Средней Азии национальное размежевание».

1) Айтаков.—„Вплотную к массам“, „Туркменская Искра“, 1927 г., № 52.

Из его же отчетного доклада, мы видим полную картину роста преобразованного на новых началах Узбекистана. Основная язва государства — басмачество, — уничтожено. Посевная площадь достигла 75 % довоенного уровня, стоимость валовой продукции сельского хозяйства составляет 76 % таковой 1914 г., хлопководство в сельском хозяйстве увеличивается ежегодно быстрее, чем остальные культуры; валовая продукция промышленности, составлявшая в 1913 г. около 130 миллионов рублей и упавшая в 1923/24 г. до 39 миллионов рублей, в 1925/26 году превысила 123 миллионов рублей.

Оба съезда в то же время подчеркивали, что с ростом сельского хозяйства и промышленности обеих стран растет и их удельный вес в хозяйстве и промышленности всего Союза ССР, и дальнейшее их поступательное движение будет зависеть от темпа развития общесоюзной промышленности.

О том, как растут и развиваются средне-азиатские республики, представители этих республик поведали трудящимся всего Союза ССР на IV Всесоюзном Съезде Советов в апреле 1927 года. Здесь доклады членов правительств средне-азиатских республик и других их делегатов ставились в разрезе общих достижений советской власти во всем Союзе, в разрезе учета роста хозяйства республик в росте хозяйства всего Союза. Ведь, те или иные достижения какой-либо союзной республики являются достижениями Союза в целом, подъем и рост одной союзной республики неотделим от подъема и роста всего Союза ССР. С другой стороны, и задачи дня, поставленные советской властью и коммунистической партией: индустриализация страны, снижение цен, борьба с бюрократизмом, должны быть решены во всем Союзе ССР и в каждой союзной республике в строго согласованном плановом порядке. Немудрено поэтому, что в речах представителей союзных республик, в частности, республик Ср. Азии, на IV Всесоюзном Съезде Советов, все это нашло себе отклик. Вот, например, речь председателя ЦИК Узбекистана, тов. Ахун-Бабаева. Отметив ряд достижений Узбек. республики, благодаря правильно проводимой советской властью национальной политике, товарищ Ахун-Бабаев закончил заявлением, что «Узбекское дехканство в максимальном размере примет участие в осуществлении пятилетнего плана развития промышленности и индустриализации страны и полностью выполнит намеченный план снабжения промышленности хлопком». Такого же рода речь тов. Сахат-Мурадова, представителя Туркменской республики. Он останавливается на вопросе, насколько Советский Союз за два года работы сумел учесть в общей системе промышленного строительства нужды тех союзных республик, которые до Октябрьской революции находились на положении колоний бывшей царской России.

Тов. Сахат-Муратов констатирует, что «наш Союз в общей своей работе по индустриализации страны нисколько не забывал нашу отсталую окраину... Мы в Туркменистане за последний год в области промышленности имеем, примерно, 52,8% прироста. Численность рабочего класса в Туркменистане увеличилась почти в два с лишним раза. В промышленность вовлечено 13% местных безземельных батраков».

Приведенные заявления двух товарищей, представителей Узбекистана и Туркменистана, были бы не полны, если рядом с ними не привести слова тов. Куйбышева, из его доклада на IV Всесоюзном Съезде Советов. Касаясь намеченного капитального строительства по отраслям и республикам, тов. Куйбышев такими цифрами характеризует капитальные вложения для республик Средней Азии: «По Узбекистану — около 3-х миллионов в прошлом году и 6 миллионов в этом году; по Туркменистану 3 миллиона в прошлом году и 4 миллиона в этом году».

Решение общих задач, стоящих перед Союзом ССР, представители средне-азиатских республик ставят в зависимость от решения задач местной промышленности и сельского хозяйства, и наоборот.

Таковы указания на IV Всесоюзном Съезде тов. Файзуллы Ходжаева о сельскохозяйственном машиностроении, сельскохозяйственном кредите, организации минерального удобрения, кооперировании животноводстве; или тов. Атабаева, — о расширении хлопководства.

Если все достижения республик Средней Азии обуславливаются пробудившейся активностью трудящихся Средней Азии, то они в равной степени обусловлены и той поддержкой, которую всегда оказывал Союз ССР в целом отсталым республикам; обусловлен той тесной связью, которая установилась между Союзом ССР и союзными республиками. Правительство Союза ССР докладывает о своей работе на съездах советов республик Средней Азии; правительства союзных республик, в свою очередь, отчитываются перед высшими органами Союза.

Экономический и культурный подъем Средней Азии есть результат национальной политики советской власти, есть осуществление лозунгов коммунистической партии по национальному вопросу. Укрепляя свое хозяйство, все более и более рассеивая невежество и темноту быта, втягивая все большие и большие массы трудящихся в дело управления государством, республики Средней Азии все более и более сближаются с сильными и культурными народами Союза ССР. Народы Средней Азии стоят на правильном пути. Цель, поставленная в национальном вопросе советской властью и коммунистической партией, будет достигнута.

10 лет востоковедной мысли.

I.

Октябрьский переворот выплавил в революционном тигеле не только новые политико-экономические формы, но и новую культуру, новую науку. Быть может, ни к какой области знания это неприменимо в такой степени, как к востоковедению.

Необходимо отметить, что в сфере научного изучения современного Востока, мы наблюдаем в течение XIX в. любопытный перерыв, длительную приостановку блестяще начатой работы. Первые замечательные статьи по восточному вопросу, колониальной политике и т. п. были написаны в 50 и 60-х гг. К. Марксом и Ф. Энгельсом. Эти работы были настолько основательно забыты, что Д. Рязанову как бы пришлось заново „открывать“ их путем кропотливой исследовательской работы в архивах, комплектах газет сер. XIX в. и т. п. В результате мы уже сейчас имеем богатейший литературный материал в виде трех статей К. Маркса об Индии (1853)¹, двух томов (X-XI) сочинений Карла Маркса и Ф. Энгельса, содержащих главным образом статьи по восточному вопросу, Крымской кампании и т. п., написанные в 1852—1855 гг.; в довольно широкий оборот попали те места из переписки великих друзей, в которых они обменивались мыслями об особенностях исторического развития Азии, о значении искусственного орошения, о зависимости общественной организации восточных стран от азиатской формы производства и т. п.²).

Все эти драгоценные находки требуют, разумеется, большой научно-исследовательской работы, которая полностью выяснит источники, которыми питалась мысль Маркса и Энгельса, даст исчерпывающий историко-фактический комментарий и, наконец, приведет эти фрагменты в связь с их другими произведениями. Однако, уже сейчас нас буквально поражает удивительная тонкость анализа, обилие блестящих прогнозов

¹) Летописи Марксизма, III, 1927. К. Маркс: „Письма об Индии“, с пред. Д. Рязанова.

²) Ienssen. Marxistische Beiträge zum Problem der Wirtschaftsentwicklung und Wirtschaftsforschung in Orient. Archiv für Wirtschaftsforschung in Orient, 1917, VII.

и, главное, точность социальных конструкций, воздвигаемых часто на основе крайне недостаточного материала. Читая эти страницы, невольно испытываешь недоумение: каким образом могли заглохнуть эти проторенные пути, как могли дальнейшие исследователи сойти с такой надежной методологической основы? А, между тем, совершенно несомненно, что в течение последующего полувека изучение современного Востока и колониальной политики или совсем замерло или пошло кривыми путями.

Конечно, было бы трудно дать здесь общую сводную характеристику той части европейского востоковедения, которая посвящена современному Востоку, в виду обилия и разнообразия материала. Однако, мы в праве указать, что она ограничивалась, главным образом, накоплением фактического материала (этнографического, географического и статистико-торгового). Лишь в сфере экономики (кстати, исключительно статической) мы находим несколько крупных трудов: назовем монументальный труд Quinet, — *La Turquie d'Asie*, Vannutelli, — *Anatolia Meridionale e Mesopotamia*. A. Ruppin — *Syrien als Wirtschaftsgebiet*, М. Федорова. — Соперничество торговых интересов на Востоке, многочисленные немецкие работы в *Archiv für Wirtschaftsforschung in Orient, der Neue Orient* и др. журналах, разнообразные английские публикации, касающиеся Индии, в ежегодных отчетах (reports) англо-индийского правительства, французские экономические колониальные издания, русские — министерства финансов, торговли и промышленности и т. д.

Но как только мы обращаемся к западной литературе по истории современного Востока — мы встречаемся или с лживотенденциозными книжками всевозможных Руиров, Дрио, Анселей, Остророгов, Рорбахов, Мариоттов, Черно, Пинонов и др., проводящими открыто или завуалированно чисто империалистическую точку зрения, или со сборниками дипломатических документов (всевозможных „красных“, „синих“, „черных“ и т. п. книг), обычно крайне тенденциозно подобранными. Особенно беспомощной представляется европейская литература в тех (правда, редких) случаях, когда она пытается нарисовать общественный строй или разобраться в социально-политических процессах, происходящих на современном Востоке. Все имеющиеся в этой области опыты, в роде писаний В. Берара, пресловутого В. Чироля, Лейеля, Кромера, Керзона, Фрезера, Бекстона, Сайкса и др., проникнуты „киплинговской“ идеей о своеобразии восточного мира, об органической невозможности для него воспринять западную цивилизацию и ценны лишь заключающимся в них фактическим материалом. „The East is East and the West is West, And never the Twin shall meet.“ Этот тезис о замкнутости и окостенелости восточной культуры и общественного строя неизбежно приводит к взгляду на общественно-политическое движение на Востоке, как на нечто несерьезное, как на результат поверхностного подражания Западу. С дру-

гой стороны, тот же тезис с логической необходимостью влечет за собой признание необходимости европейской „отеческой“ власти в Индии, Египте, Китае, Персии и в др. странах.

Еще печальнее обстояло дело в России. Положение русского до-революционного востоковедения является лучшим опровержением ходячего тезиса об „аполитичности“ науки. Царизм, ведя двухсотлетнюю агрессивную политику на Востоке, организовывал востоковедение в двух направлениях. Прежде всего он старался отвлечь внимание наших исследователей от проблем современного Востока. Для политики бронированного кулака, которую русский империализм проводил постоянно в Персии, Турции и Китае, знание экономики этих стран, их социального и политического положения и пр. было попросту ненужно. В то же время научное изучение текущей жизни стран Востока представляло известную опасность, поскольку оно проливало свет на хищнические методы царской политики, на истинный характер „персидского хаоса“, „китайского столпотворения“ и т. п. тезисов, опираясь на которые наша (так же, впрочем, как и европейская) дипломатия позволяла себе грубейшие насилия над народными массами Востока¹).

Немудрено, что царизм всегда упорно толкал наше востоковедение в то русло, которое определялось его практическими потребностями. Тем не менее, несмотря на все утеснения, которые испытывало наше востоковедение — достижения его огромны. Русская ориенталистика может гордиться, например, что она создала целую своеобразную школу изучения буддизма, представленную такими учеными, как И. Минаев, В. Васильев, О. Розенберг, Ф. Щербатской, С. Ольденбург, чрезвычайно много сделала для познания мусульманской теософии — суфизма (В. Жуковский), а также бабизма, она дала нескольких блестящих историков, воссоздавших историю „пустых“ периодов и даже целых эпох (Б. Тураев, В. Бартольд, Розен и др.), и, наконец, родила целую плеяду выдающихся лингвистов и литературоведов (К. Залеман, В. Жуковский, В. Котвич, В. Радлов, В. Смирнов, А. Самойлович, Б. Владимирцев, Н. Марр, Ф. Корш, А. Крымский, В. Миллер, А. Позднеев, А. Иванов и многие другие).

Конечно, само собой понятно, что поскольку знание современного Востока нельзя свести к нескольким столбцам цифр и к двум-трем со-

¹) Любопытно отметить, что единственная организация ориенталистов, интересующаяся современным Востоком, а именно „Об-во Востоковедения“, находилась под бдительным „августейшим покровительством“ в. к. Михаила Николаевича. Для заинтересованности правительственных кругов в развитии и, особенно, „направлении“ нашего востоковедения накануне революции характерно, что другая научная организация „Общество русских ориенталистов“ находилась также под „августейшим покровительством“ в. к. Милицы Николаевны, имея своим председателем пресловутого персидского деятеля Шапшала.

циально-политическим формулам, то ни один работник по Востоку не может пройти мимо тех ценностей, которые были накоплены дореволюционной русской ориенталистикой. Вместе с тем мы видим, что дореволюционное востоковедение принуждено было выполнять те задачи, которые поставлялись ему извне: оно росло почти исключительно на языковой базе и принуждено было совершенно игнорировать современный Восток с его экономическими и социально-политическими процессами. Не даром историк европейского и русского востоковедения В. В. Бартольд суммирует достижения русской ориенталистики в след. словах: „Сосед Востока, Россия, несмотря на это соседство, часто предпочитала чтение плохих западных книг о Востоке непосредственному изучению Востока“¹⁾. Другой авторитетный представитель нашего академического востоковедения С. Ф. Ольденбург признает, что в смысле знания современного Востока, его политической и экономической жизни дореволюционная ориенталистика может дать „очень мало, понятно, и понятно почему“²⁾.

Характерно, что крупное развитие получила в дореволюционную эпоху та отрасль востоковедной науки, которая посвящена истории международно-правовых отношений Европы (особенно России) со странами Востока. Объясняется это, понятно, стремлением царской дипломатии получить обосновать свои „права“ на облюбованные территории, но, во всяком случае, мы имеем в этой области ряд выдающихся трудов (С. Горяинова, С. Жигарева, А. Мандельштама, Ф. Мартенса, Н. Бантыша-Каменского, Н. Веселовского, Н. Уланицкого и др.).

Второе направление, приданное изучению Востока тем же царизмом, необычайно ярко проявлялось в публицистике. Ведя непрерывные войны с Турцией, царское правительство нуждалось в некоей идеологии, которая могла бы увлечь широкие круги общества. И вот мы видим, как в течение почти полувека усердно разрабатываются, так наз., панславистские концепции восточного вопроса, сводящиеся к необходимости овладения Константинополем, для превращения его в центр либо восточного православия, либо всеславянского мира, понятно, под предводительством России.

Такова востоковедная публицистика, которая разрабатывалась целой плеядой часто блестяще талантливых писателей, от Данилевского, Ф. Достоевского, К. Леонтьева, И. Аксакова и до кадетствующих эпигонов панславизма и вселенского православия вроде П. Милокова, Е. Трубецкого, Яценко, Безобразова, А. Погодина и др. империалистических

1) В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. 2 изд., стр. 295.

2) См. полемику между С. Ф. Ольденбургом и М. П. Павловичем в ж. „Новый Восток“: „Задачи ВНАВ“ в № 1; „Задачи советского Востоковедения“ в № 16—17 и ж. „Восток“ (рецензия на „Новый Восток“ в № 2).

сторонников „исторических задач“ России эпохи мировой войны ¹⁾. По отношению к странам, как напр., к Персии и Китаю, на которые у царизма не было решительно никаких „исторических прав“, эта публицистика обосновывала его притязания безнадежной отсталостью, чуть ли не вырождением туземного населения, допуская прямое издевательство над их бытом, общественным строем и т. п. Вспомним хотя бы такие насквозь пропитанные колонизаторским высокомерием произведения, как книги по Персии: Смирнова, Огородникова, И. Зиновьева и др. или по Китаю: Коростовца, Покотилова и многих др.

Лишь с начала XX века в сфере изучения современного Востока начинается известное оживление, объясняемое участием ряда наших социалистов в революционных событиях в Персии, Турции, в рабочем движении на Балканах и пр. В период с 1906—1914 г. г. появляются первые марксистские работы по Ближнему Востоку—Парвуса (тогда еще бывшего марксистом), Л. Тигранова („Из общественно-экономических отношений в Персии“, 1909); Ф. Ротштейн публикует свою прекрасную книгу об Египте (*Egypt's ruin*, 1910); изучение восточного вопроса в истории России попадает в руки М. Н. Покровского, который дает ряд очерков (1908—1910) восточной политики царизма в Гранатовской „Истории России в XIX в.“. Д. Рязанов разрабатывает историю марксизма, особенно останавливаясь на эпизодах внешней политики в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса (напр., „Англо-русские отношения в оценке К. Маркса, 1908); наконец, и это самое главное, революционные взрывы на Балканах, в Турции и в Китае рождают замечательные мысли и прогнозы В. И. Ленина о пробуждении Азии, о сущности национально-освободительных движений на Востоке, о значении их для мировой революции,—мысли окристаллизовавшиеся десять лет спустя в тезисах по национальному и колониальному вопросам, принятых II конгрессом Коминтерна ²⁾.

В этот же период „бури и натиска“ появляются и первые работы М. Павловича о Персии, Китае и Индии (1909—1914). Они были написаны не по книгам и не по газетам, а на основании непосредственного знакомства с участниками революционного движения на Востоке, находящимися в эмиграции в Париже. Вооруженный марксистским методом и располагая исключительным фактическим материалом, М. Павлович выступил в роли открывателя таких сторон жизни Востока, о ко-

¹⁾ В текущей прессе проповедниками „исторических задач“ и яркими апологетами захвата проливов явились, увы, многие весьма серьезные профессора (П. Г. Виноградов и др.), не говоря о целой своре публицистов, великодержавных патриотов: Дерентале, С. Литовцеве и даже В. Жаботинском.

²⁾ См. XIX т. собрания сочинений, заключающий статьи по национальному вопросу, а также брошюру „Ленин и Восток“, изд. НАВ, 1925 (статьи М. Павловича, Н. Нариманова, А. Ходорова, М. Рафаила).

торых раньше не имелось даже смутных представлений. Впервые в западной прессе он дал общую характеристику аграрного строя и экономического развития Персии в XX в.; художественными штрихами он нарисовал характеристику индийского народничества; он дал правильную оценку китайского революционного движения, на фоне классовых взаимоотношений Поднебесной Империи и т. п.¹⁾

Поскольку для указанной группы писателей-революционеров Восток представлял лишь один из театров борьбы мировых империалистических колоссов, они смогли совершенно правильно охарактеризовать и основные линии политики, так наз., великих держав в колониальных и полуколониальных странах: ту роль, которая обычно бывала густо завуалирована или всевозможными фикциями, в роде культуртрегерства, цивилизаторской миссии Запада, борьбы креста с полумесяцем и т. д. или же экономической миссией западных капиталистических государств, мирно „вскрывающих“, по очаровательному выражению Каутского, остальные страны Востока.

Октябрьская революция означала полный, радикальнейший сдвиг в развитии нашего востоковедения²⁾. Революция указала последнему совершенно новые цели, которые были гениально сформулированы первым новым востоковедом В. И. Лениным. Революция, как известно, немедленно поставила на разрешение советской власти, почти во всем его объеме, восточный вопрос.

В Персии оставались русские оккупационные войска, Закавказье переживало интервенции, сначала турецкую, а потом английскую. Каспий был также оккупирован англичанами, перенесшими свое действие против Советской России в Каспийское море. В Туркестане, Северном Кавказе, Закавказье бурлила национальная борьба, принимавшая кошмарные формы, под воздействием внутренних контр-революционных сил и различных интервентов. Восточная проблема, таким образом, уже в первые годы революции означала, одновременно, политически-военную борьбу советской власти за свое существование и разрешение необычайно важного национального вопроса, от которого зависело все внутреннее социалистическое строительство.

Неудивительно, что конец 1918 и весь 1919 г. проходят под знаком возрастающего интереса партии, власти и советской общественности к Востоку. Просматривая прессу за эти героические годы, мы находим,

¹⁾ См. мою статью „Литературное наследие М. Павловича“, „Н. Восток“, № 18 и „М. П. Павлович, как историк“, ж. „Историк Марксист“, № 5.

²⁾ Настоящая статья исключительно посвящена изучению современного зарубежного Востока, т. к. недостаток места не позволяет даже вскользь коснуться крупнейшей проблемы изучения Востока Союзного, также идущего по совершенно новым, необычным путям в результате Октябрьской революции, с ее пониманием национального вопроса.

например, указание на посещение Москвы индийской делегацией, опубликовавшей меморандум и воззвание от имени „Народов Индии“, прием Лениным представителей Северного и Южного Китая, на устройство НКВД частного совещания по восточным вопросам, на конференцию левых турецких социалистов, на устройство интернациональных митингов в Москве и Ленинграде, где выступают восточ. революционеры и т. д. В конце 1918 г. (31/X) возникает любопытная организация „Союз Освобождения Востока“, сыгравшая, несомненно, известную агитационную роль в деле пробуждения интереса к революционному Востоку. Союз устроил несколько больших собраний, митингов, на которых впервые были освещены в ряде докладов тт. Луначарским, Субхи, Гайдар-ханом (Реджеб Бомби), Кряжиным, Фирдевсом, Юсуповым, К. Трояновским и др. основные проблемы империалистической политики в колониях и задачи освобождения Востока.

В газетах начинают ставиться вопросы об организации центрального органа всемирной пропаганды, об устройстве специальных лекционных циклов по экономике, соц. отношениям, империалистической политике и т. п. в странах Азии (по инициативе Союза Освобождения Востока), появляются первые статьи, касающиеся политических событий в Азии, напр., Н. Бухарина — „Восточная революция“, К. Радека — „Выход Турции из войны“, Керженцева — „Революционное брожение на Балканах“, А. Вознесенского — „Россия и Персия“ и ряд его интересных статей по Индии, Средней Азии, Китаю и т. д. Как мы видим, это была эпоха необычайно повышенного интереса к Востоку, эпоха установки практических и теоретических вех, при чем все это происходило в атмосфере пионерства, неопитства, революционного пафоса и благородной восточной романтики.

Итоги этой интересной фазы, до сих пор мало изученной при ее крайнем интересе, подводит замечательная речь Ленина, произнесенная на Всероссийском съезде мусульман-коммунистов 22 ноября 1919 года. Речь эта, произнесенная за 7 месяцев до опубликования первоначального наброска тезисов по национальному и колониальному вопросам, до сих пор мало известна и не вошла в т. XIX собрания сочинений, содержащей статьи по национальному вопросу. Между тем, она дает удивительно точный анализ отношений Советской России к Востоку и, благодаря этому, имеет колоссальное значение для того направления, которое приняло наше новое востоковедение. В виду этого процитирую ряд отрывков из этой знаменательной речи.

„В силу ряда обстоятельств, между прочим, в связи с отсталостью России и с ее необъятным пространством и тем, что она служит рубежом между Европой и Азией, Западом и Востоком, нам пришлось взять на себя всю тяжесть, в чем мы видим великую честь быть застрельщиками мировой борьбы против империализма“.

Установив, как мы видим, историческую роль России для стран Востока, Ленин подводит итоги гражданской войны, которая победоносно оканчивается именно потому, что она является революционной войной, которую ведут угнетенные трудящиеся массы. „Наш опыт показал, что революционная война таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, в Сибири, опыта, который проделан Советской Республикой, подвергшейся военному нашествию всех могущественных стран империализма“.

После этих необходимых предпосылок Ленин устанавливает значение народов Востока для социалистической революции и обратно. Народные массы Азии — „до сих пор были объектами международной политики, для капиталистической культуры и цивилизации существовали как материал для удобрения“. Однако, эти миллионные массы с начала XX в. перестают играть такую пассивную роль:

„Мы знаем, что в 1905 году последовали революции в Турции, Персии, Китае, что в Индии развилось революционное движение. Империалистическая война также способствовала росту революционного движения, потому что пришлось втягивать целые полки колониальных отрядов в борьбу империалистов Европы. Империалистическая война разбудила и Восток, втянула его народы в международную политику. За периодом пробуждения Востока к современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения; народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества“.

Каковы же пути и методы революционной борьбы восточных масс за свое освобождение?

„Русская революция показала, как победившие капитализм пролетарии, сплотившись с многомиллионной распыленной крестьянской массой трудящихся, победоносно восстали против средневекового гнета. Теперь нашей Советской Республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу с международным империализмом“.

Это — трудная и своеобразная задача, при том „необычайного размаха“, и восточные коммунисты „должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с часто живущими в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока. В маленьких размерах мы осуществили в нашей стране то, что в большом размере, в больших странах осуществите вы“.

Несколько дальше Ленин подробнее характеризует конкретные формы национально-освободительных движений на Востоке и намечает руководство этой борьбой со стороны передового восточного пролетариата.

„Вам придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов и не может не пробуждаться и который имеет историческое оправдание, и, вместе с тем, вы должны проложить дорогу к трудящимся и эксплуатируемым массам каждой страны и сказать на понятном для них языке, что единственной надеждой на освобождение является победа международной революции и что международный пролетариат является единственным союзником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов“.

Как мы видим, здесь, впервые, не только в России, но и на Западе дается совершенно новая концепция современного Востока и, опять таки, радикально по новому устанавливаются взаимоотношения между ним и Советской Россией. Ясно, что подобная концепция ставит вопрос о необходимости изучать Восток по новому, а отсюда перед советской востоковедной мыслью встают совершенно новые задачи.

Вместо прежнего одностороннего лингвистического или экзотического подхода, явилась властная необходимость изучать современный Восток, при том в таких проявлениях его, как хозяйственный быт, социальный строй, политическая жизнь и т. п., которые раньше почти полностью игнорировались, или, как мы видели, даже сознательно извращались.

Думать в эту начальную эпоху (1918—1919 г.) о создании специальных трудов по Востоку, понятно, не приходилось. Мы были слишком отрезаны от зарубежного и даже Советского Востока, слишком мало знали о политико-социальных процессах, происходивших в нем после мировой войны; кроме того, было ничтожно мало людей, могущих анализировать восточные события с ленинской точки зрения. Тем не менее, мы видим, как ряд журналов уже начинает постепенно „ориентализоваться“, вернее, делать „вылазки“ в сторону Востока. Чрезвычайно ценные статьи появляются в ж. Коминтерна „Коммунистический Интернационал“; в „Вестнике НКВД“ за 1919 год мы находим несколько статей Г. В. Чичерина („Россия и азиатские народы“ в № 2, необычайно важный доклад о внешнем положении РСФСР, сделанный на заседании ВЦИК в № 3 и др.), М. Н. Покровского. („Три совещания“—в № 3), К. Радека („Ближний Восток и Антанты“—в № 3), в которых страны Востока рассматриваются, главным образом, под углом зрения внешней политики РСФСР и держав Антанты. Ряд статей по Востоку, в возрастающей прогрессии, появляется в органе Наркомнаца „Жизнь Национальностей“. В первых же номерах журнала мы находим статьи тов. Сталина „Не забывайте Восток“, „С Востока свет“ (1918), „Наша задача на Востоке“, „Резервы империализма“ (1919); с 1919 года журнал полнее других периодических органов отражает

события на Востоке в статьях т. т. Эфендиева (о Египте, Персии, Турции), Субхи (о Турции), М. Роя (об Индии), Скачко (о Турции), Майского, Бутаева, Рыскулова, Павловича, В. Кряжина и др., а также в недурно поставленной хронике. Ряд статей об империалистической политике в Азии систематически появляется и в журнале „Вестник Жизни“ Изд. Отдела ВЦИК (М. Павловича, А. Иоффе, В. Кряжина и др.).

Вслед за этим периодом вылазок, нащупывания и собирания черного материала наступает „героическая эпоха“, когда ряд писателей пытаются в одном труде осветить все проблемы Востока, нарисовать синтетическую картину его борьбы с империализмом и наметить перспективы происходящего национально-освободительного движения. Я не буду даже в общих чертах рассматривать относящиеся сюда книги, а именно: К. Трояновского „Восток в огне революции“ (попытка построения новой политической программы для туземных стран Востока: Индии, Персии и Китая—1918), пишущего эти строки: „Сумерки Востока“ („Империализм на Востоке“, 1919), М. П. Павловича: „Вопросы национальной и колониальной политики и III Интернационал“ (1920), Г. Сафарова — „Проблемы Востока“ (1922), А. Султан-Заде: „Экономика и проблемы национальной революции в странах Ближнего и Дальнего Востока“ (1922). Как мы видим даже из заглавий, все эти работы отличались необычайной широтой территориального охвата и меньшей экстенсивностью в смысле анализируемых проблем. Как правило, рассматривался весь Восток, взятый целиком (и Ближний, и Дальний и Средний), при чем со всех точек зрения: экономической, исторической, социальной, политической, революционной и т. д. Вполне понятно, что при такой экстенсивности разработки, вдобавок, при недостаточном наличии конкретного материала, все эти попытки оказались не совсем удачными, грешащими схематизмом, натяжками и чрезмерным упрощением. Однако, нельзя отрицать, что все эти опыты были вполне закономерными, и в высшей степени полезными, поскольку в этот период (1920—1921 гг.) ярко ощущалась потребность дать какую-то черновую схему нового Востока, открытого Октябрьской революцией и наметить (пусть схематически) пути и методы изучения его. Не буду останавливаться на огромном агитационном влиянии, которое оказали эти работы, в особенности в наших восточных областях и республиках, где как раз в эти годы шла наиболее ожесточенная борьба против внутренней реакции и иностранной оккупации, за национальное самоопределение.

Не забудем также, что эта эпоха была отмечена широкой „синтетической“ революционной политикой Коминтерна в странах Востока. В 1920 (1—8 сент.) в Баку происходит „Съезд Народов Востока“, несколько позже в Иркутске открывается „Съезд Народов Дальнего Востока“, на которых выковывается программа борьбы против империализма. Литературным результатом этих исторических съездов явилась

попытка издания первых чисто восточных журналов: бакинского „Народы Востока“ (вышел первый номер на русском и турецком языках) и иркутского „Народы Дальнего Востока“ (вышли два номера).

В 1922 году мы вступаем в сфере изучения Востока в третий период, приходящий на смену периодам: „первоначального накопления“ (1918—19) и „синтетическому“ (1920—21). Необычайно усложнившиеся задачи советской политики, дипломатии и экономики в странах зарубежного и советского Востока вызвали естественную потребность в более углубленном, дифференцированном изучении Востока в отдельных аспектах его жизни. При непригодности для осуществления этих целей старых востоковедных аппаратов необходимо было устроить как бы лабораторию нового революционного востоковедения. Последняя и была создана по идее В. И. Ленина в виде Ассоциации Востоковедения, сначала Всероссийской, а потом Всесоюзной, при чем устройство и руководство ею было поручено одному из основоположников марксистского изучения Азии и колониального мира—скончавшемуся в этом году М. П. Павловичу.

За пять лет своего существования Ассоциация сумела в основном выполнить порученные ей задания: организационно — она сумела сплотить наиболее живые элементы старого востоковедения в одно целое с представителями новой марксистской ориенталистики; научно — Ассоциация создала целый ряд секций и комиссий в которых находят социологическую разработку не только проблемы экономики и социального строя современного Востока, но и его прошлое, культура, этнография и т. п. Результаты исследовательских работ Ассоциации Востоковедения включаются в „Новый Восток“, восемнадцать вышедших томов которого являются как бы восемнадцатью основными кирпичами всего здания советского востоковедения.

Ассоциация имеет несколько филиалов (в Хабаровске, Иркутске и др.), ведущих довольно интенсивную работу. Кроме того, по ее типу сложились Ассоциация Востоковедения Закавказская и Всеукраинская, широко развернувшая научно-исследовательскую работу и наладившая (с 1927 г.) издание журнала „Східній Світ“.

Вторым детищем революции является Музей Восточных Культур (в Москве), который впервые изучает памятники материальной культуры Востока, не с точки зрения эстетического любования ими, а путем выяснения их на фоне хозяйственных и культурных процессов данной страны.

Наряду с этой научно-исследовательской работой по Востоку, сильное развитие получила „восточная педагогика“, путем реорганизации старых и создания новых специальных ВУЗ'ов. Старый Московский Лазаревский Институт, подготовлявший до революции дипломатические кадры второго разряда, преобразуется в настоящий Институт Востоко-

знания им. тов. Нариманова. В Ленинграде возникает совершенно новое учебное и научное учреждение в лице Института Живых Восточных Языков (ныне „Ленинградского Восточного Института“). Организовав изучение восточных языков, но не как самоцель (как раньше), а как орудие для всестороннего изучения жизни стран современного Востока и поставив на должную высоту ряд страноведческих дисциплин, Ленинградский Институт, стоит сейчас на пути разрешения проблемы подготовки новых востоковедных кадров. Из других ВУЗ'ов отмечу чрезвычайно продуманную и организованную работу Бакинского Университета и Дальневосточного во Владивостоке.

Размах востоковедной научной работы, однако, не уместается в рамках перечисленных учреждений. Она ведется, и это опять таки совершенно новая, „советская“ черта, в НКИД (особенно в жур. „Международная Жизнь“), во Всероссийской Торговой Палате (жур. „Торговля России с Востоком“), в Коммунистической Академии (в жур. „Мировая политика и Хозяйство“ и в Обществе Историков-марксистов), в Институте этнических культур народов Востока, в Коммунистическом Университете Трудящихся Востока (жур. „Революционный Восток“) в Университете им. Сун-Ят-сена и в др. учреждениях. Благодаря этой интенсивной работе, мы уже сейчас имеем некоторый востоковедный актив, быть может, не особенно многочисленный, но состоящий, главным образом, из работников, практически знакомых с политикой, экономикой и социальными отношениями различных стран Востока. Этому активу принадлежит ряд ценных работ по различным странам Востока.

Каковы же основные, внутренние черты этого молодого советского востоковедения?

Оно стремится прежде всего объяснить все процессы, происходящие в странах Востока, их классовой структурой и экономической организацией, под углом зрения освободительной борьбы против империализма. Достаточно сравнить работы по современному Востоку наших востоковедов с теми статьями, которые сейчас помещаются в наиболее серьезных европейских органах, чтобы убедиться, что разница заключается здесь и в диаметрально противоположном классовом подходе, и в самом методе разработки одних и тех же политических проблем. Отрицая право колониальных народов на самоопределение, защищая интересы империалистов, западные публицисты-востоковеды даже наиболее авторитетные, анализируя политические факты, никогда не выходят из заколдованного круга политических же факторов, которые призваны у них играть роль первопричин. Неизбежные бреши, которые получаются при подобном, чисто внешнем подходе, обычно замазываются идеологическими аргументами и прикрываются интересами „цивилизации“, особой исторической миссией „культурных“ народов руководить судьбами отсталых рас и т. п. Наоборот, наше новое востоковедение стремится каждый политический

факт взять обязательно в его внутреннем разрезе, и пусть подчас неумело, пусть не всегда удачно, опознать его экономическую и классовую сущность.

При малой изученности хозяйственного строя и общественных отношений стран Востока, при отсутствии, в большинстве случаев, даже элементарных статистических данных, наконец, при абсолютной новизне вопроса и (том часто исключительном значении, которое та или иная оценка имеет для разрешения самых жгучих вопросов практики, здесь, разумеется, неизбежны ошибки, различие подходов, гипотетичность многих высказываемых положений.

Громадной заслугой наших новых востоковедов является то, что, не ограничиваясь простой репродукцией политических фактов и поверхностным комментированием их, они пытаются раз'ять их теоретическим скальпелем и привести в связь с внутренними, часто незримыми, процессами народно-хозяйственного и общественного организма той или иной страны.

Советская востоковедная мысль, несомненно, идет по пути количественного роста и качественного улучшения своей научной продукции, и недаром с последней очень серьезно считаются не только у нас, но и на Западе, при всем коренном различии исходных точек зрения.

Отдельные востоковедные организмы выросли, окрепли за последние 5 лет, и это ставит перед нами новые организационные задачи — тесной увязки всех востоковедных учреждений, дифференциации функций, максимальной планировки ведущихся работ, установления единого методического и, быть может, научно-организационного контроля и т. п.

На фронте научно-исследовательской работы мы должны стремиться к повышению качества, а это достижимо лишь путем синтеза тех элементов, которые были сильны у старого востоковедения, с теми новыми началами, которые были стихийно привнесены революцией и оформлены Лениным.

Десять лет тому назад создались объективные предпосылки для создания нового востоковедения. Сейчас мы можем смело сказать, что в основном задача эта уже выполнена. Правда, новое здание востоковедения еще находится в лесах, не во всех частях постройка идет равномерно, и часто, слишком часто, не хватает рабочих рук. Но мы не должны из-за этих временных недочетов упускать из виду факт огромной, а бы сказал, мировой важности, а именно создание за 10 лет нашей революции новой марксистской дисциплины — современного научного востоковедения.

Изучение культур Советского Востока.

(Некоторые итоги к 10-летию Октября).

Всем хорошо известно, что в дооктябрьской России менее всего поощрялось всестороннее обследование и изучение восточных народностей, ныне полноправных членов Советского Союза. Немудрено поэтому, что наш Восток с его богатейшим культурным прошлым изучен более чем недостаточно; здесь во многом надо буквально начинать сначала. А обследовать и изучать было и есть что.

Не надо упускать из виду необыкновенного обилия и разнообразия памятников различных исторических культур, широко представленных в пределах бывшей российской империи. „Наше отечество,—писал в 1915 г. академик Б. А. Тураев,—является в археологическом отношении единственным в своем роде государством; оно включило в себя части двух древне-восточных царств, великую Грецию северных берегов Евксинского Понта, край Римской империи, территории двух эллинистических монархий, двух восточно-христианских царств, края византийского мира, ряд областей западно-христианской культуры, обширнейшие области ислама и буддизма,—и все это при непрерывной цепи туземной скифской, готской, славянской и русской старины¹⁾).

И многие из этих богатств оставались, да и остаются, пожалуй, еще и теперь, втуне сокровенными. Правительство старого режима, вообще, мало заботилось о развитии востоковедных штудий, а работы по изучению „инородцев“ попадали еще нередко и под бдительный надзор полиции. И, несмотря на эти неблагоприятные условия и вопреки им, ряд наших востоковедных учреждений и отдельных ученых-ориенталистов все же продвигали, по мере сил и возможности, дело изучения восточных культур. Отдельные работы отдельных специалистов нередко представляли значительный интерес и ценность, но они были весьма немногочисленны. Ученые и писатели, выходявшие из среды тех или иных восточных народностей и пытавшиеся писать на своем родном языке, не только не поощрялись, но чаще всего подвергались всяческому

¹⁾ Б. Тураев. — Задачи русской науки на Переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями“ в журн. „Хождение по Руси и за рубеж“, 1945, I, стр. 5.

карам и преследованиям. При наличии всех этих обстоятельств можно быть благодарным старому востоковедению и за то, что оно смогло и сумело сделать.

Октябрьская революция быстро и энергично поставила на новые рельсы наше востоковедение, расширив круг его задач и приблизив его к актуальным запросам жизни. Но не только впервые выдвинутая проблема нового Востока во всех ее многообразных аспектах, но и новый подход к старым культурам Востока были поставлены в программу дня. Не только собирание новых материалов, систематизация фактов, то или иное прагматическое повествование, но и опыты известных социологических построений постепенно начинают встречаться в послеоктябрьской востоковедной литературе. И здесь видная роль уделяется изучению культур Советского Востока.

Теперь, когда громко провозглашенный лозунг самоопределения народов стал подлинно претворяться в действительность, мы являемся свидетелями необыкновенного оживления востоковедных штудий по всему лону Союза. И центр и места как бы соревнуют друг с другом. Отрадно отметить, что почти во всех наших союзных и автономных республиках и областях разворачивается интенсивная работа по изучению своего настоящего и прошлого. И сейчас уже можно констатировать немалые успехи и достижения в этом направлении.

В настоящей статье, менее всего претендующей на какую-либо исчерпывающую полноту, я хотел бы остановиться на некоторых наиболее характерных моментах и на общих тенденциях той уже довольно значительной работы, которая проделана по изучению восточных культур СССР. Я не буду перечислять всех вышедших за последние годы публикаций, отсылая интересующихся к выпускаемой Ассоциацией Востоковедения книге „Библиография Востока. История“. Мне, повторяю, хочется подчеркнуть лишь главнейшее.

Послеоктябрьский период ознаменован созданием целого ряда новых востоковедных организаций как в центре, так и на местах. Достаточно упомянуть о Всесоюзной Научной Ассоциации Востоковедения, учрежденной в 1921 г. по инициативе В. И. Ленина, о Всеукраинской Ассоциации Востоковедения, о ряде научно-исследовательских институтов, научных, краседческих обществ, о целой сети вновь возникших музеев, о библиотеках, хранилищах и т. д. Постепенно разворачивается и экспедиционная работа, все чаще и чаще объединяющая научных работников центра и мест. Значительно подвинулось вперед издание книг, брошюр, журналов и т. д., особенно на местах, в союзных и автономных республиках и областях. Наконец, немалую роль играют съезды, совещания и конференции, концентрирующие внимание на вопросах как более общего порядка, так и специальных.

При подытоживании в деле изучения восточных культур Советского Союза на первое место должны быть поставлены успехи в области исследования тюркских народов СССР. Эти успехи несомненны и весьма показательны. В первую очередь упомянем о том, что сделано по изучению татарской культуры. Татарская культура изучалась за последние годы в довольно широком охвате, начиная от золотоордынских времен и кончая современностью — столкновением старого и нового быта в их этнографическом отображении. Раскопки в Поволжье (на месте золотоордынских столиц Старого и Нового Сараев) и в Крыму (в первой столице крымских татар — Солхате или Эски-Крыме и в Эски-Юрте) в значительной степени по-новому представили ранние стадии татарской культуры, разрушив ходовые представления о „дикости“ и „варварстве“ татар золотоордынского периода.

Недостаточность и тенденциозность письменных источников серьезно корректируется данными материальной документации, широко освещающей социально-экономические отношения и бытовой уклад поволжских и крымских татар XIII—XIV вв. Отчеты о раскопках проф. Баллода в Поволжье и о результатах экспедиций 1925 и 1926 г. по изучению татарской культуры в Крыму, организованных Крымским правительством совместно с Всесоюзной Научной Ассоциацией Востоковедения, частично уже опубликованы¹⁾. Обильный старо-крымский материал ждет большого специального издания. На ряду с изучением ранних эпох татарской культуры подвергаются обследованию и более поздние периоды. В Казани, например, где широко развертывает свою деятельность Научное Общество Татароведения при Акцентре Татаркомпроса, опубликован такой важный документ, как ярлык Хана Сахиб-Гирея; там же появились и обобщающие труды по истории Казанского ханства (книги проф. Н. Н. Фирсова, Г. Губайдуллина и М. Г. Худякова). Успешно развиваются работы по татарской этнографии (по материальной и духовной культуре), стоящие в связи с рядом экспедиционных обследований и с организацией прекрасного отдела татарской этнографии в Центральном Музее Татарской Республики. Здесь особенно следует отметить работы Н. И. Воробьева, К. и М. Губайдуллиных и др. По искусству и художественной промышленности казанских татар много работает П. М. Дульский, давший и обобщающую книжку „Искусство казанских татар“ (в серии Центриздата „Художественная культура народов СССР“, под ред. проф. Бороздина). Под редакцией Дульского выходил журнал „Казанский Музейный Вестник“, уделявший видное место Востоку. Древности Болгар (или Булгара) изучаются проф. В. Ф. Смолиным, выпу-

¹⁾ Ф. Баллод. — Приволжские Помпеи, 1923; Старый и Новый Сарай — столица Золотой Орды, 1923; Культура Золотой Орды („Новый Восток“, № 6); И. Бороздин — Солхат, 1926; Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму, 1927 г.

стившим недавно полезный историко-археологический путеводитель „По развалинам древнего Булгара“; ремонтные работы в Булгаре были недавно произведены под руководством ученого архитектора В. Егерев. Пятилетний юбилей Татреспублики, торжественно отпразднованный в 1925 г., вызвал появление в свет ряда ценных изданий, например, сборник „За 5 лет“ и „Материалы по изучению Татарстана“, под редакцией Г. Ибрагимова и Всробьева, соответствующие книжки трудов Общества Татароведения и Общества Истории, Археологии и Этнографии. По истории татарской литературы, привлекая за последнее время серьезное внимание, появились труды Валидова, Саади, Галимджана Ибрагимова, Газиза Губайдуллина и Али Рахима.

За последнее время заметно оживилась историко-культурная работа в Крыму. На ряду с экспедиционным обследованием Солхата (Старого Крыма) проведена была большая этнографическая экспедиция по степному Крыму. В после-революционные годы значительно шагнуло вперед музейное дело в Крыму, особенно в деле собирания и экспонирования предметов татарской культуры. Здесь на первом плане следует поставить Бахчисарайский Музей, по праву являющийся центральным музеем крымско-татарской культуры. Но следует также отметить коллекции Восточного Музея в Ялте (по южно-бережным татарам), Центрального Музея Тавриды и Евпаторийского Музея. Даже в маленьком Старом Крыму в результате раскопок возникло маленькое хранилище, содержащее, однако, не мало весьма ценных памятников. Научно-исследовательскую работу ведет Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии, выросшее из пользовавшейся заслуженной популярностью Таврической Ученой Архивной Комиссии. С широкими краеведческими задачами выступает и Общество по изучению Крыма, центрирующееся в Симферополе и имеющее ряд своих филиалов во всех главных пунктах Крымреспублики.

Из отдельных работ по истории культуры, литературы и искусства отметим публикации Османа Акчокраклы (о тамгах и старо-крымских надписях), Одобаша, Айвазова (по истории литературы), Уссейна Боданинского (по крымско татарскому искусству) и др.

Много сделано после установления советской власти в Азербайджане. В короткое время Баку стал крупным центром новой тюркской культуры. И здесь, на ряду с творческим созданием нового (не забудем, что Баку — первый стал на путь реформ тюркского алфавита и провел у себя латинизацию), идет и изучение прошлых культур. Этому соответствующее внимание уделяют Общество обследования и изучения Азербайджана, за какие-нибудь 2—3 года успевшее выпустить ряд ценных изданий (кроме „Известий“, отдельные монографии), Государственный университет имени Ленина, имеющий свой восточный факультет с широкой плановой установкой, Государственный Музей и Археологический

Комитет, ведающий охраной и изучением памятников старины. В результате этих работ (экспедиций, изучения письменных и вещественных источников) постепенно выявляется прошлое Азербайджана, до сего времени подобающим образом не изученное. По истории Азербайджана появились книги В. М. Сысоева („Краткий очерк истории Азербайджана“) и Е. А. Пахомова („Краткий курс истории Азербайджана“); прошлого тюрков Азербайджана касается акад. В. В. Бартольд в своей книге „Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира“ (курс лекций, читанный на восточном факультете Бакинского университета). По археологии, искусству и этнографии значение имеют работы проф. В. М. Зуммера (обследование знаменитой Девичьей Башни, общий очерк художественных памятников Азербайджана, статьи о современном ковровом производстве и т. д.), Е. А. Пахомова (раскопки дворца Ширваншахов, работы по нумизматике), В. М. Сысоева (по древним памятникам Азербайджана), Джемилл Александровича, Д. Шарифова, Алекпера Алекперова и др. По литературе и языку отметим работы Агамалы-Оглы, Зейналлы, Чобан-Заде, Ага-Заде и др.

Богатейшие культуры Средней Азии, где такую видную роль играют тюркские народы, также обследовались за интересующий нас период. Здесь в первую очередь следует отметить широко развернувшуюся деятельность Среднеазиатского комитета (ранее Турккомстариса). Этот Среднеазиатский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы организовал ряд экспедиций и научных поездок отдельных специалистов (как местных, так и привлекаемых из центра) с целью учета, обследования и всяческих мер охраны памятников многочисленных пронесшихся по лону Туркестана культур. Вполне рационально поставлены были ремонтные работы, совершенно необходимые для поддержки первоклассных памятников восточного искусства (Шир-Дор, Гур-Эмир, Шах-и-Зинда, Ак-Сарай, Улугбек и т. д. в Самарканде). На ряду с более известными памятниками Самарканда и Бухары (хотя и здесь далеко еще не все сделано), подвергались обследованию древности Ферганы (здесь особенно любопытны памятники Узгена), Джетысу (Семиречья), Шахтисабза, Чикментского и Аулиеатинского районов, Термеза (экспедиция 1926 и 1927 гг. Музея Восточных Культур в Москве¹), Хивы и др. Результаты этих работ частью уже опубликованы как в первом томе „Известий“ Среднеазиатского комитета, так и в других изданиях. Отметим особенно статьи Б. Н. Засыпкина (по средне-азиатской архитектуре), Д. И. Нечкина, В. Л. Вяткина, М. Е. Массона, И. И. Умнякова, М. С. Андреева (о среднеазиатской керамике), А. А. Семенова и др. Проф. Б. П. Денике, участвовавший в ряде экспедиций, напечатал в этом

¹) Отчеты о работах в 1926 г. напечатаны в первой книжке издания Музея Восточных Культур „Культура Востока“, 1927 г.

году весьма интересный общий очерк „Искусство Средней Азии“ (в серии Центриздата „Художественная культура народов СССР“). К сожалению, на почве Туркестана весьма мало велись археологические раскопки, при чем самые большие произведены были, увы, американцами (знаменитая экспедиция Phipps в Анау). Между тем, Афрасиаб и Хорезм (с его напластованиями культур) и целый ряд других исторически прославленных мест ждут археологической лопаты. Правда, Афрасиаб копали, копают понемножку и сейчас (интересные раскопки В. Л. Вяткина), но до сих пор работы не развернуты во всей полноте. А к археологическому обследованию Хорезма (хотя бы в виде разведки) и совсем не приступали, хотя для решения целого ряда важнейших вопросов экономической и культурной истории Средней Азии в ее увязках с Поволжьем и Крымом материальная документация Хорезма прямо необходима. Будем думать, что на эту сторону изучения средне-азиатских памятников будет, наконец, обращено серьезное внимание. Из работ этнографического порядка отметим экспедиции и поездки М. С. Андреева, И. И. Зарубина, Н. Брюлловой-Шаскольской (экспедиция Туркменского Научно-Исследовательского Института), Е. Пещеревой и др. Материалы по музыкальному народному творчеству собирали Успенский и Миронов. Наряду с изучением культур тюркских народов Средней Азии, изучаются и иранцы-таджики. Этим довольно интенсивно занялось недавно возникшее „Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами“, выпустившее уже несколько полезных и примечательных публикаций. Особенно отметим из них сборник „Таджикистан“ (здесь ценная статья А. А. Семенова об археологических памятниках) и отчет М. С. Андреева об экспедиции 1925 г.— „По Таджикистану“. Из общих работ по истории Средней Азии, появившихся за последнее время, надо упомянуть о монументальном труде Г. Е. Грумм-Гржимайло, второй том сочинения которого „Западная Монголия и Урянхайский край“ уделяет много места истории Средней Азии, и о двух книгах акад. В. В. Бартольда, выпустившего сначала краткий очерк „История Туркестана“, а затем в нынешнем году книгу „История культурной жизни Туркестана“. Им же в 1918 г. опубликована специальная монография „Улугбек и его время“.

Заметно оживились работы и по Казакстану. Здесь работает местное общество по изучению Казакстана, имеющее солидную преемственную традицию от ранее существовавшей ученой архивной комиссии. За самое последнее время на территории Казакской республики ведутся экспедиционные обследования Академии Наук СССР, (в том числе и антрополого-этнографические). История казаков представлена новыми книгами: А. П. Чулошникова — Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен (пока появилась I часть, трактующая о древнем времени и средневе-

ковьи) и М. Тынышпаева — Материалы к истории киргиз-казакского народа (главное внимание уделено генеалогии казакских родов). Общий очерк современного Казакстана дает полезная книга Т. Рыскулова. Антропологическим отрядом Казакстанской экспедиции Академии Наук выпущен в 1927 г. двухтомный сборник „Казакки“ под редакцией профессора С. И. Руденко, заключающий, кроме статей редактора, также статьи проф. А. Н. Самойловича (О слове „казак“), Ф. Фиельструп, М. П. Грязнова (по археологии Казакстана), Е. Р. Шнейдер (по казакской орнаментике) и др. Весьма любопытен обширный труд народного артиста Александра Затаевича, собравшего 1.000 песен киргиз-казакского народа. Этот сборник народных песен, записанных Затаевичем в 3—4 г., исключительно богат огромным этнографическим материалом и разнообразным мелодическим содержанием. Определенный интерес к старинным народным сказаниям, к героическому эпосу вызвал и появление книжки Г. Тверитина — Песнь о Козы-Корпече и Бая-Слу, изданной Казакским Наркомпросом. Это стихотворный, местами вольный перевод популярнейшей и чрезвычайно поэтичной казакской легенды о любви и трагической гибели юных героев Козы-Корпече и Бая-Слу, казакских „Ромео и Джульетты“. В этой поэме, весьма широко распространенной и имеющей ряд местных вариантов, интерес представляют не только удивительно-задушевные и искренние лирические места, но характерные бытовые данные, рисующие быт степняков, классовые отношения, племенную борьбу (борьба казаков с калмыками) и т. д.

Менее сделано по изучению башкир. На месте действует Научное общество по изучению быта, истории и культуры башкир, выпускающее свои „Известия“. Проф. С. И. Руденко в 1926 г. издал второй том своей обстоятельной монографии „Башкиры“, посвященный быту и материальной культуре. Что касается чувашей, то здесь следует упомянуть об археологических раскопках на территории Чувашской республики проф. В. Ф. Смолина, о работах местного историка Петрова и крупных лингвистических изысканиях проф. Н. И. Ашмарина. За последнее время чувашаи привлекли внимание акад. Н. Я. Марра, нашедшего в чувашском языке новые данные для яфетической теории. В результате работ на месте Н. Я. Марром выпущена книжка „Чуваши-яфетиды на Волге“.

В Якутии ведутся работы как местными силами, так и большой, рассчитанной на несколько лет экспедицией Академии Наук. Пока экспедиция занята, по преимуществу, исследованиями по линии естественнонаучных дисциплин. Вопросы культурно-исторического порядка не попали еще в порядок дня. Огромное значение имеет завершение „Словаря якутского языка“, составленного Э. К. Пекарским. О северной отрасли тюркских племен — о хакасах, появилась дельная книжка Н. Н. Козьмина, сгруппировавшего все необходимые исторические данные.

Я остановился подробнее на изучении тюркских народов СССР потому, что изучались они, пожалуй, наиболее интенсивно. Здесь за короткий срок все же сделано немало. Но, само собой разумеется, что всего этого далеко еще недостаточно. То, что сделано, является очень часто лишь введением, приступом к дальнейшему разворачиванию исследовательских работ. И здесь нужна известная систематичность и планомерность. Первый всесоюзный тюркологический съезд в Баку, бывший подлинным генеральным смотром тюркологических сил, подвел итоги сделанного и наметил перспективные планы дальнейших работ. Несмотря на определенный уклон в сторону практической лингвистики, Бакинский съезд уделил место и историческим и этнографическим вопросам¹⁾, вынеся в резолютивной части ряд программных пожеланий. Съездом была отмечена, напр., недостаточность изучения материальной культуры тюркских народов СССР. Еще в большей степени подчеркнуто это было на первой конференции археологов СССР в Керчи (сентябрь 1926 г.), где была выделена особая секция тюрко-татарской археологии, весьма активно работавшая. Постановлено было принять ряд мер, чтобы корректировать отмеченные недостатки и в первую очередь собрать конференцию по изучению материальной культуры и искусства тюркских народов Советского Союза. Во исполнение этого постановления Научная Ассоциация Востоковедения СССР, уделяющая видное внимание всестороннему изучению тюркских культур, поручила Историко-Этнологическому Отделу созвать особое совещание ученых специалистов, занимающихся тюркской материальной культурой, с целью наметить основные проблемы изучения и установить ближайшие задачи конференции. На совещании, состоявшемся 3—4 февраля 1927 г., были заслушаны доклады: Бороздина, Зуммера, Денике, Башкирова, Засыпкина, Брунова и Тренева, знакомящие с современным состоянием изучения материальной культуры тюркских народов в СССР и намечающие перспективы первоочередных работ²⁾. В ближайшее время конференция будет созвана в Казани, где организацию ее принял на себя Акцентр Татнаркомпроса. Можно надеяться, что Казанская конференция, а затем и 2-й тюркологический съезд в Самарканде поставят на правильные рельсы изучение тюркских культур, расширив его и углубив.

Кратко отметим, что ведутся соответствующие работы по изучению монгольских народов нашего Союза, бурято-монголов и калмыков. Соби-

1) Стенографический отчет съезда может ознакомить как с соответствующими докладами (Бартольда, Бороздина, Губайдуллина, Руденко, Чурсина, Миллера) и прениями, так и с принятыми съездом резолюциями. О Бакинском съезде только что вышла на немецком языке обстоятельная книга проф. Менцеля.

2) Проф. В. М. Зуммер—Московское совещание по изучению культуры и искусства тюркских народов. Баку, 1927. Резюме прочитанных на совещании докладов предложено НАВ издать к конференции.

раются материалы, публикуются как общие, так и более специальные работы. Прошлому бурято-монгольской народности посвящен, напр., очерк А. Турунова, а о далеком прошлом Бурятии в свете археологических раскопок говорит проф. Б. Э. Петри в своей брошюре „Далекое прошлое бурятского края“ (1922). Ценные, основанные на первоисточниках работы по истории калмыков опубликовал проф. Н. Н. Пальмов. Вслед за очерком истории калмыцкого народа за время его пребывания в России (1922), им напечатаны в 1926—27 г.г. два тома этюдов по истории калмыков, пускающие в научный обиход немаловажные новые данные. Ряд бытовых моментов современной Калмыкии освещен в любопытнейшей книжке Амур-Санана.

Шло в большей или меньшей степени изучение угро-финских племен (мари, вотяков, коми). Здесь опять, на ряду с местными научными обществами и организациями, вели работу и учреждения центра (напр., Московский Музей Народоведения в Марийской области). Культура Приуралья и Прикамья, а также восточные культуры Сибири изучались более в отношении древнейших времен (археологические раскопки), и потому мне придется сказать о них несколько позднее.

Несомненно, развернулась за последние годы исследовательская работа на Кавказе. Кавказ с его многоплеменностью и обилием пронесшихся по его лону культур является подлинным историко-этнографическим музеем в грандиозном масштабе. Здесь, несмотря на ряд уже произведенных обследований, — много еще непочатых углов для изучения. За время советизации значительно подвинулась исследовательская работа на Северном Кавказе. Созданы были новые организации, институты краеведения, научные общества, местные музеи. С каждым годом растет и экспедиционная деятельность, привлекающая, на ряду с представителями центральных научных учреждений, все большее и большее количество местных научных работников. Из республик и областей Северного Кавказа прежде всего отметим Дагестан. Здесь идет активная работа по обследованию истории материальной культуры, этнографии и лингвистики. Создан Дагестанский Научно-Исследовательский Институт, имеющий свои печатные труды. Вырос музей в Махач-Кала. Ряд экспедиций был организован дагестанским правительством совместно с Всесоюзной Научной Ассоциацией Востоковедения и Институтом языковых и этнических культур. Результаты этих экспедиций опубликованы в статьях проф. Н. Ф. Яковлева, А. С. Башкирова, Н. Б. Бахланова, Л. И. Жиркова и др. Весьма существенным является возобновление известного издания „Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“, 45 выпуск которого вышел в 1926 г. (с интересными материалами и статьями). В Махач-Кала издается и журнал („Бюллетень“) Ассоциа-

ция Горских Краеведческих организаций, объединяющий работы отдельных местных организаций. По современному Дагестану и его недавнему прошлому появились книги Н. Самурского, М. Павловича и А. Тахо-Годи.

Усилилась научная деятельность по части изучения горских культур и в Ростове на Дону, где действуют недавно организованный Северо-Кавказский Краевой Горский Научно-Исследовательский Институт (летом этого года им проведены были экспедиции и выпущен № 1 „Бюллетеня“) и Северо-Кавказское Краевое Общество Археологии, Истории и Этнографии, публикующее свои „Записки“. Крайнацидатов предприятия нужная и полезная серия „Республики и области СССР. Северный Кавказ“, первым выпуском которой вышел коллективный труд Умара Алиева, Б. Городецкого, С. Сиюхова—„Адыгея“, а вторым—книга Умара Алиева—„Карачай“. В обеих этих книгах, равно как и в небольшой книжке того же Умара Алиева—„Кара-Халк“, подобающее место отведено историко-этнологическим данным.

В Краснодаре научной работой по культурам Северо-Западного Кавказа занимаются кубанское отделение Научно-Исследовательского Института (местной экономики и культуры) и Литературно-историческое и Этнологическое общество. Обследовались, между прочим, кубанские городища (работы проф. Н. А. Захарова). Издан сборник статей по экономике и культуре (1927). Археологические и этнографические работы на Северном Кавказе вела также экспедиция Академии Истории Материальной Культуры под руководством А. А. Миллера.

В Ингушской автономной области, где также недавно образовался Ингушский Научно-Исследовательский Институт краеведения, ведется работа по изучению Ингушетии в археологическом, этнографическом, лингвистическом и экономическом отношениях. Организуются экспедиции, собираются материалы в Ингушко-осетинском музее во Владикавказе. Пишущему эти строки пришлось принять участие в экспедиции Ингушского Института Краеведения, предпринятой летом этого года и имевшей целью всестороннее обследование района Джераховского ущелья (в Горной Ингушетии). Экспедиция эта, в которой приняли участие научные сотрудники института Л. П. Семенов, И. И. Щерблякин, З. У. Мальсагов, Г. К. Мартиросиан и Хаджи Бекир Ахриев, произвела обследование целого ряда любопытных древних памятников (с небольшими археологическими разведками), собрала обильный этнографический, лингвистический и экономический материал¹). К 10-летию Октября Ингушский Институт печатает I том своих „Известий“.

¹) Результаты этой экспедиции будут освещены на страницах „Нового Востока“.

Целый ряд публикаций выпустил Северо-Осетинский Институт Краеведения, энергично ведущий исследовательскую работу на территории Северной Осетии. Из вышедших в свет изданий Института, кроме двух огромных томов „Известий“ (с рядом любопытных статей и материалов), особенно отметим ценные „Памятники народного творчества Осетии“ (2 выпуска: „Нартовские народные сказания“ и „Дигорское народное творчество в записях Михаила Гардант“); это издание, кроме своего несомненного литературно-художественного значения, представляет большой культурно-исторический интерес, давая массу бытовых и даже чисто исторических материалов. Осетинским Институтом выпущена также книжка Г. Кокиева—Очерки по истории Осетии (1926 г.), представляющая один из первых опытов охватить политическую историю Осетии в связи с ее экономическим положением.

Переходя теперь к Закавказью, отметим деятельность ряда научно-исследовательских учреждений, работающих в Грузии. Здесь развили свою деятельность: университет, выпустивший немалое количество изданий, в которых видное место уделено проблемам изучения культуры, Грузинское научное Общество, Академия Художеств, предпринявшая недавно издание целой серии памятников крестьянского искусства, музей; Кавказский Историко-археологический Институт, выпустивший четыре тома своих „Известий“, Закавказская Ассоциация Востоковедения, организовавшая экспедиция в Южную Осетию и издавшая „Материалы по изучению Грузии“, но, к сожалению, недавно прекратившая свое существование. По истории, археологии, этнографии и искусству Грузии напечатаны в после-октябрьский период работы проф. Г. Чубинашвили, проф. Д. П. Гордеева, проф. Джавахова, Г. Ф. Чурсина, Л. М. Меликсет-Бекова, Какабадзе, Ниорадзе, Е. Г. Пчелиной и др. Работу по обследованию хевсуров провел нынешним летом проф. В. А. Гурко-Кряжин, командированный Всесоюзной Научной Ассоциацией Востоковедения.

Значительную энергию в деле обследования своего культурного прошлого проявила Абхазия. Здесь проведено было несколько археологических, этнографических и лингвистических экспедиций; здесь же активно работает Абхазское Научное Общество, отпечатавшее уже несколько выпусков своих „Известий“. С трудами по истории Абхазии выступили Д. Гулия („История Абхазии“, т. 1, 1925) и С. Ашлацава („Пути развития абхазской истории“, 1925). Дельный общий очерк Абхазии в географическом, этнографическом и экономическом отношениях дан Симоном Басарией. По абхазским древностям опубликованы в „Известиях“ Общества статьи А. Башкирова, В. Стражева, С. Коркунова и др. Лингвистикой Абхазии много занимался акад. Н. Я. Марр.

В Армении, где сравнительно недавно наладилась широкая культурная работа на поприще научно-исследовательской деятельности, выступили эриванский университет (вышли 2 тома „Известий“, содержащие и материалы культурно-исторического порядка) и Институт Наук и Искусств. Принимаются меры к обследованию и охране выдающихся памятников местной старины.

Сообщенные мною краткие данные о Кавказе были бы неполными, если бы не сказать о тех сильно развернувшихся лингвистических изысканиях, которые связаны с яфетической теорией Н. Я. Марра. Хотя теперь эта теория в своей последней редакции уже значительно переросла Кавказ, тем не менее богатейший языковый мир кавказских народов непрестанно питает яфетическую теорию новыми и новыми данными. Работа самого Марра, его учеников и примыкающих к его взглядам ученых представлены в целом ряде публикаций¹⁾.

Менее продвинулось вперед изучение древних культур Кавказа, чрезвычайно богатых и высоко интересных. Все же новые раскопки (особенно на территории Азербайджана) дают возможность учесть некоторые новые материалы по урартийской культуре и ближе поставить проблему взаимоотношений древних кавказских культур и культур Передней Азии. Здесь, вероятно, придется существенно считаться с локальными проявлениями мощной хеттской культурной экспансии, распространившейся и на наш Юг. Кавказ в беге столетий—тема неисчерпаемая.

В заключение своего краткого очерка я хотел бы сказать несколько слов об изучении древних культур, связанных в той или иной степени с Востоком и отображавшихся в пределах нашего теперешнего Союза²⁾. Получившая громкую известность Трипольская культура (особенно интерес к ней усилился за самое новейшее время в связи с замечательными открытиями в Китае и Индии, давшими созвучные культуры на исходе нового-каменного века и в начале бронзы) довольно интенсивно изучалась на Украине. Произведены были в новых местах раскопки, давшие свежий материал; Украинской Академией Наук издан любопытный сборник „Трипільська культура на Україні“, содержащий ряд отчетных исследований. Внимание широких научных кругов было привлечено раскопками в Усатове (близ Одессы), где обнаружены были остатки

¹⁾ Основные положения яфетической теории в их историческом развитии см. в книге Н. Я. Марра.— По этапам развития яфетической теории, 1926., см. также соответствующий отдел в отмеченной уже нами книге „Библиография Востока“.

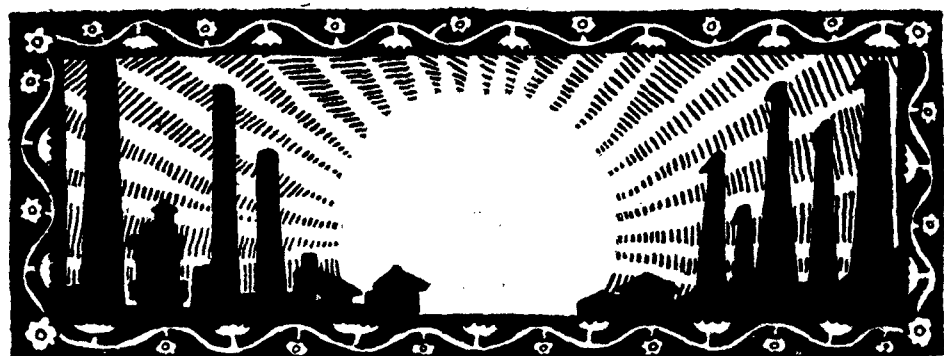
²⁾ По археологии СССР появились обобщающие работы проф. Ю. В. Готье („Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы“) и известного шведского археолога Т. Арне (обширная глава в книге „De förhistoriska tiderna i Europa“).

сооружений и примечательная керамика, давшая возможность говорить об особом культурном выявлении, быть-может, конца Триполья¹⁾.

Культура бронзового века в ее связях с Востоком исследовалась в различных пунктах Союза, а труды, посвященные изучению этих культур, печатались и за границей. Из работ в этой области отметим раскопки в нижнем Поволжье (работы проф. П. С. Рыкова, Рау и др.), книгу финского археолога Тальгрена — *La Pontide Prescythique apres l'introduction des metaux*. 1926, соответствующие отделы в английской книге акад. М. И. Ростовцева — *The Greeks and Iranians in South Russia* (образцовая сводка новейших данных в сравнительно историческом освещении) и т. д. Вопрос о хеттском культурном влиянии на древности юга СССР, представленный блестящей работой проф. Б. В. Фармаковского об архаическом периоде в России, нашел отражение в статье Г. Боровка о скифских женских головных уборах (в „Известиях Академии Истории Материальной Культуры“) и в обследовании северно-русских узоров (шитье полотенец), где в стилизованном и схематизированном виде преломлялись хеттские мотивы (этим чрезвычайно интересным образцам народного искусства посвящена обстоятельная статья проф. В. А. Городцова в Трудах Государственного Исторического музея). Что касается до скифских древностей, то за последнее время определенно преобладала литературная обработка добытых материалов. Здесь особую ценность представляет монументальный труд акад. Ростовцева „Скифия и Боспор“. Особо существенных раскопок не производилось, если не считать небольших обследований скифского города Неаполиса (в связи со строительными работами в Симферополе). Зато другим представителям иранской культурной стихии, сарматам, повезло гораздо более. В последнее время ведется интенсивная работа по прослеживанию путей проникновения и распространения сарматской культуры. В этом направлении заслуживают внимания археологические раскопки в Нижнем Поволжье и Казахстане проф. Рыкова.

Скажем еще, что культура Прикамья обследуется А. В. Шмидтом, а на севере и в Сибири работает целая плеяда исследователей. Отметим особенно археологические работы алтайской экспедиции под руководством проф. Руденко, обстоятельнейшую публикацию о древних погребениях в Минусинском крае проф. С. А. Теплоухова (в „Материалах по этнографии“ Русского музея) и статью проф. А. А. Захарова — *Материалы по археологии Сибири* (опубликование ценных материалов, добытых раскопками акад. В. В. Радлова в Чуйской степи и в Катанде).

¹⁾ И. Бороздин — Археологические памятники юга СССР и Керченская археологическая конференция („Новый Восток“, № 15). Отчетные статьи М. Ф. Болтенко помещены в журнале „Вісник Одеської Комісії Краєзнавства“ и в сборнике „Трипільська культура“.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

В. ДИТЯКИН.

Французские капиталы в французских колониях *).

(Опыт исчисления).

Вопрос о количестве французских капиталов, вложенных во французских колониальных владениях, вследствие своего громадного экономического и политического значения, уже давно привлекал внимание исследователей - экономистов и политических деятелей; до настоящего времени я насчитываю около 10 попыток разрешения этого вопроса. Различные по времени, по целям и, вследствие этого, по методам, они дают почти совершенно различные цифры, но краткий обзор истории этих попыток и их итогов должен послужить как бы введением к нашему опыту исчисления инвестированных в колониях капиталов.

Оставляя в стороне первые методологически совершенно непригодные попытки 1880—90-х годов¹⁾, я обращаюсь к первому более или менее полному подсчету французских капиталов за-границей, составленному по докладам дипломатических и консульских представителей,

*) Настоящий очерк представляет собой заключительную главу моей работы „Французские колонии во время и после войны (1914—1926 г.)“ и часть работы, посвященной исчислению массы европейских капиталов на Востоке, работы, идея которой дана мне М. П. Павловичем еще в 1925-м году. В основном работа произведена в кабинете по изучению марксизма при Вост. Пед. Институте и Татарском Коммунистическом Университете и кабинетах И.М.Х. Ком. Академии и доложена в заседании полит.-эконом. отд. Ассоциации Востоковедения.

¹⁾ Обзор этих попыток исчисления всей массы инвестированных за границей французских капиталов см.: Г. Моультон и К. Льюис „Финансы и экономика современной Франции“ (1925). Русский перев. М., 1927, стр. 228 след.

опубликованному в 1902 году („Bulletin de statistique et de législation comparée“, 1902, Oct., 421), определяющему общую массу французских инвестиций в 29.855 млн. фр.; составленный очень детально, он указывает все же только две из интересующих нас областей (в это время они еще, как известно, не были французскими „колониями“) — Тунис и Марокко. Французские капиталы в Тунисе исчисляются в 512 млн. фр. [торговые фирмы — 103, землевладение — 116 (городское — 45, постройки — 4, виноградники — 25 и др.), горное дело — 12, железные дороги — 60 (Бона—Гельма, Сфакс—Гафса), банки — 22, государственные займы — 199], в Марокко 6—6½ млн. фр. (торговля — 1,5; землевладение — 3, агентство Compt. nation. d'Esc. — 2 млн.) — подсчет, разумеется, слишком скромный. Подсчет этот подвергся серьезной критике П. Меруа-Болье¹⁾, в свою очередь определившего массу французских капиталов в 34 млрд. фр.²⁾; в 1905 году она определялась уже в 40 млрд. фр. Следующая и уже вполне научная попытка исчисления дана Сарториусом фон Вальтерсгаузен в его классической работе „Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlagen im Auslande“ (Берлин, 1907), он устанавливает указанную сумму — 40 млрд. фр., средний доход с нее в размере 4½% (т. е. 1,8 млрд. фр.) и ежегодную инвестицию в 1.500 млн. фр.³⁾ Он же дает цифру капиталов французских колониальных банков (и их 136 отделений) — в 326.884 млн. фр. (для 1905 г. ?, стр. 151). Целый ряд подсчетов за различные годы был дан А. Neymark'ом; так, он определяет массу бумажных ценностей, размещенных во французских колониях и протекторатах на 31 декабря 1904 г. в 568.718.500 фр. (из общего количества французских ценностей в 58.670,4 млн. фр.), в одном Тунисе в конце 1900 г. 0,3 млрд. фр. (0,2 в займах и 0,1 в акционерных обществах); в своем последнем докладе Международному Статистическому Институту он исчисляет сумму займов колоний и протекторатов на 31/XII 1910 г. в 880.751.100 фр.⁴⁾ (из общей массы французских бумажных ценностей — 69.116 млн. фр. и иностранных во

1) „Economiste français“ 1902, III, 449.

2) Странно, что, несмотря на эту критику и последующие, этот подсчет, имеющий только чисто-историческое значение, фигурирует в русской литературе еще в 1924 г. в книге: А. Пейеримгоф и П. Гебар „Финансовые интересы Франции“ (М., 1924 г., стр. 44—47), хотя и доклад Reuegimhoff'a уже устарел (1915 г.).

3) Германские капиталы в Африке в 1898 г. — 970—980 млн. мар. (без Египта), в 1904 г. — 1.325—1.350 млн. мар. (с Египтом). А. Sartorius. Op. cit., 103; в 3 немецких колониях в предприятиях (285) занято по подсчету Kolon. Adressbuch 77 млн. мар., во всех (кроме Киао-Чау) колониях по подсчету Dernburg'a („Die deutschen Kapitalinteressen in den deutschen Schutzgebieten“, 1906) — 305 млн. с распределением: государственные предприятия — 60,7, акционерные общества — 142,7; индивидуальные предприятия — 66,5 млн. мар. Основной капитал сельско-хозяйственных и горных обществ в Германской Юго-Западной Африке в 1905 г. — 85,76 млн. мар.

4) Это — по курсу биржи, номинальная же ценность их равна 989.655.500 фр. Эта группа ценностей берет только 1,27% всех ценных бумаг во Франции.

Франции — 38—40 млрд. фр.), из предприятий он указывает только одно акционерное общество „Sultanats Haut-Oubanga“, номинальный капитал — 9 млн. фр., курсовая ценность 17,91 млн. фр. Для предшествующих лет им указываются такие цифры займов в колониях и протекторатов: 1902 г. — 467 (по курсу — 438), 1904 г. — 569 (513), 1906 г. — 750 (658), 1908 г. — 844 (752) млн. фр. Общую же массу ценных бумаг колоний и протекторатов (займов и предприятий) он исчисляет в 2—3 млрд. фр.¹⁾ Эмиссия государственных бумаг одного 1910 г. исчисляется им в 210 млн. фр. (112 млн. для африканских колоний и 98 млн. в Марокко). Цифры А. Neumark'a (2—3 млрд. фр.²⁾ без изменений берет и Б. Гармс,³⁾ и В. И. Ленин⁴⁾. К 1915 году относится глухое, нам неизвестно на чем основанное утверждение А. Пейеримгофа: „наши колонии, в том числе и Марокко, разными путями занимают у нас пока что около 4 миллиардов (при чем есть надежда на повышение этой цифры“)⁵⁾ (ук. соч., стр. 30).

В годы послевоенные мне известна только одна⁶⁾ серьезная попытка исчисления общей массы инвестированных за границей французских капиталов, это — работа Фр. Эйленбурга (1923 г.⁶⁾; в первую очередь он констатирует коренные изменения в процессе капиталообразования в послевоенной Франции, сводящиеся к тому что новообразующиеся капиталы не вывозятся за границу, а в подавляющей массе своей прилагаются в национальном хозяйстве — на восстановление разрушенных провинций, финансирование новоприобретенных областей, развитие туземной индустрии и флота, усиленное вложение капитала в колониальные владения; так, из новых капиталов, вошедших в оборот в 1917—1922 гг., на колонии и за границу пало едва 2% от 112 млрд. фр., то-есть 2 млрд. фр., из которых на долю колоний приходится 1,3 млрд. фр., что составляет только около 370 млн. зол. фр.

1) „Bulletin de l'Institut Internationale de statistique“, t. t. XV, 2; XIX, 2.

2) По исчислениям G. Paish'a („Great Britains Capital Investments in Individual Colonial and Foreign Countries“, „Journ. of R. Stat. Soc.“, vol. XXIV, 167) английские капиталы в колониях в 1911 г. достигали 1.554,15 млн. ф. ст. Нидерланды в их азиатских колониях (Weigand K. Der Tabakbau in Niederländisch-Indien. Jena. 1911; Schwart A. „Rubber Compagnies in the Neth. - East - India“ и др.) только в табачных и каучуковых плантациях в 1911 г. — 90 млн. гульд.

3) Harms B. Volkswirtschaft und Weltwirtschaft. Jena. 1912 г. S. 235.

4) Империализм, как новейший этап капитализма. Собр. соч. XIII, 283; для массы французских капиталов за границей в 1914 г. (60 млрд. фр.) он берет подсчеты P. Arndt'a (в „Weltwirtschaftliches Archiv“, 1916, S. 35).

5) Fr. Eulenburg. Internationale Kapitalebildung nach dem Kriege. „Weltwirtschaftliches Archiv“, XIX, 3 (1923, Juli, 376, ff.).

6) Не считая работ: G. Martin'a („Les Problèmes du crédit en France“, Paris, 1919), определяющего массу французских заграничных инвестиций, помещенных к началу войны минимум в 50 млрд. франков и из них 4 млрд. фр. в колониях, и „Du Vivier de Streef'a („La Politique coloniale d'après-guerre“, „Ligue Française“ 1920, 1, цитир. по Réstany, 12).

Но все эти исчисления, разумеется, недостаточны для нашей цели хотя бы вследствие их суммарности; мы должны обратиться теперь к более специальному материалу. Он очень разнообразен, начиная от официальных данных (своего рода переписей) до официозных исчислений органов министерства колоний и отдельных научных и публицистических опытов. На первом месте здесь (хронологически) следует попытка известного г. Сарро, который (по данным 1920 или 1921 года) дает ниже-следующую таблицу капиталов торговых, промышленных и сельскохозяйственных предприятий в собственно так наз. „колониях“ Франци; он, разумеется, оговаривается о трудностях исчисления и считает свои цифры (в тыс. франков) лишь приблизительными.¹⁾

Колонии.	Торговые		Промышлен.		Сельскохоз. и лесн.		ВСЕГО	
	Ч.	Капитал	Ч.	Капитал	Ч.	Капитал	Ч.	Капитал
Фр. Зап. Африка	34	164.075	29	54.241	18	48.825	81	261.141
	41	?	5	?	1	?	47	?
Фр. Экват. Афр.	30	62.290	6	12.050	см.	гр. 1	36	74.340
	14	?	2	?	?	?	16	?
Мадагаскар	14	51.760	18	40.660	19	41.349	51	133.769
	18	?	—	—	3	?	21	?
Индо-Китай	15	53.525	48	181.649	11	20.460	74	255.634
	21	?	—	—	1	?	22	?
Сомали	8	30.511	—	—	—	—	8	30.511
	4	?	—	—	—	—	4	?
Реюньон	2	710	—	—	—	—	2	710
	3	?	—	—	—	—	3	?
Франц. Индия	3	4.280	—	—	—	—	3	4.280
Мартиника, Гваделупа, Гвиана	5	18.050	9	7.815	см.	гр. 1	14	25.865
	17	?	—	—	—	—	17	?
Нов. Каледония	3	1.950	12	38.260	см.	гр. 1	15	40.210
	4	?	—	—	—	—	4	?
Нов. Гебриды	5	16.400	—	—	см.	гр. 1	5	16.400
	8	?	—	—	см.	гр. 1	8	?
Прочие кол. в Океании	8	?	—	—	—	—	8	?
Итого	119	403.551	122	334.675	48	104.534	289	842.860
	130	?	7	?	5	?	142	?

Таким образом, капитал 289 предприятий достигает почти 850 миллионов франков, капитал остальных 142 неизвестен, но его можно—говорит Сарро—считать равным приблизительно 650 млн. фр., а весь номинальный капитал всех французских предприятий исчисляется в полтора миллиарда франков, что, конечно, гораздо ниже действительного. Затем еще нужно прибавить оперирующий в названных колониях банковый

¹⁾ Albert Sarraut. La mise en valeur des colonies françaises. Paris, 1923. 656 pp. Выводы и подсчеты Сарро без всякой критики их приведены в статье: Н. Рославец—„Роль колоний во французской экономике.“ „Мировое хозяйство и мировая политика“, 1926 г., № 2, стр. 41 след.

капитал, который к концу 1920 года достигал приблизительно 220 млн. франков — кредитные учреждения метрополии, работающие исключительно для колоний (значит, сюда не входят капиталы Comptoir nationale d'Éscompte и других банков, имеющих в колониях свои агентства), колониальные эмиссионные банки (названы выше), капитал которых достигает 87,6 млн. фр. Таким образом, получаем массу около 1³/₄ миллиарда франков номинального капитала.

Но ясно, что эта сводка Сарро неполна, он игнорирует в ней им же самим приведенные цифры займов (872.968 тыс. фр.) и рассеянные несистематизированные данные о капиталах, вложенных в железные дороги и прочие капитальные сооружения; суммируя все данные этого порядка, получаем по Сарро цифру в 3 миллиарда бум. франков только в одних колониях.

Обращаемся теперь к данным по северо-африканским владениям Франции. Здесь мы имеем различные материалы; так, в Марокко ежегодно производится cens промышленных предприятий (результаты публикуются в „Recensement des industries du protectorat“), но методы этого ценса очень своеобразны, так что к данным его нужно подходить с большой осторожностью.

Вот таблица¹⁾, показывающая состояние принадлежащих европейцам предприятий в марокканской промышленности в 1922 году и распределение капиталов по различным отраслям производства.

Предприятия	Число предпр.	Капитал (млн. фр.)	Занято рабоч.	Лощ. сил.
I. По производству пищевых продуктов . . .	165	98,2	1.315	4.577
II. Строительное дело	62	33,0	1.265	1.611
III. По производству электрической энергии	12	29,2	148	9.795
IV. Деревообделочная промышленность . .	117	20,1	1.171	2.019
V. Автомобильная промышленность . . .	31	18,2	394	259
VI. Текстильная промышленность	1	8,0	206	100
VII. Металлургия	37	5,9	421	364
VIII. Полиграфическая промышленн.	23	4,6	263	172
IX. Ковровое производство	6	2,5	285	—
X. Остальные производства	52	14,5	1.020	563
Всего 1922 г.	509	234,2	6.488	19.460
1921 „	268	173,3	4.060	14.259
1919 „	185	56,3	3.256	5.992
1918 „	157	35,2	2.666	5.993

Приведенные в конце таблицы данные за 1918—1921 гг. не могут давать никакого представления о росте промышленности, так как это—данные различных переписей с различными об'ектами их, и приведены

¹⁾ Ann. Stat., XXXIX, 393.

нами не для анализа, а лишь для иллюстрации исчисления европейских капиталов в Марокко в эти годы. Таким образом, данные 1922 г. нужно рассматривать как минимальные цифры европейского промышленного капитала—234, 73 млн. фр.

Перепись 1923 года дает такие цифры: 615 предприятий, 7.223 рабочих и 273.643.500 фр. капитала. Насколько наивно было бы довериться этим цифрам, видно хотя бы из того, что в ценах систематически почти забывается добыча фосфатов, включенная в X рубрику, хотя число рабочих, занятых в ней, достигает 2.000 человек (на 31 декабря 1925 г.—2.170 туземцев и 345 европейцев); капитал по балансу на 31 декабря 1925 г. (добыто 721.228 тонн) в активе—105,63 млн. фр., в пассиве: капитал первичного оборудования и краткосрочный заем—66 млн. фр.¹⁾

Ж. Роланд, суммируя в своей статье ряд работ, неизвестных мне, говорит: „сумма капиталов, вложенных в мароккскую промышленность и торговлю, достигает 483 млн. франков“²⁾.

Обращаемся теперь к имеющимся материалам о капиталах в Тунисе.

Ж. Роланд дает (стр. 243—244) следующую таблицу вложенных в Тунисе капиталов с распределением их по отраслям хозяйства:

Компани	Число	Капитал в тыс. фр.
Транспортные	5	13.500
По добычанию руды	15	39.800
„ фосфатов	3	43.000
„ газа, электрич. и водопров.	6	4.000
По постройке портов, доков и т. п.	5	8.485
По производству с'стных припасов	2	750
„ металлургических изделий	2	970
„ масел, мыла и т. п.	3	3.030
„ разных продуктов	7	8.950
Земледельческие и колонизационные	7	6.700
Торговые	2	1.400
Итого	57	131.985

При этом Роланд оговаривается, что „таблица . . . указывает лишь крупнейшие предприятия; в действительности, французские капиталы в Тунисе, несомненно, превосходят указанную цифру“; мы, к сожалению, не знаем источника, которым пользовался Роланд, но все же ясно, что эти цифры очень и очень далеки от действительности, что они скорее всего лишь своеобразная агитка; оговорка же автора нас несколько не удовлетворяет, ибо она слишком обща,—что может значить слово „превосходит“?—на 10, на 100, на 1000% ... Ясно, что цифрами Роланда

1) „L'Afrique Française“, 1926, Rens col., 255.

2) Ж. Роланд „Французский империализм и его северо-африканские колонии“ „Плановое Хозяйство, 1926 г., № 10, стр. 237 сл.

руководиться нельзя, хотя бы потому, что еще в 1902 г. официальные дипломатические чины исчисляли французские капиталы в Тунисе в этих же отраслях хозяйства в 237 млн. фр., и, конечно, нелепо предполагать, что в 1920-х годах будет меньше; в добыче фосфатов занято, по данным Роланда, 43 млн. франков, тогда как она здесь достигает 2 млн. тонн, а в мароккесской, дающей всего 700 тыс. т., занято, как мы показали выше, 105 млн. фр.; в добыче руды занято около 40 млн. франков, а ценность одного экспортированного в 1924 г. золота достигает 3,9 млн. ф. ст., а добыча цинка—14 тыс. т., железа—771 тыс. т., свинца—40 тыс. т.? Мы не имеем точных цифр, но ни в коем случае не ошибемся, если утроим цифры 1902 г., то-есть определим французский капитал в тунисской промышленности и торговле в наше время в 700 млн. франков.

В 1922 г. А. Блондель определил массу капиталов, помещенных в колониях, в сумме около 8 миллиардов франков.

Вот подсчеты Блонделя (H. Blondel. *L'Intérêt de la France dans les Placements Coloniaux*. Par., 1922): а) займы колоний—1.813,46, городов—17,39 млн., фр., б) эмиссионные банки колоний—130, в) капиталы колониальных обществ—3.984, г) обществ метрополий, имеющих в колониях свои agences—minim. 500, д) индивидуальных предприятий, ипотек и т. п.—500,—всего 8.000 млн. фр. Но Блондель противоречит сам себе, так он на стр. 48 определяет акционерный капитал в азиатских колониях в 297,6, а в Приложении (список ценных бумаг франц. колоний) в 547,8 млн. фр., на Мадагаскаре 278,9 и 414,4 млн. фр.; для всей Сев. Африки он указывает цифру в 2.547,9 млн. фр.

Бывший министр André Lebon в своем докладе на соединенном заседании Комитета Французской Африки и Академии Колониальных Наук в конце 1926 года говорит о произведенном в 1923 г. подсчете французских капиталов, инвестированных в колониях, согласно которому капитал акционерных обществ (*minières, d'armement, bancaires etc.*), оперирующих в Северной Африке, определяется в 3 миллиарда золотых (?) франков (2 млрд. в акциях и 1 млрд. в облигациях) и в других колониях в 1¼ миллиарда франков (1 млрд. в акциях и 250 млн. фр. в облигациях), при этом в подсчет не вошли капиталы индивидуальных предприятий и 1 млрд. займов департаментов, коммун и т. п.¹⁾ Не зная, какими источниками пользовался г. Лебон, мы, разумеется, не можем пока оспаривать первых приводимых им цифр, но ясно, что определение суммы колониальных займов для 1923 г. в 1 млрд. фр., конечно, неправильно — ведь еще к началу войны эта сумма определялась в 1,5 млрд. франков.

¹⁾ Le Debouché Colonial „L'Afr., Franç.“, 1926, XII, Rens. col., 554.

В 1924 г. вышла интереснейшая книга (диссертация на степень доктора прав) Поля Рестани, представляющая собою тщательно аргументированную попытку разрешения вопроса ¹⁾.

Вследствие громадного интереса книги Рестани, остановимся на ней несколько больше. Рестани начинает с критики его предшественников, при чем особенно тщательно разбирает исчисления Блонделя и вскрывает ряд ошибок, пробелов и натянутостей в подсчетах последнего (стр. 15—22; несмотря на эту правильную критику, Ж. Роланд все же еще в 1926 г. оперирует цифрами Блонделя). Далее, он дает свои подсчеты, беря в качестве объектов исчисления: займы государственные и коммунальные; бумаги акционерных обществ, котирующиеся на парижской и трех крупнейших провинциальных биржах Франции (Бордо, Лиона и Марселя) на 31 декабря 1922 г., тщательно сгруппировав и перечислив их. К сожалению, мы не можем привести здесь, за недостатком места, его очень интересных списков акционерных предприятий, работающих в колониях, и ограничимся лишь сводной таблицей капиталов, помещенных в северо-африканских колониях (их нельзя уточнить по отдельным районам) с распределением их по предприятиям.

	Тыс. фр.
Страховые общества	6.350
Банки	372.800 (332.400)
Транспорт: морской	84.200
" жел. дорожн.	869.607,5
" трамв. и авто	53.659,8
Горное дело	252.952,6
Фосфаты и хим. пром.	189.859,2
Водопров., газ, электр.ич.	59.929
Строит. материал	33.730
Порты, доки	128.948,5
Общ. сельско-хоз.	124.849,5
Общ. лесн. хозяйств.	28.160
Торговые	164.900
Металлургия	22.290
Нефтяные	57.000
Производ. пищевых продукт.	71.500
Табачные	31.900
Смешанные и разные	332.440,9
Всего	2.894.898

Эти цифры нельзя считать твердо установленными, так как число смешанных обществ, капитал которых не может быть разнесен по рубрикам, все же, как видно из таблицы, достаточно велико.

Далее Рестани приводит интересный материал по котировке колониальных бумаг на бирже, интересный в том отношении, что дает возможность косвенно судить о прибыльности колониальных предприятий.

¹⁾ Le placement des capitaux français dans les colonies françaises. Paul Rêstany. Thése. Paris, 1924, 212 p.

Так, общая сумма номинала котирующихся бумаг в 1922 г. определена в 1.435.495.900 фр., курсовая же стоимость их на 30 декабря 1922 года— 3.951.278.186 фр., т.-е. превышение на 2.515,7 млн. фр., особенно высок курс бумаг эмиссионных банков (104,5 и 715,7 млн. фр.), промышленных ценностей (203,5 и 478,2 млн. фр.), торговых и сельско-хозяйственных (123,5—354,6) и горных (147,5—989,7 млн. фр.), очень невелик, напротив, курсовой прирост железнодорожных бумаг (173,1—181,3 млн. фр.). На 31 декабря 1925 года курсовая стоимость колониальных бумажных ценностей (кроме займов) определяется уже в 5.729,5 млн. фр.¹⁾

Подсчет всей массы французских капиталов (в миллионах фр.) в колониях и их распределение по отраслям хозяйства даны в следующей таблице:

	Государ. займы	Коммун. займы	Эмиссионн. банки	Акцион. общества	Всего
Сев. Африка . . .	1.047,38	539,13	40,4	3.000	4.626,91
Другие колонии . .	872,97	—	87,6	1.500	2.460,57
Итого: .	1.920,35	539,13	128,0	4.500	7.087,48

При этом Рестани неоднократно оговаривает, что в действительности вложено немного больше этой суммы в 7 с лишним миллиардов франков, что по курсу франка в декабре 1922 года (7,26 цента) составит 2.764,89 зол. фр.

В исчислениях Рестани, кажущихся нам более аргументированными, чем другие, есть все же ряд спорных и частью неправильных положений и пробелов, сводящихся, коротко говоря, к следующему. Он оперирует только предприятиями, бумаги которых фигурируют на биржах метрополии, то-есть тем самым исключает все неакционированные (индивидуальные) предприятия, количество и капитал которых, разумеется, значительно меньше, но все же представляет собою известную величину. Ряд акционерных предприятий, бумаги которых не были выпущены на биржу, исключен. Он исчислил сумму займов не по их номинальной стоимости, а по курсовой на конец 1922 г., т.-е. с учетом падения валюты. Ведь, по отношению к колониальным займам нужно постоянно иметь в виду, что: а) займы довоенные были реализованы в золотых франках, б) займы 1914—1924 годов выпускались также в золотых франках, то-есть колонии обязаны выплачивать их в оговоренные сроки (через 20—30—50 лет) также в зол. франках, хотя они и были реали-

¹⁾ Н. Blondel (в „L'intèrèt de la France dans les placements coloniaux. Paris, 1922) дает другие цифры несколько меньшие, но совсем странно определяет разницу в 2,5 вместо по его же подсчетам 1,9 млрд. фр. Эти-то цифры приведены цитатой в статье Ж. Ролаанда (стр. 253) с той же „опечаткой“ (в 600 млн. фр.).

зованы в бумажных франках. Игнорирование этих существенно важных экономических и в данном случае и методологических моментов является причиной ряда значительных ошибок. Так, Рестани исчисляет государственные займы для 1922 г. в 1.919 млн. фр.,— в действительности же мы имеем: 1.495,9 млн. зол. фр. довоенных займов, 909,6 млн. зол. фр. займов 1924—1925 гг., номинальная же стоимость всех займов на 1 января 1926 г.— 3.393, 3 млн. фр. Рестани совершенно не отмечает массы французских капиталов, вложенных в железно-дорожное и иное капитальное строительство, они размещены им в двух рубриках—государственные займы и акционерные общества (здесь частные железные дороги, которых в общем очень немного), но ясно, разумеется, что это неправильно, так как очень значительная доля этого капитального строительства проводится за счет бюджетных ресурсов колоний (которые в учет Рестани совсем не вошли). Чтобы не приводить много примеров, ограничимся одним; во Французской Западной Африке за 1904—1925 гг. на travaux publics было израсходовано 596,82 млн. фр., из них 300 млн. из сумм займов и 296, 82 млн. (48%) из бюджетных ассигнований. Вложенные в эти сооружения капиталы не входят и в рубрику „акционерные общества“, так как многие из акционерных компаний, строивших эти сооружения, ликвидировались за окончанием их работ.

Этих соображений, думаем, достаточно для того, чтобы утверждать что исчисления Рестани, превосходящие другие по своему методологическому совершенству, все же не дают вполне правильного разрешения вопроса.

В 1925 году Г. Моультон и К. Льюис опубликовали итоги произведенного ими подсчета французских инвестиций (op. cit., 24—25, 227—240) по состоянию их в 1914 году, общая сумма определена ими в 45 млрд. фр., вклады в „Тунисе и проч. французских колониях“ определены в 4 млрд. фр.; любопытна мотивировка этой цифры, которую привожу целиком: „эта цифра основана на том общеизвестном факте, что перед войной значительная часть французских сбережений была помещена в колониях. Жермен Мартен оценивает эту сумму приблизительно в 4 миллиарда (здесь ссылка на G. Martin, La situation financière de la France 1914—1920, стр. 30 и 106). Здесь учтен непрерывный рост вкладов от 1908 до 1914 года“. Мотивировка, как видно, совершенно несостоятельная: в основу цифры для 1908 года, надо думать, взяты подсчеты Alf. Neumarek'a, определившего для этого года французские инвестиции в 20 млрд. и из них в Тунисе и друг. французских колониях—2—3 млрд. франков („French savings and their influence“, 1910, стр. 176), но почему рост вкладов в колониях определен авторами в 200—100%, это остается совершенно неясным. Отметим кстати, что в дальнейшем своем исследовании Моультон и Льюис, определяя массу французских инвестиций на 30 июня 1922 г. в 18,5 млрд. зол. фр. = 22,2 млрд. бум. фр., на 31 декабря 1923 г. в 18,0 млрд. зол.

фр. = 37,8 млрд. бум. фр. и на 31 декабря 1924 г. в 18,0 млрд. зол. фр. плюс инвестиции 1924 года в 3,5 млрд. бум. фр., а всего в 43,1 млрд. бум. фр., и тем самым утвердив фактическое резкое сокращение французских инвестиций за 1914—1924 годы с 45 до 19,6 млрд. зол. фр., тем самым как будто отражают и фактический рост французских капиталов в колониях, что, разумеется, совершенно неправильно¹⁾.

Мы пока можем принять такие цифры для французских капиталов в колониях: 1902 г.—миним. 0,6, 1903 г.—2—3, 1914 г.—4 миллиарда франков.

Перехожу теперь к моим подсчетам²⁾.

1. На первом месте стоят, разумеется, займы французских колоний, общая сумма их на 1 января 1926 года достигает 3.426,7 млн. зол. фр. реальная ценность которых по отдельным годам реализации их равна 2.450,7 млн. зол. фр., по курсу же франка в декабре 1925 г. (19,4% дов.)—664,79 млн. зол. фр.—но, ведь, французские раньше никогда не согласятся на выкуп этих займов не по их номинальной ценности. В трех северо-африканских колониях 2.199 млн. фр., то-есть 63% всей суммы государственных займов.

2. Далее идут займы коммун—540 млн. фр. (цифра Рестани).

3. Следующая группа—капиталы банков. Здесь мы должны различать 3 группы: а) эмиссионные банки, б) банки метрополии, работающие только в колониях, в) банки метрополии, работающие почти исключительно в ней самой и имеющие только отделения и агентства в колониях. Капитал первых банков определяется Рестани в 128 млн. фр.,—эта цифра давно уже превзойдена, и теперь мы должны по данным 1925 года принять другую цифру, а именно 188,213 млн. франков³⁾. 2-я группа банков владеет значительно большим капиталом. Сарро определяет номинальный капитал этих банков в конце 1920 г. почти в 133 млн. фр. (ук. соч., стр. 52)—это только в „колониях“, но наиболее крупные и значительные банки оперируют в северо-африканских владениях; здесь 2 гиганта с капиталом в 225 млн. фр., затем 6 меньших банков с капиталом в 8—25 млн. фр. и несколько еще меньших;—общий капитал банков этой группы не менее 335 млн. фр. Суммируя данные по всем банкам протекторатов и колоний, получаем минимум 520 млн. фр. капитала этой группы. Капиталы банков третьей группы, вернее, та часть

¹⁾ В других главах этой моей работы мною тщательно разобраны совершенно необоснованные цифры, приводимые Н. Китайгородским в его статье в „Новом Востоке“ № 4 и в очерках его и Б. Пурецкого в книге „Алжир, Марокко, Тунис в борьбе за независимость“ (М., 1925).

²⁾ Громадную помощь в этой сложной работе оказала мне научная сотрудница кабинета по изучению марксизма Л. М. Яковлева, которой и приношу здесь свою глубокую благодарность.

³⁾ По данным 1926 г. она достигает 513,76 млн. фр.

их, которая оперирует вне метрополии, совершенно не поддается определению; здесь достаточно только констатировать, что в списке этих банков фигурируют такие величины, как Лионский Кредит, Comptoir nationale d'Escompte, Марсельский Кредит и др.

4. Капиталы, вложенные в жел. дороги (см. таблицу № 1). Все линии я делю на 3 группы: первая — железные дороги, построенные до войны и стоимость которых известна, их 4.670 км; капитал, вложенный в них равен 1 млрд. 368 млн. фр. Далее идет вторая группа дорог, также построенная до войны, вложенный в них капитал я определяю косвенным образом, беря, например, для железных дорог сети Туниса и Марокко цифры Алжира, так как в этих близких, почти однородных районах стоимость постройки 1 км, приблизительно, равна; капитал, вложенный в эту 2-ю группу железных дорог я определяю, приблизительно, в 713,8 млн. фр. Третья группа — дороги, построенные в 1914—1925 гг.; относительно некоторых есть точные данные, стоимость других приходится определять опять-таки косвенным путем¹⁾ в итоге подсчеты дают приблизительно сумму в 1.415,2 млн. фр., что в переводе на золотые франки (à 60) дает 890 млн. фр.²⁾

5. Далее идут капиталы, вложенные в постройку и прокладку автомобильных и других большого значения грунтовых дорог в колониях. Сарро исчисляет массу этих капиталов для 1921 г. в 35—40 млн. фр. (ук. соч., стр. 329), но его подсчеты, с одной стороны, уже несколько устарели, с другой — кажутся нам маловероятными, так как, по его расчетам, стоимость прокладки 1 км. дороги, в среднем, обходится в 1.200 фр., в то время как до войны стоимость посейных дорог в одном Тунисе (4.100 км) определялась, в 44 млн. фр., в 1920 г. уже в 49 млн. фр., а в Марокко в 1916 г. в 57 млн. фр. и т. д., вот почему общую массу капиталов, вложенных в этот вид транспорта, мы должны, по данным 1924—25 гг. (50.000 км), определить, приблизительно, в 430 млн. зол. фр.

6. Капиталы, вложенные в городское строительство, водопроводы, ирригацию земель, портостроение и т. п. сооружения, мы не можем за

¹⁾ Здесь особенно трудно вывести какую-нибудь среднюю. Так, на постройке линии Брацлавиль — море в 1914—1924 гг. стоимость 1 км. узкоколейки (0,60 м) обошлась в среднем в 250.330 фр., колеблясь от 907—478,5 до 200 тыс. фр.; линия Тананарива — Антсирабе (1920—1923 гг.) — 210.000 фр. км. (?), а стоимость 1 км проектируемой почти такого же профиля дороги Фианаритсоа — Манакора сметно определена в 1925 г. в 740.000 фр. Смета на центрально-камерунскую железную дорогу 1925 г. определяет стоимость 1 км в 400.000 фр.; в то же время сметная стоимость 1 км пути в Либерии в 1925—26 гг. определена в 6.215 ф. ст. = 780.000 фр. по курсу (L'Afr. Fr., 1926, Rens. col, 511). На основании этих и других данных, я принимаю среднюю стоимость постройки 1 км пути в 400.000 фр.

²⁾ Между прочим, Сарро определяет стоимость 6.273 км колониальной сети „в более чем один миллиард фр.“ (стр. 318). Ср. мою статью „Французские и немецкие колонии и их роль в хозяйстве метрополии“. „Нов. Восток“, № 1 (7), стр. 8) сл., особенно стр. 101—102.

Железнодорожная сеть французских колоний.

Колонии	Годы постройки.	Эксплуатир.		Стро- ится	Стоим. лин. в тыс. фр.		Стоим. 1 км.	
		в 1914	1926		до 1914 г.	1915—26	до 1914 г.	1915—1926
I. Алжир .		3.318	4.214		(663.600)	358.400	200	400
II. Тунис .		1.825	2.537,5		(365.000)	285.500	200	400
III. Марокко.		529	1.641	1.500	(105.800)	444.800	200	400
IV. Франц. Зап. Афр.		2.678	2.913	90	272.550	94.000		
1. Даккар - С. Луи . .	1882—85	262	262	—	22.244	—	84,6	—
2. Кайес - Ку- ликоро . .	1861—1901	555	555	90	54.626	—	98,4	—
3. Тиес-Кайес с ветк. . .	1902—24	488	667	—	(63.440)	71.600	130	400
4. Ж. д. Гвинеи	1900—14	660	660	—	67.600	—	102	—
5. Ж. д. Сло- нового бер.	1904—24	312	368	—	31.614	(22.400)	101	(400)
6. Дор. Даго- меи	1900—12	326	326	—	23.276	—	71,4	—
Порто-Ново- Побе . . .	(10 л.)	75	75	—	(9.750)	—	130	—
V. Того . . .		372	372					
VI. Камерун.		310	371	59		(24.400)		400
VII. Фр. Экв. Африка.	1914	—	204	84	—	60.568	—	250,3
VIII. Мадага- скар . . .		496	785	169	79.250	98.340		
1. Таматава - Тананариво	1901—13	368	368	—	69.450	—	188	—
2. Мораманга- Антсирабе.	1917	—	165	—	—	(66.000)	—	400
3. Антсирабе . Тананара . .	1920—23	—	154	169	—	32.340	—	210
4. на оз. Ала- отра	1879—86	98	98	—	(9.800)	—	(100)	—
IX. Реюньон.		126	126	—	20.400	—	161,9	—
X. Сомали (Абиссин.).	1897—1917	786	786	—	(157.200)	—	200	—
Всего в Африке.		10.410	13.949,5	(1.902)	1.663.800	(1.366.008)	—	—
XI. Фр. Индии		69	69	—	(8.970)	—	130	—
XII. Индо-Кит.		2.061	2.170,5	205	417.522,7	(4.400)		
1. Ганой - На Хам	1890—94	167	167	—	41.034	—	245,7	—
2. На Хам- Донгдан . .	1914—17	—	17	—	—	(6.800)	—	400
3. Ган.-Венх.	1899 1905	326	326	—	39.764	—	122	—
4. Гайфонг- Лаохэй . .	1899—1905	389	389	—	65.751	—	168	—
5. Лаокэй- (Юннанфу).	1893—1910	469	469	—	165.000	—	353,7	—
6. Тура - Донг (10 л.) . . .		174	174	—	27.380	—	157	—
7. Сайгон- Нгагранг . .	1900—13	465	465	—	66.950,7	—	144	—
8. С.-н.-Митхо.	1882—85	71	71	—	11.634	—	163,86	—
9. Венх-Донга	1915	—	92,5	205	—	(37.200)	—	400
Всего в Азии .		2.130	2.239,5	205	426.492,7	(44.000)		
XIII. Нов. Калед.		16	29	—	(02.080)	5.200	130	400
Всего:		12.556	16.189	(2.107)	2.092.372,7 à 60% = 849.125	1.415.208	зол. фр.	

ок. 2.941.500 зол. фр.

Французские капиталы в французских колониях.

(В миллионах франков.)

Таблица № 2.

К О Л О Н И И	Займы госуд.	Займы комм.	Взнос эмисс.	Банки кредитн.	Промыш- ленность	Тор- говля.	Сельск. хоз.	Железв. дор.	Грунтов. дор.	Всего минимум	
											1
Алжир	1013,0	203,13	25	332,8	400 (157 зол.)	164,0+?	48,8+?	900	10	2.788,7	
Тунис	480,3	130,5	20					700 (333 зол.)	62,3+?	41,3+?	516
Марокко	706,5	205,5		20	483 (250 зол.)	?	?				373
Французская Западная Африка	507,1	—	14,92	54,2+?	164,0+?	48,8+?	329	10	1.035,2		
Франц. Экваториалн. Африка	121,0	—	35,2	12,0+?	—	—	36	9	250,6		
Мадагаскар	105,9	—	20	10,5+?	40,6+?	51,7+?	140	30	395,5		
Реюньон	0,6	—	3	—	—	0,7+?	20,4	7,5	31,9		
Сомали	—	—	—	—	—	30,5+?	157,2	0,07	177,65		
Французская Индия	—	—	—	—	—	4,2+?	9	4	15,6		
Индю-Китай	467,3	—	77	159+?	181,6	53,5+?	444	156	1.315,2		
Мартиника	4,46	—	3	20+?	7,8+?	18,0+?	—	1	64,1		
Гваделупа	9,5	—	3,08				—	—	—	—	2
Гвиана	0,3	—	1,25	—	—	—	—	—	—		
Новая Каледония	10,75	—	—	—	38,2	1,95+?	5,2	2	44,75		
Океанские владения	—	—	—	—	—	16,4+?	—	—	0,3	11,2	
И т о г о	3.426,75	539,1	188,2	522,3	334,4+?	304,6+?	410,6 зол. +110,5+?	2.941,5	430	9.601+?	
	зол. фр.	зол. фр.	зол. фр.	зол. фр.	6ум. фр. 2.222,0+?	6ум. фр. 3.200+?	6ум. фр. 410,6 зол.	зол. фр.	зол. фр.	зол. фр.	9.822,45 з. фр.
1) В млн. фр.					зол. фр. 1.704,6+?						

недостатком данных определить даже приблизительно (Сарро определяет капиталы, вложенные в работы по ирригации и оздоровлению городов только в колониях, в 45—46 млн. фр. (ук. соч., стр. 331—332).

7. Обратимся теперь к наиболее трудному вопросу — определению массы капиталов в торговле, промышленности, сельском и лесном хозяйстве. В составленной нами сводной таблице данные 6, 7 и 8-й граф, как видно, заполнены или с вопросительными знаками или суммарными цифрами для двух рубрик, — это целиком объясняется состоянием материала. Цифры мы брали таким образом: а) для северо-африканских колоний детальные цифры у Роланда, суммарная же цифра — 2,015 млн. фр. у Рестани, но цифры последнего неполны, так как они охватывают сельское хозяйство только на 253 млн. бум. фр. (+ еще 50 (?) из группы „смешанных“), в то время как еще в 1914 г. сумма французских капиталов, вложенных в сельское хозяйство одного Алжира, определялась в 410,6 млн. зол. фр.; таким образом, в Северной Африке вложено в промышленность и торговлю минимум 1.700 млн. бум. фр. и минимум 410,6 млн. зол. фр. в сельское хозяйство. б) Цифры для остальных колоний мы показали по Сарро — 842,8 млн. бум. фр., но он же отмечает, что эта цифра охватывает только 289 предприятий, капитал остальных (142) он определяет приблизительно в 430 млн. фр.; таким образом, по его подсчетам всего в этих колониях вложено около 1.270 млн. фр. Рестани же дает для этих колоний цифру в 1.500 млн. фр. в) Теперь остается определить капитал индивидуальных предприятий в Северной Африке и капитал предприятий метрополии, занятый в колониях. Они, очевидно, совершенно не поддаются учету, и попытка Блонделя определить их массу в 1 млрд. франков совершенно правильно признана несостоятельной еще Рестани.

Таким образом, у нас получаются такие итоговые данные: 3.200 млн. бум. фр. плюс 300 млн. зол. фр.; первую сумму мы выражаем в золотых франках по курсу декабря 1922 г. (37% паритета) = 1.184 млн. зол. фр., прибавляем вторую и в итоге имеем минимум 1.595 млн. зол. фр. для этих трех отраслей народного хозяйства.

Теперь перед нами встает вопрос о распределении этой суммы по отдельным группам. Подсчеты Сарро дают такое соотношение: 47,6% — торговля, 40% — промышленность и 12,4% — сельское и лесное хозяйство; это соотношение, выведенное по данным 289 предприятий, можно будет принять, но только не для северо-африканских колоний, структура хозяйства которых резко отличается от хозяйства других колоний; по отношению к Северной Африке правильное будет соотношение, выведенное нами: 75% — промышленность, 10% — торговля, 15% — сельское хозяйство. Распределив по этим соотношениям имеющиеся у нас данные, мы получаем такие итоговые цифры по этим отраслям хозяйства:

Мли. бум. франков	Торговля	Промышл.	Сельск. хов.	ВСЕГО
Северная Африка	200	1.500	—	1.700
Остальные колонии	764	600	186	1.500
млн. зол. фр.				
Северная Африка	74	555	520,6	1.149,6
Остальные колонии	264,2	222	68,8	555
Итого	338,2	777	589,4	1.704,6

Теперь, сводя вместе все данные по всем отраслям хозяйства, получаем такую сводную таблицу.

	млн. зол. фр.
1. Государственные и коммунальные займы	3.965,85
2. Б а н к и минимум	710,5
3. Промышленность „	777,0
4. Торговля „	338,2
5. Сельское и лесное хозяйство „	589,4
6. Железные дороги „	2.941,5
7. Грунтовые дороги, ирригация и т. д. „	500,0
	<u>9.822,45</u>

Распределение капиталов по отдельным колониям и отраслям хозяйства представлено в таблице № 2; при этом отмечу, что все цифры гр. II составлены мною путем использования целого ряда указаний по отдельным колониям.

Общая сумма французских капиталов, вложенных в французские колонии, определяется нами минимум в 9.822,45 миллионов франков, но эта цифра требует ряда комментариев. Во-первых, сумма государственных займов, определенная нами на 1926 год в 3.426,75 млн. фр. по номиналу, обозначает собою только цифру платежей колоний, а не массу вложенного капиталистами метрополии капитала, так как эти последние, как указывалось уже и раньше, покупали бумаги займов 1915—1926 годов с уплатой по ним бумажными, т. е. обесценивающимися франками, с учетом этого обстоятельства капитал, вложенный в государственные займы, должен быть определен в 2.450,736 млн. зол. фр. То же самое относится и к коммунальным займам, которые в переводе на зол. франки будут равняться всего лишь 324 млн. фр.

Теперь можно поставить такие вопросы, не является ли помещение в общий итог капиталов, помещенных в железно-дорожное, шоссеное строительство и ирригацию, излишним, так как значительная часть

подобных сооружений производилась за счет займов, нет ли в этом неправильного удвоения некоторых цифр? На этот вопрос мы отвечаем так. Учет этих капиталов обязателен, так как, хотя на одно предприятие мы имеем как бы двойной счет капиталов (например, железная дорога Гайфонг-Лаокай,— по декретам 1898 и 1902 г.г. на постройку ее ассигнуется сумма из займов Индо-Китая в 52,7 млн. фр., а постройка ее обошлась в 65,75 млн. фр.), но здесь надо иметь в виду, что в данном случае речь идет о ввозе капиталов двух типов: финансового — в виде ценных бумаг, и товарного — в виде рельс, составов и т. под., правда, оплаченного частично первым, так что в этом предприятии в случае, если мы ставим вопрос об общей массе капиталов, нужно учитывать капитал, ввозимый во всякой его форме, в дальнейшем же не забывая о возмещении товарного капитала денежным.

Вот почему, когда мы задаемся целью определить общую массу французского капитала, ввезенного в колонии, мы учитываем инвестированный капитал во всех его формах, и приходим к выводу, что общая масса инвестированного капитала в колониях за 1880—1925 годы и должна быть определена минимум в 9,7 миллиардов зол. франков. Иное дело, когда мы ставим проблему определения капиталов на какой-нибудь определенный момент, скажем, к 1927 году, в этом случае мы должны исключить из подсчета капиталы ликвидированных предприятий, сбалаansirовать расчеты по займам и т. д. (ведь именно такой подсчет и вели в основном Рестани, Блондель, Сарро и т. д.),— в таком случае мы имеем около 8 миллиардов зол. фр.

Колебания от этих цифр, вследствие вполне возможного фигурирования одних и тех же сумм в различных рубриках, допускаются нами в размере 10% как в сторону повышения, так и в сторону уменьшения.

Обратимся теперь к выяснению второго вопроса — об инвестировании французских капиталов в колонии в годы войны и послевоенные. Фр. Эйленбург определяет вывоз капитала в 1917—1922 г.г. в 1,3 млрд. фр. = 370 млн. зол. фр., мы же считаем эту цифру крайне недостаточной, хотя бы потому, что, по имеющимся сведениям, только в одно Марокко и только в одном 1923 г. было вывезено 335 млн. фр. (= 105,38 млн. зол. фр.), что на постройку железных дорог в одном Алжире в 1915—26 г.г. было израсходовано 358,4 млн. фр. (= 215,0 млн. зол. фр.) и т. д. Сарро определяет вывоз капиталов только в колонии в 1919—22 г.г. в 500 млн. фр.; Де-Монзи же полагает, что вложение новых капиталов в предприятия колоний (без Алжира и протекторатов) за последние 10 лет (1914—1924) не превышает 700 млн. фр.

Наилучшим материалом для решения этого вопроса могут, конечно, являться только данные об эмиссии колониальных ценностей в эти годы, но, к сожалению, французская статистика эмиссий не выделяет особо

группы колониальных, поэтому приходится комбинировать различные данные: о выпуске займов, учредительстве промышленных и торговых предприятий, строительстве и т. под. Производя эти исчисления, мы получаем такие цифры: государственные займы 1914—25 г.г.—954,75 млн. зол. фр.¹⁾, железно-дорожное строительство — 849,1 млн. зол. фр., в остальных отраслях хозяйства учет учредительства почти невозможен (с достаточной точностью), и остается очень проблематически определить его в 400—500 млн. зол. фр., т.-е. общую массу капиталов, инвестированных в 1914—26 г.г. в 2.200—2.300 млн. зол. фр.

В заключение мы немного остановимся на „выгодности“ колониальной политики Франции. Мы определяем военные расходы метрополии на защиту колоний в 830 млн. фр. для 1922 г. Интересно теперь поставить вопрос, в какой степени этим затратам отвечают доходы от колоний.

Ленин, в своей книге „Империализм“, при попытке определить доход капиталистов метрополии от их капиталов, помещенных за границей, цитирует Гиффена, определяющего доход от всей (вывоз и ввоз) внешней торговли Великобритании в $2\frac{1}{2}\%$ на весь оборот этой торговли (XIII, 315), а доход от „помещенного“ капитала, доход раятье — в $4,3\%$ от капитала. Теперь, принимая сумму капиталов, помещенных Францией в ее колониях хотя бы в 7 миллиардов франков, мы получаем по этим расчетам сумму дохода от них в 300 млн. фр. плюс доход от торговли Франции с ее колониями (общий оборот в 1922 г. 5,2—5,4 млрд. фр.)=135,5 млн. фр., т.-е. всего колонии дали метрополии в 1922 г. доход в 435 млн. фр., а защита их обошлась в 830 млн. фр. Удивительно экономно! Еще раз, почти 10 лет спустя после анализа Павловича, установившего, что французские колонии приносят Франции, как государству, больше убытка, чем дохода, это положение оправдывается в самой эффективной форме: +435 и—830²⁾.

К книге Сарро, излагающей обширнейший проект развития колоний, приложен проект закона 12 апреля 1921 года и ряд решений раз-

¹⁾ Колонии, в свою очередь, реализовали займы метрополии в 1915—20 г.г. на сумму около 1 миллиарда франков=625 млн.

²⁾ Если признать, что вышеприведенные нормы дохода слишком низки, а признать это можно (хотя Sartorius von Waltershausen („Das volkswirtschaftl. System“...) тоже считает нормой дохода французского капитала за границей— $4\frac{1}{2}\%$), так как, как много раз уже было показано выше, доход колониальных банков значительно выше официального процента, займы $3\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}\%$ фактически дают больше (одни аннуитеты составляют по официальным исчислениям 5%), спекуляция землей, спекуляция на валюте и ценах и т. д., если даже повысить приведенные нормы (2,5 и 4,3) вдвое, то и то весь доход Франции от колоний определяется в 870 млн. фр.

Ср. интересный этюд Е. Варги „Критика империализма с точки зрения необходимости его для экономического развития капиталистических стран“ (1916 год), русский перевод М., 1922.

личных организаций о проекте, отзывы ряда торговых палат, с восторгом встретивших проект и просивших парламент вотировать его в срочном порядке. Палаты Парижа (исчислявшая расходы по всей программе в 4 миллиарда франков), Роанна, Лиона, С.-Назера, Нима, Бордо, Лилля выдвигали такие мотивы, как невозможность национального восстановления без помощи колоний,— алогичность и опасность зависимости метрополии от иностранных рынков сырья при наличии колониальных своих — в колониях, решительное выправление торгового баланса страны путем эксплуатации колоний, значение колоний для обороны страны путем выкачивания людей для армии (только одна Французская Западная Африка, начиная с 1925 года, будет давать ежегодно 100.000 рекрутов ¹⁾), распространение протекционистских идей в мире, т.-е. все те мотивы, которые повторялись империалистами уже не мало десятков лет, и ныне повторяются с еще большей энергией. Несмотря на все эти одобрения, проект Сарро замерз в его прохождении по инстанциям: дело, в конце концов, не в постановлениях, а в фактической выгодности и возможности реализации этого проекта. Проект этот во многом (основном) в отдельных его частях изменен, применительно к нуждам отдельных колониальных районов — более солидными являются проекты Антонетти, Карда, Варенна, Румэ и др. Несмотря на их неосуществимость в ближайшие годы, эти проекты показательны, как замыслы, чаяния и тенденции развития известной группы французских капиталистов.

В августе 1926 года депутат Эд. де-Варрен представил в бюро палаты депутатов проект резолюции о развитии французских колоний, базируясь на данных развития внешней торговли метрополии в 1 полугодии 1926 года и особенно подчеркивая ее дефицит (2,5 миллиарда франков) и вытекающие отсюда последствия для курса франка и уровня цен—он категорически предлагает „немедленно приступить к выполнению программ Альб. Сарро“ и исчисляет стоимость проведения ее в сумме 15 миллиардов франков и срок в 12 лет, для этого правительство должно широко помогать акционерным обществам гарантией их доходов, увеличить бюджеты и займы колоний, использовать для „travaux publics“ поставки по Дауэсовской программе и т. д. Предложение Варрена почти всей французской прессой было встречено очень доброжелательно („L'Afr. Franç.“ 1926, Renseign. Colon., 488—492), но вот прошел уже год, а почти никаких новых инвестиций в колонии мы не видим.

¹⁾ Этот мотив французской колониальной политики уже давно и неоднократно подчеркивал в своих работах М. П. Павлович.

Эпоха второй революции в Китае.

1. Реакция и капиталистические державы.

Первый вопрос, обостривший взаимоотношения между революционной партией и Юань Ши-каем, был вопрос о перенесении столицы из Пекина в революционный Нанкин. Революция настаивала на том, чтобы присяга на верность республике была принесена в Нанкине. Юань Ши-кай настаивал на сохранении Пекина в качестве столицы и на принесении присяги в Пекине. Настойчивость Юань Ши-кайя в этом вопросе объясняется тем, что в Пекине реакция чувствовала себя в полной безопасности. Из этого спора победителем выходит реакция. Юань Ши-каю удается 29 февраля 1912 года поднять восстание 3-й дивизии в столице, должествовавшее удостовериться невозможность его отъезда из Пекина. Нанкин уступил.

Текст самой присяги гласил: «При введении в стране республиканской формы правления, когда сотни дел ждут своего решения, я, Юань Ши-кай, даю клятву всем моим согражданам в том, что приложу все свои усилия и способности, чтобы поднять республиканский дух в стране, уничтожить в управлении страны печальное наследие деспотизма, строго придерживаться конституции, сообразоваться с желаниями народа по отношению к восстановлению порядка и спокойствия и основать прочное правление для блага и процветания пяти рас, ни в чем не нарушая настоящей клятвы. Как только народное собрание выберет президента Китайской республики, я обещаю сложить свои полномочия».

Вторым моментом разногласий между Юань Ши-каем и партией революции был вопрос об организации кабинета. Революционная партия в Китае, возглавлявшаяся «Союзной Лигой», настаивала на том, чтобы важнейшие портфели были сохранены за партией, претендуя в первую очередь на министерства финансов и военное.

Юань Ши-кай предоставил лишь невлиятельные портфели «Союзной Лиге», сохранив в руках контр-революции портфели министра финансов, путей сообщения и военных дел. В этом втором споре победителем вновь выходит Юань Ши-кай. Фактически весь аппарат власти и все финансовые источники страны остались в руках контр-революции.

Оценка состава и роли первого «республиканского» кабинета министров была дана 11 мая 1912 г. царским посланником в Пекине Крю-

пенским в нижеследующих выражениях: «Состав нового китайского правительства, настроение большинства его членов и некоторые из принимаемых им мер заставляют думать, что ему трудно будет справиться с предстоящей ему тяжелой задачей. В настоящее время в Китае нет необходимой для такого огромного государства центральной власти, обладающей достаточной силой и авторитетом, чтобы внушить уважение и страх всем беспокойным и недовольным элементам в стране. Престиж Юань Ши-кай, в значительной степени созданный иностранцами и сильно ими раздутый, потерпел за последнее время большой ущерб. Сам Юань Ши-кай чувствует, повидимому, что он постепенно все более теряет под собою почву, и начинает сознавать, что революционеры, использовав его в своих целях (для свержения династии, теперь готовы отвернуться от него»¹⁾).

Помимо тяжелого политического положения, в котором очутилась китайская контр-революция на другой день после своей победы над молодыми революционными силами страны, она переживала острый финансовый кризис. Государственная касса была пуста. Правительство стояло перед необходимостью в первую очередь уплаты жалованья своим контр-революционным войскам, чтобы предупредить возможность их разложения и распада.

Китайская контр-революция, опиравшаяся до настоящего момента на «моральное» сочувствие мирового империализма, ставит себя отныне в финансовую зависимость от капиталистических государств. Столь неотложно необходимые денежные средства, сообщает своему правительству тот-же Крупенский, китайское правительство может теперь получить «только путем авансов от консорциума шести держав». Консорциум мировых банкиров становится подлинным хозяином судеб Китая, возлагая на себя функции финансиста китайской контр-революции.

Чтобы спасти положение Юань Ши-кай и воодушевить его к дальнейшей борьбе против китайской революции, консорциум банкиров 12 и 13 марта 1912 года постановил в Лондоне выдать немедленно Юань Ши-каю аванс в размере 13 миллионов таэлей. Эта-же организация банкиров решила субсидировать Юань Ши-кай авансами в течение 5 месяцев равными суммами по 6 миллионов таэлей ежемесячно.

Консорциум банкиров обсуждал одновременно проект большого займа в сумме 60 миллионов фунтов стерлингов, из которых 20% предназначались на вооружение правительства китайской контр-революции.

К этому моменту относится реорганизация самого консорциума. Из объединения 4 держав он превращается в финансовый трест 6 держав. В него входят также Япония и царская Россия, стремившиеся изъять из ведения консорциума вопросы финансирования Манчжурии. Россия и Япония не могли пребывать в положении блестящего одиночества

¹⁾ „Красный Архив“, № 18.

в тот момент, когда мировой империализм становился активным фактором политики Китая. Самая организация консорциума, его финансовая программа и методы деятельности свидетельствовали о том, что мировой капитал претендует на исключительное руководство народно-хозяйственной и политической жизнью Китая.

Система займов и финансовая помощь Юань Ши-каю на этом этапе развития Китая превращала капиталистические державы в основную движущую силу китайской контр-революции. Царская Россия должна была обеспечить долю своего участия в руководстве политическими судьбами Китая и дала согласие на вхождение в мировой консорциум.

Министр иностранных дел царского правительства Сазонов телеграфировал по этому поводу своему поверенному в делах в Пекине: «Английское правительство сообщило нам, что консорциум предполагает заключить для Китая заем в 60 миллионов фунтов стерлингов, распределяемых на 5 лет, который явится естественным последствием выдаваемых Китаю авансов, и предложило нам участвовать в этом займе. Вследствие наших возражений, что таким образом государственные интересы держав подчиняются частным выгодам банкиров, французское и английское правительства предложили нам, чтобы дело финансирования Китая было взято в руки шести наиболее заинтересованных правительств, — русского, французского, английского, германского, американского и японского, исполнителем предначертаний которых был бы консорциум банкиров этих держав. Признавая такую постановку дела для нас приемлемой и не считая возможным не участвовать в такой комбинации держав, сносимся в этом смысле с министерством финансов» ¹⁾.

Консорциум банкиров, являвшийся финансовым орудием капиталистических держав, стремился в первую очередь охватить своими щупальцами экономику Китая.

Мировой консорциум предполагал установить свой контроль над производительными силами Китая, его жел.-дор. строительством, угольными, железо-рудными богатствами и продукцией сельского хозяйства. Независимо от консорциума 6 держав в этот период в Китае развивают деятельность группа бельгийских капиталистов во главе с Криспи.

Реорганизация консорциума и общие задачи мирового империализма ставили вопрос о признании Юань Ши-каю капиталистическими государствами, что должно было упрочить положение правительства контр-революции, которое в самой стране не могло рассчитывать на признание. Мировой империализм понимал ту роль, какую его «признание» должно будет сыграть в политических судьбах Китая, и требовал компенсаций.

1) „Красный Архив“, № 18, стр. 101.

Еще 23 января 1912 года Сазонов во всеподданнейшем докладе писал: «Прочность положения правительства Юань Ши-кая, не могущего рассчитывать на общее и безусловное сочувствие китайцев и нуждающегося прежде всего в деньгах, т.-е. в иностранном займе для подавления внутренней смуты, будет в значительной степени зависеть от отношения к нему держав».

Царская Россия выдвигала большую программу новых территориальных захватов. В учете опыта русско-японской войны программа царской власти была рассчитана на сотрудничество России и Японии. В первую очередь ставился манчжурский вопрос. «Воспользовавшись минутой,— говорит царский министр иностранных дел,— нам надлежит прежде всего попытаться оградить себя в Манчжурии от враждебной нам деятельности китайцев». Царская Россия требовала признания за собою права на железнодорожное строительство в Манчжурии и во Внутренней Монголии. Правительство царя выдвигало также требование единоличного контроля над Китайско-Восточной жел. дорогой и предоставления себе исключительного права управления в «полосе отчуждения», стремясь к аннексии Северной Манчжурии и расширению своих прав на прилегающие к Манчжурии территории.

Царское правительство не возражало против свободного распоряжения Японии на территории Южной Манчжурии с удлинением «аренды» Квандунского полуострова на срок, «превышающий 25 лет». «Действуя в согласии с японцами,— пишет министр иностранных дел Сазонов,— мы можем рассчитывать на успех наших переговоров, особенно если нам удастся заручиться сочувственным отношением нашей союзницы Франции, а японцам — их союзника — англичан»¹⁾.

Царское правительство в этот период выдвинуло Монгольский вопрос, настаивая на признании Китаем Монголии автономной областью. Монголия должна была превратиться в плацдарм империалистической политики России на Дальнем Востоке.

Ставился вопрос об оккупации Урянхайского края²⁾. Военное министерство разработало одновременно с этим план больших военных операций в Северной Манчжурии.

Англия, в свою очередь, заостряет вопрос о Тибете. В августе 1912 года полномочный министр Англии в Пекине сэр Джон Джордан пред'явил Китаю ноту, содержащую следующие требования: английское правительство запрещает Китаю вмешиваться во внутренние дела Тибета и требует, чтобы Китай перестал рассматривать Тибет, как одну из своих территорий; Китаю воспрещается иметь свои войска на территории Тибета. После того, как Китай даст свое согласие на все вышеперечисленные требования, Англия сумеет признать Китайскую республику.

¹⁾ „Красный Архив“, № 18, стр. 90.

²⁾ Цыне Танну-Тувинская республика.

2. Парламент и Юань Ши-кай.

Следующим моментом, заострившим борьбу между Юань Ши-каем и революционной «Союзной Лигой», был вопрос о созыве самого парламента. Согласно «временной конституции» Китая, принятой в марте 1912 года в Нанкине Национальным Собранием, созыв парламента должен был иметь место не позднее 10 месяца первого года революции, т.е. не позднее 1-го ноября 1912 года. Такая поспешность не входила в планы и расчеты Юань Ши-кай. Ему хотелось созвать парламента после того, как вся подготовительная работа для торжества режима личной диктатуры была бы уже закончена.

Избирательный закон¹⁾ обеспечивал участие в выборах лишь одного процента населения. Имущественный ценз попросту устранял от избирательной урны значительное большинство китайского крестьянства.

Самые выборы в нижнюю и верхнюю палаты были произведены в декабре 1912 и в январе 1913 года. Каждое провинциальное собрание выбирало сенаторов. 54 сенатора избирались «внешними территориями» Китая. Правом выборов в сенат пользовались организации крупной буржуазии. В нижнюю палату один депутат приходился на 800 тысяч граждан. Выборы в парламента были непрямые.

В 1912 г. «Тун-мэн-хой» (Союзная Лига)—объединилась с четырьмя республиканскими организациями, образовавшими партию Го-минь-дан. Этой партии и принадлежала значительная часть мест в обеих палатах: в сенате 123 места (из 274) и 269 мест (из 596)—в палате депутатов²⁾.

То равновесие, которое Юань Ши-кай пытался создать путем принесения присяги в Пекине, организацией кабинета, с сохранением в своих руках наиболее значительных по своему влиянию портфелей, при поддержке и содействии иностранных банкиров, было нарушено фактом выборов в парламента, обеспечивших победу партии Го-минь-дан. Для восстановления политического равновесия был убит наемным убийцей Сун Цзяо-жэнь, один из лидеров революционного движения, автор китайского пятицветного флага, игравший крупную роль в первые дни революции. Его перу принадлежит первая программа партии Го-минь-дан, и он был назначен партией в премьеры первого республиканского правительства, которое должно было быть образовано в Пекине. Обследование этого акта белого террора установило участие в нем самого Юань Ши-кай, уплатившего своему министру внутренних дел, организовавшему убийство, 2 тысячи долларов. Сам же убийца получил от своего непосредственного нанимателя, министра внутренних дел, двести рублей

¹⁾ Содержание временной конституции см. в жур. „Вестник Азии“, май 1912 г.

²⁾ Woodhead, Arnold, Norton. Occidental Interpretations of the Far Eastern Problem. The University of Chicago Press, Chicago, Illinois. 1926, стр. 22.

Далее, 25 апреля 1913 года Юань Ши-кай подписывает заем с мировым консорциумом банкиров, на сумму в 25 мил. фунт. стерлингов, вопреки требованиям конституции, отчетливо указывавшей, что право заключения иностранных займов принадлежит парламенту. Заем был учинен, несмотря на то, что огромное большинство парламента было против займа.

По поводу этого «займа реорганизации Китая» В. И. Ленин в статье «Отсталая Европа и передовая Азия» писал: «Новый китайский заем заключен против китайской демократии: Европа за Юань Ши-кай, готовящего военную диктатуру. Почему она за него? По случаю выгодного дельца, заем заключен на сумму около 250 миллионов рублей, по курсу 84 за 100. Это значит, буржуа «Европы» платят китайцам 210 миллионов, а с публики отберут 225 миллионов рублей. Вот вам сразу, в несколько недель чистая прибыль в 15 миллионов рублей! А если китайский народ не признает займа? В Китае ведь республика, и большинство в парламенте против займа? О, тогда «передовая» Европа закричит о «цивилизации», «порядке» культуре» и «отечестве», тогда она двинет пушки и задавит республику «отсталой» Азии в союзе с авантюристом, изменником и другом реакции Юань Ши-каем¹⁾.

3. Вторая революция.

Этот эпизод как бы заканчивает собою большой период «первой революции». Руководящую роль в этом периоде играла та «Союзная Лига», которая в процессе революционного развития реорганизуется в партию Го-минь-дан. Социально-политическое содержание этого периода революции прежде всего свидетельствовало о том, что Китай борется за право капиталистического развития в своей стране против своей контр-революции — в лице Манчжурской монархии — и против мирового империализма.

Революционное движение уже в этот период было представлено правым и левым флангами. Правое крыло охватывало ту часть китайской крупной буржуазии, классовые интересы которой переплетались с интересами мировой буржуазии. Правая, «компрадорская» часть буржуазии, еще недавно посылавшая своих представителей в Нанкинское правительство, возглавлявшееся Сун Ят-сенем, в этот исторический час требовала от Го-минь-дана солидаризации с Юань Ши-каем. Правый фланг крупной буржуазии, возглавляемый Чжан Бин-линем, Тан Шао-и и Сюнь Си-линем, настаивает на организации своей политической партии. Новая политическая организация «Тун И дан» («Союз Единения») опубликовывает свою программу, отличительной чертой которой являлось стремление «создания сильного центрального правительства», си-

¹⁾ В. И. Ленин. Собрание сочинений, т. XIX, стр. 28.

речь правительства военной диктатуры. Уже в ту эпоху чувствуется страх и трепет перед массовым движением в стране, перед развязыванием крестьянского движения. «Сильная» власть должна была ликвидировать революционные очаги в стране, предоставляя в то же время китайской буржуазии известную долю политических прав.

Программа «Союза Единения» заключала 11 пунктов. В первую очередь речь шла о «точном разграничении пределов компетенции тех или иных административных органов» и о создании «ответственного правительства». Буржуазия вписала в свою программу пункты об «упорядочении государственного денежного хозяйства и правильного распределения налогов между всеми гражданами», а также о введении всеобщей воинской повинности, развитии армии и флота и охране суверенных прав Китая. Экономическая часть программы предусматривала развитие кредитных учреждений, дальнейшее строительство железных дорог и поднятие производительных сил страны.

Правая часть крупной буржуазии шла на соглашение с китайской контр-революцией, торжествовавшей свою победу в Китае при активной помощи и поддержке мирового капитализма, ведя предательскую работу по отношению к партии Го-минь-дан.

Левое крыло китайской революции на данном историческом отрезке времени возглавлялось Сун Ят-сенем. Блестящую характеристику социально-классовой природы партии Го-минь-дан дал В. И. Ленин. Окликаясь на статью Сун Ят-сена в брюссельской социалистической газете «Лэ Пэяль», В. И. Ленин отметил, что Китай «окончательно втягивается в поток всемирной капиталистической цивилизации». Указывая на то, что буржуазная демократия в Китае окрашивается в народнический цвет, В. И. Ленин писал: «В Азии есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII в. во Франции».

В эту борьбу были втянуты широкие массы армии, игравшей руководящую роль в боях революции.

«Перед нами,— писал В. И. Ленин в «Невской Звезде» от 15 июля 1912 года,— действительно великая идеология великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и бороться с вековыми угнетателями Китая».

В. И. Ленин сумел различить две основных действующих силы китайской революции: крестьянство и буржуазию. «Главный представитель или главная социальная опора этой способной еще на исторически-прогрессивное дело азиатской буржуазии—крестьянин». О предательской китайской буржуазии В. И. Ленин говорил в следующих словах: «Рядом с ним (крестьянством) есть уже либеральная буржуазия, деятели которой, подобно Юань Ши-каю, более всего способны к измене,

вчера они боялись богдыхана, рабоблепствовали перед ним, потом, когда увидели силу, когда почувствовали победу революционной демократии, они изменили богдыхану, а завтра будут предавать демократов ради сделки с каким-нибудь старым или новым «конституционным богдыханом»¹⁾.

В. И. Ленин отчетливо указал на то, что китайская революция ставит перед собою первейшую задачу «разрушения феодализма во всех его видах и проявлениях». Осуществление этой задачи предполагало прежде всего развитие массового крестьянского движения, развития аграрной революции в Китае. Партия Го-минь-дан по пророческому предсказанию В. И. Ленина должна стремиться к развязыванию массового крестьянского движения в Китае и стать партией беднейшего крестьянства.

Пути исторического развития и действия Го-минь-дана указаны в нижеприводимых словах В. И. Ленина: «Революционная буржуазная демократия, представляемая Сун Ят-сеном, правильно ищет пути к «обновлению» Китая в развитии наибольшей самостоятельности, решительности и смелости крестьянских масс в деле политических и аграрных реформ».

В. И. Ленин формулировал историческую роль китайского пролетариата. «Поскольку будет расти в Китае число Шанхаев, — читаем мы в той же статье, — будет расти и китайский пролетариат. Он образует, вероятно, ту или иную китайскую социал-демократическую партию, которая, критикуя мелко-буржуазные утопии и реакционные взгляды Сун Ят-сена, будет, наверное, заботливо выделять, охранять и развивать революционно-демократическое ядро его политической и аграрной программы».

Этими тезисами устанавливалась роль общественных классов в Китае на все время буржуазно-демократической революции, имеющей характер национально-освободительной борьбы.

Обострение противоречий между общественными революционными классами, с одной стороны, компрадорской буржуазией и феодальными группами, возглавлявшимися Юань Ши-каем, с другой стороны, привели к так называемой «второй революции», характеризующейся борьбой Юань-Ши-кай против Го-минь-дана и прежде всего против тех членов партии революции, которые занимали руководящие посты в провинциях Китая. В июле 1913 года Юань Ши-кай «снимает» ряд членов Го-минь-дана с постов «дуду» (губернаторов) в южных провинциях. Угнетенное состояние страны, недовольство широких масс режимом белого террора, зависимость новой власти от мировых банкиров, активная борьба контр-революции против Юга, являвшегося оплотом революцион-

¹⁾ В. И. Ленин. „Невская Звезда“, № 17 от 15 июля 1912 года.

ного движения,—все это приводит к новому восстанию против Юань Ши-кай.

Во главе революционных сил становится один из генералов революции Ли Лиэ-цзюн. К провинции Цзянси, подымающей восстание, присоединяется провинция Цзянсу с городом Нанкином. Завязываются военные операции между южным и северным Китаем. Контр-революционную армию возглавляет генерал Чжан-сунь, один из наиболее колоритных представителей китайской реакции, еще зимой 1911 года дравшийся против революционных войск, защищая Нанкин, активный сторонник идеи реставрации. Его отряд состоял из 7 тысяч человек и являлся ударной группой китайской контр-революции. Пекинское правительство с особой заботой относилось к Чжан-суню, переводя ему аккуратно 80.000 таэлей ежемесячно для уплаты жалованья его солдатам. Чжан-сунь с готовностью принимает поручение контр-революционного правительства.

«Перевес численности войск был на стороне Юань-Ши-кай—28.000 человек против 15—16 тысяч южан. Равным образом, благодаря поступившим в его распоряжение денежным взносам по заключенному весной займу с 6 державным консорциумом, Юань Ши-кай располагал неограниченными денежными средствами для сокрушения противника, стесненного в финансовом отношении; поэтому Юань Ши-кай и мог затратить на подавление революции 19 миллионов долларов, в какой сумме ему обошлась конечная победа... Неудаче новой революции, наконец, способствовало и то, что Ли Юань-хун, предводитель революционных войск в городе Учане в начале первой революции, остался на этот раз верен Юань Ши-каю и твердой рукой подавил новую революционную вспышку в том же Учане»¹⁾.

Мировой капитал расставил свои войска в тех местах, где они могли быть полезны Юань Ши-каю в качестве его стратегического резерва. Контр-революция развернула широкий фронт борьбы против Го-минь-дана, объявив партию революции «кучкой людей в Шанхае, пытающейся произвести в республике смуту под предлогом свержения якобы вредного для блага населения пекинского правительства».

Восстание, известное в истории под именем «второй революции», было подавлено. Сун Ят-сен, Хуан-син, Ли Лиэ-цзюнь и другие члены Го-минь-дана были объявлены вне закона.

4 Юань Ши-кай — диктатор.

Юань Ши-кай чувствовал себя хозяином положения. Создались условия, обеспечивающие торжество генеральской диктатуры. Необходимо было разгромить самый парламент, заседавший в Пекине. До раз-

¹⁾ Н. В. Кюнёр. Очерки новейшей политической истории Китая. Владивосток, 1927 г., стр. 205.

гона парламента Юань Ши-каю надо было, однако, обеспечить свое избрание парламентом в президенты Китая.

До самого избрания Юань Ши-кай заставил парламент принять «поправки» к конституции о выборах в президенты. Эти «поправки» гласили о том, что во 1) в президенты могут быть избираемы лишь те из китайцев, которые имеют более 40 лет от роду и живут в Китае более 10 лет; во 2) избирательное собрание организуется самим парламентом; в 3) срок полномочий президента определен в 6 лет и т. д. Эта глава о выборах президента наталкивалась на решительное сопротивление парламента, не собиравшего кворума в течение 5 заседаний. Лишь 26 сентября 1913 года был принят закон о президентских выборах. В президенты было намечено 23 кандидата. Среди них находились Сун Ят-сен, У Дин-фан, Кан Ю-вэй, Тан Шао-и и др. Система террора, господствовавшая в Китае, гарантировала избрание Юань Ши-кай. при окончательной баллотировке 10 октября 1913 года получившего 507 голосов из 759. Вице-президентом был избран Ли Юань-хун.

Юань Ши-кай объявил свою программу, свидетельствовавшую о продолжении борьбы против революционного Юга. Эта программа содержала в качестве основных пунктов объединение Севера с Югом, поддержание строгой дисциплины в армии и в правительственном аппарате, создание новых военно-морских школ для организации и пополнения контр-революционных кадров, «открытие китайского рынка для свободного соревнования иностранных капиталов, которые помогут республике поднять ее экономическое благосостояние», «поощрение путем субсидии китайских предпринимателей в деле эксплуатации лесных и горных богатств страны», «немедленную реорганизацию финансовой системы страны» ¹⁾.

Программа правительства контр-революции была рассчитана на полную и всестороннюю поддержку мирового империализма, которому Юань Ши-кай открывал возможность реального руководства процессами индустриализации Китая. Ответом капиталистических государств на «избрание» Юань Ши-кай и его программу было официальное признание Китайской республики. Признание должно было укрепить положение Юань Ши-кай и создать благоприятные условия для дальнейшей борьбы против китайской революции. 19 октября были вручены Юань Ши-каю грамоты о признании Японией, Австрией, Португалией и Голландией, а 20 октября Пекин был признан Испанией, Мексикой, Германией, Россией, Италией, Англией, Францией, Швецией, Данией и Бельгией. Последними признали Юань Ши-кай Северо-Амер. Соединенные Штаты.

¹⁾ „Вестник Азии“, № 19—22, 1914 г., стр. 4.

Печать капиталистических государств в Китае вела озлобленную кампанию против партии революции, против Го-минь-дана, требуя беспощадных мер к его ликвидации. В то же время капиталистическая пресса вела борьбу против реформы судебных учреждений в Китае, усматривая в этой реформе угрозу существования института экстерриториальности. Мировая буржуазия не могла также примириться с новыми организациями в виде провинциальных самоуправлений, укреплявших влияние туземной буржуазии. Подкрепляя денежными средствами и «признанием» Юань Ши-каю, мировой империализм требовал создания правительства военной диктатуры для беспощадной расправы над китайскими трудящимися массами.

Кабинет Юань Ши-каю включал в себе ренегатов — Сюнь Си-лина, в роли премьера, Сун Бао-ци, в роли министра иностранных дел, одного из крупнейших деятелей эпохи «100 дней реформ» — Лян Ци-чао, известного в Китае под именем «политического маклера», в роли министра юстиции, представителя крупной китайской промышленности Чжан-Цяня, в роли министра промышленности и земледелия, Дуань Ци-чжуня — будущего вождя партии ань-фуистов, в роли военного министра, и Чжоу Цзы-ци — основателя контр-революционной партии «путей сообщения», Цзяо-тун-бу, в роли министра путей сообщения. Главной задачей этого кабинета было оказание реального содействия диктатору Юань Ши-каю к ликвидации очагов революции в стране. В кабинет военной диктатуры входят наряду с представителями оголтелой реакции и представители правого фланга китайской буржуазии.

Торжество идеи генеральской диктатуры, возглавляемой Юань Ши-каем в качестве президента Китая, требовало разгрома партии Го-минь-дан. Чжан-сунь пишет Юань Ши-каю: «Парламент наш полрал волю народа и потому потерял всякое доверие, он был главным виновником второй революции. В частности партия Го-минь-дан подавала голоса за избрание в президенты Сун Ят-сена, Цань Чжун-сюаня и тех, кто так много причинил зла. Занимается парламент больше словопрениями на почве личных счетов, чем полезной и необходимой для страны работой по государственному переустройству, представляя из себя, таким образом, ненужный и дорогой придаток в правительственном механизме»¹⁾. Чжан-сунь требовал упразднения партии Го-минь-дан, как «вредной для государства».

Жэ-хэ'ский генерал Дзян Гуй-ди настаивал на репрессиях по отношению к гоминьдановцам. 8 сентября 1913 г. обе палаты получили письма от «Пекинского общества военных и полиции», в которых члены парламента обвинялись в совершении девяти преступлений. В числе других фигурируют обвинения в получении депутатами за 5 месяцев

¹⁾ „Вестник Азии“, № 19—22, 1914 г., стр. 4.

жалованья, равного 1.300.000 долларов. «Эти деньги в поте лица были заработаны народом, а члены парламента не выработали ни одного закона для облегчения участи народа». Самым же важным было обвинение Го-минь-дана в организации «второй революции». «Когда два месяца тому назад Ли Лиэ-цзюнь и Хуан-син подняли восстание, то многие из членов парламента тайно покинули столицу, чтобы присоединиться к ним... Как мы должны назвать тот факт, когда мы видим членов парламента, работающих вместе с мятежниками для того, чтобы причинить вред интересам народа. Какую меру наказания мы должны избрать для них?»¹⁾

Общая политическая обстановка, создавшаяся после подавления второй революции, развязывала действия контр-революции. Поводом к открытому походу против Го-минь-дана послужило стремление парламента принять «постоянную конституцию», ограничивавшую полномочия президента. Этот акт парламента являлся последним оппозиционным жестом, не рассчитанным на успех прежде всего потому, что сам парламент оторвался от трудящихся масс Китая.

Юань Ши-кай делегировал своих представителей в парламентскую комиссию с рядом «поправок» к конституции. В своем послании к парламента Юань Ши-кай писал: «Если в проекте ее (конституции) имеется нечто, что с моей точки зрения кажется неосуществимым, или поведет к нарушению мира и порядка, я не смею оставаться в молчании. Я посвятил мои силы торжеству республики. Приняв ныне на свои плечи, по избранию республики, величайшую ответственность, я не осуществил бы свою лояльность моей стране, если бы оставался молчаливым или воздержался бы от откровенного выражения мысли о том, что в этой конституции имеется угрожающего интересам нации»²⁾. Делегаты Юань Ши-кай не были допущены в комиссию. В ответ на этот акт парламентской комиссии Юань Ши-кай опубликовал декрет о «преступной» деятельности Го-минь-дана и об его разгоне, обвиняя его в организации второй революции. Было приказано закрыть комитеты партии на местах. Все члены партии были признаны «врагами революции». Депутаты лишены полномочий и сосланы.

Декрет о разгоне партии Го-минь-дан был опубликован 4 ноября 1913 г. В этот же день был отдан приказ по полиции о производстве обысков у 98 сенаторов и 252 депутатов по обвинению их в связях с революционными организациями. 470 депутатов высылаются из Пекина. В парламенте не стало кворума. Он фактически прекращает свое существование. 12 января 1914 года парламент, рожденный первой революцией, объявляется «распущенным».

1) „Вестник Азии“, № 19—22, 1914 г., стр. 35—36.

2) „Вестник Азии“, № 19—22, 1914 г., стр. 11.

Разгром парламента являлся лишь следующим естественным актом в системе контр-революционных мероприятий правительства военной диктатуры. «Ничего удивительного не было в том факте, — пишет реакционный английский публицист Блэнд, — что Юань Ши-кай, разбив вооруженные силы своих противников, ликвидировал фарс в лице парламента в Пекине, издав декрет о роспуске Го-минь-дана... Роспуск этой партии привел, естественно, к разгону парламента и вслед за этим к ликвидации органов провинциального самоуправления на территории всей страны» ¹⁾.

Оценку значения этого акта Юань Ши-кай дает Путнам Уилл в нижеследующих выражениях: «4 ноября был издан произвольный декрет с санкцией всего кабинета, лишивший депутатских полномочий сенаторов и депутатов, принадлежавших к Го-минь-дану или к радикальной группе по обвинению их в тайном содействии июльскому восстанию... Полиция столицы со всей суровостью выполнила данные ей поручения... Было совершенно ясно, что если кто-нибудь из указанных лиц останется в Пекине, он рискует своей жизнью. Сделав невозможным продолжение работ парламента в виду отсутствия кворума, Юань Ши-кай был в состоянии продолжать свою деятельность в желательном для себя направлении. Открывалась новая сцена подлинного мексиканского характера, созданная на Дальнем Востоке при непосредственном содействии держав. Весьма знаменательно, что день, предшествовавший перевороту 4 ноября, был отмечен заключением соглашения с Россией, в силу которого Внешней Монголии предоставлялась автономия, а Китай сохранил за собою право на дипломатическое представительство в Урге... Поддержка, которую державы оказывали этому режиму, была всем очевидна. Ничего другого не оставалось делать, как ждать в сознании того, что создававшаяся обстановка не содержала в себе элементов прочности» ²⁾.

Разгром партии Го-минь-дан и парламента был проделан Юань Ши-каем при поддержке правой части крупной буржуазии, игравшей в тот период заведомо предательскую роль. Правое крыло китайской буржуазии было представлено в парламенте своими партиями. Согласно данным газеты «Шунь-тянь-ши-бао», в китайском парламенте были представлены следующие партии: Го-минь-дан, Цзинь-буд-дан, Гун-минь-дан, Та-чжун-дан, Гун-хо-дан, Чен-ю-хуэй и Тинь-сянь-дан. Революционное крыло в парламенте было представлено партией Го-минь-дан. Партия Цзинь-бу-дан или партия «прогрессистов», возглавляемая Лян

¹⁾ J. O. P. Bland. China, Japan and Korea. 1921, London, William Heinemann, стр. 37.

²⁾ B. L. Putnam Weale. The Fight for the Republic. New York. Dodd, Mead and Comp., 1917, стр. 56—57.

Ци-чао, выражала интересы компрадорской буржуазии. Она играла роль партии переворота, создавая для Юань Ши-кай атмосферу «общественного» сочувствия. Цзинь-бу-дан была преемницей группы реформистов эпохи «100 дней реформ». И тогда, и сейчас реформисты-«прогрессисты» стремились к сохранению «сильной» диктаторской власти, учитывающей также классовые интересы торговой буржуазии Китая. «Юань Ши-кай пытался создать парламентский блок под этикеткой Цзинь-бу-дан»¹⁾.

Среди других парламентских партий этого периода обращают на себя внимание две другие политические организации буржуазии: «Та-чжун-дан» и «Минь-сянь-дан». Партия «Та-чжун-дан», объединявшая пять небольших партий, требовала централизации власти, объединения Китая и проведения конституционных начал. Она располагала в парламенте 80 местами. Партия «Минь-сянь-дан» являлась организацией мелкой и средней городской буржуазии, которую не удовлетворяло предательство и политическое лакейство партии «прогрессистов» — Цзинь-бу-дан, с одной стороны, и которую запугивал, с другой стороны, радикализм партии Го-минь-дан. Минь-сянь-дан разместились в центре этих политических группировок. В своем манифесте Минь-сянь-дан писал: «Со времени объединения Севера с Югом возникли две новые партии — одна консервативного характера (Цзинь-бу-дан), другая — прогрессивного (Го-минь-дан), обе они находятся под руководством нескольких лиц... Мы решили образовать новую партию... Наш основной принцип — стоять на страже интересов республики и конституции и работать на благо народа... Заботясь о благе населения, мы будем принимать все меры к тому, чтобы вести страну по пути прогресса и развития экономических ее сил. Если наше правительство будет следовать в своих действиях согласно установленной конституции, в час оно встретит лишь друзей и верных помощников в его трудной работе. Но если правительство захочет нарушить законы конституции, мы будем смотреть на него, как на врага страны, и обяваны будем принимать против таких правителей соответствующие меры»²⁾.

Спор между парламентом и Юань Ши-каем отражал лишь те разногласия и противоречия, какие существовали в Китае между мелкой буржуазией и феодальными группировками, пытавшимися опереться на компрадорскую часть торговой буржуазии страны. Конкретный спор шел по вопросу о правах парламента и полномочиях президента. Го-минь-дан стремился отвоевать наибольшую сумму прав для парламента, в частности, он настаивал на принципе «ответственного министерства». Уже в 1912 году правительство Юань Ши-кай вступило в конфликт

1) André Duboscq. L'évolution de la Chine. Editions Bossard, Paris, 1921, стр. 36.

2) „Вестник Азии“, № 19—22, 1914 г., стр. 7—8.

с парламентом, главным образом, в виду борьбы Юань Ши-кай против права парламента избирать ответственных перед ним министров. Парламент не доверял правительству и был готов бороться против каждой кандидатуры, выдвигаемой непосредственно правительством Юань Ши-кай¹⁾). Парламент в своей деятельности руководствовался также статьей «временной» (нанкинской) конституции, в силу которой президент лишен права роспуска парламента. «Всякая попытка со стороны правительства распустить парламента квалифицировалась бы, как незаконный акт», — говорит тот же автор Чжан, один из членов разогнанного парламента.

В борьбе против военной диктатуры парламента оказался побежденным. Это поражение, обеспечивающее торжество реакции в Китае на несколько ближайших лет, явилось следствием политической изолированности Го-минь-дана, его несвязанности с трудящимися массами своей страны. Идея парламента в Китае получила серьезный удар. Никогда после этого рокового столкновения противоречивых интересов мелкой буржуазии и феодальных групп парламента в Китае не удавалось восстановить своего престижа и политического авторитета.

Почти одновременно с разгромом партии Го-минь-дан были приняты также поправки к «временной конституции», которые сосредоточивали всю власть в руках президента. Вот некоторые из этих поправок. «Президент имеет полную власть издавать законы и правила для управления должностных лиц» (ст. 35 в новой редакции конституции), «президент облечен властью назначать и смещать всех гражданских и военных должностных лиц» (ст. 34), «президент облечен властью для охраны общественного порядка и спокойствия и в предупреждение бедствий всякого рода издавать временные приказы всем гражданским и военным должностным лицам во всей республике».

Вместо парламента, был создан «административный совет», являющийся орудием диктатуры Юань Ши-кай. На первом заседании административного совета присутствовал Юань Ши-кай, который обратился к «делегатам» с речью: «Монархия у нас заменена республикой, форма правления, несомненно, более благоприятная для граждан. Но она сама по себе не делает страну более могущественной, если в государстве продолжают жить старые порядки. Республика тогда благодетельна, когда администрация находится на высоте своего призвания, и когда стоящие у кормила правления блюдают интересы страны. Наша администрация ниже всякой критики. В жизни народных масс наблюдается какал-то разруха: сыновья отказываются повиноваться родителям, жены не признают власти мужей, младшие чиновники игнорируют старших, солдаты не признают своего начальства, народ к властям относится недруже-

1) S. C. Chang. Chinese Politics and Professionalism. London, 1921, стр. 11.

любно, и все это творится во имя республики и свободы личности... Благодаря внутренней слабости, о чем иностранцы не могут не знать, мы, несмотря на республиканский строй, страдаем и во внешней политике. Хотя мы и заключили с Россией договор, Халха, однако, до сего времени продолжает играть роль самостоятельного государства. Не в лучшем положении мы находимся и по отношению к Тибету, на который пред'являет сильные претензии Англия. Другие крупные державы также пытаются использовать нашу слабость, чтобы утвердиться на Дальнем Востоке... Наше спасение все заключается в том, чтобы сплотиться воедино всем любящим свою родину и посвятить свои силы на служение народу, отбросив всякие эгоистические побуждения, это зло, которое так губит нашу страну. Будем надеяться, что в скором времени у нас будет сильное правительство, которое спасет страну от развала, сделает ее сильной и неуязвимой. Спасая страну, вы тем спасаете себя»¹⁾).

Указание на «сильное правительство» — яркое свидетельство подготовки монархического переворота.

Чтобы придать своей диктатуре «импонирующий» характер, надо было придать этому событию религиозный характер. Восстанавливаются религиозные торжества, религиозные богослужения в храме неба в Пекине. Отдается приказ, восстанавливающий культ храмов и церквей по всей стране. К моменту восстановления официальной религии было инсценировано «общественное мнение». Возглавлял это движение Кан Ю-вэй, очутившийся к этому историческому моменту в рядах китайской контр-революции. Он обратился к Юань Ши-каю с просьбой об установлении ритуала Конфуция и о введении во всех учебных заведениях в число обязательных предметов изучения китайских классиков. Введению конфуцианства в школах контр-революция придавала большое значение, пытаясь влиять на идеологию подрастающего поколения. Восстановление конфуцианства было подготовительным мероприятием к провозглашению конфуцианства государственной религией Китая.

5. Экономическая политика Юань Ши-кая.

Правительство контр-революции пыталось развернуть большую экономическую программу с тем, чтобы, сохраняя всю полноту власти в своих руках, заручиться поддержкой верхушки китайской торговой буржуазии, той ее части, интересы которой совпадают с интересами мировой буржуазии. Эта программа предусматривала прежде всего финансовые вопросы. Правительство об'явило о своем намерении унифицировать денежную систему в стране на базе серебряной валюты. Монета

¹⁾ „Вестник Азии“, № 19—22, 1914 г., стр. 14.

должна была чеканиться по одному образцу для всей страны. Право бюджетной эмиссии должно было быть присвоено только одному государственному банку Китая.

Кроме реформы в области денежного обращения, правительство Юань Ши-кая после подавления второй революции ставило вопрос о реорганизации налоговой системы. Налоговая доходная схема была рассчитана на усиление обложения трудящихся масс Китая. Она предусматривала 14 налоговых объектов, наиболее значительными среди которых были поземельный налог, соляной, табачный, винный, подоходный налог и налог на предметы производства и потребления. Доходная часть правительственного бюджета во второй год республики выражена в нижеследующей таблице:

Поземельный налог	80.000.000	долларов
Налог на соль	84.000.000	"
Таможенные доходы	100.000.000	"
Гербовый сбор	13.000.000	"
Квартирный налог	6.000.000	"
Налог на предм. произв. и потребления	15.000.000	"
Налог на табак и спиртные напитки	15.000.000	"
Горный налог	2.000.000	"
Налог на торгово-промышлен учреждения	10.000.000	"
Подоходный налог	5.000.000	"
Налог с имущ., переходящего по наследству	2.000.000	"
Транзитная пошлина	3.000.000	"
Налог на банковские операц	3.000.000	"
Разные сборы	5.000.000	"
От монопольной продажи мер и весов	20.000.000	"
От сбора за документы о браке	3.000.000	"
Доходы от чеканки мелкой разменной монеты	20.000.000	"
Доходы от казенных предприятий	20.000.000	"
Всего	406.000.000	долларов

Расходный бюджет Китая в том же втором году республики был выражен в сумме 646.350.000 долларов. Дефицит в 240 милл. долларов должен был быть покрыт за счет иностранных займов. Значительная часть расходного бюджета падала на содержание огромных армий и чиновничьего аппарата.

Ближайшие задачи экономической политики правительства предусматривали введение покровительственной системы. Этот пункт программы имел исключительно декларативный характер прежде всего потому, что Китай лишен возможности регулировать свое народное хозяйство при посредстве и содействии таможенной политики. Капиталистические державы навязали Китаю тарифную систему, обслуживающую интересы империалистических государств.

Следующий пункт программы предусматривал вопросы реорганизации государственных предприятий. И этот пункт программы ничего

реального не обещал китайской промышленности, так как все государственные предприятия, по преимуществу в тяжелой индустрии, находились в финансовой зависимости от иностранного капитала. Правительство Юань Ши-кай не ставило себе целью освобождение этих предприятий от тенет иностранного капитала. Юань Ши-кай прокламировал свою готовность «уделять много внимания развитию земледелия, лесного дела и рыбопромышленности», а также развитию горной промышленности. Эти обещания не были реализованы потому, что правительство контр-революции стремилось в первую очередь обеспечить классовые интересы феодальных групп, реакционного генералитета и мандарината, диаметрально противоположные интересам развития земледелия и промышленности в стране.

Юань Ши-кай обещал составить общий план железнодорожного строительства с разделением дорог на две группы: главные и второстепенные. Правительство брало на себя обязательство «установить надлежащий распорядок в деле погашения долгов по иностранным займам и выкупа в казну железных дорог».

Широковещательная программа экономических реформ не только не подняла удельного веса китайской буржуазии, но усилила в значительной мере роль иностранного капитала в Китае. Юань Ши-кай был креатурой и агентурой мирового империализма и должен был в первую очередь обслуживать интересы капиталистических держав. Законопроект о горной промышленности в Китае, принятый в эту эпоху, предоставлял иностранному капиталу право участия в торных предприятиях в размере 50%. Остальные 50% фактически также принадлежали иностранному капиталу, использовавшему финансовую китайскую агентуру.

Юань Ши-кай подписал соглашение с Standard Oil Co, получившим концессию на монопольную разработку и добычу нефти в провинциях Чжили, Шаньси и Шэньси, и одновременно право продажи керосина в Китае. Договор был заключен сроком на 60 лет. Подписание этого договора наносило прямой вред интересам горной промышленности страны. «Близко стоящие к промышленности круги китайского народа, весьма понятно, очень взволнованы этими событиями. Китайский народ, вообще, против того, чтобы естественные богатства его родины эксплуатировались иностранцами... Общественное мнение Китая негодует, и негодование это исходит из того соображения, что интересам китайского народа нанесен ущерб»¹⁾. В ряде провинций: Хубэй, Хунань, Цзянси, Шаньси и Шэньси были организованы митинги протеста против политики правительства Юань Ши-кай, предоставившего

¹⁾ „Вестник Азии“, № 23—24, 1914 г., стр. 107.

американскому капиталу нефтяную монополию и японскому капиталу железнодорожные богатства Среднего Китая (Ханьпинский заем).

В этот период правительство Юань Ши-кай подписывает с Англией договор о займе в 8 миллионов фунтов на сооружение новой железной дороги Нанкин—Наньчан—Биньсян и предоставляет Японии концессию на сооружение железной дороги от Цзюцзяна в провинции Цзянсу до Фу-чжоу — столицы приморской провинции Фуцзянь. Эта дорога должна была прорезать юговосточную часть Китая. К этому же времени относится зарождение больших японских планов о сооружении ряда новых японских железных дорог в Манчжурии. Разрабатывались проекты сооружения железных дорог Сыпингай—Таонаньфу и Гирич — Хорион (Хуэй-мин).

В вопросах железнодорожного строительства Юань Ши-кай и его правительство попросту являлись лакеями мирового капитала, выполнявшими все его предначертания. Железные дороги в первые десятилетия XX века представлялись наиболее удобной формой инвестиции иностранного капитала в Китае. Железные дороги в Китае обеспечивали иностранных предпринимателей огромными учредительскими, заемными и операционными прибылями. Железные дороги, кроме того, были наиболее мощным орудием влияния мирового империализма в Китае. «Формально и фактически эти железные дороги были иностранными дорогами на китайской территории. Они были, иными словами, иностранной территорией в самом Китае. Под предлогом охраны этих дорог в районы дорог вводилась иностранная полиция и войска. И, наконец, территории, прилегающие к этим дорогам, захватывались иностранными государствами, как «сферы контроля». Эти территории с течением времени попадали в политическую зависимость от иностранцев. Потери Китая в вопросах железнодорожного строительства были прежде всего утратой своей территории»¹⁾.

Юань Ши-кай продолжал дальнейшее закабаление Китая путем учинения новых займов. Правительство контр-революции вело переговоры с американским синдикатом о заключении займа в 100 миллионов золотых марок; с германской фирмой Круппа — о займе в 50 миллионов марок и с Немецко-Азиатским Банком — в 60 миллионов. Средства от этих займов предназначались для закупки военного снаряжения у Круппа же для продолжения борьбы против китайской революции.

Экономическая программа Юань Ши-кай предоставляла широкий простор иностранному капиталу в Китае, задерживая развитие производительных сил в самой стране. Само правительство Юань Ши-кай было политическим орудием международного капитализма, продолжавшего борьбу за раздел Китая и руководство замедленным процессом

¹⁾ Wong Ching wal—China and the Nations, стр. 63.

его индустриализации. Взаимосвязь между мировым империализмом и Юань Ши-каем была очевидной для революционного Китая. Редактор «Чайна Республик» доказывал в своей газете, что «политика Юань Ши-кай является результатом заговора иностранных держав против Китайской республики», что сам Юань Ши-кай является лишь только орудием в руках иностранных крупных финансистов. Редактор этой газеты был казнен. Режим белого террора, санкционированный мировой буржуазией, упразднил и те скромные «провинциальные собрания», которые были отвоеваны китайской буржуазией еще в эпоху манчжурской власти. Были также закрыты все политические организации, клубы и газеты.

Юань Ши-кай заботится об организации плотной реакционной группы, долженствовавшей играть роль общественной прослойки для режима белого террора. Он создает в Пекине «совет генералов», политическую группу реакции, ассигнуя этой организации крупные денежные средства.

Национально-освободительное движение тувинских скотоводов.

I.

Территория Тувинской Народной Республики (быв. Урянхайский край) находится в северной части Центральной Азии и расположена между 53° и 50° северной широты и 89° и 100° восточной долготы. На севере граничит с СССР (Минусинским и Хакасским округами и Ойратской Автономной Областью), а на юго-западе, юге и востоке — с Монгольской Народной Республикой (Хан-Тайшир-Ульским аймаком и Кобдосским округом).

Площадь Тувинской Народной Республики равняется 170.000 кв. км., что несколько превышает вместе взятые площади Бельгии, Португалии и Швейцарии в их послевоенных границах.

Верховная власть в стране принадлежит Великому Хурулдану (Всенародному Собранию), между сессиями Великого Хурулдана — Малому Хурулдану, а между сессиями Малого Хурулдана — его президиуму и правительству.

Великий Хурулдан Республики составляется из представителей кошунов и сомонов, а также воинских частей. Количество делегатов распределяется пропорционально населению избирательных округов, и депутаты избираются сроком на один год.

Очередные сессии Великого Хурулдана созываются по постановлению Малого Хурулдана — один раз в год. Чрезвычайные сессии Великого Хурулдана могут созываться либо по почину Малого Хурулдана, или по требованию избирателей от кошунов и сомонов, насчитывающих одну треть населения страны.

Малый Хурулдан избирается Великим Хурулданом в составе 25—30 членов. Малый Хурулдан всецело ответственен перед Великим Хурулданом Республики и регулярно отчитывается о своих действиях перед каждой сессией Великого Хурулдана. Малый Хурулдан собирается не менее двух раз в год. Чрезвычайные сессии Малого Хурулдана созываются по решению президиума Малого Хурулдана, по предложению правительства или по требованию одной трети членов Малого Хурулдана.

На сессиях Малого Хурулдана избираются президиум Малого Хурулдана в составе пяти лиц (председатель, секретарь и три члена) и правительство. В состав правительства входят: председатель Совета Министров, заместитель председателя Совета Министров, министры: внутренних и иностранных дел, финансов и юстиции.

Малый Хурулдан издает законы, постановления и распоряжения, дает общее направление деятельности правительства и наблюдает за проведением в жизнь основных законов республики и постановлений сессий Великого Хурулдана. Правительству принадлежит общее руководство деятельностью всех министерств.

В административном отношении Тувинская Народная Республика делится на следующие шесть хошунов: Баян-Хан-Тайгинский (быв. Барун-Кемчукский), Улан-Хан-Тайгинский (Зун-Кемчукский), Ихэ-Кемский, Ка-Кемский (Сальджакский), Тесингольский и Тоджи-Нур'ский.

Каждый хошун делится на сомоны; сомоны—на баки, а баки, в свою очередь, подразделяются на арбаны (десятидворки). По хошунам сомоны, баки и арбаны распределяются следующим образом:

Наименование хошунов	Число сомонов	Число баков	Число арбанов
Баян-Хан-Тайгинский	12	43	152
Улан-Хан-Тайгинский	13	48	180
Ихэ-Кемский	10	35	136
Ка-Кемский	10	32	130
Тесингольский	7	23	104
Тоджи-Нур'ский	2	8	28

Таким образом, Тувинская Народная Республика состоит из 6 хошунов, объединяющих 54 сомона, 189 баков и 730 арбанов. Отсюда видно, что основными административными единицами являются арбаны и баки.

С'езды местных самоуправлений (хошунов, сомонов, баков и арбанов) образуются на основании особого положения о местном самоуправлении. Для текущей административно-хозяйственной работы с'езды местных самоуправлений избирают из своей среды исполнительные органы местной власти («нутугун закирога»): хошунные и сомонные управления, бакские и арбанские дарга (старост). Иначе говоря, во главе арбанов и баков стоят арбанские и бакские дарга. Сомоном управляет сомонное самоуправление, избираемое на сомонных с'ездах. Во главе хошунов стоят хошунные управления, состоящие из председателя и двух членов, избираемых на хошунных с'ездах сроком на один год.

Избирательным правом пользуются лица обоего пола, достигшие восемнадцатилетнего возраста: а) добывающие средства существования своим трудом, а также лица, занятые своим трудовым хозяйством и б) цырики (солдаты) народно-революционной армии. Не пользуются

забирательным правом: а) лица, признанные в установленном порядке душевно-больными и умалишенными; б) ламы (монахи), постоянно живущие при монастырях, и в) лица, осужденные судом за корыстные и порочащие преступления.

Коренное население Тувинской Народной Республики исчисляется в 58.117 человек ¹⁾, или по 0,38 жит. на 1 кв. км. (по данным Министерства Внутренних Дел ТНР за 1926 г.). Население по хошунам распределяется следующим образом:

Х о ш у н ы	Хозяйства	Население	Духовенство	% отношение духовенства к населению
Баян-Хан-Тайгинский	2.804	13.627	172	0,01
Улан-Хан-Тайгинский	3.304	16.559	780	0,04
Ихэ-Кемский	2.385	10.600	267	0,02
Ка-Кемский	1.891	8.530	386	0,04
Тесингольский	1.247	4.945	220	0,04
Тоджи-Нурский	454	2.015	16	0,07
Итого:	12.085	56.276	1.841	0,03

Если сравнить количество населения Тувинской Народной Республики с тем, какое было тринадцать лет тому назад, то мы увидим, что оно значительно увеличилось. Например, по данным Бенигсена и Попова, коренного населения в пределах нынешней Тувинской Народной Республики (быв. Кемчукском, Ойнарском, Тоджинском и Сальджакском хошунах) было 52.300 душ обоего пола ²⁾, а по переписи 1926 года насчитывается 58.117 душ обоего пола. Таким образом, за тринадцатилетний период (1913 — 1926 г.) наблюдаем увеличения населения в абсолютной цифре в 5.803 чел., или на 10,7%. Такое увеличение отчасти объясняется улучшением дела статистики и отчасти тем неоспоримым фактом, что тувинцы, подобно другим небольшим народностям Востока (монголам и др.), не вырождаются, как предполагали до сего времени некоторые европейские исследователи, а находятся в состоянии постепенного роста.

Главное занятие тувинского населения — скотоводство. По приблизительном подсчету, количество рогатого скота по всей стране определяется в 149.985 крупных голов (податных единиц-бод ³⁾). Количество скота по хошунам распределяется следующим образом (см. след. стр.).

В противовес совершенно скотоводческому населению в соседней Монголии, около четверти тувинцев (3.716 хозяйств) частично занимаются земледелием. Главными скотоводческими районами являются Кем-

¹⁾ В это число не входит 12.000 жит. Русск. Самоуправ. Труд. Колонии (РСТК).

²⁾ Попов „Урянхайский край“. Изд. Штаба Ирк. Воен. Округа, 1913 г., стр. 81—82.

³⁾ Доклад Министерства Внутренних Дел IV Великому Хурулдану ТНР.

Наименование хошунов	Скот, принадлеж. населению (в бодах)	Скот, принадлеж. духовенству (в бодах)	Всего (в бодах)	% отношению скота духовенства к скоту населения
Баян-Хан-Тайгинский	31.249	1.368	32.617	0,04
Улан-Хан-Тайгинский	38.595	3.943	42.538	0,01
Иха-Кемский	29.493	1.511	31.004	0,05
Ка-Кемский	20.732	1.861	22.593	0,08
Тесингольский	15.178	2.372	17.550	0,10
Тоджи-Нур'ский	3.538	145	3.638	0,04
Итого	138.785	11.200	149.985	0,08

чукские и Кемские хошуны, в которых сосредоточено более 70% населения страны.

Торговый оборот ТНР составляет 2.035.649 руб. 26 коп. (1926 г.), а именно: импорт — 1.565.194 руб. 74 коп., экспорт — 470.454 р. 52 к.¹⁾ К вывозу и ввозу в Тувинскую Народную Республику преимущественно относятся следующие товары:

Из вышеприведенных данных видим, что в отношении ввоза товаров в Тувинскую Народную Республику 83% общей суммы импорта падает на долю СССР и остальные 17% на долю Китая. В отношении же вывоза: 70% на долю СССР и 30% на долю Китая. Затем из этих же данных видно, что в настоящее время ввоз товаров превышает вывоз из страны в 4 раза.

Вывезено из ТНР в СССР и в Китай.

(1925/26 г.).

Наименование товаров	В СССР		В Китай	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Пушнина	36.971	97	44.302	77
Скот	46.226	60	38.108	20
Сырье (кожи и пр.)	29.565	26	16.807	—
Койская грива	1.135	35	—	—
Хлебпродукты	13.487	15	5.426	—
Продукты с.-х.	34.173	80	859	—
Моральи хвосты	13	80	1.358	35
рога	—	—	31.918	—
Золото (шлихован).	164.779	32	—	—
Кабарговая струя	230	60	—	—
Разные товары	5.498	10	—	—
Всего	331.679	95	138.774	57

1) Ведомость ввоза и вывоза Таможенного Управления ТНР за 1926 год.

Ввезено из СССР и Китая в ТНР.

(1925/26 г.)

Наименование товаров	Из СССР		Из Китая	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Чай зеленый	177.176	58	56.382	86
Табак (дунза)	2.160	—	20.845	30
Далемба	40.195	07	30.195	50
Мануфактура	336.672	20	65.394	—
Разные товары	744.672	93	91.500	30
Всего	1.300.876	78	264.317	96

В предлах Тувинской Народной Республики в данное время имеются следующие торговые организации: 51 китайская фирма; 3 советских торговых организации (Госторг СССР, местная русская кооперация и торговый отдел Исполкома РСТК), которые имеют 25 торговых факторий, и Тувинский Центральный Народный Кооператив (Тувинценкооп) с 9 факториями.

Общая сумма государственного бюджета Тувинской Народной Республики равняется 1.223.358 руб. 62 коп. (1926 — 27 г.), а именно: доходов — 635.017 руб. 54 коп., а расходов — 588.341 руб. 08 коп.¹⁾

Основные статьи доходной части бюджета следующие: сельскохозяйственный налог — 117.000 руб.²⁾, подоходно-промышленный налог — 69.200 руб., налог за пользование угодьями и пр. — 52.460 руб., сборы по разного рода сделкам (герб., нотариальный, консульский и др.) — 40.567 руб., акцизы — 30.000 руб., таможенные сборы — 170.000 руб., доходы от вспомогательных учреждений и предприятий — 60.524 р. 23 к.

Из расходной части бюджета отметим следующие статьи: президиум Малого Хурулдана — 4.160 руб., президиум правительства 8.024 руб. 40 коп., Министерство Иностранных Дел — 37.629 руб. 25 коп., Мин. Внутренних Дел — 169.142 руб. 57 коп., Мин. Юстиции — 9.664 руб. 20 коп., Мин. Финансов — 275.263 руб. 40 коп.

Тувинская Народная Республика обладает многими природными богатствами. На окружающих горах, предгорьях, долинах рек, ключей растет великолепный густой лес разных хвойных и лиственных пород. В лесах имеются кедр и орех, а также водятся моралы, козы, белки и соболи. В недрах земли лежит масса ископаемых богатств: золото,

¹⁾ Доклад МФ ТНР IV Великому Хурулдану ТНР, состоявшемуся в 1926 г.

²⁾ Из них 83.000 руб. с тувинского населения и 34.000 р. с русского (колонистского) населения в виде арендной платы за польз. земельн. угодьями.

серебро, уголь и др., пока еще не исследованные минералы. В реках и озерах — рыба. Вот беглый описательный очерк Тувинской Народной Республики («Урянхайской земли»), представляющей часть северного нагорья Центральной Азии, где соприкасаются горные системы: Алтай, Саяна и Танну-Улы.

Генеральный секретарь ЦК Тувинской Народно-Революционной Партии тов. Содном.

II.

Тувинцы до китайской революции (1911 г.) были подвластны Дайцинской империи. После свержения в Монголии и Урянхае господства китайско-маньчжурского мандарината, территория Танну-Тувы (Урянхайский край) формально вошла в состав Внешней Монголии, а фактически являлась колонией царской России.

Во времена господства маньчжурских мандаринов и монгольских феодалов, цельного Урянхая не существовало. Страна была расчленена на отдельные, несвязанные друг с другом хошуны и сомоны. Одна часть этих хошунов подчинялась Улясутайскому цзянь-цзюню (военному губернатору, а другая — являлась данником отдельных халхасских феодалов (Сайн-Нойн-Хана, Джалхандцзы Хутухты и др.). Никакого, в сущности говоря, управления над Урянхаем со стороны монгол и китайцев не было, все заключалось лишь в том, что от времени до времени

по стране проезжали цзянь-цзюны или другие какие-нибудь высокопоставленные лица для сбора податей или осмотра границы. От монголов и китайцев Урянхаем правили чиновники, ими назначаемые и от них получавшие чины и звания. Нередко случались и такие курьезы, что одну и ту же должность занимало несколько чиновников, назначенных — одни монголами, другие непосредственно китайцами, а впоследствии — русскими властями.

Бесчисленное количество всевозможных поборов и налогов, как натурой, так и деньгами, введенных манчжурскими мандаринами и монгольскими феодалами, довели аратские массы Танну-Туву до полного обнищания и разорения.

Так, например, при манчжурах каждое тувинское хозяйство (урхе) обязывалось платить подати ежегодно по три хороших соболя. Если разложить их на 12.000 хозяйств, то получалось всего 36.000 соболей. Таким образом, тувинцы ежегодно должны были платить манчжурам 36.000 соболей, т.е. деньгами 1.800.000 рубл^{ей} из расчета 50 руб. за соболя.

Кроме того, как манчжурские чиновники, так и монгольские феодалы под различными предлогами высасывали последние соки тувинских скотоводов. Вот, перед нами характерный перечень расходов одного из тувинских хошунов с 1893 по 1906 г.г.¹⁾

В 1893 году дано взятки 1.000 баранов по 1 руб. баран, всего 1.000 р.

В 1893 году дано взятки 70 быков по 40 руб. бык на сумму 2.800 р.

В 1904 году дано взятки 1.000 быков по 40 руб. бык, всего 40.000 р.

В 1904 году израсходовано на свадьбу сына правителя хошуна одна тысяча ланов серебра, т.е. деньгами 1.300 руб.

В 1905 году выдано хошунному правителю на возведение в чин бейси (князь второй степени) две тысячи ланов серебра, т.е. деньгами 2.600 руб.

В 1906 году выдано хошунному правителю на возведение в чин бейли (князь третьей степени) десять тысяч ланов серебра, т.е. деньгами 13.000 рубл^{ей}.

Всего за тринадцать лет (с 1893 по 1906 г.г.) потрачено: шестьдесят тысяч семьсот (60.700) рубл^{ей}.

И это только по одному хошуну за тринадцать лет! А сколько было таких расходов по всем шести хошунам? Об этом можно узнать по сохранившимся богатым архивным материалам хошунных самоуправлений.

Каждый китайский мандарин в Урянхае чувствовал себя воплощением чуть ли не самого манчжурского императора Богдо-Хана, и население беспрекословно повиновалось ему и в точности выполняло малей-

¹⁾ Список расходов Бейского хошуна с 1893 по 1906 г.г. (оригинал хранится в архиве Баян-Хан-Тайгинского Хошунного Управления).

шие его капризы. Содержание по командировке и проезду по стране хотя бы незначительного китайского чиновника стоило населению десятки тысяч рублей. Китайцы всячески поощряли эти командировки и проезды. Одной из таких командировок высших и низших китайских «персон» в Урянхай была ежегодная поездка Улясутайского цзян-цзюня по осмотру так называемой «северо-западной границы». Во что обходились такие поездки населению, можно судить по официальному предписанию правителя Танну-Урянхай от 22 числа 5 луны 34 года правления «Прцветания Государства» (22 мая 1908 года) на имя урянхайского чиновника кундэ Дамбы.

Из этого документа ¹⁾ видим, что для проезда одного китайского мандарина с его многочисленной свитой на одну смену, т.-е. на одной почтовой станции (уртоне), требовалось: 222 лошади, 43 верблюда, 64 чел. улачи (ямщиков), 19 юрт, 3 палатки и пр. За один день он (мандарин) проезжал три уртона, т.-е. производил три смены лошадей, верблюдов и проч.

Такие поездки по стране продолжались от 25 до 30 дней. В течение тридцати дней поездки цзян-цзюня требовались в общей сложности: 19.980 лошадей, 3.870 верблюдов, 5.760 улачи, 1.710 юрт, 270 палаток и 2.490 баранов! ²⁾. Только одни эти комфортабельные поездки цзянь-цзюньцов обходились в десятки тысяч рублей и разоряли широкие слои аратских масс страны.

Для того, чтобы выплачивать десятки различных налогов и поборов, взятков и вымогательств, тувинский арат вынужден был создавать чудовищную задолженность, ставящую его в полную экономическую зависимость от китайских ростовщиков и русских купцов.

«Народ по языку, древним обычаям и даже костюму — родственник нашим минусинским татарам; но, принявши китайское подданство и ламаизм, очень много воспринял и чуждых туркам привычек, обычаев и, вместе с тем, дурных наклонностей. Колоссальными поборами китайских властей и чиновников, с одной стороны, и недобросовестными операциями русских торговцев, в последнее время особенно, и китайских торговцев, — совершенно разорен и пришел почти в нищенское состояние. Неимеющие достатка, бесправные перед своими чиновниками, обраемые торговцами и ламами, урянхайцы представляют собою глубокоугнетенный народ, и потому у него чувство страха выше всего. Жестокое наказание правителей и беззащитная расправа чиновников воспитали в Урянхае такую дисциплину почтения к своим властям, что слово правителя считается законом...

¹⁾ Оригинал настоящего документа хранится в архиве Улан-Хан-Тайгинского Хошунного Самоуправления (на монгольском языке). Дела за 1908 год, № 124.

²⁾ За не сбеженных баранов китайцы получали большей частью деньгами.

«Народ в своей массе, особенно кемчукские урянхи, видели только русских торговцев, бесцеремонных и жестоких эксплуататоров, не стесняющихся отобрать последнего барана за выданную в долг несколько лет тому назад коробочку спичек или захватывающих лучшие пастбища и сенокосы» ¹⁾.

Так писал в своем докладе полковник генерального штаба Виктор Попов в 1913 году на имя штаба Иркутского военного округа. Таким образом, мы видим, что даже представители русского царизма признавали тяжелое и безвыходное положение тувинцев.

Безграничный произвол манчжурских мандаринов и монгольских феодалов, беззастенчивая эксплуатация китайских ростовщиков и русских купцов постепенно создавали все новые и новые противоречия в общественной жизни страны. Стихийно росла волна ненависти среди широких слоев населения к существующему государственному строю.

В 1911 году, окончательно разоренные и закабаленные урянхайцы, воспользовавшись революцией в Китае и смутами в Монголии, подняли восстание против китайцев и окончательно низвергли господство манчжуров. Имущество и торговые фактории китайцев были разрушены, одна часть китайских купцов спаслась бегством, а другая под покровительством России была доставлена к себе на родину. Так закончилась эпопея господства манчжуров.

III.

До начала XIX века царская Россия отрицательно смотрела на переселение в Урянхай и официально его не разрешала. В 1903 году вопросом переселения в Урянхай заинтересовываются отдельные руководители царской политики (Куломзин и др.), и местные власти перестают чинить препятствия переселенцам.

Вообще, в начале XX века высшие правительственные круги царской России в достаточной степени были информированы о выгодах колонизации Урянхайского края. Так, например, в 1902 году минусинский купец Георгий Павлович Сафьянов подает докладную записку А. Н. Куломзину, излагающую необходимость колонизации Засаянского (Урянхайского) края. В своей докладной записке Сафьянов писал: «Засаянский край в целом представляет долину двух рек, из которых складывается Енисей—Улукема и Кемчука с их притоками; с севера эта местность ограничена Саянами, с юга хребтом Танну-Ула. Она отделена по Танну-Ула от Монголии линией монгольских караулов и образует совершенно отдельную область, населенную чуждым Монголии народом, который сам себя называет — тува, китайцы — урянхи, русские и другие

¹⁾ Попов. „Урянхайский край“, стр. 86—87.

их соседи — сойот. Этот благодатный край настолько обилен пахотными землями, дающими прекрасные урожаи хлебов, что даже местные жители, коренные кочевники, скотоводы и охотники, усердно занимаются земледелием. Есть целые местности, на протяжении десятков верст,

Председатель Совета Министров Тувинской Народной Республики тов. Дондук.

занятые сплошными пашнями. При самых первобытных приемах земледелия, из урожая 1901 года сойоты много продали пшеницы в Усинские селения, на золотые прииска, и даже было в 1902 году доставлено несколько тысяч пудов пшеницы по Енисею в Минусинский округ. Известно также, что много хлеба сбывается сойотами в соседнюю Монголию. Обилие соленых озер, на Торхалике залежи каменной соли представляют богатство, которым еще не умеют достаточно пользоваться. Кроме того, в стране, несмотря на то, что она несколько не исследована, известны залежи азбеста, медной руды, железа и каменного угля. Золотые россыпи только по двум речкам Куртучкему и Серлиху дали более 200 пудов золота. Золотопромышленность за Саянами могла развит ся

в больших размерах, но развитие ее было задержано, благодаря, главным образом, неопределенности нашей границы с Китаем, между 16 и 14 знаками от озера Косогола до Алтая, на протяжении более 1.000 верст расстояния. Эта же неопределенность границы заставила русских поселенцев оставить свою колонию на Уюке в 1867 году и задержала русское движение за Саяны, как земледельческое, так и промышленное.

«Все вышеизложенное заставляя меня признать первой и неотложной задачей для развития края и для устранения могущих произойти недоразумений с нашими соседями утверждение нашей границы с китайскими владениями в пределах Засаянского края. Для развития горной промышленности за Саянами, разрешить в Усинском округе отводы заявленных площадей для разработки рудного и россыпного золота, хотя на таких же условиях, как отводились ранее площади в Усинском пограничном округе в сомнительных местностях, с подпийскою, в случае, если прииск окажется на китайской территории, то владелец не может иметь претензий к русскому правительству в своих убытках, на таких же условиях разрешить вновь к заявкам и отводам зачисленные почему-либо площади в казну: Вторую меру, не менее важную, но не только для мирного культурного развития Засаянского края, но и для безопасности государства и наших новых приобретений на Дальнем Востоке, я считал бы соединение Засаянского края с Минусинским правильным и удобным для передвижения и перевозки всяких тяжестей путем. До сих пор путь через Саяны представляет летом вычужную тропу. Зимой сообщение производится до января на лыжах, или, с января до марта, по льду р. Енисея не всегда безопасным путем. В апреле и мае месяцах путь совершенно прекращается. Только наш русский участок представляет такие затруднения для передвижений; дальше же из Засаянского края путь вполне удобный для передвижения во всякое время года. Нельзя не вспомнить также, что от верхнего Енисея идет кратчайший путь к Желтой реке и застенному Китаю. Не мне разъяснять вашему превосходительству, какое значение имеют благоустроенные пути сообщения для мирных целей и для обороны государства. Я позволю себе только высказать свое суждение, основанное на тридцатилетнем опыте моих сношений с урянхами, обитателями северной Монголии, по поводу тех испытаний, которые пришлось перенести нашему отечеству во времена недавних прискорбных недоразумений наших с Китаем.

«Если бы мы имели до этого столкновения благоустроенный путь к долине верхнего Енисея (Улукема), одно передвижение небольшого отряда в Засаянский край вызвало бы сильную панику среди китайцев и благоприятное движение для нас среди урянхов и монголов. В случае надобности мы могли бы с Улукема через 10 дней попасть в Улясутай—центр военного управления северной Монголии, имея за собою обеспе-

ченный тыл из благоприятно - расположенного нам населения. Это заставило бы Китай отвлечь значительную часть войск на запад и создало бы крайне благоприятное положение для нас при мирных переговорах»¹⁾.

В 1907 году в Усинский пограничный округ был назначен пограничным начальником штабс-капитан Чакиров, положивший начало широкому переселению. В короткий промежуток времени центральный район Урянхая покрылся сетью русских поселков и заимок, которым Чакиров, не считаясь ни с чем, бесцеремонно придавал русскую организацию и управление.

Тувинцы, в особенности жители Кемчука, видя серьезную опасность колонизации края русскими, всячески препятствовали продвижению последних вглубь страны. Бесперывно происходили столкновения между русскими переселенцами и тувинским населением из-за пастбищ и других земельных угодий. Правитель Кемчука князь Хайдуб определенно мешал предприимчивости штабс-капитана Чакирова, стремившегося заселить всю страну русскими переселенцами.

Природные богатства Тувинской Народной Республики стали серьезно привлекать с начала XIX столетия внимание русского торговоростовщического капитала. И все общественное мнение тогдашней буржуазно-помещичьей России определено требовало захвата края, как объекта эксплуатации и колонизации, как транзитного пути для товарообмена с Монголией. Например, орган дальне-восточных торгово-промышленных кругов, газета «Приамурье», писала: «Наши интересы в этом богато-одаренном природой крае весьма сложны и значительны. С открытием в близком будущем судоходства по Енисею, от дер. Означенной до Утинского порога, с проложением колесного пути Усинское—Джемаяно, русской предприимчивости и русским капиталам открывается широкое поле деятельности. В недрах Саянских гор скрыты неизвестные пока сокровища: богатейшие золотые россыпи чередуются месторождениями азбеста, слюды, меди и озокерита. Роскошные альпийские пастбища и обширные привольные степи дают возможность вести скотоводство на широких началах. По Енисею с его притоками уже раскинулась сеть богатых благоустроенных поселков и заимок. Обладание Урянхайским краем даст нам возможность использовать его, как транзитный путь для товарообмена с хошунами Внутренней Монголии. Расширение наших рынков сбыта усилит не только наше экономическое, но и политическое влияние среди монголов»²⁾. Владивостокская газета «Дальний Восток» с негодованием спрашивала: «Неужели площадь богатейшей плодородной земли, отчасти уже заселенной русскими, по размерам

¹⁾ Докладная записка минусинского купца Г. П. Сафьянова на имя статс-секретаря А. Н. Куломзина, от 24 января 1902 года.

²⁾ Газета „Приамурье“, Хабаровск, 19 января 1913 года, № 174.

своим равная Германии или Японии, не заслуживает внимания, а спорный вопрос о ней — расследования. Неужели русское общество, печать, наконец, Государственная Дума, не потребует основательного разбора этого дела и выяснения, почему русская территория оказалась в руках Китая»¹⁾. Таковы были многочисленные требования общественного мнения царской России в отношении захвата Урянхайского края.

Агрессивная политика русского царизма, подогреваемая буржуазно-капиталистической печатью и общественностью, упорно шла к завершению своих захватнических целей, и, воспользовавшись удобством движения вверх по р. Енисею, все активнее и резче стала выявлять свои колонизаторские аппетиты по отношению к Урянхайскому краю.

Царское правительство под различными предлогами добивается, в 1913 году, от тогдашних правителей Урянхая, признания над собой «покровительства» русского царизма, после чего край включается в состав Енисейской губернии.

Через год после этого, т.е. 20 октября 1914 года, по так называемому «высочайшему приказу» назначается комиссаром по делам Урянхайского края статский советник Григорьев, который становится фактическим хозяином страны. Падение царизма не изменило этого положения, так как политика коалиционного временного правительства, была по существу так же империалистична, как и царская.

После февральской революции по инициативе Переселенческого Управления созывается в г. Белоцарске (нынешнем Кызыл-Хото) так называемый «русско-урянхайский краевой съезд», на котором фигурируют те же лица, которые до этого времени являлись активными проводниками колонизационных замыслов царского правительства. Съезд не внес ничего нового в жизнь тувинских масс. Его решения были пропитаны от начала и до конца явно колонизаторским духом. Таким образом, несмотря на развал и разрушения самодержавного строя в России, тувинский народ в первые периоды русской революции вынужден был терпеть колонизаторскую политику царских чиновников.

Период господства царских чиновников был одним из тяжелых этапов в жизни тувинских масс. Произвол и эксплуатация русского царизма и русского торгово-растовщического капитала подготовили трудящиеся массы Тянну-Тувы к восприятию лозунгов национальной независимости и национальной революции.

Колонизаторская политика царской России в Урянхае окончилась с момента Октябрьской революции, положившей конец буржуазно-помещичьему строю в России.

После Октябрьской революции получается определенный перелом в настроениях местного русского населения Урянхая, ранее являвшегося

¹⁾ Газета „Дальний Восток“, Владивосток, 2 февраля 1913 г., № 86/112. См. также Вв. Родевич. „Очерки Урянхайского края“, 1910 г., стр. 123—124.

в руках царских чиновников орудием колонизации края. Советское правительство в своем обращении к тувинскому народу от 23 сентября 1921 года торжественно отказывается от незаконных действий бывшего царского правительства и от «покровительства», установленного последним над тувинской страной.

«В настоящее время, когда рабочие и крестьянские массы России свергли чиновников деспотического царского правительства и совершенно отстранили от власти царских чиновников, рабоче-крестьянское правительство России, выражающее волю трудящихся масс, торжественно объявляет, что отнюдь не рассматривает Таяну-Тувинский (Урянхайский) край своей территорией и никаких видов на нее не имеет...

«Российское правительство не выводит никаких прав для себя из-за того обстоятельства, что на территории Таяну-Тувы (Урянхкрая) имеются многочисленные русские поселенцы; оно, однако, считает необходимым войти с таяну-тувинским народом, с органами его государственного управления в соглашение об охране интересов этих колонистов, обитающих в Таяну-Тува (Урянхкрая) русских рабочих и крестьян, ни в коем случае не допуская при этом насильственного захвата таяну-тувинских (урянхайских) земель». Так говорилось в обращении народного комиссара по иностранным делам СССР тов. Г. В. Чичерина от 23 сентября 1921 года, за № 6055 к тувинскому народу.

Обращение советского правительства послужило как бы стимулом для дальнейшего развития национально-революционного движения тувинских аратов; оно явилось большой моральной поддержкой во всех начинаниях вновь образованного таяну-тувинского народного правительства. Широкие массы тувинского народа на деле убедились, что, вместо своего главного поработителя, самодержавного правительства России, они нашли самого лучшего и бескорыстного друга — страну Советов.

В течение 1921 года тувинцы, вместе с частями Красной армии Сов. России и местными русскими партизанскими отрядами, окончательно уничтожают белогвардейские банды Казанцева, Бакича и др., и вслед за этим вплотную берутся за строительство своего народно-демократического государства.

Таким образом, после ряда веков унижения и борьбы за свою независимость, тувинский народ, благодаря поддержке Советской России, выступает на арену национально-освободительной борьбы народов Востока, направленной против гнета и произвола иностранных империалистов и туземных милитаристов и феодалов. С этого времени тувинская страна, которая на протяжении веков являлась объектом захватнических вожделений китайских мандаринов, монгольских феодалов и царских чиновников, пробуждается от своей вековой спячки и развивается по пути независимости и закрепления народно-демократического строя.

IV.

Движущей силой национально-освободительного движения Таяну-Тувы явились бедняцкие и середняцкие аратские массы, находившиеся в течение столетий под гнетом и эксплуатацией внешних и внутренних угнетателей и ныне руководимые Народно-Революционной Партией и Революционным Союзом Молодежи.

Тувинская Народно-Революционная Партия объединяет передовые элементы аратства (пастушества) страны, в первую очередь из числа бедняцких и середняцких масс. В рядах Тувинской Народно-Революционной Партии в данное время имеются 1.005 чел. аратов (94%) и 66 чел. бывших чиновников (6%), а всего — 1.071 чел. Из них: 578 чел. бедняки (55%), 478 чел. середняки (44%) и 15 чел. зажиточные (2%).

Тувинская Народно-Революционная Партия ведет политику по упрочению политической независимости страны; добивается укрепления основ республиканского строя в стране, демократизации государственного аппарата и всемерного вовлечения в него широких аратских масс.

В процессе своей шестилетней работы Тувинская Народно-Революционная Партия провела ряд социальных и демократических реформ, раскрепостивших тувинский трудовой народ не только от феодально-крепостной зависимости, но и от экономической кабалы иностранного торгово-растовщического капитала. Например, окончательно уничтожен феодальный образ правления, установлены основы республиканского порядка путем демократизации государственного аппарата, аннулированы все долговые обязательства, совершенные до образования Народного Правительства, т.е. до 1921 года, как кабально лежащиеся на хозяйство населения; в руках государства сосредоточена единая хозяйственная политика страны; лишены избирательных прав все нетрудовые элементы: духовенство и торговцы-ростовщики, живущие чужим трудом и процентами с капиталов и т. д. и т. п.

Реальные результаты этих достижений: общее улучшение экономического благосостояния страны, частичное улучшение финансового положения, рост государственного бюджета и кооперации.

К общему улучшению экономического благосостояния страны нужно отнести некоторый прирост скотоводства. В 1913 году, по данным двух европейских исследователей Бенигсена и Попова, рогатого скота в пределах нынешней Тувинской Республики (Кемчукском, Ойнарском, Тоджинском и Сальджакском хошунах) насчитывалось 140.000 голов, а по переписи 1926 года рогатого скота по всей Тувинской Республике насчитывается 149.985 голов (бод-податных единиц). Таким образом, за время с 1913 по 1926 г.г. имеется прирост в 9.985 голов рогатого скота.

Правительство Тувинской Народной Республики в области своей финансовой политики ставило и ставит следующие три основные задачи:

обеспечение доходности государства; оздоровление денежного обращения и облегчение налоговых тягот для бедняцких и середняцких хозяйств.

В целях обеспечения доходности государства принимаются серьезные меры к улучшению таможенного дела и подысканию источников косвенных налогов. Для урегулирования торговли и улучшения денежного обращения создан Торгово-Промышленный Банк, основной капитал которого ныне определяется в триста тысяч рублей.

Группа членов ЦК Тувинской Народно-Революционной партии. Стоят слева направо: Зюрмит-Далпа (пред. ЦКК), Самдан-Барчин, Сирен, Далха, Содном, Цагда-Базыр (секретарь ЦК Ревсомола) и Адья.

Общий бюджет государства постепенно растет. Например, бюджет 1924—25 г. составлял 789.611 р. 10 к., в 1925—26 г., он достигает 1.068.168 руб. 52 коп., а в 1926—27 г. составляет 1.223.358 руб. 62 коп. (доходная часть 635.016 руб. 54 коп., а расходная — 588.340 руб. 08 коп.). Надо отметить, что в 1925—26 г. был дефицит 84.062 руб. 83 коп.), а в 1926—27 г., наоборот, имеется предположение получить излишек в сумме 46.676 руб. 46 коп. Таким образом, финансы Тувинской Народной Республики постепенно улучшаются, что является характерным симптомом усиления и углубления национально-освободительного движения тувинских скотоводов.

Кроме того, здесь необходимо отметить, что прямой налог, падающий на коренное (тувинское) население, составляет 83.000 рублей (1926 — 27 г.). Налог в 83.000 руб. в сравнении с тем чудовищным налогом, каким облагался тувинский народ при манчжурах (36.000 соболей на сумму 1.080.000 рублей), является незначительной тяжестью. Уменьшение (приблизительно, на 95,7%) налога есть одно из крупнейших достижений национально-освободительного движения трудящихся масс Танну-Тувы. Только одно это обстоятельство целиком и полностью оправдывает усилия тувинских аратов, направленные к национальной самостоятельности и независимости.

Затем налоговая тяжесть для бедняцких и середняцких хозяйств из года в год постепенно облегчается. Так, например, государственный налог в 1923 году бедняцкие хозяйства платили 2 лана серебра (2 р. 80 к.) с головы крупного рогатого скота (бодо), а средняцкие и кулацкие хозяйства — 3 лана (4 р. 20 к.) с бодо. В 1926 году бедняцкие и средняцкие хозяйства выплачивают 80 коп., а кулацкие хозяйства 1 р. 80 к. с бодо. В 1927 году бедняцкие и средняцкие хозяйства платят от 35 до 60 коп., а кулацкие хозяйства — 3 р. 50 коп. с бодо. Таким образом, здесь видим ясное облегчение налогового бремени для бедняцких и середняцких хозяйств, что является несомненным достижением, приносящим реальные экономические выгоды трудящимся массам страны.

В интересах ослабления влияния иностранного (в особенности китайского) торгово-ростовщического капитала, тувинское правительство организовало в 1925 г. свою национальную кооперацию — Тувинский Народный Центральный Кооператив (Тувинценкоп).

Весь капитал Тувинценкопа вместе с ссудой правительства к 1 февраля 1927 г. составлял 182.821 рубль 29 коп., из них: оборотный капитал — 164.013 руб. 80 коп., а недвижимое имущество — 18.607 р. 49 к. Число пайщиков — 455 чел., паевые взносы — 5.132 руб.

За операционный год (с 1 октября 1926 г. по 1 мая 1927 г.) заготовлено пушнины, сырья, шерсти и пр. на сумму 80.913 руб. 71 коп.

Тувинценкоп не успел еще, как следует, развернуться: охватить широкие слои худонского (местного) населения и овладеть рынком страны, тем не менее, у него основной капитал значительно расширился, и поэтому есть надежда, что он (Тувинценкоп) постепенно сумеет справиться с теми задачами, которые стоят перед ним.

Ургонская повинность (почтовая гоньба), являющаяся ранее второй после налога тяжестью, теперь значительно сокращена. Теперь ургоны сокращены до минимума, некоторые из них совершенно сняты и заменены автомобильным сообщением.

В связи с отделением церкви от государства до минимума уменьшились вымогательства лам (тибетских попов) с населения.

Таковы реальные экономические выгоды, достигнутые Тувинской Народно-Революционной Партией, которая не только теоретически выражает, но и практически осуществляет мечты и стремления тувинского народа к лучшему будущему. Тувинская Народно-Революционная Партия является не коммунистической, а национально-революционной (буржуазно-демократической) организацией, работающей в условиях докапиталистического развития, в условиях патриархально-родового быта, но, тем не менее, стремящаяся вывести широкие аратские массы страны на путь культурно-экономического развития.

Во всей работе Народно-Революционной Партии огромную роль играет Революционный Союз Молодежи, объединяющий в своих рядах 1.647 членов. Члены Ревсомола по социальному положению распадаются: 1.590 чел. аратов и 57 чел. лам. Из них: 836 чел. бедняки (51%), 744 чел. средняки (45%) и 68 чел. богачи (4%).

Народно-Революционная Партия всячески поддерживает мероприятия ЦК Революционного Союза Молодежи, последний в свою очередь не проявлял никакого авангардизма, всемерно помогает в работе Народно-Революционной Партии. Генеральный секретарь ЦК НРП является членом президиума ЦК Ревсомола, и, наоборот, двое из членов президиума ЦК Ревсомола (один из них Генеральный секретарь ЦК Ревсомола) являются членами политбюро ЦК Партии. 10% работников низовых партийных организаций состоят из членов Ревсомола.

Кроме того, Ревсомол своей общественно-политической работой всячески помогает в работе государственных учреждений. Так, например, 15% работников местных самоуправлений и весь комиссарский и командный состав армии, являются членами союза молодежи. Из 30 членов Малого Хурулдана республики 6 чел. являются ревсомольцами. Таким образом, Тувинский Революционный Союз Молодежи рука об руку с Народно-Революционной Партией работает над усилением и укреплением национально-освободительного движения в стране.

Национальная революция тувинских скотоводов является непосредственным результатом великой Октябрьской революции, освободившей рабочих и крестьян России от гнета феодально-крепостнического режима и буржуазно-помещичьей кабалы, и давшей могучие толчки в развитии мирового революционно-освободительного движения. Тувинская Народная Республика служит наглядным доказательством того, как отсталые народы восточных стран, опираясь на поддержку мирового революционного движения — Коммунистического Интернационала и страны победившего пролетариата и строящегося социализма — Союза Советских Социалистических Республик, могут строить свое свободное и независимое государство.

Сельское хозяйство Турции *).

Современная Турция представляет собою страну преимущественно сельскохозяйственную, со слабо развитою добывающей и обрабатывающей промышленностью. При этом ее сельское хозяйство отличается крайним разнообразием своих форм, так что в этом отношении Турция может быть сравниваема, пожалуй, только с СССР и Соединенными Штатами. Однако, в то время, как в этих странах разнообразие типов и форм сельского хозяйства представляется вполне естественным в связи с огромными размерами их территории, в Турции глубоко различные между собою системы сельского хозяйства уживаются на крайне ограниченной площади. Это обстоятельство, помимо разницы в исторических условиях развития и национальном составе населения отдельных районов, должно быть поставлено в связь также с разнообразием естественных условий, начиная с плодородных отличающихся теплым и влажным климатом прибрежных местностей и кончая засушливыми плоскогорьями. Поэтому при ознакомлении с состоянием турецкого сельского хозяйства следует вести его изучение, по возможности, по отдельным районам.

Некоторое время тому назад Комиссариатом Земледелия Турции произведено сельскохозяйственное районирование страны, согласно которому Турция делится на 7 сельскохозяйственных областей: четыре приморских (Фракия, Смирнский район, побережье Черного моря, побережье Средиземного моря — Адалия и Адана) и три континентальных (Западное плоскогорье (Эски-Шеир), Центральное плоскогорье (Сивас) и восточные вилайеты (с центром в Диарбекире). Деление это, несмотря на необходимость в некоторых поправках, на которых мы остановимся в дальнейшем, может быть признано в основном удовлетворительным.

По данным французской экономической печати, территория Анатолии, с точки зрения использования ее для сельскохозяйственных целей, делится следующим образом:

*) Из работ Экономического отдела Одесского Отделения Украинско-Восточной Торговой Палаты.

По техническим соображениям был опущен целый ряд статистических данных. *Ред.*

Земли под полевыми культурами	100%
„ „ фруктовыми насаждениями	20%
Незасеянные, но пригодные для обработки земли	58%
Леса	9%
Пустыри и пески	21%

Здесь обращает на себя внимание, на ряду с значительным процентом земель, носящих характер пустынь и непригодных для земледелия, высокий процент земель, пригодных для обработки, но не находящихся под посевом. Было бы, однако, совершенно неправильно делать из этих, приблизительно верных, цифр выводы о слабом распространении земледелия в Турции.

В связи с различиями в климатических и почвенных условиях, в характере рельефа и в густоте народонаселения степень использования пригодной для сельского хозяйства площади в отдельных районах Турции также далеко не одинакова.

Процент посевной площади ко всей территории в общем несколько выше в прибрежных районах (Адана, Айдин и др.), чем в районах, расположенных в глубине страны. Гораздо больший интерес представляли бы данные о степени использования не всей территории районов, а площади пригодной для обработки. Такими данными мы располагаем только в отношении некоторых районов. Абсолютные и относительные размеры посевной площади и площади, пригодной для обработки, выражались в этих районах в 1910 г. в следующих цифрах ¹⁾:

Вилайеты	Площадь пригодной для обработки земли (кв. кил.)	Площадь обработанной земли		% пригодной для обработки земли ко всей территории
		Кв. кил.	% к пригодной	
Трапезунд	8.664	3.664	42,3	33,5
Айдин	14.650	6.006	41,0	25,7
Ангора	13.000	5.711	43,3	17,3
Адана	18.439	4.678	25,4	47,1
Эрзерум	28.895	3.378	11,7	37,7
Ван	21.530	1.823	8,5	43,1
Харпут	18.966	1.823	9,6	47,5
Диарбекир	39.180	3.077	7,9	78,0

Если принять во внимание, что, как увидим дальше, в Анатолии преобладает двухпольная система полеводства, и, следовательно, площадь посевов составляет приблизительно половину площади обрабатываемой земли, то из приведенных цифр можно сделать тот вывод, что в вилайетах северного и западного побережий, а также западного плоско-

¹⁾ Исчислено по данным, приведенным в „Modern Turkey“, стр. 284 и 285.

горья используется под обработку, примерно, 80% пригодной для земледелия площади. Такой процент должен быть признан весьма высоким. В то же время в восточных вилайетах он очень невелик и не превышает 20% пригодной для обработки площади. Сельское хозяйство восточной Турции имеет поэтому гораздо более экстенсивный характер, чем западной.

Прибрежные районы Анатолии изрезаны горами и, в особенности на севере, изобилуют лесами, так-что земледелие концентрируется здесь по преимуществу лишь в долинах рек и в ближайшей к морю полосе. Западное плоскогорье в довольно значительной своей части представляет пустыню. В восточных же вилайетах площадь пустынь и лесов гораздо менее велика по сравнению со всей их территорией.

Еще более важное значение для объяснения различий в системе сельского хозяйства имеет неодинаковость густоты народонаселения отдельных районов.

За исключением Аданы, прибрежные местности населены гораздо гуще, чем находящиеся в глубине страны: на 1 квадратный километр пригодной для обработки земли приходилось в Айдине 170 жителей, в Трапезунде — 145, в Ангоре — 72, а в восточных вилайетах — лишь 12—30 жителей. Естественно, что при таких условиях сельское хозяйство приморских вилайетов отличается наибольшей интенсивностью. Если учитывать как густоту народонаселения, так и степень возможного использования земли под обработку по отдельным районам, то можно сельскохозяйственные районы Турции, с точки зрения наличия условий для интенсивного хозяйства, расположить следующим образом (в порядке убывающей интенсивности): побережье Мраморного и Эгейского морей, побережье Черного моря, Западное и Центральное плоскогорья, побережье Средиземного моря и восточные вилайеты.

В связи с незначительностью доли обрабатываемой земли в восточных вилайетах, преобладающую в них систему сельского хозяйства можно определить, как пастушеско-зерновую, со значительным перевесом скотоводства. В районе Западного плоскогорья скотоводству, благодаря обширности «абсолютных» пастбищ, также принадлежит крупная роль на ряду с земледелием; однако, скотоводство, как и земледелие, отличается здесь иным, несколько более интенсивным характером, чем в восточных вилайетах.

Характеристику отраслей сельского хозяйства Турции мы начнем с наиболее экстенсивной его отрасли — скотоводства. Численность скота в Турции по довоенным и послевоенным данным представляется в следующем виде ¹⁾:

¹⁾ Данные за 1913 и 1919 гг. заимствованы из „Modern Turkey“, стр. 289, за 1923 г. из материалов Торгпредства СССР в Турции.

Название	1913 г.	1919 г.	1923 г.
Быки и буйволы	2.697.348	378.000	554.631
Волы, коровы и телята	3.834.579	3.748.000	4.037.248
Лошади и пони	1.050.580	630.000	504.974
Ослы и мулы	1.518.300	910.000	832.505
Овцы и ягнята	18.721.550	11.200.000	9.629.776
Козы обыкновенные	14.424.180	?	8.774.073
Козы ангорские	2.039.000	2.065.008	2.435.000
Верблюды	314.000	95.000	102.370

Крупная разница между цифрами 1913 и 1919 г.г. в отношении численности быков, лошадей, ослов, овец и обыкновенных коз объясняется, конечно, преимущественно сокращением территории Турции, и выводы относительно эволюции скотоводства можно делать лишь на основании сопоставления данных, относящихся к послевоенным годам, так как сведений о довоенной численности скота на нынешней территории Турции совершенно не имеется. К сожалению, и послевоенные данные, повидимому, далеко не отличаются точностью ¹⁾. Насколько можно судить по приведенным данным, количество крупного рогатого скота за период греко-турецкой войны слегка увеличилось, а численность овец и лошадей сократилась. Скотоводство Турции в общем сохраняет еще в настоящее время экстенсивный характер. Об этом говорит то обстоятельство, что овцы и козы составляют еще весьма значительную часть общей численности скота. Об этом свидетельствует также и состав крупного рогатого скота; превышение в нем количества волов и буйволов над численностью коров является признаком экстенсивности крупнорогатого скотоводства и свидетельствует о преобладании в нем рабочего направления. В соответствии с этим и численность лошадей, более требовательных в отношении корма и представляющих поэтому более дорогую рабочую силу, чем волы, значительно уступает количеству последних. Действительно, в Турции большая часть сельскохозяйственных работ производится при помощи волов.

Этот вывод вполне согласуется с тем, что нам известно относительно состояния турецкого мясного рынка. Несмотря на то, что количество крупного рогатого скота в Турции является вполне достаточным для удовлетворения внутреннего спроса на говядину, часть потребности крупных городских рынков, как Константинополь и др., покрывается ввозом скота из-за границы. Необходимость импорта скота в Констан-

¹⁾ Для иллюстрации укажем, что по данным „Statesman's Year Book“ за 1926 г. в Турции имелось в 1923 г. 3.551.449 голов крупного рогатого скота, 350.135 штук лошадей, 411.494 шт. ослов, 11.913.703 шт. овец, 1.609.926 шт. анг. коз и 52.440 шт. верблюдов. Цифры эти представляются нам преуменьшенными, за исключением овец.

тинополь и Смирну обуславливается тем, что, при плохих путях сообщения, доставка скота в крупные приморские центры из внутренних районов страны связана с большими затруднениями. Естественно, что недостаточность сбыта не позволяет крупному рогатому скотоводству развиваться в сторону мясного, и на убой идет преимущественно только брак рабочего рогатого скота и коров. Следует, однако, отметить, что сокращение импорта крупного рогатого скота и рост экспорта, по своим размерам уже превысившего импорт, свидетельствует о начавшемся оздоровлении сбыта.

В подобном положении находится и овцеводство, с той разницей, что доставка овец гоним изнутри страны в Константинополь и Смирну представляет меньше затруднений, чем в отношении крупного рогатого скота, и потребность этих рынков в баранине покрывается туземным скотоводством в большей ее части. В 1923 г. в Турцию ввезено было 72.839 шт. баранов, овец и коз и 9.646 ягнят и козлят, что составило приблизительно лишь 15% цифры убоя этих видов скота на константинопольских бойнях. Остальное количество доставлено было, по всей вероятности, из районов западного и центрального плоскогорья. Восточные же вилайеты, наиболее богатые овцами, вывозят их преимущественно за границу. Так, в 1923 году вывезено было в Сирию и другие страны 339.809 шт. овец и коз. В 1924 г. экспорт увеличился — 400.677 овец и 16.319 ягнят, но усилился и импорт — 158.140 овец и 9.235 ягнят.

Для турецкого овцеводства имеет некоторое значение сбыт шерсти, продукция которой выражалась до войны в цифре 4—5 миллионов овец. В 1923 году продукция эта, если верить имеющимся сведениям, исчислялась лишь в 2—5 миллионов овец¹⁾. В 1926 году продукция шерсти определяется цифрой свыше 7 миллионов кг. В 1923 г. из Турции вывезено было 2.842,2 тонн овечьей шерсти. Приблизительно, 3 тысячи тонн потребляется турецкой текстильной промышленностью, а остальное перерабатывается в деревне²⁾. Таким образом, более половины продукции предназначается для рынка.

Производство ангорской козьей шерсти (могер, тифтик) почти целиком является рыночным, и шерсть вывозится преимущественно в Англию (Бредфорд) и Соединенные Штаты. Согласно приведенным выше данным о численности ангорских коз, констатируется некоторый рост их численности (хотя и весьма слабый) в послевоенные годы по сравнению с довоенными цифрами. Однако, данные из других источников, основанные на сопоставлении довоенных цифр экспорта ангорской шерсти и размеров выхода ее с головы, устанавливают численность ангорских коз для довоенного времени в цифре не 2 миллиона шт., как показывают официальные данные, а до 3 млн. шт.

¹⁾ См. „Бюллетень Константинопольской Торговой Палаты“, 1924 г., 10, стр. 19:

²⁾ „Information d'Orient“, 1926 г., № 214, стр. 3574.

Исходя из этой цифры, следует считать, что количество ангорских коз за годы войны заметно уменьшилось по сравнению с довоенным временем, что подтверждается также и тем обстоятельством, что сбор ангорской шерсти в послевоенные годы значительно меньше, чем был до войны. Разница по сравнению с довоенным временем объясняется не только тяжелым положением, в котором находилось сельское хозяйство в период мировой и греко-турецкой войн, но и конкуренцией, которую испытывает в настоящее время турецкая ангорская шерсть на внешнем рынке со стороны аналогичной продукции Южной Африки и Соединенных Штатов, где удалось акклиматизировать ангорскую козу.

Следует отметить, что разведение ангорских коз представляет собою несколько более интенсивную отрасль скотоводства, чем, например, овцеводство, так как требует более тщательного ухода за животными. В связи с этим характерно, что эта отрасль развита в районе Западного плоскогорья, где, помимо природных условий, этому способствует также и более интенсивный, по сравнению с восточными вилайетами, характер сельского хозяйства, выражающийся, между прочим, как мы видели, в более полном использовании пригодной для земледелия площади.

Насколько можно судить по данным о ввозе и вывозе продуктов интенсивных отраслей животноводства, производство их в Турции обнаруживает несомненные признаки прогресса.

Товары	Единица меры	Экспорт		Импорт	
		1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
Птица домашняя	Шт.	11.239	83.310	41.974	639
Масло коровье	Тонн	109,3	258,8	389,2	148,8
Сыры туземные	„	67,3	347,0	2.486,3	374,8
Сыры западно-европейские	„	9,1	3,0	129,6	66,2
Яйца	„	5.213,1	8.661,4	8,2	3,0

Экспорт перечисленных продуктов увеличивается, импорт уменьшается. Однако, размеры внешней торговли этими продуктами недостаточно велики по сравнению со всей величиной их производства в стране, чтобы можно было говорить о значительном росте интенсивного животноводства.

В итоге, главной задачей, стоящей в ближайшие годы перед сельским хозяйством Турции в области животноводства, является расширение рынка сбыта для экстенсивных форм скотоводства путем улучшения условий транспортирования его продуктов из восточного и центрального районов. Интенсификация же животноводства в широких размерах (за исключением разведения ангорских коз) представляет

собой в настоящее время более отдаленную задачу, приобретающую более существенное значение только для западной Анатолии.

Перейдем к рассмотрению данных о состоянии земледелия Турции.

Преобладающее место в земледелии по занимаемой ими площади, даже в районах наиболее интенсивного хозяйства, занимают зерновые хлеба. Удельный вес отдельных видов хлебов в турецком земледелии можно определить на основании следующих данных за 1910 г., относящихся к территории Турции в ее довоенных границах ¹⁾:

Хлеба	Посевная площадь (тыс. гект.)		Валовой сбор (тыс. квинт.)		Урожай в квинт. с гект.	
	Евр. Турц.	Аз. Турц.	Евр. Турц.	Аз. Турц.	Евр. Турц.	Аз. Турц.
Пшеница	467,2	2.569,3	6.589	38.222	14,1	14,9
Ячмень	224,1	1.424,2	3.739	25.190	16,9	17,7
Кукуруза	311,9	419,6	5.640	5.597	18,1	13,3
Рожь	113,9	210,9	1.837	2.933	16,1	13,9
Овес	130,8	153,7	1.345	3.130	10,3	20,4

Как видим, в посевах преобладают пшеница и ячмень. Оба этих злака возделываются преимущественно на плоскогорьях и западном побережье Анатолии, а затем — на южном и северном побережье. Производство наиболее важного хлеба, пшеницы, имеет наиболее крупные размеры в вилайетах Кония, Ангора, Сивас, Айдин, Брусса, Адана и Кастамуни.

Следующим по значению злаком является ячмень, центрами культуры которого служат, в порядке их важности, вилайеты Брусса, Кония, Айдин, Сивас, Ангора, Адана и Кастамуни. Овес производится по преимуществу только в Аданском вилайете. В производстве ржи принимает наиболее заметное участие Кония, а затем следуют Айдин и Ангора. В производстве кукурузы первое место принадлежит Трапезундскому вилайету, а значительно меньшая роль — вилайетам Айдин, Брусса, Болу и Сивас. Рис возделывается в Анатолии в небольших размерах и притом весьма примитивным способом, в болотистых местностях, вследствие чего возделывание этой культуры отзывается чрезвычайно вредно на здоровье земледельческого населения. Предполагающееся осушение болот в некоторых районах Турции может привести к сокращению площади посевов риса. Полба возделывается только в области Кастамуни. Просо в небольших количествах производится во многих районах Турции.

¹⁾ Данные заимствованы из „Annuaire international de statistique agricole 1909—1921 г.“.

Турецкий земледелец применяет почти исключительно двухлетний севооборот: зерновое и пар, при чем зерновые хлеба по преимуществу озимые. В тех редких случаях, когда применяется трехлетний севооборот, он состоит из следующих смен: пропашное растение, обычное зерновое и пар. Паровое поле очищается от жнивья и подвергается вспашке в течение зимы.

При возделывании зерновых хлебов удобрение применяется очень редко, а навоз употребляется преимущественно под культуру промышленных растений, для топлива и т. д. Только при посеве некоторых яровых хлебов, в особенности проса, пользуются зачастую в тех или иных размерах удобрением. Большая тщательность культуры яровых растений выражается также и в том, что семена, которые обычно перед посевом не подвергаются сортировке, при посеве пропашных яровых предварительно очищаются вручную один или два раза. Вообще, земледельческая техника в Турции крайне примитивна. Посев, который начинается со второй половины сентября, вслед за первыми дождями, и продолжается до декабря (в зависимости от климата и пр.) производится большей частью при помощи совершенно архаического орудия — самодельного плуга, состоящего из деревянной перекладки и куска железа, служащего лемехом. Сяют обычно вручную по вспаханной земле, а заделка семян производится при помощи того же самого плуга. Уборка урожая начинается обычно во второй половине мая и продолжается до конца августа. При этом еще в недавнее время не менее 85% урожая снималось посредством серпов и лишь около 15% — при помощи жаток. Молотба начинается в июне и продолжается до ноября. Она производится посредством особого орудия, называемого «деген» и состоящего из дубовой доски толщиной в 4 см., усаженной кусками кремня, которую волочит по гумну пара лошадей или волов. Получающаяся при этом резаная солома, известная под названием «саман», употребляется (иногда в смеси с ячменем) для кормления рогатого скота и лошадей-тяжеловозов.

За последнее время в Турцию стали проникать и современные сельскохозяйственные машины и орудия. Современный плуг употребляется преимущественно в долинах Адана, Эски-Шеир и Ада-Базар, а также в вилайетах Адрианополя, Смирны и Бруссы. Вспашка посредством тракторов была до войны очень мало употребительна. В Адане с успехом производились опыты вспашки посредством многолемешных плугов, приводимых в движение дорожными автомобилями в 30 лошадиных сил. Во время войны ввозились германские керосиновые и бензиновые тракторы, но затем ввоз их почти прекратился. Начиная с 1919 года, в Турцию начали проникать фордзоны, и в настоящее время в ней насчитывается приблизительно 750 тракторов, в том числе 600 фордзонов.

Таким образом, в Турции открывается самое широкое поле для механизации сельского хозяйства. Весьма важное значение в смысле повышения урожайности в Турции имеет сортировка зерна, так-что сортировочные машины были одними из первых, какие проникли в Турцию. В настоящее время довольно значителен спрос на пахотные орудия и уборочные машины, а также на молотилки, сенные прессы и др. Между прочим, в виду сравнительно экстенсивного характера турецкого зернового хозяйства, некоторые изделия наших южных заводов сельскохозяйственных машин могут иметь значительный сбыт в Турции, благодаря своей приспособленности к условиям экстенсивного хозяйства. Это относится в особенности к таким специфическим орудиям нашего степного хозяйства, как буккера-сеялки и жатки-лобогрейки.

Для характеристики состояния культуры зерновых хлебов в Турции большой интерес представляет вопрос об их урожайности. Как показывают приведенные выше данные, урожайность главнейших зерновых хлебов в Турции составляла в довоенные годы от 13 до 18 квинталов с гектара, что в переводе на русские меры равняется приблизительно 87—120 пудам с десятины. Такая урожайность при архаической технике и слабом применении удобрения должна быть признана весьма высокой. Высокий уровень урожайности в Турции может быть поставлен в связь, во-первых, с благоприятными почвенными и климатическими условиями, во-вторых, с тем обстоятельством, что культивируемые в настоящее время в Турции озимые хлеба дают т. н. мягкое зерно, со значительным содержанием крахмалистых веществ и сравнительно небольшим — белковых, благодаря чему хлеба эти, как это наблюдается и в западно-европейских странах, могут давать высокие урожаи. Известно, что турецкая пшеница, вследствие низкого содержания в ней протеиновых веществ, в крупных городских центрах Турции потребляется предпочтительно в смеси с ввозимым из-за границы (из Соединенных Штатов, СССР и т. д.) «твердым» зерном.

Объединяя все главные признаки, на основании которых можно судить о характере зернового хозяйства в отдельных районах Турции до мировой войны, а именно: степень использования пригодной для обработки земли, уровень урожайности, особенности возделываемых культур и динамику экспорта, следует сделать вывод, что не только во Фракии и на Малоазийском побережье, но и в районе Западного плоскогорья зерновое хозяйство достигло такой степени интенсивности, при которой дальнейший рост экспортных избытков являлся маловероятным. В остальной же части Турции, чем дальше на восток, тем в большей степени сохраняются условия для экстенсивного экспортного зернового хозяйства, для развития которого, поскольку последнее будет возможно по климатическим условиям, необходима, помимо механизации и т. п., прежде всего соответствующая организация транспорта и сбыта.

Относительно размеров зерновой продукции Турции в послевоенные годы мы располагаем лишь чрезвычайно отрывочными сведениями. Посевная площадь зерновых хлебов довольно заметно сократилась по сравнению с довоенной. В 1914 году посевы зерновых хлебов на территории современной Турции занимали площадь в 48.394.580 денумов или приблизительно 4.400.000 гектаров. В 1924 году, по официальным данным, в Турции засеяно было 36.327.178 денумов ¹⁾. За последние годы посевная площадь постепенно возрастает; так, в 1925 году она составляла 41.038 тыс. денумов, а в 1926 году, по предварительным и весьма неполным данным Комиссариата Земледелия (на 1 марта) — 39.650 тыс. денумов ²⁾. Валовые сборы хлебов в настоящее время также ниже довоенных. В соответствии с размерами посевной площади сбор зерновых хлебов на территории современной Турции составлял в довоенные годы свыше 6 миллионов тонн. В 1924 году, бывшем годом плохого урожая, в Турции собрано было 3.778.840 тонн главных зерновых хлебов, в том числе 2.537.850 тонн продовольственных хлебов, 1.040.990 тонн ячменя и 200.000 тонн кукурузы. В 1925 году сбор был приблизительно на $\frac{1}{2}$ выше и составил, следовательно, примерно, 5 миллионов тонн. Что касается 1926 года, то, по имеющимся сведениям, посевная площадь в целом увеличилась приблизительно на 4—5%, а валовой сбор по пшенице и ячменю — на 15—20% против 1925 года ³⁾. На юге и западе страны урожай лучше, чем в центре; на севере и в Европейской Турции хлеба пострадали от засухи и дали плохой сбор; в общем по всей стране урожай определяется, как выше-средний. Приблизительно можно определить его в цифре до $5\frac{1}{2}$ миллионов тонн.

Таким образом, размеры зерновой продукции Турции постепенно приближаются к довоенной величине, оставаясь в настоящее время ниже ее приблизительно на 10%. Сокращение валовых сборов по сравнению с довоенными отразилось, разумеется, и на размерах внешней торговли Турции зерновыми хлебами, которая выражается в следующих цифрах (в тыс. тонн) (см. след. стр.).

За исключением второстепенных культур, как овес, бобовые и т. п., экспорт зерна из Турции крайне незначителен по сравнению с довоенным. В настоящее время сколько-нибудь значительные избытки, поглощаемые крупными городами, дают, главным образом, лишь районы Кони, Эски-Шейра и Фракии. С другой стороны, и импорт хлебов в Турцию также значительно меньше довоенного. Хотя в неурожайном 1924 году ввезено было много пшеницы, но импорт пшеничной муки, имевший до войны крупные размеры, в настоящее время, вследствие

¹⁾ „Торг. Бюллет. Торг. СССР в Турции“, 1926 г., № 6, стр. 33.

²⁾ Там же, 1926 г., № 3, стр. 36.

³⁾ „Торг. Бюллет. Торг. СССР в Турции“, 1926 г., № 9, стр. 3.

Х л е б а	Э к с п о р т			И м п о р т		
	1909—13 ¹⁾	1923	1924	1909—13 ¹⁾	1923	1924
Пшеница	15,2	0,5	2,9	105,2	112,4	173,7
Пшеничная мука	1,4	0,1	0,2	171,0	26,7	4,8
Ячмень	157,5	0,0	1,0	25,8	0,0	0,4
Кукуруза, рожь и просо ²⁾ . . .	24,9	6,1	0,3	43,1	0,4	6,6
Овес, гречиха и пр. хлеба ³⁾ . .	29,9	2,2	16,7	0,2	1,5	5,4

высокого таможенного обложения, сократился до минимума. Пшеницы и муки ввезено было в 1924 году 178,5 тыс. тонн против 276,2 тыс. тонн в 1909—13 гг. В 1925 году для обеспечения сбыта турецкой пшеницы, не находящей по своим свойствам большого спроса за границей, правительством издано было распоряжение, согласно которому при изготовлении хлеба должно было употребляться не менее 50% муки из туземной пшеницы. Впоследствии этот процент был еще повышен. В результате резко упал и ввоз пшеницы. Так, за первое полугодие 1926 года ввезено было в Константинополь лишь около 9 тыс. тонн, за июль—октябрь — 2,4 тыс. тонн⁴⁾. Таким образом, избытки зерновой продукции оказались достаточными для удовлетворения потребности Константинополя, и ввоз иностранной пшеницы в дальнейшем возможен будет, как общее правило, лишь в небольших размерах для повышения качества хлеба (анаатолийская пшеница, помимо своей «мягкости», отличается также значительной примесью ржи).

Перейдем к рассмотрению производства интенсивных культур. Среди них полевые и отгородные культуры, как это видно и из приведенных ранее данных о площади под овощами, занимают довольно скромное место, и только в отдельных вилайетах (Трапезунд, Бита, Айдин и некоторые другие) процент посевной площади под овощами более высок. Приведем данные о посевной площади и валовых сборах бобовых и огородных растений в пределах довоенной территории Турции, а также, поскольку они имеются, современные данные⁵⁾ (см. сл. стр.).

Из стручковых культур наибольшее распространение в Турции имеют горох и фасоль, при чем центром производства гороха является западная Анатолия, а фасоли — северное побережье.

Подобно гороху, и б о б ы возделываются преимущественно в прибрежных местностях западной Анатолии.

1) Средние за 1909—1911 и 1913 гг.

2) В 1909—1913 гг.—только рожь и кукуруза.

3) В 1909—1913 гг.—только овес.

4) Исчислено по данным „Бюлет. Торгпредства СССР в Турции“.

5) Довоенные цифры заимствованы из „Modern Turkey“, стр. 291.

Названия культур	Довоенные данные		Современные данные
	Площадь в тыс. гект.	Валовой сбор в тыс. тонн	Валовой сбор в тыс. тонн
Горох	41	37,1	34
Чечевица	36	18,0	17
Бобы	20	32	—
Фасоль	40	50,8	30
Лук	28	100,0	56
Чеснок	6	6,0	—
Морковь	14	8,4	—
Картофель	14	59,5	25
Свекла	5,1	25,6	—

Лук, продукция которого составляет в среднем 45 млн. око в год, культивируется преимущественно в западной половине Анатолии.

Центром производства картофеля является район Ада-Базар, недалеко от Бруссы, где его культуре благоприятствуют как рыночные условия (близость к Константинополю), так и природные (песчаная почва). Постановка самого производства с точки зрения технических требований и в довоенные годы и в настоящее время далеко не удовлетворительна. Вследствие употребления плохих семян и плохой обработки полей продукт по качеству ниже импортного французского картофеля, и хотя валовой сбор картофеля в довоенные годы быстро возрастал, увеличившись с 6.000 тонн в конце прошлого века до 60.000 тонн перед войною, но одновременно с этим увеличивался и импорт, составлявший в 1900 году 8.055 тонн, а в 1912 году — 16.518 тонн ¹⁾. В настоящее время сбор в районе Ада-Базар составляет приблизительно 25.000 тонн. Правительством приняты были меры к улучшению культуры картофеля. Выписаны были семена из Марселя и в районе Кутайи от них получился хороший урожай ²⁾. Импорт картофеля в настоящее время ниже довоенного. В 1923 году он равнялся 5.866 тоннам, в 1924 году — 2.546 тоннам. Экспорт картофеля из Турции ничтожен и выражается в десятках тонн.

Турецким правительством принимаются чрезвычайные меры для насаждения в Турции культуры сахарной свекловицы. Для этого имеются благоприятные почвенные и климатические условия в районах Ушака (около Афиун-Кара-Иссар) и Эски-Шейра, а также во Фракий (Альполу). Благодаря широким льготам, предоставляемым правительством сахарной промышленности, в Ушаке и Альполу основаны сахарные заводы и с осени 1926 года пущены в ход. В Ушаке под куль-

¹⁾ „Inform. d'Orient“, 1926, 25/VIII, стр. 3540.

²⁾ Бюллетень Торгпредства СССР в Турции, 1925 г., № 6, стр. 30.

туру свекловицы отведено 3 тыс. гектаров земли. Предполагается также развить производство сахарного тростника и свекловицы в Адане, где были уже сделаны опыты в этом направлении. При всем том, трудно сказать, каким темпом пойдет в дальнейшем развитие свекловичной культуры, так как, помимо общего для всех отраслей турецкого хозяйства недостатка капиталов, неизвестно, будет ли производство свекловицы в достаточной мере обеспечено рабочей силой.

Существенное место в сельском хозяйстве Турции занимает культура некоторых масличных растений. Лен культивируется в небольших размерах и притом, главным образом, с целью получения семени, а не волокна, т.-е. производство его носит сравнительно экстенсивный характер. Сбор льняного семени в главных районах его производства выражается в 2.740 тыс. око, при чем возделывание льна распространено преимущественно на западе и севере Анатолии.

Сбор с е з а м а (кунжутного семени) в Анатолии определяется, по непроверенным сведениям, в 23,2 млн. око, или приблизительно 30.000 тонн. Центрами его производства являются западные и южные районы Турции: Адалия, Адана, Монтеке, Смирна-Айдин, Диарбекир, Адрианополь, Карасси, Кония, Дарданеллы, Фетиэ, Урфа¹⁾.

М а с л и ч н о е д е р е в о занимает обширные площади на западном побережье Анатолии в районах Айдина, Бруссы, Карасси, а также Дарданелл и Измида. В этой области имеется не менее 15—16 млн. деревьев. В 1912 г. в Турции собрано было 131 тыс. тонн оливок для еды и, сверх того, выработано было 84 тыс. тонн оливкового масла²⁾.

При ознакомлении с данными о современных размерах сбора оливок следует иметь в виду, что в их производстве урожайные годы правильно чередуются с неурожайными. Так, 1923 и 1925 г.г. были годами очень низкого сбора, 1924 и 1926 г.г. — сравнительно высокого. В 1924 г. в Турции собрано было 300—350 тыс. тонн оливок и из части этого количества выработано было 45—50 тыс. тонн оливкового масла³⁾. В районе, экономически тяготеющем к Смирне, выработка масла составила в этом году 28—30 тонн. Несколько ниже в этом районе сбор 1926 года, так как, по имеющимся сведениям, выработка масла в 1926 сельскохозяйственном году достигает здесь лишь 18 млн. око, или 23 тыс. тонн.

Мы не располагаем данными о размерах продукции оливок в довоенное время в пределах нынешней территории Турции, но все же можно считать, что сбор оливок на этой территории и в особенности производство оливкового масла заметно ниже довоенного.

¹⁾ См. там же.

²⁾ „Modern Turkey“, стр. 292.

³⁾ „Rèvue com. de Levant“, № 380, стр. 74.

Экспорт маслин и оливкового масла из Турции выражается в следующих цифрах (тонны):

	1923 год	1924 год
Маслины	934,8	2.911,8
Оливковое масло	3.088,6	748,6 ¹⁾

Как показывают эти цифры, экспорт в сопоставлении с размерами продукции сравнительно невелик. Конкурентом Турции на внешних рынках, помимо Италии и Испании, является, главным образом, Греция.

Виноградники занимают в Турции площадь свыше 300.000 гектаров, преимущественно — на западном побережье, Западном плоскогорьи и в Курдистане. В 1910 году продукция в и н о г р а д а достигла 870 тыс. тонн, из которых изготовлено было 92 тыс. тонн изюма и 95—100 тыс. гектолитров вина²⁾. В 1912 году собрано было 800 тыс. тонн винограда. В настоящее время сбор винограда составляет приблизительно 600 тыс. тонн, а производство вина во всяком случае не превышает 100 тыс. гектолитров³⁾. Турецкие вина отличаются высоким содержанием алкоголя и в западно-европейских странах употребляются преимущественно в качестве примеси к туземным винам при купаже. Вследствие роста европейского производства и распространения в Турции болезни виноградарства турецкое виноделие не обнаруживает признаков развития. Спирт и водка производятся преимущественно в районах Айдина, Сиваса и Бруссы (в довоенные годы — в количестве несколько больше 20 тыс. гектолитров). Кроме виноградного сока, для производства водки используются также виноградные выжимки, фрукты (в особенности фиги) и пр.⁴⁾.

Важнейшим экспортным продуктом виноградарства является и з ю м. Производство изюма сосредоточено в районе Смирны, на который приходится до 90% всей продукции страны. Смирнский изюм, в особенности т. н. «султанский», считается на мировом рынке лучшим по вкусовым качествам и по величине ягод.

В довоенные годы размеры производства, несмотря на колебания от года к году, оставались в общем стабильными. Наибольшей величины они достигали в 1913 г. — 62,5 тыс. тонн. Мировая война вызвала падение продукции, которое еще более обострилось в период греко-турецкой войны. Затем производство изюма стало восстанавливаться. В среднем

¹⁾ Незначительность этой цифры при хорошем урожае объясняется, главным образом, тем, что приводимые данные относятся к календарным, а не к с.-х. годам. Между тем, экспорт масла в первые месяцы с.-х. года не может иметь крупных размеров.

²⁾ „Бюлет. Константинопольской Торг. Палаты“, 1927 г., № 10, стр. 19.

³⁾ См. там же, а также № 7, за 1925 г., стр. 473.

⁴⁾ То же, 1924 г., № 10, стр. 19.

ва 1923—26 гг. продукция изюма выражается в цифре 40,5 тыс. тонн, т.-е. остается на 20% ниже довоенной.

За последние годы турецкий изюм встречается на европейских рынках ожесточенную конкуренцию со стороны ряда стран, где привилось производство аналогичных сортов: Калифорнии, Австралии, Греции, Крита, Южной Африки. В частности, из Греции экспортировано было в 1923 году 10 тыс. тонн «султанского» изюма, в 1924 году — 16 тыс. тонн, в 1925 году — 20 тыс. тонн. Главный покупатель турецкого изюма — Англия — усиливает ввоз изюма из Австралии (для которой установлена покровительственная пошлина), Крита, Калифорнии и пр. в ущерб турецкому экспорту. Турецкий изюм по качеству выше, чем заокеанский, но последний отличается большей чистотой, лучшей упаковкой и более дешев; так, калифорнийский изюм на 30% дешевле турецкого. Сравнительная дороговизна последнего обусловливается не столько дороговизной производства сырья, сколько отсутствием необходимой механизации его обработки и упаковки и высотой погрузочных расходов в портах.

Производство ф и г (винные ягоды, инжир) сосредоточено на западном побережье, а также на северной и южной окраинах Турции. Западные районы Айдин и Менеше доставляют приблизительно 85% всей продукции страны; далее следует, по размерам производства, Марач, Диарбекир, Эль-Азис, Кастамуни, Трапезунд, Адалия, Болу, Карасси, Константинопольский район и Джанык. Производство винных ягод в Смирнском районе в 1926 году равнялось 30 тыс. тонн¹⁾.

Роста производства в довоенные годы в общем не наблюдалось. В военные годы производство сократилось гораздо менее, а в послевоенные восстановилось гораздо быстрее, чем, например, в отношении изюма, и в настоящее время превышает довоенный уровень. Это объясняется отчасти тем, что культура эта предявляет к земледельцу меньше требований в смысле тщательности и сложности ухода за растением, отчасти более благоприятными условиями реализации на внешних рынках. Фиги — продукт по преимуществу экспортный; в 1923 г. было вывезено 19,1 тыс. тонн, в 1924 г. — 33,4 тыс. тонн; внутри страны потребляется приблизительно лишь 5% сбора²⁾. Кроме Турции, фиги производятся в Испании, Италии, Греции, на юге Франции и Калифорнии. Все же конкуренция со стороны этих стран в области сбыта винных ягод не носит

¹⁾ Исчислено по данным Смирнской Торговой Палаты („Бюл. Константинопольской Торговой Палаты“, 1925 г., № 7, стр. 478).

²⁾ См. „Бюл. Константинопольской Торг. Палаты“, 1924 г., № 10, стр. 17. Имеющиеся сведения иного характера о том, что объем производства фиг в Турции достигает 65 т. тонн (см. „Бюл. Конст. Торг. Палаты“, 1925 г., № 7) и, следовательно, внутреннее потребление составляет свыше половины сбора, представляются нам слишком преувеличенными.

столь ожесточенного характера, как на рынке изюма. Принимая во внимание стабильность размеров продукции фиг как в довоенное время, так и в последние годы, следует думать, что и в ближайшем будущем в величине производства не произойдет существенных перемен.

Вообще, следует отметить, что быстрое расширение производства в последнее время наблюдается преимущественно в тех отраслях, которые больше всего пострадали в предыдущие годы. Примером является производство опиума. Оно развито преимущественно на западе Анатолии, в Афиун-Кара-Иссаре, в окрестностях Смирны, а также в Кони и Бруссе. До войны в Малой Азии опийный мак возделывался на площади приблизительно в 300.000 акров. В 1911 году продукция опиума выражалась в 11.500 ящиков, в 1923 году — уже только 1.700 ящиков, а затем быстро выросла до 2.500 ящиков в 1924 г. и 4.500 ящиков в 1925 году ¹⁾. В 1926 году получено было также 4.500 ящиков. Таким образом, культура мака и производство опиума восстанавливаются довольно быстро. Потребление опиума внутри страны очень невелико, и подавляющая часть продукции экспортируется. Турецкий опиум отличается высоким содержанием морфина (9—14%), и в этом отношении с ним конкурирует только индийский опиум, в то время как китайский содержит обыкновенно лишь 3—5% морфина. Поэтому турецкий морфий может рассчитывать на хороший сбыт за границей, и в ближайшие годы следует ожидать дальнейшего роста продукции, поскольку это позволит наличие рабочей силы.

Очень быстро развивалась за последние годы также культура табака. Центрами производства табака являются северное побережье, где произрастают высшие сорта (Самсун, Бафра, Трапезунд, Платана, Аллачам и Синоп), Смирнский район и побережье Мраморного моря (Брусса, Измид, Балыккесер). В предвоенные и военные годы сбор табака в Турции составлял: в 1884 г. — 22,5 тыс. тонн, в 1895 г. — 31,0 тыс. тонн, в 1903 г. — 49,0 тыс. тонн, в среднем за 1910—14 г.г. — 51 тыс. тонн, 1915—16 г.г. — 12,5 тыс. тонн ²⁾. Имеются также следующие приблизительные данные о производстве табака в Малой Азии (в тыс. тонн ³⁾).

1895 г.	15	1910 г.	35
1900 „	14	1911 „	35
1905 „	20	1912 „	30

Как видим, производство расширялось довольно интенсивно. Тяжелый удар Анатолийскому табаководству нанесли годы греко-турецкой войны.

1) См. „Бюл. Константинопольской Палаты“, 1924 г., № 10, стр. 16, и „Бюл. Торгпредства“, 1925 г., № 6, и 1926 г., № 9. Ящики — по 60 око; опиум экспортируется иногда также и в небольших ящиках, по 5—10 кило.

2) Исчислено по данным „Бюл. Констан. Палаты“, 1923 г., № 12, стр. 15.

3) Там же, стр. 6.

но оно очень быстро от него оправилось, как показывают следующие цифры ¹⁾:

Г о д ы	Число производителей	Площадь (денумы)	Сбор (тыс. тонн)
1920	100.773	361.717	29,1
1921	80.252	228.155	15,6
1922	102.028	275.680	20,5
1923	125.542	351.521	26,1
1924	185.060	670.170	54,1

В 1924 году сбор значительно превысил довоенный и на таком же уровне остался в 1925 году — 52,1 тыс. тонн ²⁾.

Этот расцвет табаководства стоял в связи с переселением в Турцию мусульман-табаководов из Македонии и Каваллы, энергично взявшихся на новых местах за знакомое им дело. Однако, столь быстрый рост продукции, сопровождавшийся увеличением сборов и в конкурирующих с Турцией странах, Болгарии и Греции, привел к перепроизводству и падению цен. Болгария увеличила экспорт табака с 7,0 тыс. тонн в 1910—13 г.г. до 27,6 тыс. тонн, в 1923—25 г., Греция — с 26,2 тыс. тонн в 1921 г. до 42,2 тыс. тонн в 1925 году. В 1926 году площадь под табаком в Турции значительно сократилась, и сбор составил всего 42 тыс. тонн. Так как Турция потребляет приблизительно лишь 10—12 тыс. тонн табака, то производство зависит, главным образом, от внешнего рынка. Спрос на турецкие табаки со стороны Соединенных Штатов, Англии, Германии и Египта составляет в общем, примерно, 30 тыс. тонн, так что сбор текущего года приблизительно соответствует спросу. Шансы же на дальнейшее расширение культуры в ближайшее время, в связи с конкуренцией Болгарии и Греции, невелики.

Несколько сходную эволюцию проделало за последние годы и хлопководство. По данным Римского Международного Сельско-Хозяйственного Института, в Азиатской Турции в 1910 г. хлопок занимал площадь в 182,5 тыс. гектаров, валовой сбор составлял 221,4 тыс. квинталов, урожайность — 1,2 квинт. с гектара. Из этих цифр часть нужно отнести на счет областей, отошедших от Турции. В пределах нынешних границ Турции площадь под хлопком, по имеющимся сведениям, равнялась перед войною 1.425.700 денумам или 130 тыс. гектаров ³⁾. Производство хлопка в Турции сосредоточивается в двух районах: Ада-

¹⁾ „Near East Year Book“ 1927 г., стр. 805.

²⁾ См. „Бюллетень Константинопольской Торговой Палаты“, 1927 г., № 1—2 стр. 12, а также бюллетень „British Chamber of Commerce of Turkey“, 1927 г., № 115, стр. 155.

³⁾ См. статью Д. Шморгоцера „Экономика современной Турции“, „Новый Восток“, 1926 г., № 12.

ском и Смирнском, из которых Аданский является преобладающим по размерам продукции, Смирнский же отличается более высоким ее качеством. Сведения о динамике производства за более длительный период имеются лишь относительно района Аданы (в тыс. кип по 200 кило¹):

1896 г.	2	1922 г.	28
1903—05 г.	42	1923 „	ок. 60
1906—10 „	58	1924 „	св. 110
1911—14 „	112	1925 „	80
1915—18 „	13	1926 „	55
1919 г.	20	1923—26 г.	78
1921 „	15		

Темп роста хлопководства в Адане в довоенные годы следует признать весьма быстрым. В 1914 году, когда производство достигло наибольших размеров, оно составляло 135 тыс. кип. Своим развитием аданское хлопководство обязано было в значительной мере финансируемому его германскому капиталу. В годы мировой войны производство сократилось приблизительно в десять раз, затем, начиная с 1922 года, стало быстро восстанавливаться и в 1924 году достигло почти 90% довоенного, но на этом уровне не удержалось.

В Смирнском районе производилось до войны 40—45 тыс. кип хлопка (по 150 кило²), при чем такого роста продукции, как в Адане, здесь не наблюдалось. В годы греко-турецкой войны производство упало до 1—5 тыс. кип, но уже в 1924 году составило 27 тыс. кип, в 1925 году — 27 тыс. и 1926 — 40 тыс. кип. Таким образом, хлопководство Смирнского района восстановилось, примерно, на 75%.

Если верить имеющимся сведениям, то довоенная посевная площадь хлопка в Турции к 1925 году восстановилась полностью, составив в 1924 году 800.000 ден., а в 1925 году — 1.435.000 денумов³).

В Смирнском районе было под хлопком в 1924 году 236 тыс. денумов, в 1925 г. — 378 тыс. ден. В этом случае следует сделать вывод, что отставание величины валового сбора от довоенной обусловливается снижением урожайности. В 1926 году, под влиянием кризиса на хлопковом рынке, площадь под хлопком сократилась. В Адане она уменьшилась с 1.175.700 денумов в 1925 г. до 983.183 денумов, т. е. на 16%⁴). Для развития хлопковой культуры в Аданском районе имеются широкие возможности. Площадь под хлопком может быть здесь увеличена до

¹ Исчислено по данным „Бюл. Конст. Торг. Палаты“, 1924 г., № 10, стр. 14, 1927 г., № 1—2, стр. 12—13 и „Information d'Orient“, 1925 г., 10/VI, стр. 236.

² См. „Бюл. Констан. Торг. Палаты“, 1926 г., № 3, стр. 58. Приводимая другим источником цифра в 60 тыс. кип („Revue com. de Levant“, № 372, стр. 288) представляется нам преувеличенной.

³ См. указан. статью Д. Шморгофера.

⁴ „Бюллетень Торгпредства СССР в Турции“, 1926 г., № 9, стр. 6.

700 — 800 тыс. гектаров, что дало бы при прочих равных условиях увеличение сбора до 150 тыс. тонн или 750 тыс. кип, т. е. примерно, в 6—7 раз.

Основным препятствием к значительному расширению площади, а также улучшению качества и повышению урожайности хлопка являются в Адане недостаточная густота населения. Хлопководство в Адане, практикуемое преимущественно в крупных поместьях, в значительной мере базируется на пришлой рабочей силе, и недостаток рабочих рук отзывается не только на размерах продукции, но и на ее качестве. Туземный аданский хлопок, т. н. «йерли», отличается коротким (18 — 26 мм.) и неодинаковым по длине волокном и по сравнению с американским хлопком, длиной в 28—30 мм., расценивается, примерно, на 20% ниже. Расценку аданского хлопка на европейских рынках понижает также и то обстоятельство, что он не стандартизован. Смирнский хлопок — более высокого качества, ближе к американскому.

Вопрос о мерах к под'ему хлопковой культуры и улучшению качества продукции представляет предмет постоянного внимания и забот турецкого правительства и турецких экономических кругов. В частности, признается желательной замена туземного хлопчатника американским, который в настоящее время, под именем «яне», культивируется в Адане в небольших размерах, давая приблизительно 10% всего сбора. Однако, туземный хлопчатник отличается рядом особенностей, делающих его наиболее пригодным для культуры в местных условиях. При созревании его коробочки не раскрываются вполне, и семя плотно прилегает к оболочке, благодаря чему предотвращается возможность высыпания хлопка и необходимость быстрого сбора в момент созревания, как у американского хлопчатника. Сбор хлопка может быть растянут на 2—3 месяца и производится путем собирания коробочек, из которых уже затем в течение зимы женщины извлекают волокна с семенами. Кроме того, туземный хлопчатник требует меньше влаги и тепла и может быть возделываем без орошения. Такие его качества, разумеется, значительно сокращают потребность в рабочих руках, именно такой сравнительно экстенсивный характер его культуры является причиной устойчивости его культуры. Любопытно, что хлопок от американских импортных семян, возделываемый в таких же условиях, как местный, спустя несколько лет теряет свои первоначальные особенности, и его волокно в Смирнском районе достигает еще кое-где длины в 25—27 мм., в Адане же — лишь 20—26 мм. Таким образом, без коренных изменений методов возделывания и сбора улучшение качества турецкого хлопка невозможно.

1) О хлопководстве Аданы, см. „Information d'Orient“, 1925 г., №№ 1041 и 25/ПН, „Бюллетень Константинопольской Торговой Палаты“, 1924 г., сентябрь, и многочисленные статьи и заметки в „Бюллетене Торгпредства СССР в Турции“.

Что касается условий реализации хлопка на внешнем рынке, от которого турецкое хлопководство находится в тесной зависимости (внутреннее потребление хлопка составляет приблизительно лишь 10.000 кип), то они в настоящее время весьма неблагоприятны. Быстрый подъем хлопководства до 1925 года в значительной мере обусловливался повышающейся конъюнктурой внешних рынков. Тем больше ударил по турецкому хлопководству мировой хлопковый кризис, вызвавший сокращение посевов хлопка в 1926 году; депрессия на турецком хлопковом рынке, хотя и в менее острой форме, продолжается и поныне. Поэтому, несмотря на возможность широкого развития турецкого хлопководства, преимущественно в районе Аданы, развитие это в ближайшее время будет тормозиться не только недостатком рабочих рук, но и состоянием мирового хлопкового рынка.

В заключение обзора интенсивных отраслей турецкого сельского хозяйства остается упомянуть еще о шелководстве. Эта отрасль развита была до мировой войны в районе Брусы и отчасти также близ Адрианополя. Поощряемое и руководимое администрацией «Dette Publique», в ведении которой оно находилось, шелководство Брусы достигло в довоенные годы значительного развития. Однако, военные и послевоенные события отразились на шелководстве тяжелее, чем на какой-либо иной отрасли сельского хозяйства. По данным Константинопольской Торговой Палаты, производство шелка в Турции до войны и после ее окончания представляется в следующем виде ¹⁾:

	1914 г.	1923 г.
Коконы	18.000 тонн	1.200 тонн
Шелк	1.500 "	100 "
Грена	1.000 тыс. унций	30 тыс. унций

Цифры эти правильно отражают послевоенное состояние шелководства, хотя, несомненно, и преувеличены в отношении довоенного. В 1921 — 22 г.г. в районе Брусы произведено было не более 1 млн. кило коконов, из которых получено не более 90.000 кило шелка-сырца. Из этого количества приблизительно 10.000 кило переработано было внутри страны, а остальное вывезено за границу ²⁾. Катастрофический упадок шелководства, независимо от вызванной войнами хозяйственной разрухи, имел причиной также выселение из Брусы шелководов-греков и армян. Недосток квалифицированных рабочих рук сказался на шелководстве тем острее, что последнее из всех интенсивных отраслей сельского хозяйства предъявляет, к рабочей силе, пожалуй, наиболее высокие требования. Поселенные в районе Брусы мусульмане-переселенцы, в соответствии с имевшимися у них навыками, взялись за

¹⁾ „Бюллетень Константинопольской Торговой Палаты“, 1921 г. № 10, стр. 17.

²⁾ См. там же.

культуру табака, которая в настоящее время заняла там то место, которое принадлежало раньше шелководству. Кроме того, турецкий шелк находит теперь весьма слабый спрос за границей. Вследствие этого продукция коконов в Бруссе составила в 1924 году всего 585.000 кило, в 1925 году—650.000 кило¹⁾ и в 1926 году—550.000 кило; сверх того, в районе Адрианополя производится приблизительно 185.000 кило коконов в год²⁾. Таким образом, шелководство в Турции дает теперь, примерно, лишь 10% довоенной продукции и не обнаруживает признаков восстановления.

Сопоставляя данные о состоянии важнейших интенсивных отраслей турецкого сельского хозяйства, можно констатировать, что в общем продукция их как и зерновых хлебов, в настоящее время достигает, примерно, 90% довоенного. При этом, в связи с неодинаковой степенью восстановления отдельных культур, произошло некоторое перераспределение удельного веса в народном хозяйстве по сравнению с довоенным положением, так что восстановление сельского хозяйства в Турции не следует представлять себе в виде точного воспроизведения довоенных величин. Сдвиг произошел, главным образом, в направлении расширения табаководства и культуры фигового дерева и сокращения шелководства и производства опиума.

Процесс восстановления интенсивных культур (за исключением шелководства), происходил преимущественно в первые годы после греко-турецкой войны. После 1924 года этот процесс либо приостановился (фиговое, масличное дерево), либо даже сменился некоторым регрессом (изюм, табак, хлопок), и только производство опиума развивается несколько более благоприятно. Если к этому добавить, что и производство ангорской шерсти, эта сравнительно интенсивная отрасль животноводства, стабилизировалось за последние годы на уровне 50% довоенного, то станет ясно, что интенсификация сельского хозяйства Турции в настоящее время наталкивается на серьезные препятствия.

В чем они заключаются, мы уже видели. Это, прежде всего, конкуренция на внешних рынках со стороны ряда стран, стремящихся также к интенсификации и развивающих у себя те же отрасли сельского хозяйства, что и Турция: Калифорнии, Австралии, Южной Африки и в особенности, ближайших соседей Турции — Греции и Болгарии. Обострению греческой конкуренции отчасти способствовала сама Турция, выселив в Грецию значительное число земледельцев. Положение турецких продуктов на внешних рынках осложняется еще тем обстоятельством, что один из главных их потребителей, Англия, из соображений как экономического, так и политического характера, оказывает покров-

¹⁾ „Inform. d'Orient“, 1925 г., № 196, стр. 3363.

²⁾ „Бюллетень Торгпредства СССР в Турции“, 1926 г., № 12, стр. 37.

вительство конкурентам Турции, являющимся в большинстве либо колониями, либо, как Греция, политическими вассалами Великобритании. Отсюда чрезвычайная заинтересованность Турции в приобретении новых рынков сбыта для продуктов интенсивных отраслей ее сельского хозяйства, отразившаяся и на условиях торгового договора Турции с СССР.

Другим обстоятельством, тормозящим развитие интенсивных культур в Турции, является недостаток рабочих рук, отражающийся особенно на хлопководстве и шелководстве, и недостаток капиталов, не позволяющий достаточно быстро ввести технические улучшения, необходимые для укрепления на внешних рынках положения турецкого изюма, фиг, оливкового масла и т. д. Стоящий в связи с этими причинами недостаточно интенсивный характер возделывания трудоемких культур (отсутствие искусственного орошения, слабое применение удобрений, недостаточная тщательность обработки) искупается, да и то не вполне, только исключительно благоприятными почвенными и климатическими условиями.

Все эти соображения, вместе взятые, не позволяют, за отдельными исключениями, рассчитывать на быстрый рост интенсивных отраслей турецкого сельского хозяйства в ближайшие годы, и остается ожидать лишь завершения восстановительного процесса, который нельзя еще считать законченным. Мы видели раньше, что и в области зернового хозяйства дальнейшая интенсификация может носить лишь медленный и постепенный характер. Между тем, интересы хозяйственного развития Турции, индустриализации, укрепления валюты и пр., требуют увеличения экспорта сельскохозяйственных продуктов. Такое увеличение, думается нам, может быть достигнуто в большей мере благодаря использованию продуктов экстенсивного полеводства и животноводства центральных и восточных районов Турции, чем за счет роста интенсивных культур в ее западной части и на побережьях. Необходимая для этого предпосылка — проведение железнодорожных путей — начинает осуществляться. Среди подлежащих постройке в течение ближайших трех лет железнодорожных линий имеются линии Сивас — Самсун, Сивас — Цезарея и Ангора — Цезарея, которые дадут выход продуктам центрального плоскогорья.

Возможности развития сельского хозяйства в Турции достаточно велики, но и трудности на пути этого развития значительны. При наличии подобных трудностей, при сравнительной ограниченности ресурсов капитала и рабочей силы, приобретают большой интерес вопросы рационального распределения имеющихся ресурсов между отдельными областями народного хозяйства, вообще, и сельского хозяйства, в частности.

НЕДЖИБЭ-ХАНУМ.

Рабочее законодательство современной Турции.

26 июня закончил свои работы турецкий меджлис второго созыва. Подводя итоги его четырехлетней деятельности, турецкая пресса¹⁾ отмечает, что в то время, как первый меджлис был орудием национальной борьбы и революции, второй меджлис в обстановке, созданной заключением Лозаннского договора, закрепил завоевания этой революции, превратив Турцию из абсолютной монархии в республику, отменив халифат и приняв ряд отвечающих требованиям современной жизни законов, поставивших Турцию на один уровень с цивилизованными государствами Европы.

Действительно, не подлежит никакому сомнению, что как первый, так и второй меджлис проделали большую работу в деле преобразования и возрождения Турции, но, если среди огромного числа изданных ими законов (свыше тысячи) попытаться найти законы и постановления, регулирующие положение и права турецких рабочих, то результаты таких изысканий окажутся чрезвычайно скудными. В самом деле, кемалистское правительство, которое в области социальных реформ предприняло кое-что для улучшения положения турецкого крестьянства, в частности, отменило лежавший на нем столь тяжким бременем ашар, не проявило почти никакого внимания к нуждам турецкого пролетариата. Правда, республиканское правительство Турции не раз высказывало намерение заняться реформами и в этой области, но эти реформы, за небольшими исключениями, оставались в сфере проектов, и второй турецкий меджлис закончил свою последнюю сессию так и не рассмотрев внесенного в него проекта закона о труде.

Наследие, полученное республиканским правительством Турции по рабочему законодательству от султаната и от пришедшего ему на смену младотурецкого режима, столь же незначительно по количеству изданных законов, сколь и убого по их содержанию. От султаната республиканская Турция, кроме нескольких малозначущих постановлений, разбросанных в гражданском кодексе Оттоманской империи (так наз. Меджелле) и потерявших силу с введением в действие с 4/X—1, 26 года нового, заимствованного у Швейцарии гражданского кодекса, унаследовала старин-

1) „Миллет“ 27/VI—1927 года, „Вақыт“ 28/VI—1927 года.

ный регламент об эснафах (корпорациях ремесленников), характерной особенностью которого является то, что эснафы представляют собой организации, объединяющие хозяев, подмастерьев и рабочих, занимающихся одним и тем же ремеслом. Таким образом, эснафы напоминают по своей структуре средневековые цехи и во всяком случае не имеют ничего общего с современными профессиональными союзами. Согласно регламенту об эснафах ¹⁾, во главе каждого из них стоит его председатель, так наз. кахья, который большей частью назначался правительством и только в некоторых исключительных случаях выбирался членами самого эснафа. Из кахьи и еще двух членов эснафа — казначея и секретаря, составлялся совет эснафа, который должен был вести дела эснафа, защищать его интересы, заботиться о нуждающихся членах организации и в случае надобности располагал довольно большой дисциплинарной властью, вплоть до лишения работы и телесного наказания провинившихся членов эснафа. Каждый член эснафа обязан был иметь особый билет (тезкере) о своей принадлежности к эснафу. Это тезкере выдавалось за определенную плату; кроме того, каждый член эснафа должен был ежемесячно уплачивать известный взнос в кассу организации. Постепенно эти старинные цеховые организации выродились и приобрели характер замкнутых землячеств, в которые принимались только лица, связанные общностью происхождения из одного района ²⁾.

Несмотря на всю архаичность этого закона, он продолжает формально существовать и до настоящего времени, и целый ряд рабочих организаций Турции и теперь существует на его основе. Из общего числа организованных рабочих Турции, которое определяется приблизительно в 45.000, около 20.000 рабочих объединено именно на основе регламента об эснафах ³⁾.

Другим законом, сыгравшим очень важную роль в истории рабочего движения Турции и доставшимся кемалистам от младотурецкого режима, является знаменитый закон о забастовках. Закон этот был издан младотурками 27/VII — 1909 г. ⁴⁾ в результате волны забастовок, прокатившейся по Турции после революции 1908 г. Основной принцип этого закона изложен в статье восьмой, гласящей: „Образование профессиональных союзов в предприятиях, предназначенных для общественного пользования, запрещено. Лица, которые в предприятиях названной категории образуют профессиональный союз, будут препятствовать работе,

1) Joung. Corps de droit ottoman.

2) Гурко-Крижин. «Рабочее и социалистическое движение в Турции» в сборнике „Турция в борьбе за независимость“. Изд. НАВ, М. 1925.

3) „Итоги профдвижения в Турции за 1926 год“, в ж. ур. „Международное рабочее движение“ № 4 за 1927 г. (к этим цифрам все же следует относиться с осторожностью, так как в Турции точной статистики нет).

4) Первоначально он был введен, как временная мера, султанским ираде от 8/X — 1908 г.

вызовут прекращение их деятельности, будь то посредством провокации или обмана, угрозами или насилем, будут наказаны; если они образовали профессиональный союз и препятствовали работе или вызвали прекращение деятельности предприятия посредством провокации или обмана, наказание будет от одной недели до шести месяцев тюремного заключения или от одной до двадцати пяти турецких лир штрафа если они вызвали прекращение деятельности учреждения угрозами или насилем, то от одного месяца до одного года тюремного заключения или от одной до пятидесяти турецких лир штрафа“.

Та же статья возлагает на виновников подобного рода деяний материальную ответственность за могущие последовать в результате их действий убытки¹⁾. Таким образом, этот закон затрагивает сразу и при том самым печальным для рабочих образом две самые актуальные проблемы пролетарской жизни. Закон этот категорически запрещает 1) образование профессиональных союзов в предприятиях общественной полезности, к которым закон относит железные дороги, трамвай, водопровод и т. д., 2) объявление забастовок в тех же предприятиях.

Для урегулирования конфликтов, возникающих между предпринимателями и рабочими, закон о забастовках предлагает следующий метод: Рабочие в случае конфликта должны выбрать трех делегатов, которым надлежит выработать меморандум с изложением своих требований. Этот меморандум сообщается министерствам торговли и общественных работ, а те, в свою очередь, передают его предпринимателям. Если последние в течение семи дней не дадут на него никакого ответа, то требования рабочих считаются принятыми. Если они заявят, что они не согласны с этими требованиями, то они также избирают трех делегатов, после чего делегаты обеих сторон собираются под председательством лица, назначенного правительством для того, чтобы попытаться мирным образом урегулировать конфликт. Если это им удастся, то достигнутое соглашение протоколируется, и обе стороны обязаны ему подчиниться. Если соглашение не будет достигнуто, то применяется статья 6 закона, гласящая: „В случае, если обе стороны не придут к соглашению, служащим и рабочим предоставляется право покинуть работы, но запрещаются всякие демонстрации, действия и поступки, нарушающие свободу работы“. Иными словами, даже и в таком случае рабочим запрещается формально объявлять забастовку, так как забастовка это есть организованное выступление рабочих, определенно запрещенное в этих предприятиях статьей 8 закона, а „право покинуть работы без демонстраций и поступков, нарушающих свободу работы“ не может быть приравнено к праву объявить забастовку. Во всяком случае, статьи закона сформулированы столь неясно, что всегда могут быть истолкованы против ра-

1) Biliotti. Legislation ottomane depuis le retablissement de la Constitution. 1912.

бочих. Не трудно также заметить, что выражение „предприятия, предназначенные для общественного пользования“, тоже может быть истолковано в самом широком смысле, что опять-таки дает возможность, в случае надобности, распространить действие этого закона на всевозможные предприятия, первоначально им вовсе не предусмотренные.

Закон о забастовках в таком же виде, в каком он функционировал при младотурках, перешел к республиканскому правительству Турции. Формально в него не было внесено никаких изменений, никаких дополнений. Но их внесла жизнь, и с этими изменениями правительству Мустафы Кемаля волей-неволей пришлось считаться, так как за ними стояли крепнущие, растущие количественно и усиливающиеся качественно рабочие массы Турции. Прежде всего рабочие Турции, хоть и не очень многочисленные, так как Турция в основе своей страна крестьянская (точной статистики в Турции нет — число рабочих определяют очень различно от 100.000 до 200.000 человек), сумели фактически завоевать себе право забастовки, не признанное за ними законом. В настоящий момент в Турции дело обстоит так, что вопреки закону, рабочие любой категории предприятий могут, если предприниматели не соглашаются на их требования испросить у правительственного комиссара разрешение на забастовку, и в большинстве случаев последний по истечении определенного срока, вынужден давать им это разрешение¹⁾. Доказательством этому, между прочим, являются также и те многочисленные за последние годы случаи забастовок в Турции, участники которых к судебной ответственности не привлекались, что было бы необходимо, если бы закон о забастовках целиком проводился бы в жизнь. Второе, не менее крупное изменение, внесенное жизнью в этот драконовский закон, касается организации профессиональных союзов. Закон о забастовках, как уже было сказано, категорически запрещает их образование в крупнейших отраслях промышленности. Несмотря на это, мы видим в Турции целый ряд профсоюзных организаций, в частности среди железнодорожных и трамвайных рабочих, и, хотя это явно противоречит закону о забастовках, правительство этих организаций не распускает. Дело в том, что турецкие профсоюзные организации для своего легального оформления пользуются другим законом, изданным также при младотурках, а именно, законом об ассоциациях. Он был издан еще 3/VIII—1909 года, но также остался в силе и при кемалистах, подвергшись только незначительным изменениям (в частности, законом от 15/X—1923 года понижен возраст для вступления в число членов ассоциации — раньше этот возраст был 20 лет, теперь 18).

Закон этот, предназначенный для гораздо более широких целей, чем специально рабочие организации, и потому о них вовсе не упоми-

1) Астахов. „От султаната к демократической Турции“. М. Л. Гос. Изд. 1926.

нающий, предоставляет право свободного объединения с последующим уведомлением правительства лицам, преследующим общие цели, не меркантильного характера. Однако, он ставит этой свободе следующие очень узкие границы: „Запрещается образование ассоциаций, преследующих какие-нибудь незаконные цели, противоречащих законам, нарушающих добрые нравы или же таких, которые имеют целью нарушение общественного порядка или целостности территории, или же изменение существующего политического строя, или же отторжение от государства, с политической точки зрения, различных народностей империи“. (ст 3). „Запрещаются политические ассоциации, заимствующие свои цели и наименование у какой-нибудь расы или национальности“ (ст 4). Этот закон запрещает также всякого рода секретные ассоциации: об образовании каждой ассоциации правительство немедленно должно быть поставлено в известность¹⁾.

Таким образом, этот закон, запрещающий образование всяких ассоциаций, направленных против существующего строя и порядка, дает властям широкие возможности бороться с любыми организациями, в том числе и рабочими, под тем предлогом, что они стремятся именно к этим запрещенным целям. Рабочие организации, слишком сильно концентрирующие внимание на политических вопросах, всегда могут быть, со ссылкой на этот закон, обвинены в стремлении к ниспровержению существующего строя и в связи с этим подвергнуться всякого рода репрессиям, вплоть до закрытия и ликвидации их. Эта угроза заставляет рабочие организации Турции зачисляться, главным образом, экономическими вопросами, и мы видим, как под давлением правительства самая крупная рабочая организация Турции „Тюрк Амеле Теали Джемиети“²⁾ (дословно „Общество Возвышения Турецких Рабочих“— обычно называется „Ассоциация турецких рабочих“) в 1925 году даже выпускает коммюнике, декларирующее, что рабочие Турции совершенно не интересуются политическими вопросами³⁾.

В том же направлении действует изданный много позже, уже при кемалистах, „Закон об охране порядка“. Закон этот, проведенный через меджлис 4/III—1925 г., в самый разгар курдского восстания, хотя и не имеет прямого отношения к рабочим организациям, но благодаря тому, что он предоставляет правительству неограниченные полномочия в деле борьбы со всякого рода начинаниями, угрожающими общественному порядку и спокойствию, тем самым дает в его руки сильное оружие и против рабочего движения вообще. В частности, именно на основании этого закона, в 1925 году были закрыты все рабочие газеты, были арестованы и преданы суду многие коммунисты, и, наконец, един-

¹⁾ Biliotti—та же книга.

²⁾ Эта организация была создана осенью 1924 года.

³⁾ Китайгородский. „Рабочее движение в Турции“.

ственному всетурецкому профессиональному объединению — „Тюрк Амеле Теали Джемieti“ — было предписано из всетурецкой организации превратиться в организацию чисто константинопольскую¹⁾. Из сказанного видно, что оба эти закона могут быть использованы и используются правительством для борьбы против рабочего движения.

Ожесточенная национально-освободительная борьба, последовавшая за военным разгромом Турции, заставила молодую турецкую буржуазию, составлявшую основное ядро сил, бившихся за освобождение страны от тисков империализма, искать опоры в самых различных слоях турецкого населения, в том числе и в среде турецкого пролетариата. С этой целью турецкая буржуазия в первый период национально-освободительного движения определенно заигрывала с рабочими Турции, сама создавала профессиональные союзы и оказывала им всяческое содействие. Этим заигрыванием, а также влиянием, стачечного движения объясняется издание первого²⁾ и в своем роде единственного закона, посвященного специально защите интересов рабочих, правда, рабочих ограниченного района Турции — угольного бассейна Гераклеи (зато этот район является специфически рабочим). Этот закон, изданный 10/IX—1921 года и носящий название „закона относительно прав рабочих угольного бассейна Гераклеи“, устанавливал некоторые положения, ранее совершенно неизвестные в Турции. Прежде всего впервые в истории законодательства Турции он запрещал работу в угольных копях Гераклеи лицам, не достигшим 18 лет. Далее, также впервые в Турции он вводил принцип восьмичасового рабочего дня для гераклейских рабочих, при чем в эти часы включалось также время спуска в шахту и подъема из нее. Затем, закон определял плату за сверхурочные часы, допускающиеся только с согласия обеих сторон, в двойном размере и признавал принцип фиксации минимальной заработной платы по соглашению между делегатами предпринимателей, рабочих и Комиссариата Экономии. Наконец, он возлагал на предпринимателей ряд обязанностей: они должны были вносить один процент с общей суммы всей выплачиваемой рабочим заработной платы на сберегательную кассу, бесплатно лечить больных или пострадавших от несчастных случаев и выдавать последним или их наследникам денежное возмещение.

Этот закон может считаться беспрецедентным в истории рабочего законодательства Турции. Можно даже сказать, что он является первым

¹⁾ „Итоги профдвижения в Турции за 1926 год“. („Международное рабочее движение“, № 4, 1927 год).

²⁾ Если не считать более ранний, но совершенно незначительный закон от 28/IV—1921 года, предоставляющий в распоряжение рабочих гераклейского района суммы, вырученные от продажи угольной пыли Гераклейских предприятий—доходы, которые вряд ли могут достигнуть значительных размеров.

настоящим трудовым законом Турции, так как все предшествовавшие законы Турции или носили в своей основе запретительный характер (закон о забастовках) или же не имели прямого отношения к правам рабочих (закон об ассоциациях). Этому закону, однако, на долгое время суждено было остаться единственным и исключительным по своему направлению.

Правда, в начале 1923 года (с 17/II по 4/III) в Смирне заседал так называемый Экономический Конгресс, впервые в истории Турции сконструированный на основе классового представительства. На этом конгрессе формально принимало участие 187 рабочих делегатов (фактически только половина из них действительно принадлежала к рабочему классу). Правда и то, что эта рабочая группа выдвинула длинный список своих требований, среди которых имелись и такие, как восьмичасовой рабочий день для сельскохозяйственных рабочих, постройка бесплатных домов отдыха для рабочих и т. д. и т. д.

Правда и то, что целый ряд требований, выдвинутых рабочими делегатами, был принят конгрессом. В число этих принятых конгрессом требований входили следующие: право организации профсоюзов, принятие 8-часового рабочего дня для торгово-промышленных рабочих, шестичасовой рабочий день для шахтеров, двойная оплата сверхурочных часов работы, установление минимума заработной платы, введение обязательного празднования одного дня в неделю и празднования 1-го мая, предоставление 8-недельного отпуска женщинам. (4 недели до родов и 4 недели после родов), запрещение труда детей до 12 лет, участие предпринимателей в страховании рабочих на 50% в крупных предприятиях, введение санитарного контроля, постройка больниц и училищ для рабочих за счет предпринимателей, бесплатный прием детей рабочих в ремесленные училища и т. д. и т. д.

Требование рабочей группы об отмене закона о забастовках было заменено решением о „необходимости пересмотра закона о забастовках“¹⁾.

Все это правда, но, к сожалению, правда и то, что из всего этого длинного списка принятых конгрессом требований за 4 протекших с тех пор года оказалось проведенным в жизнь лишь одно — законом от 2/I—1924 года в Турции была введена обязательность празднования в предприятиях одного дня в неделю, а именно пятницы. Но даже и этот столь скромный по своим заданиям закон имеет свои „но“. Прежде всего действие его распространяется лишь на города с населением в 10.000 человек, и выше, а в городах с меньшим населением его применение или неприменение зависит от решения муниципального совета. Но если принять во внимание, что даже в Ангоре, столице Турции, едва насчитывается 60000 жителей, то станет ясно, что городов и местечек с на-

1) Астатов — От султаната к демократической Турции.

селением меньше 10000 в Турции окажется гораздо больше, чем городов с населением выше 10000, и что для рабочих всех этих местечек этот закон останется мертвой буквой. Кроме того, закон допускает целый ряд исключений; так, например, исключаются из его действия сезонные рабочие; многим учреждениям разрешается функционировать по пятницам и давать своим служащим по очереди один день отдыха в неделю (госпиталя, трамваи, типографии, рестораны и т. д.), целому ряду торговых учреждений по пятницам разрешается торговать до полудня (мясные, зеленные и т. п.). А дополнение к этому закону, изданное 1/XII—1926 г., вносит в него еще большее количество исключений. Обычно же, при таком огромном количестве исключений, легко могут происходить злоупотребления, и весьма возможно, что во многих предприятиях рабочие тем или иным способом лишаются своего единственного дня отдыха в неделю (имеются заявления самих рабочих, подтверждающие это обстоятельство).

Если не считать еще нескольких совершенно третьестепенных законов и постановлений, регулирующих не имеющие большого значения специальные вопросы, так, напр., циркуляр об улучшении положения рабочих и о пенсионных кассах на заводах морского арсенала от 13/IX—1917 г. или закон о страховых кассах и кассах взаимопомощи на военных заводах от 2/VI—1926 г. и некоторые другие, то этим исчерпывается весь багаж республиканского правительства по части рабочего законодательства.

Повидимому, и само правительство Турецкой республики сознавало и сознает недостаточность этого законодательства, и вот к намеченной схеме создания для новой Турции целого, ряда кодексов — гражданского, уголовного, торгового и др. добавляется еще в 1924 г. и трудовой кодекс. Небезинтересно будет отметить, что мысль об издании особого трудового кодекса возникла в Турции не впервые. Еще после первой турецкой революции в 1910 г. социалистическая группа турецкого междиса того времени внесла в него законопроект об издании особого трудового кодекса. Этот законопроект в своей вступительной части рисовал тяжелые условия труда в Турции и требовал нормировки рабочего дня для мужчин, женщин и детей, улучшения условий жизни рабочих, в частности, обеспечения для них медицинской помощи, вознаграждения за увечия, введения фабричной инспекции, устройства конфликтных комиссий, и т. д. Понятно, что условия того времени мало способствовали проведению такого закона, и он так и остался в области проектов ¹⁾.

При совершенно иных условиях была поднята эта мысль в 1924 г., когда Турция только что вышла победительницей из военной и диплома-

¹⁾ Гурко-Кряжин. Рабочее и социалистическое движение в Турции (в книге „Турция в борьбе за независимость“).

тической борьбы, когда республиканское правительство энергично приступило к реформам во всех областях жизни страны, когда с этой целью оно наметило к изданию многочисленные законы для проведения в жизнь этих реформ, и когда оживившееся в результате революции рабочее движение поставило вопрос о рабочем законодательстве в число самых актуальных.

И вот мы видим, что в конце 1924 г. правительством создается специальная комиссия во главе с тогдашним министром торговли Али Дженани беем, которой поручается ознакомление с наиболее совершенными европейскими кодексами труда, в том числе и с советским, перевод их и составление соответствующего законопроекта для Турции.

К началу 1925 г. эта работа была закончена, и составленный законопроект был отправлен на заключение по всем комиссиям меджлиса.

Этот законопроект (он появился, к сожалению, не целиком, а в выдержках в турецких газетах „Хакимieti Миллие“, „Джумхуриет“ и др. за февраль 1925 г.) содержал в себе 110 статей и подразделялся на ряд глав, каждая из которых была посвящена определенному вопросу. Так, в нем были специальные главы о длине рабочего дня, о ночной работе, о женском и детском труде, о дне недельного отдыха, о праздниках, вообще, о договоре ученичества, о способах оплаты жалования, о контроле над трудом кустарей, об образовании Высшего Совета Труда и Дирекции Труда и т. д.

Многие из этих вопросов подвергались самой детальной регламентации. Статья 1-я этого закона гласила: „Закон о труде определяет порядок и мероприятия, регулирующие отношения между работодателями и рабочими, условия труда и охрану труда в частных и казенных предприятиях“. Однако, дальше говорилось, что на сельскохозяйственные предприятия с механическими двигателями не больше 5 лошадиных сил или числом рабочих не больше 10 и на работы, в которых принимают участие члены одной семьи или родственники, действие этого закона не распространяется.

Необходимо отметить следующие основные положения, установленные этим законопроектом: длина рабочего дня во всех предприятиях должна быть не больше 10 часов, с часом на отдых (в неделю не больше 60 часов); в шахтах и рудниках длина рабочего дня устанавливается в 8 часов в день (в неделю не больше 48 часов); в исключительных случаях допускается отступление от этих правил, но с тем, чтобы количество сверхурочных часов в общем не превышало 180 часов в год; плата за сверхурочные часы должна быть на 50% выше, чем за обычные; дети не достигшие 12 лет, на работу ни под каким видом допускаться не могут; подробно перечислены те производства, в которых запрещается применять труд подростков до а) 14 лет, б) до 16 лет, с) до 17 лет. В частности, лица, не достигшие 17 лет, не могут работать

в шахтах и рудниках; имеется целый ряд постановлений по охране женского труда, в частности, женщинам предоставляется 4 недели отпуска до родов и 6 недель после родов.

Законопроект, насколько можно судить по тому, что появилось в прессе, оставил незатронутыми — для урегулирования в будущем, вопросы об инвалидности, старости, несчастных случаях, страховании и др. Он совершенно не говорил о праве создания профсоюзов и о праве на забастовки. Он проектировал на ряду с созданием Дирекции Труда (бюрократического учреждения) — создание Высшего Совета Труда (выборного учреждения), в котором должно было быть 15 представителей от правительства и капиталистов и 7 представителей от рабочих. Этот Совет должен был заседать 10 дней в году и разбирать такие вопросы, как вопросы об отношениях между капиталистами и рабочими, о заработной плате, об условиях труда и т. д. и т. д.

Законопроект этот, несмотря на то, что он при всех своих огромных недостатках, все же имел и ряд положительных сторон, вызвал довольно резкую критику, как со стороны прессы, так и со стороны рабочих. Критиковала проект не только рабочая пресса, тогда еще существовавшая в Турции („Орак ва Чекич“), но даже такая реакционная панисламистская газета, как „Тевхиди Эфкяр“ (это, весьма возможно, объясняется тем, что газета в своей оппозиции республиканскому правительству стремилась снискать симпатии рабочих кругов). В своем номере от 27/I 1925 г. газета восклицала: „Если б это был действительно тот кодекс, который сейчас нужен, то он начинался бы со слов: „С момента опубликования этого закона отменяется закон о забастовках. Образование рабочих организаций и союзов свободно“. И далее, газета констатировала: „Закон в значительной мере оберегает капитал и покровительствует ему“. Если так реагировала на законопроект правая газета, то неудивительно, что гораздо более горячо откликнулись на него рабочие слои Турции.

13/II 1925 г. Амеле Теали Джемиети созвало в Константинополе в своем помещении представителей различных константинопольских рабочих организаций специально для обсуждения проекта трудового кодекса. Собрание было очень многочисленным, на нем присутствовало 150 делегатов, представлявших 14 союзов, были также и коммунисты. Дебаты происходили чрезвычайно оживленные; коммунисты требовали издания закона о профсоюзах. Для более углубленной проработки вопроса была избрана специальная комиссия из 19 человек, которой было поручено выработать контр-проект, приняв за его основу программу, принятую по рабочему вопросу Смирнским Конгрессом¹⁾. По словам „Тевхиди Эфкяр“, рабочие в общем были настроены против проекта, выработанного правительством.

¹⁾ Тевхиди Эфкяр от 14/II 1925 г.

Комиссия очень энергично занялась порученным ей делом, и уже 20/II было созвано второе общее собрание, еще более многолюдное — присутствовавшие на нем члены рабочих организаций представляли не меньше 30.000 рабочих Константинополя. Это собрание единогласно одобрило выработанные комиссией требования, а именно: введение восьмичасового рабочего дня, необходимость законодательной охраны материнства, запрещение заключения договора о найме с отдельными лицами, установление наказаний для предприятий, нарушающих этот закон, предоставление профсоюзам прав юридических лиц, вознаграждение пострадавших от несчастных случаев, законодательная охрана детского труда¹⁾.

Кроме того собрание постановило делегировать в Ангору комиссию из трех человек, для того, чтобы она добивалась проведения в жизнь этих требований, а также признало целесообразным продолжение деятельности комиссии 19 впредь до введения в действие кодекса труда²⁾.

Комиссия трех, действительно, поехала в Ангору, но, как это ни странно, дальнейшие сведения о ее судьбе, а также о судьбе выработанного трудового законопроекта в прессу не попадали. Правда, уже в январе 1927 года газета „Вақыт“, сетуя на то, что вот уж 3 года, как меджлис безрезультатно рассматривает проект трудового кодекса, объясняет это тем, что этот проект прошел через бесчисленное количество комиссий и подвергся в них столь существенным изменениям, что, когда он вернулся к своему автору Али Дженани бею, то последний не узнал его и счел необходимым создавать его заново. Объяснение это, конечно, не выдерживает критики, и причины этой задержки нужно видеть совсем в ином.

Дело в том, что как раз в феврале 1925 года в восточных вилайетах Турции вспыхнуло огромное курдское восстание. Это восстание на долгое время отвлекло внимание турецкого правительства в другую сторону и одновременно наложило глубокую печать на характер и направление всей его последующей деятельности. Издав 4/III закон об охране порядка (о нем говорилось уже выше), основной целью которого была борьба со всякого рода конт-революционными и реакционными выступлениями, правительство в то же самое время использовало его также и для борьбы против всякой оппозиции, вообще, хотя бы и левой. Действительно, закрываются рабочие газеты, арестовываются и ссылаются коммунисты, принимаются всякого рода меры против роста и развития рабочего движения. Понятно, что при таких условиях забота о рабочих отошла на задний план; возможно также, что выработанный проект трудового кодекса мог показаться слишком левым и требующим

¹⁾ Шакир Расым, Ассоциация рабочих Турции (Международное рабочее движение № 3, 1925 г.).

²⁾ „Таин“, 21/II 1925 г.

поэтому основательной переработки. Содержание нового проекта, внесенного в меджлис уже в 1927 году, как-будто подтверждает эту мысль.

Как бы то ни было, но с февраля 1925 г. и до осени 1926 г. о проекте трудового кодекса ничего не было слышно, и только 1 октября 1926 г. на с'езде, созванном Амеде Теали Джемиети, этот вопрос снова поднимается. На этом с'езде было отмечено, что хотя промышленность Турции развивается, положение рабочих не улучшается. Зароботная плата не увеличилась, хотя жизнь значительно вздорожала. Присутствовавшие на с'езде рабочие говорили о необходимости фиксации длины рабочего дня, введения страхования от несчастных случаев, обеспечения взаимопомощи и рабочего законодательства, вообще. Все это не помешало, однако, с'езду послать Мустафе Кемалю приветственную телеграмму по случаю его счастливого избавления от смирнского заговора. В этой телеграмме высказывалась также просьба о скорейшем проведении через меджлис трудового кодекса¹⁾. В ответ на эту телеграмму Исмет паша от имени правительства сообщил, что трудовой кодекс будет рассмотрен меджлисом в текущую сессию. Очевидно, вопрос, действительно, снова стал актуальным, так как при усиленном стремлении турецкого правительства к развитию туземной промышленности и привлечению к этому делу иностранного капитала, полное отсутствие регламентации в области труда и связанная с этим неопределенность вряд ли могли способствовать достижению этой цели. Вероятно, в связи с этим снова начинают приниматься меры в этом направлении. Вырабатывается новый проект закона о труде, и меджлис должен был до окончания своих занятий в этом году рассмотреть и принять его.

Новый законопроект существенным образом отличается от проекта 1925 г.²⁾ Прежде всего он состоит всего из 27 статей (в старом законопроекте, как уже говорилось, было 110 статей).

Статья первая этого закона гласит: „Настоящий закон распространяется на отношения между работодателями и рабочими, работающими в предприятиях, занятых производством, изготовлением, приготовлением, выплавкой, сборкой частей, очисткой, строительством, ремонтом, перевозкой и транспортом. На сельских рабочих, кустарей, работающих совместно с семьей или родственниками, сельские предприятия и предприятия, в которых работает меньше 15 человек, действие этого закона не распространяется. Однако, правительство контролирует их и следит за тем, существуют ли в этих предприятиях условия, представляющие опасность и вред для жизни и здоровья лиц, работающих в них. (По отношению к детям и женщинам действуют правила, установленные в этом законе и в предприятиях с числом рабочих меньше 15“).

1) С'езд Амеде Теали („Международное рабочее движение“ № 44, 1926 г.).

2) Текст проекта напечатан в газете „Икдам“ от 20/IV 1927 г.

Эта статья намеренно приведена здесь полностью, так как она сразу вскрывает ограниченность и вместе с тем неопределенность рамок применения этого закона. Часть первая этой статьи составлена в настолько общих и ничего не говорящих выражениях, что остается совершенно неясным, какие предприятия попадут в категорию тех, на которые распространяется действие этого закона. Попадут ли, например, в эту категорию торговые предприятия? На основании текста закона на этот вопрос ответить невозможно. Более ясна, но зато еще более суживает рамки применения этого закона часть вторая этой статьи, перечисляющая исключения из нее. Всем известно, что Турция страна еще с очень слабо развитой промышленностью, и потому преобладают в ней мелкие кустарные мастерские. В среднем на каждую такую мастерскую приходится гораздо меньше 15 рабочих¹⁾. И как раз на эти предприятия, составляющие основную массу промышленных предприятий Турции, действие этого закона не распространяется. Не распространяется он и на сельскохозяйственных рабочих, труд которых, вообще, не регулируется никакими нормами, а, ведь, Турция—страна в основном земледельческая.

Статья вторая законопроекта запрещает наем на работу детей, не достигших 10 лет и, оставляя открытым вопрос о длине рабочего дня для лиц от 10 до 18 лет и о том, в каких производствах им не будет разрешено работать, говорит, что эти вопросы будут урегулированы в дальнейшем особым циркуляром Совета министров. Если сравнить эти постановления с законопроектом 1925 г., с его мелочной регламентацией этих проблем и с категорическим запрещением брать на работу детей моложе 12 лет, а на работу в шахтах лиц, моложе 17 лет, то сравнение окажется далеко не в пользу нового проекта.

Статья третья устанавливает, как общее правило, что длина рабочего дня не может превышать 10 часов, при чем один час должен даваться на отдых (таким образом, фактически работа должна происходить не больше 9 часов в день).

Статья четвертая и пятая вводят целый ряд исключений из этого правила—для сезонных работ, для обработки скоропортящегося сырья и, вообще, во многих исключительных случаях и положениях, что, конечно, открывает широкий простор для всякого рода злоупотреблений, хотя имеется оговорка, что и в исключительных случаях работа не должна производиться больше, чем в течение 12 часов и что правительство должно быть уведомлено об этом.

Статья шестая предписывает платить за сверхурочные часы в двойном размере.

Статья десятая устанавливает, что рабочий, прослуживший в предприятии 3 месяца, не может быть уволен без предупреждения за 15 дней,

¹⁾ Гурко-Кряжин. Та же статья.

и сам не может покинуть работу, не предупредив учреждение за столько же дней. К статье этой, однако, имеется любопытное добавление следующего содержания: „Если между работодателем и рабочим оговорены другие условия, то они действительны“. Другими словами, действие этой статьи сводится на-нет, так как работодатель всегда может при приеме рабочего на службу заставить его „согласиться на другие условия“.

Статья четырнадцатая говорит о том, что, если рабочий пострадал от несчастного случая, работодатель обязан лечить его бесплатно и в течение 15 дней полностью выплачивать ему заработную плату, а в течение остального времени болезни выплачивать ее в половинном размере. В случае потери рабочим в результате несчастного случая трудоспособности, работодатель обязан отдельно уплатить рабочему денежное возмещение в соответствии со степенью потери им трудоспособности.

Согласно статьи 15-й семья или наследники рабочего, умершего в результате несчастного случая, имеет право получить от предпринимателя возмещение в размере 600-кратного дневного заработка этого рабочего. Если взять за средний дневной заработок турецкого рабочего в настоящее время 100 пиастров¹⁾, то среднее возмещение в размере 600 лир за человеческую жизнь нельзя признать слишком высоким. А, кроме того, многие рабочие получают гораздо меньшую плату, а значит, и возмещение в случае их смерти будет соответственно ниже.

Статья 19-я предусматривает возможность создания в тех предприятиях, где это будет сочтено целесообразным министром торговли, касс взаимопомощи и пенсионных касс, для чего с рабочих взимается 5% их заработной платы и в такой же пропорции платят и работодатели.

Согласно статье 21-й инспектор труда и санитарные инспектора имеют право в любое время проверять условия труда в предприятиях, однако, с предварительным уведомлением комиссара того министерства, в ведении которого предприятие находится, а в государственных предприятиях—главного начальника предприятия. Нельзя не отметить, что это предварительное предупреждение вряд ли будет способствовать эффективности контроля.

Статья 23-я устанавливает штраф за нарушение закона, как для работодателей, так и для рабочих.

Статья 26-я предусматривает создание при министерстве торговли „общей трудовой дирекции“ для применения этого закона.

Наконец, статья 27-я (последняя) гласит: „За исключением закона от 2/VI 1926 г. за № 895²⁾, все законы и постановления, противореча-

¹⁾ Икдам от 7/V 1927 г.

²⁾ Закон о кассах взаимопомощи и страхования на военных заводах.

щие нормам этого закона, включая закон от 10 июля 1337 г.¹⁾, касающийся прав рабочих Гераклеийского угольного бассейна, отменяются“.

Из сделанного изложения основных положений законопроекта о труде явствует, что в законе нет ни одного слова о праве рабочих на организацию профсоюзов, о праве рабочих объявлять забастовку, о страховании рабочих, об охране женского труда, вообще, и об охране материнства, в частности, об охране детского труда (если не считать достаточной охраной запрещение труда детей до 10 лет), об урегулировании труда рабочих в особо тяжелых производствах, как, например, в шахтах и рудниках, об урегулировании ночного труда, о праве рабочих участвовать в той или иной форме в контроле над выполнением даже этих скудных постановлений, об установлении минимума заработной платы, об отпусках.

Больше того, этот закон, не отменяя столь тяжкий для рабочих закон, как закон о забастовках, отменяет единственный изданный в интересах рабочих хотя и ограниченного района—закон о Гераклеийских рабочих, и тем самым подчиняет их действию этого нового закона, гораздо меньше обеспечивающего их интересы.

Несмотря на все эти вопиющие дефекты и пробелы, турецкие предприниматели все же находят этот закон слишком либеральным.

Торговая палата Константинополя, как только содержание законопроекта стало известно, протелеграфировала министру торговли просьбу задержать его рассмотрение меджлисом до тех пор, пока палата не рассмотрит его и не сообщит своего мнения о нем. Министр торговли ответил, что это необходимо сделать в спешном порядке, и вот 27/IV представители наиболее крупных отраслей турецкой промышленности (табачной, текстильной, железных дорог, трамваев, электрических обществ и т. д.) собрались в помещении торговой палаты для обсуждения проекта. Так как среди этих представителей имелись и делегаты иностранных обществ, то прежде всего было заявлено требование, чтобы закон о труде не распространялся на иностранные компании, так как последние имеют особые концессионные контракты с правительством, в которых условия труда уже предусмотрены. Разумеется, это требование, явно нарушающее интересы турецких предпринимателей, собранием принято не было. Вообще, происходившие на этом собрании дебаты чрезвычайно интересны в смысле выявления истинной природы молодой, только что добившейся власти турецкой буржуазии. Целый ряд статей закона вызвал резкие возражения: Предприниматели возражали против девятичасового рабочего дня (из 10 часов один час дается рабочим на отдых), утверждая, что девятичасовой рабочий день погубит молодую турецкую промышленность. Возражали они и против статьи 14-й, воз-

¹⁾ 10 сентября 1921 г.

лагающей на предпринимателя обязанность бесплатно лечить рабочих, а также ряд других обязанностей. И, наконец, возражали они и против такого, казалось бы, бесспорного положения, как запрещение труда детей до 10 лет, так как, по их словам, имеется „такая легкая работа, которую могут исполнять и дети до семи лет“¹⁾. В конце концов, после долгих прений окончательно были приняты следующие пожелания: сверхурочные работы должны оплачиваться не в двойном размере, как предусматривает проект, а на 50% больше нормальных; статья 10-я проекта должна быть изменена таким образом, чтобы срок предупреждения рабочих был вместо 15 дней (как предусматривает проект)—7 дней, и правило это должно применяться к рабочим, прослужившим не 3 месяца, а 6 месяцев; принимая пока статью 14-ю, выразить пожелание, чтобы правительство выработало закон о страховании рабочих от увечий; в статье о создании касс взаимопомощи уменьшить процент, взимаемый на их содержание как с рабочих, так и с работодателей с пяти до трех²⁾.

После этого четвертого мая состоялось заседание самой торговой палаты, рассмотревшей пожелания, высказанные турецкими предпринимателями и, само собой разумеется, не нашедшей против них никаких возражений. Пожелания эти были приняты безо всяких изменений, и было решено довести о них до сведения правительства, в качестве выражения мнения торговой палаты³⁾.

Что касается рабочих, то правительство, собственно говоря, не сочло нужным спросить их мнение о трудовом законе. На это указывает турецкая газета „Икдам“⁴⁾, заявляющая, что, поскольку рабочие не имеют своих представителей в меджлисе, их следовало бы спросить об их отношении к законопроекту, и именно вследствие того, что их не спросили, в законопроекте имеется целый ряд дефектов.

Вообще же, следует отметить, что турецкая пресса отнеслась к законопроекту довольно равнодушно и, кроме названной уже „Икдам“, почти не откликнулась на него (была одна—две статьи во всей прессе). Что касается „Икдам“, то она настолько заинтересовалась этим вопросом, что открыла даже на своих страницах анкету среди рабочих для выяснения их мнения о проекте с целью, как заявила газета „облегчить работу меджлиса“.

На эту анкету откликнулось множество рабочих, высказавших ряд весьма дельных и существенных соображений по поводу закона о труде. В основном отношение рабочих к проекту резко отрицательное. Так, например, один рабочий пишет, что этот проект во всех отношениях

1) Миллиет 5/V 1927 г.

2) Бюллетень Торгпредства в Турции, № 4, 1927 г. и Вахыт от 28/IV 1927 г.

3) Миллиет 5/V 1927 г.

4) В настоящее время единственная газета Турции, имеющая несколько оппозиционный характер.

хуже того, который был составлен в 1925 г. — он во всем направлен против интересов рабочих, и, если будет проведен в жизнь в таком виде, то даже изменит к худшему существующие условия труда в Турции¹⁾. Другой заявляет, что этот закон „позорит Турцию перед лицом цивилизованного мира“²⁾. Третий пишет: „Республика взяла у других народов целый ряд кодексов и законов — неужели же самый жизненный вопрос — вопрос о трудовом кодексе исчерпывается тремя строчками?“³⁾ Наконец, один рабочий заявляет, что законопроект „защищает не рабочих, а предпринимателей. Поэтому его было бы более правильно назвать не законом о труде, а приложением к закону о поощрении промышленности. Конечно, в качестве такового, новый закон поможет росту фабрик, накоплению капитала. Но положение рабочих он никак не улучшит“⁴⁾ и т. д., и т. д. Рабочие высказывают целый ряд пожеланий относительно изменению проекта. Основное из них, повторяющееся почти во всех анкетах или письмах — это введение 8-часового рабочего дня. Против 10-часового рабочего дня протестуют единогласно все рабочие. Далее, в целом ряде писем подчеркивается необходимость свободы профсоюзов, без чего закон не будет иметь никакого значения, так как только профсоюзы могут обеспечить его применение, высказывается требование введения обязательного празднования 1-го мая, оплаты рабочим праздничных дней (что из закона не вытекает), обеспечения рабочим отпусков (чего в Турции пока не существует), распространения закона на сельскохозяйственных рабочих, которые работают с восхода до захода солнца, и на предприятия с числом рабочих меньше 15, увеличения зарплаты, так как в настоящее время рабочий в среднем получает 100 — 150 пиастров в день, принятия в шахтах 6 — 7 часового рабочего дня и т. д., и т. д. Среди писем имеется письмо одной работницы с табачной фабрики, которая указывает, что законопроект 1925 г. содержал в себе несколько статей, специально охранявших женский труд и материнство, между тем как в новом проекте об этом нет ни слова.

Не ограничиваясь писанием писем, рабочие предприняли и более реальные шаги. Делегаты 14 рабочих организаций Константинополя устроили особые собрания 23, 25 и 29 апреля для рассмотрения законопроекта о труде. На последнем из этих собраний после длительной дискуссии были окончательно сформулированы пожелания рабочих, и было решено довести о них до сведения правительства. Эти пожелания заключаются в следующем: Закон о труде должен быть распространен на отношения между всеми рабочими и всеми работодателями. На сельскохозяйственных рабочих он также должен быть распространен. В связи

1) Икдам 21/IV

2) Икдам 24/IV.

3) Икдам 26/IV.

4) Икдам 24/IV.

с этим под рабочими следует понимать: „всех лиц, лишенных орудий производства и продающих индивидуальному капиталисту или компании только свою рабочую силу за ежедневную или месячную заработную плату“. В интересах национального благосостояния необходимо запретить наем на работу детей, не достигших 14 лет. В интересах повышения производительности труда, уменьшения безработицы, охраны здоровья турецкого пролетариата и всего народа, продолжительность рабочего времени в неделю не должна превышать 48 часов. Рабочему должен быть обеспечен в неделю 42 часовой непрерывный отдых. 1-е мая должно быть включено в число праздников. За сверхурочные работы вознаграждение должно уплачиваться в двойном размере. Семье рабочего, умершего вследствие несчастного случая на работе, должно выдаваться возмещение в размере не меньше 1000 лир. Закон должен озаботиться о повышении заработной платы рабочих. Во время болезни рабочего учреждение должно платить ему деньги на лечение. Необходимо увеличить вознаграждение за ночной труд. Необходимо урегулировать ограничения при найме и использовании женщин-работниц и т. д.

Меморандум, заключающий в себе это требование, был послан ВНСТ. Кроме того, было избрано три делегата для вручения копии этого меморандума представителю народной партии. Одна копия была послана непосредственно правительству¹⁾.

Трудовой закон должен был рассматриваться меджлисом до окончания последней его сессии. Об этом неоднократно говорилось и писалось; глава правительства Исмет паша официально известил об этом Амеле Теали Джемиети в ответной телеграмме, посланной этому последнему в октябре 1926 г. Еще в начале июня, посланный турецким правительством в качестве наблюдателя на международную конференцию труда в Женеве, созданную Бюро Труда при Лиге Наций, Шюкри Кайя бей (председатель комиссии меджлиса по иностранным делам), в ответ на приветственную речь председателя конференции, указавшего, что турецкое правительство в настоящее время разрабатывает свой первый трудовой кодекс, подтвердил это, заявив, что турецкое правительство чрезвычайно интересуется социальными реформами. Все это, казалось, указывало на то, что проект трудового закона станет законом еще до прекращения занятий меджлиса.

Однако, на деле оказалось иное. Меджлис, заседавший в течение последних недель ежедневно и рассмотревший огромное число законопроектов, снова не нашел времени заняться трудовым кодексом. Времени хватило на рассмотрение таких законов, как закон о поощрении промышленности, закон о страховых обществах и ряд других, но на трудовой закон его не осталось. Турецкое правительство этим еще раз показало,

¹⁾ Миллиет 30/IV 1927 г.

что стоящая у власти турецкая буржуазия мало склонна к урегулированию и облегчению положения рабочих.

Рассмотрение трудового закона, таким образом, снова откладывается на неопределенное время — во всяком случае не меньше, чем на полгода, так как вновь избранный меджлис соберется только первого ноября.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Турецкое правительство продолжает относиться к вопросу о рабочем законодательстве, как к чему-то весьма второстепенному и даже третьестепенному. Проект трудового закона — этого первого шага республиканского правительства в деле рабочего законодательства в известном смысле, является шагом назад, так как: он отменяет имевший принципиальное значение и гораздо более прогрессивный закон о гераклейских рабочих; он стоит во многих отношениях позади проекта трудового кодекса, выработанного в 1925 г.; под его действие не попадает основная масса турецкого пролетариата (ст. 2-я проекта), а что касается тех рабочих, на которых он распространяется, то в лучшем случае он зафиксирует те условия труда, которые и без него существуют сейчас в Турции, существенных же изменений в эти условия он, во всяком случае, не внесет.

Но если „прогрессивная“ Англия может в 1927 г., после десятилет существования в ней рабочего движения и трудового законодательства, успешно проводить через свой парламент реакционнейший закон о профсоюзах, то для отсталой Турции, с ее только что зародившейся туземной промышленностью и только что пришедшей к власти буржуазией, проектируемый ею трудовой закон не является уже столь большим прегрешением, и она во всяком случае может не чувствовать себя опозоренной перед лицом так наз. „цивилизованного мира“.

И. БОРОЗДИН.

Современная крымская республика.

Два года тому назад (в ноябре 1925 г.) торжественно отпраздновано было пятилетие советизации Крыма. С осени 1920 года начался новый период сложной и многообразной истории Крымского полуострова. Далекое не все части нашего Советского Союза могут соперничать с ним столь богатым и бурным историческим прошлым. И «припоминания дней минувших» иногда не бесполезны при характеристике сегодняшнего дня. Поэтому прежде чем приступить к обзору современного Крыма, я позволю себе вкратце остановиться на его прошлых судьбах в беге столетий.

Древнейшие следы существования человека на Крымской территории относятся к старо-каменному веку (находки в пещерах, особенно недавние примечательные открытия в пещере Киик-Коба). Последующие эпохи засвидетельствованы целым рядом памятников, обильно насыщающих крымскую почву. Здесь, на этой территории, происходили почти непрерывные столкновения культурных миров Запада и Востока. И в античную эпоху, и в средние века, и в новое и новейшее время Крым привлекал алчные взоры ведущих захватническую политику держав. Естественные богатства Крыма, его выгодное географическое и стратегическое положение старались всячески использовать и эксплуатировать. От времен античных держав-завоевательниц и до дней врангелевщины с ее антантовской подоплекой протягивались жадные щупальцы к врезавшемуся в море форпосту южных степей. Торговые пути нашего юга упираются в крымские гавани; а в древние времена через Крым тянулася крупнейшая караванная торговля, поставлявшая сырье как на Запад, так и на Восток. В греко-римскую эпоху играли

роль как города-колонии (Херсонес) с их торговым уклоном и чрезвычайно интенсивным хозяйством, так и своеобразные политические образования, где местные, так называемые, «варварские» элементы смешивались с греческим. (Боспорское царство с его столицей Пантикапеем — теперь Керчь). Большое значение имели также скифы, образовавшие на территории Тавриды ряд мелких иранизированных государств с особыми чертами степного феодализма, базирующегося на экстенсивном сельском хозяйстве и скотоводстве. Раннее средневековье шло под знаком преобладания Византии; но, с другой стороны, в эпоху, так наз. «великого переселения народов» в Крыму на время укрепляется власть готов (Мангуи), оставивших на последующие времена своих немногочисленных потомков. Вслед за тем начинается передвижение тюркских племен; великая хазарская держава, широко развернувшаяся, распространяет свою власть на Крым. Во второй половине средних веков ярко выявляется тяга на Черное море двух крупнейших итальянских торговых городов, Генуи и Венеции, ищущих новых рынков и основавших в Крыму ряд колоний и факторий (Феодосия, Судак и др.).

Ко второй половине XIII века относится появление теперешних обитателей Крымского полуострова — татар. Золотая Орда в эпоху больших завоеваний укрепилась в Крыму, основав здесь одну из своих столиц Солхат (Старый Крым), ныне подвергнутый археологическому обследованию. Ведя энергичную наступательную политику, татары скоро вытеснили или свели на нет других претендентов на крымские земли и вскоре после падения Золотой Орды образовали особое Крымское ханство, не очень долго просуществовавшее, однако, самостоятельно. После завоевания Константинополя турками и огромного размаха турецкой экспансии, Крымское ханство подпадает под верховенство Османской Порты, принимая активное участие в войнах и завоеваниях турецкой империи. XVI и XVII века ознаменованы почти непрерывной борьбой крымских ханов с московским царством и Польшей. В последующее столетие неоднократные русско-турецкие (и одновременно, разумеется, русско-татарские) войны приводят в конечном счете к полному ослаблению Крымского ханства и завоеванию его русскими (1783 г.).

С этого момента начинается новый период истории Крыма — русский. Хозяйничавший вплоть до революции 1917 года царизм хищнически и в то же время весьма элементарно эксплуатировал крымские богатства. Много земель перешло в руки царской фамилии или роздано было крупным помещикам. Туземному населению пришлось перенести все тяготы крепостнических порядков. Не освоившееся с новыми условиями татарское население, вдобавок нередко преследуемое, как «иностранцы», покидало насиженные места. Особенно известны две крупные татарские эмиграции: одна вскоре после завоевания Крыма, унесшая

значительную часть населения, ¹⁾ другая после Крымской кампании в период 1856—1862 г.г., когда выселилось в Турцию около двухсот тысяч душ ²⁾). Русское правительство пыталось возместить убыль путем заселения русскими, немецкими, болгарскими и другими колонистами. Но эта правительственная колонизация проводилась неумело и непланомерно.

Во второй половине истекшего столетия экономическое развитие Крыма быстрыми шагами пошло вперед. Проведены были шоссейные пути и железная дорога, учрежден в Феодосии коммерческий порт, интенсивно стали разрабатываться специальные культуры крымского хозяйства — табаководство, виноградарство, садоводство. Огромное значение стал приобретать Крым, как курорт и лечебное место. Этот экономический подъем Крыма отразился на его социальной структуре и росте общественности. Если в предшествующее время попытки протеста против царского режима, особенно у татарского населения, проявлялись в пассивной форме (массовые эмиграции в Турцию; кроме отмеченных выше — эмиграционные волны в 70-х годах XIX столетия и начала 1900-х годов) или, на крайний случай, в виде ухода в горы и разбоев (напр. популярная фигура Алима, крымского разбойника 40-х годов прошлого столетия), то с начала нового столетия в Крыму зарождаются революционные кружки — соц.-дем., соц.-рев. и др. Всем хорошо известна роль Крыма в 1905 г., когда Черноморский флот дважды поднимал революционное восстание (выступление броненосца «Потемкина», севастопольское восстание лейтенанта Шмидта). Революция 1905 г. всколыхнула и татарские круги. В эпоху реакции после первой революции Крым, ставший излюбленной царской резиденцией, усиленно очищался от всяких «подозрительных» элементов (подвиги знаменитого ялтинского градоначальника Думбадзе и т. п.).

Мировая война нашла своеобразные отзвуки в Крыму. Татарские националисты из рядов мелко-буржуазной интеллигенции, не порвавшей связей с зарубежными сородичами, мечтали об отделении Крыма от России и его возвращении под протекторат единоверной Оттоманской Империи. В период 1914—1916 г.г. велась усиленная агитация за необходимость объединения крымских татар в целях оказания помощи Турции, распространялись соответствующие прокламации, направляемые против русского правительства, оказывалась помощь

¹⁾ По свидетельству акад. Палласа, в Турцию переселились 80 тыс. душ (цифра 300 тысяч, приводимая Сумароковым, судьей Крымской племенной комиссии, маловероятна).

²⁾ По официальным данным, имевшим тенденцию к сокращению цифр, за период 1860—1862 г. выселилось 141.707 ч., из них 76.252 мужчин и 65.455 женщин (С. А. Усов Историко-экономическ. очерки Крыма, Симф., 1925, стр. 53.)

скрывавшимся турецким подданным и т. д.¹⁾ Но за то другая, правда, меньшая часть татарской интеллигенции придерживалась социалистических взглядов. Пропагандистскую работу в подполье вели русские партийцы. Февральская революция 1917 г. сразу поставила перед Крымом новые задачи. Теперь уже турецкая ориентация татарских националистов стала анахронизмом.

Как и повсюду, на первых порах февральская революция выдвинула земских и городских либералов кадетского толка; затем вкупе и влобе с ними стали фигурировать эсеры и меньшевики. Большевистские организации создались позже: так, 1 ноября 1917 г. состоялась первая губернская большевистская конференция. Октябрьская революция не сразу докатилась до Крыма; лишь 16 декабря в Севастополе, где сильнее всего были революционные традиции, образовался военно-революционный комитет, поведший самую энергичную борьбу с контрреволюцией. Одновременно в Симферополе собрались представители уцелевших буржуазных партий, составивших Совет народных представителей, и представители татарских кругов, образовавшие свой крымско-татарский парламент (курултай) и свое правительство — директорию. Большинство курултая состояло из мелко-буржуазных националистов с крайне расплывчатой электрической программой; социалистическая фракция была немногочисленна. Страх перед большевизмом толкнул курултай и об'ятия реакции, и, несмотря на ненависть татар к кадетам, между Советом народных представителей и курултаем был заключен своего рода анти-большевистский блок. Лидер татар-националистов Сейдамет получил диктаторские полномочия, опираясь на отряды офицеров и юнкеров. Между Севастополем и Симферополем развернулись военные действия, в результате которых белогвардейские войска были смяты. 14 января Симферополь был взят, и была установлена советская власть (так наз. «Первая Республика Тавриды»).

Вновь образовавшемуся военно-революционному комитету пришлось работать в исключительно тяжелых условиях, в атмосфере вражды и недоверия. Сложный и запутанный национальный вопрос не мог быть сразу разрешен в тогдашних крымских условиях. Татарское националистическое движение ушло в подполье. Против советской власти велась широкая пропаганда; темная татарская масса слепо шла за националистами и, не умея еще отличить друзей от врагов, была настроена анти-большевистски.

Таврическая Советская республика просуществовала недолго. Через три месяца (в апреле) германские войска, вторгшиеся в Крым, захватили столицу республики — Симферополь; вслед за иноземными оккупантами потянулась и вся уцелевшая белогвардейщина. В Алуште

¹⁾ В. Елагин. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы («Новый Восток», № 5, стр. 191—192).

местное татарское население, соответствующим образом распропагандированное, восстало против советской власти. Ряд советских работников во главе с председателем совнаркома тов. Слуцким, направлявшихся в Феодосию, был захвачен повстанцами и расстрелян. Снова возгорелась ожесточенная борьба, так как явившийся на выручку комиссаров отряд матросов из Севастополя круто расправился с алушскими повстанцами. Между тем в Симферополе происходила комедия обманов. Снова собравшийся курултай, раздираемый внутривластной борьбой, никак не мог сторговаться с германским главным командованием. Было образовано явно белогвардейское правительство с генералом Сулькевичем (а затем кадетским лидером Соломоном Крымом) во главе и с Сейдаметом, успевшим побывать в бегах в Константинополе и вернуться обратно, в качестве министра иностранных дел. Новое правительство под эгидой своих немецких патронов повело самую реакционную политику, менее всего претендующую на какое-либо хоть мало-мальски справедливое решение национального вопроса. Только тут татарские националисты стали понимать, что от их мечтаний и иллюзий осталось пустое место. Тогда крымско-татарский национальный совет, состоявший из представителей крайне правых, шовинистически настроенных кругов не нашел ничего лучшего, как обратиться с позорнейшей декларацией к германскому правительству, в которой почтительнейше ходатайствовал об образовании независимого крымского ханства. Но эта униженная петиция была не ко времени, так как Вильгельму Готенцолмерну, у которого валилась собственная корона с головы, было уже не до образования различных ханств. Но это выступление правых националистов, явно предававших дело народного освобождения, заставило социалистическую фракцию курултая выступить из рядов продажного парламента и указало подлинным татарским революционерам единственный правильный путь спасения. Ушедшие в подполье татарские левые должны были связаться с большевиками. ¹⁾

В 1919 г. под новым напором Красной армии белое правительство было свергнуто, и наступил опять-таки краткий период второй советской республики, просуществовавшей до июня месяца, когда вновь одержала верх контр-революция. Началась столь памятная эпоха самой черной и разнузданной реакции—врангелевщина. Теперь уже передовые татарские круги, да и постепенно пробуждавшаяся татарская масса стали отчетливо понимать, кто же является другом и кто врагом.

12-го ноября 1920 г. мощным ударом Красной армии, блистательно разрушившей все преграды, был захвачен Перекоп, и господству белых был положен конец. Теперь уже советская власть прочно обосновалась

¹⁾ Кроме цитированной выше статьи Елагина, см. воспоминания и материалы в сборниках Истпарта «Революция в Крыму» (статьи Благовецкого, Гавена, Гелиса, Констансова, Поплавского Семенова, Урановского, Фирдеса и др.).

в Крыму. На долю Крымревкома и затем сменивших его (в 1921 г.) выборных органов республики — Крымцика и Крымсовнаркома, выпала огромная и нелегкая задача по восстановлению разрушенного края и его советизации. В первую очередь надо было ликвидировать остатки белогвардейских банд и с корнем уничтожить широко развившиеся бандитизм и хулиганство. Восстановление нормальной жизни Крыма было задержано страшным стихийствием бедствием-голодом 1921 года, достигшим небывалых размеров. Достаточно припомнить, что Крым потерял 20% своего населения и до 2/3 крупного рогатого скота. Молодой республике пришлось проявить колоссальную энергию, максимальное напряжение сил. И за короткий, сравнительно, период удалось достигнуть многих положительных результатов.

В дальнейшем я хотел бы охарактеризовать главнейшие моменты хозяйственного и культурного строительства Крымреспублики, пользуясь как уже опубликованными за последнее время материалами ¹⁾, так и своими личными наблюдениями и впечатлениями за время моих неоднократных (ежегодных с 1923 года) посещений Крыма.

Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика территориально совпадает с Крымским полуостровом. Крым занимает 2.360.425,4 десятин или 22.247,2 кв. версты; с материком он соединяется Перекопским перешейком (5—7 верст ширины). По последним статистическим данным (по исчислению отдела демографической статистики Крымского Ц. С. У.) вероятное население Крыма на первое января 1926 года равнялось 624.400 душ обоего пола. По переписи 1897 года в Крыму было 523.335 душ обоего пола, по переписи 1921 года — 719.531 душ; для 1923 года вероятная численность установлена была в 569.500 душ. ²⁾ Следовательно, за время с 1897 г. по 1921 замечался постепенный рост населения с общим результатом увеличения на 37,5%

¹⁾ Юбилейный сборник „Весь Крым“ (1920—1925 г.). Изд. Крымцика. Симф. 1926 г. „Четыре года соввласти в Крыму (1920—1924 г.)“. Изд. Крымцика и Крымсовнаркома Симф. 1924 г. Сборник отчетов Крымского Рев. Комитета Первому Всекрымскому Учредит. Съезду Советов. Рабоч., Крестьян. Красноармейских и Матр. депутатов. Изд. Крымревкома. Симф. 1921 г. Отчеты Совета Нар. Комиссаров Крыма Второму Всекрымскому Съезду Советов. Вып. 1 и 2. Симф. 1922 г. Бюллетень Крымского Центр. Стат. Управ. №№ 1—5. Симф. 1923—1925 г. Движение населения в Крымской Авт. Сов. Соц. Республике в 1925 г. Симф. 1925 г. Статистико-экономический атлас Крыма. Симф. 1922 г. Труды I Всеукраинского Съезда земработников. Симф. 1924 г. Кущенко—Сельское хозяйство Крыма и его баланс. Симф. 1924 г. С. А. Усов—Историко-экономические очерки Крыма. Симф. 1925 г. Народное хозяйство Крыма за 1925—1926 г. (конъюнктурный обзор). Изд. Крымплана. Симф. 1927 г. Б. Шустов—Крымская АССР. М. 1927 г. Галич—Состояние народного просвещения в Крыму. Симф. 1925 г. „Путеводители по Крыму Крымохриса 1925 г.) и Общ. естествоиспытателей (1923 г.); статьи в журналах „Новый Восток“, „Крым“, „Педаг. Жизнь Крыма“, „Пути Коммунистического Просвещения“ и в газете „Красный Крым“.

²⁾ „Весь Крым“. Статья Б. Вологодина. Стр. 37.

за 24 года. Под влиянием ужасного голода 1921—1922 происходит падение численности населения (сокращение на 21%). Число умерших в Крыму за это голодное время достигло внушительной цифры 100—110 тысяч. Кроме того, выехало за пределы Крымской территории около 50 тысяч человек. Теперь, как мы увидим по новейшим данным, происходит восстановительный процесс.

В Крыму, в настоящее время, женщины преобладают над мужчинами. Всего на территории Крыма мужчин — 301.000 (48,3%), а женщин — 322.800 (51,7%). Что касается до распределения населения между городом и деревней, то в 14 городах Крыма живет 267.100 жителей (42,9%), в селениях же 10 районов — 357.300 жителей (57,1%). Крым является в достаточной степени урбанизованным, резко отличаясь в этом отношении, напр., от Татарской Республики, где 92% населения проживает в селениях и лишь 8% живет в городах. ¹⁾ Наиболее крупное число обитателей насчитывает столица республики Симферополь (77.000), за ним следует Севастополь (64.900), далее Керчь (27.600); с наименьшим населением — небольшие городки Алушка и Балаклава (по 1.600) и Алушта (1.500). Точно также далеко не равномерно распределено население по районам. От 60.500 в Симферопольском районе или 50.700 в Джанкойском число жителей падает до 16.000 в Севастопольском районе и 15.600 в Евпаторийском и Судакском районах. Средняя плотность сельского населения в Крымской Республике равняется всего 15,8 чел. на 1 кв. версту.

Возрастной состав населения представляется соответствующими данным в следующей таблице (в процентах).

0—4 г.	5—7 л.	8—11 л.	12—14 л.	15—19 л.	20—59 л.	60 и более
10,3	7,5	10,4	8,4	10,0	17,6	5,8

Переходя теперь к этническому составу населения Тавриды, приходится отметить его значительную нестрогу и разнообразие. Здесь огромную роль сыграли и географическое положение и исторические условия (с целым рядом многовековых этнических напластований) и колонизационные мероприятия русского правительства. Если не говорить о совсем мелких национальных образованиях (менее 500 душ), то в Крыму можно насчитать 19 национальных групп. Вот какова численность главнейших из них в тысячах душ ²⁾ (См. след. стр.).

Интересно отметить, что в то время, как великороссы, украинцы и белорусы почти равномерно распределяются между городом и селениями, татары в своем огромном большинстве обитают в селениях (из каждой сотни татар на город приходится 19 человек, а на селения 81). Что

¹⁾ И. Бороздин. Современный Татарстан („Новый Восток“, № 10—11, стр. 117).

²⁾ Весь Крым, стр. 39.

	Русские	Татары	Евреи	Немцы	Греки	Армяне	Караимы	Болгары	Прочие
Города	161,3	30,2	38,7	3,7	12,5	7,2	4,3	1,3	7,9
Селения	160,3	134,0	1,3	34,4	8,7	3,4	0,1	9,3	5,8
Города и селения . . .	321,6	164,2	40,0	38,1	21,2	10,6	4,4	10,6	13,7

касается до евреев, греков, армян и караимов, то это, по преимуществу, жители городов. За то немцы-колонисты и болгары живут в селениях.

Чтобы покончить с общими статистическими данными по крымскому населению, приведем данные относительно грамотности. Разбивая всю массу населения на три группы: грамотных (умеющие читать и писать), полуграмотных (умеющие только читать, но не умеющие писать) и неграмотных и исключив все население моложе 8 лет, можно представить следующую сводку ¹⁾:

	Города			Селения			Города и селения.		
	М.	Ж.	Об. п.	М.	Ж.	Об. п.	М.	Ж.	Об. п.
Грамотных	75,0	61,0	67,2	58,2	46,2	52,3	66,0	56,1	61,5
Полуграмотных	2,7	2,7	2,7	2,2	4,0	3,0	2,4	3,3	2,9
Неграмотных	22,3	36,3	30,1	39,6	49,8	44,7	31,6	40,9	35,6
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Переходя к отдельным национальностям, приходится отметить, что наивысший процент грамотности (91%) ²⁾ отличает немцев. У русского населения процент грамотных равен 71 (для мужчин — 79, для женщин — 65). У татар грамотных всего 39% (для мужчин 43%, для женщин — 34). Этот низкий процент — наследие отживших времен, теперь, — в условиях быстро развивающейся татарской общественности, будет быстро скорректирован.

В экономике Крыма основную роль играет сельское хозяйство ³⁾. В зависимости от тех или иных условий развития сельского хозяйства или его изменений стоит вся народно-хозяйственная жизнь Крымской

¹⁾ Там же, стр. 48.

²⁾ Данные приводятся из расчета населения свыше 7 лет.

³⁾ Общая характеристика сельского хозяйства Крыма дана в статье Г. А. Куценко (Сборник „Весь Крым“, стр. 65—101). См. новейшие цифровые данные в изд. Крымплана. Народное хозяйство Крыма за 1925—1926 г. Конъюнктурный обзор Симф. 1927 г.

АССР. Достаточно припомнить, какой сокрушительный удар молодой республике был нанесен голодом 1921 года.

Сельское хозяйство Крыма отличается значительным разнообразием. В зависимости от почвенных, климатических и других условий выдвигаются те или иные виды сельско-хозяйственных культур. В степной части Крыма, занимающей $\frac{3}{4}$ его поверхности, широко развито полеводство и животноводство; в предгорном Крыму наряду с полеводством распространено садоводство, огородничество, табаководство, в горном Крыму и на Южном побережье преимущественно развито виноградарство и табаководство, отчасти садоводство.

При наличии специальных культур, заметно отличающих Крым от других частей СССР, все же основу крымского сельского хозяйства составляют полеводство, животноводство, на долю которых приходится около 80% всей валовой доходности сельского хозяйства.

Полевое хозяйство Крыма отличается экстенсивностью, что является наследием (лишь ныне постепенно изживаемым) хозяйничания эпохи наризма. Ведь на долю частного землевладения накануне революции приходилось свыше $1\frac{1}{2}$ миллиона десятин, т.е. около $\frac{2}{3}$ всей площади. На надельном праве у крестьян было менее $\frac{1}{5}$. Из 64.945 крестьянских хозяйств Крыма (из переписи 1917 года) только 39.500 хозяйств имело собственную землю; 40% хозяйств лишено было земельной собственности. Это приводило к тому, что безземельное население выделило арендаторов и батраков для частно-владельческих экономий. «Кабальные условия крымской аренды — говорит Г. Куценко — значительное ее развитие, парализуя хозяйственную свободу крестьянина и отнимая у него уверенность в завтрашнем дне, наряду с слабой капитализацией частного землепользования, и являлись главным тормозом на пути интенсификации полеводства, довольствовавшегося обычно лишь производством зерна на экспорт»¹⁾.

Перед революцией в Крыму насчитывалось около $\frac{1}{4}$ крестьянских хозяйств без всякого скота, $\frac{1}{5}$ не имела рабочего скота, 53% хозяйств было безинвентарных, 54,8% беспосевных и 43% прибегало к сторонним внеземледельческим промыслам.

Теперь на долю единоличных крестьянских хозяйств приходится около $\frac{9}{10}$ всех посевов; в государственных трестированных советских хозяйствах занято 11.121 десят., остальная же часть посева приходится на долю колхозов (около 18.000 десятин) и нетрестированных совхозов.

Новые благоприятные для крестьянства условия хозяйства дают себя ощутительно знать лишь за последние два года, т.к. быстрый восстановительный процесс (с 1920 года) был резко подорван разразившимся голодом. Благодаря засухе лета 1921 года, сгубившей посевы на площади

¹⁾ Г. Куценко. Цит. ст., стр. 67.

в 250.000 десятин, в Крыму развернулась невероятная голодовка, отразившаяся на всех сторонах хозяйственной жизни. Достаточно красноречивыми будут сравнения данных 1922 г. с соответствующими данными 1916 г. (в процентах): 1) по полеводству и животноводству: 24% площади посева, 20,7% сбора 6 главных хлебов, 25,4% валового сбора зерна на едока, 36,1% рабочих лошадей, 36% рабочих волов, 78,4% коров, 62,4% овец и 10,4% свиней; 2) по специальным культурам: 70,8% садов, 9,3% валового урожая фруктов, 80,3% площади и виноградников, 25,5% валового урожая винограда, 14,2% площади табачных плантаций и 10,5% валового урожая табаку¹⁾.

После такого колоссального урона нужны были несколько благоприятных лет, чтобы сельское хозяйство могло оправиться. 1924 год, особенно 1925 с блестящим урожаем, и 1926 год—в общем были удачны. Напряженная работа всех заинтересованных кругов населения Крым-республики дала возможность довольно скоро ликвидировать последствия катастрофы и даже перейти к дальнейшему восстановлению и развитию хозяйства. Посевная площадь быстро растет, достигнув в 1925—1926 г. уже 72,2% площади 1916 года.

Настоящая таблица дает представление о посевных площадях главных хлебов Крымской АССР²⁾.

(Вся посевная площадь в тысячах десятин).

КУЛЬТУРЫ	1916 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Пшеница озимая	382,2	169,6	204,4	294,9
Рожь	8,7	29,9	15,0	9,9
Ячмень озимый	—	13,9	26,5	34,3
Итого озимых	390,9	213,4	242,9	339,5
Пшеница яровая	2,3	1,7	1,5	1,7
Ячмень яровой	248,1	87,1	104,2	144,5
Овес	105,6	47,8	51,0	79,6
Кукуруза	7,0	18,1	27,1	17,4
Просо	1,5	4,2	2,6	1,3
Итого яровых без льна	364,5	158,9	186,4	243,9
Всего зернофуража	755,4	372,3	429,3	583,4
Лен (маслосемена)	7,6	2,6	3,6	4,0

¹⁾ Сб. „Весь Крым“. Статья Вели Ибраимова“, стр. VI.

²⁾ Народное хозяйство Крыма за 1925—1926 г., стр. 122—123.

Здесь мы видим, как сократилась площадь посевов в 1923 — 24 году и как она постепенно восстанавливалась в последующие годы. Любопытно отметить, что под влиянием неурожая население усилило посевы ржи, кукурузы и проса за счет пшеницы и ячменя. В 1925 — 1926 г.г. пшеница и ячмень вновь занимают подобающее место, но и засухоустойчивые культуры, повидимому, прочно внедрились в Крыму.

Специальные или трудоемкие культуры также играют немало важную роль в народном хозяйстве Крыма. Но этим культурам пришлось пережить еще большие испытания. Империалистическая, а затем и гражданская война сильно подкосили и виноделие, и табаководство, и садоводство. Голодные годы также дали себя существенно знать. Вот таблица, характеризующая площади и валовой сбор специальных культур¹⁾.

КУЛЬТУРЫ.	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
С а д ы				
Площадь (десят.)	12.713	8.700	8.700	8.700
Сбор (тыс. пуд.)	3.220	1.300	1.480	2.610
Виноградники				
Площадь (дес.)	7.469	5.793	5.858	5.858
Сбор (тыс. пуд.)	1.100	1.100	1.096	1.200
Табачн. плант.				
Площадь (дес.)	3.267	3.155	3.905	4.281
Сбор (тыс. пуд.)	200	155	275	295
О г о р о д ы				
Площадь (дес.)	Свед.	Около 4.500	6.265	6.265
Сбор (тыс. пуд.)	нет.	Около 1.400	4.981	4.667

Здесь интересно отметить, что в то время, как площадь табачных плантаций и сбор табака превысили довоенный уровень, садовые и виноградные площади и их продукция остаются почти неподвижными за последние три года. Это объясняется, конечно, тем, что культуры виноградные и садовые — культуры многолетние, требующие значительного времени для достижения плодоносящего возраста. Кроме того, здесь особенную роль играют всякого рода усовершенствования и интенсификация. В противном случае, может грозить сокращение временно стабилизированных площадей.

¹⁾ Там же, стр. 9.

Как мы уже отмечали выше, на ряду с полеводством, важное значение имеет и животноводство. Вот цифровые данные о количестве скота в Крымской АССР за последние три года по сравнению с 1916 г. ¹⁾ (В тысячах голов).

ВИДЫ СКОТА	1916 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Лошади	192,6	49,4	75,3	93,7
Крупный рогатый скот (волы, быки, коровы и др.)	203,1	171,3	254,4	304,4
Овец всех	690,7	488,9	648,3	704,1
Коз всех	19,4	31,5	37,4	39,7
Свиней	83,5	35,5	41,3	45,5

Здесь мы опять видим, как голод скопил рабочий скот, в дальнейшем постепенно восстанавливаемый. Но отрадно отметить, что крупный рогатый скот (молодняк), овцы и козы уже превышают довоенный уровень.

Сельское хозяйство Крыма, довольно быстро восстанавливающие силы после голодных лет, имеет тенденцию к дальнейшему развитию. Здесь, конечно, должны сыграть роль как урегулирование земельных отношений, так и всякого рода мелиоративные начинания. Основной задачей землеустроительных работ в Крыму является наделение землей малоземельных крестьян предгорной и горной частей Крыма путем переселения в степную часть. Эти чрезвычайно важные мероприятия, тормозящиеся из-за недостатка средств, все-же неукоснительно проводятся в жизнь и должны привести к существенным результатам. Междуселенное землеустройство в значительной мере изменило картину распределения земли между национальностями. Татары, например, повысили свою обеспеченность землей с 11 до 21 десятины на двор. Теперь положено начало внутри-крымскому расселению и переселению. За первую половину 1926 года было расселено 2.761 двор. Большинство из них падает на татар горных районов ²⁾. Извне в Крым вселены еврей-колонисты, получившие земли в степной части. В деле улучшения сельского хозяйства принимаются различные меры, не охватывающие,

¹⁾ Там же, стр. 122—123.

²⁾ Э. Шугу. Национальное строительство в Крыму („Красный Крым“ 1927 г. от 30 марта).

однако, пока всех отраслей. В центре внимания стоит полеводство. Здесь успешно проводится тракторизация степных хозяйств, учреждена опытная полеводческая станция, в совхозах созданы образцовые показательные хозяйства и т. д. Несомненно, что на ряду с полеводством надо подумать и о мелиорации виноградных и садовых культур. Точно также и культура табака, несмотря на увеличение посевной площади, сильно падает в качестве. Здесь должны быть приняты соответствующие меры. В заключение данных о сельском хозяйстве Крыма, упомянем о сельско-хозяйственной кооперации. «К концу 1925 года, — говорит в своей статье тов. Вели Ибраимов, — с.-х. кооперация была представлена в лице 81 сельско-хозяйственного кредитного товарищества, до 500 колхозов с 36.689 членами с.-х. т-в и с оборотом в 12 милл. рублей. Уже охватывая 47% всех крестьянских хозяйств и вовлекши в свой оборот значительную часть бюджета крестьянских хозяйств, сельско-хозяйственная кооперация представляет серьезную силу в сельско-хозяйственной жизни Крыма и является мощным орудием для проведения в крестьянских хозяйствах начал коллективизма и социализма»¹⁾.

От сельского хозяйства²⁾ перейду теперь к общей характеристике крымской промышленности³⁾. Несмотря на обильные природные богатства, которыми судьба поистине не обделила Крым, использующая их промышленность находится далеко не на достаточной высоте. Здесь, как и во многом другом, приходится считаться с наследием прежнего хозяйничания. В эпоху царизма в Крыму велась достаточно хищническая эксплуатационная политика, мало уходившая вглубь и довольствовавшаяся снятием пенек с достаточно обильной сельско-хозяйственной продукции. Добывающая промышленность не была развернута во всем возможном масштабе; то же приходится сказать и об обрабатываемой промышленности, также мало, в общем, развитой. Ясно, что годы гражданской войны и последующие голода ослабили и без того несильную промышленность Крыма. И за последнее время пришлось нашей республике проделать немалую работу, чтобы и здесь заняться восстановительным процессом.

В области добывающей промышленности, главными природными богатствами Крыма являются: поваренная соль, руда (железная), минералы (сера, уголь, нефть), строительные материалы (камни, трасс, глина). Более других эксплуатировалась соль, добыча которой в прежнее время простиралась от обычных 18—20 миллионов пудов до 20—27 миллионов в год. В настоящее время продукция сильно сократилась из-за сокращения сбыта. Эксплоатация металлических руд, главное,

1) Сб. „Весь Крым“, стр. XIV — XV.

2) Отмечу еще, что в хозяйственной жизни Крыма играет роль рыболовство, не развившее еще всех своих возможностей.

3) Новые данные в цит. сб. „Весь Крым“ и „Нар. Хоз. Крыма за 1925—1926 г.г.“

железной руды находилась в довольно зачаточном состоянии. К 1917 году и эта выработка прекратилась. Ныне пускается в работу Керченский металлургический завод, что, конечно, в ближайшем времени изменит имеющуюся налицо плачевную картину. Мало совсем использованы уголь и нефть. Добыча последней ведется кустарным способом. Сера и трасс почти также еще недостаточно использованы. Все это — дело будущего.

Что касается до обрабатывающей промышленности, то она базируется на местном сырье, что тесно увязывает ее с продукцией сельского хозяйства. К числу основных видов обрабатываемой промышленности принадлежат: мукомольная, табачная, консервная, кожевенная, химическая.

По сравнению с довоенным временем промышленность еще сильно хромает. Вот характерные данные продукции 1925—26 г. в их параллели с данными 1913 года ¹⁾.

ОТРАСЛИ ЦЕНЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	Валовая продукция в тысячах довоенных рублей по отпускным ценам без акциза		1925—26 в % ⁰ к 1913
	1913 г.	1925/26 г.	
1. Табачная	9.772	5.211	53,3
2. Мукомольная	12.000	5.658	47,2
3. Консервная	2.102	1.906	90,7
4. Кожевенная	100	1.317	1.317,0
5. Винокуренная	1.630	797	48,9
6. Пивоваренная	67	28	41,8
7. Добывание и обработка мин.	800	122	15,3
8. Горная и горнозав. (без соляной)	7.000	2	—
9. Соляная	1.400	654	46,7
10. Металлообрабатывающая	8.781	1.434	16,3
11. Обработка дерева	500	102	20,4
12. Полиграфическая	700	526	75,2
13. Электростанции и водоснабжение	600	1.427	238,0
14. Швейная	—	584	—
15. Научно-художественная	—	347	—
16. Обработка кости	—	153	—
17. Обработка пеньки	—	11	—
18. Химическая	—	210	—
19. Хлебопечение	—	311	—
Итого	45.452	20.800	45,5

Мы видим, что валовая продукция всей крупной промышленности Крыма в 1925—1926 г. составляла только 45,5% продукции 1913 г. Правда, основная разница падает на металлообрабатывающую и горную промышленность, наиболее резко понизившиеся. Ближе подошли к довоенному уровню консервная промышленность (90,7%) и промышлен-

¹⁾ „Народное Хозяйство Крыма за 1925/26 г.“, стр. 38.

ность полиграфическая (75,2%). Значительно превысили цифры 1913 г. кожевенная промышленность и электростанция. Возникли также новые виды обрабатывающей промышленности, ранее не практиковавшиеся.

Но если еще промышленность догоняет довоенный уровень, то продвижения ее в этом направлении весьма активны и осязательны. Так, прирост продукции в 1925—1926 г. по отношению к 1924—1925, выросился в + 46,9%. Различные намеченные усовершенствования, восстановление работ ряда заводов, откроют дальнейшие пути развития крымской промышленности.

Госпромышленность занимает доминирующее положение, затем идет кустарно-ремесленная промышленность; на долю частной промышленности приходится всего на всего—7% госпромышленности.

Торговля Крыма питается по преимуществу привозимыми товарами. Торговые операции производятся соответствующими аппаратами государственной, кооперативной и частной торговли. Последние годы отмечены ростом госторговли и кооперации за счет частной торговли. Это замечается повсеместно: и в городе и в деревне. Вот процентное соотношение торговых оборотов в городе в первое полугодие 1923—1924 г.г.: госторговля—28, кооперация—11, частная торговля—61; в первое полугодие 1924—1925 г.г.: госторговля—38, кооперация—27, частная торговля—35. В селе соотношения рисуются в следующем виде: в первое полугодие 1923—1924 г.г.: госторговля—19, кооперация—24, частная торговля—57; во второе полугодие 1924—1925 г.г.: госторговля—19, кооперация—55, частная торговля—26¹⁾.

В отношении финансов Крымреспублике приходилось очень туго; она все время настоятельно нуждалась в субсидировании центра. Последние годы, давшие выпрямление экономической кривой, начинают постепенно восстанавливать бюджет. Так, в 1925—1926 г.г. общий итог доходов местного бюджета составил 15.813 тыс. рублей против 10.992 тысяч руб. 1924—1925 г.

Приведенные мною данные по экономике Крыма наглядно свидетельствуют о том, что молодая республика, принявшая тяжелое наследие и преодолевшая катастрофические бедствия, неуклонно стремится к восстановлению своих народно-хозяйственных сил. Немало уже сделано, но многое еще остается сделать впереди. Надо, ведь, не только догнать довоенный уровень, но и его перегнать. Естественные ресурсы Крыма настойчиво требуют более интенсивного и более рационального их использования.

Переходя теперь к вопросам культурного строительства Крымреспублики, остановимся прежде всего, на положении народного образования. Во времена царизма Крым далеко не блистал в отношении

1) Весь Крым, стр. XVII.

просвещения, особенно, так называемого, «инородческого» населения. Здесь теперь пришлось проделать большую работу, не редко подымая целину. Цифровые данные часто являются самой показательной иллюстрацией. Вот что рисуют данные 1925 г. по сравнению с 1914 г. В 1925 г. сеть просвещения охватывала 1.572 учреждения; из них на соцвос приходилось—946, на профобр—29, на политпросвет—597. Всеми этими учреждениями обслуживались 84.917 человек, что по отношению ко всему населению Крыма составляет 13,8%. В 1914 году в Крыму находилось 724 школы, 18 проф. школ и 22 учреждения внешкольного образования, а всего 764 учреждения, обслуживавших 48.000 человек (7%). Таким образом, количество просветительных учреждений возросло на 100%, равно как удвоился и процент обслуживания населения ¹⁾.

Детализируя эти данные, следует отметить, что в 1925 г. насчитывалось 797 школ 1 ступени ²⁾ и 52 школы 2 ступени. При этом на города Крыма приходилось 102 школы 1 ступени и 40 школ 2 ступени; в сельских же местностях было 695 школ 1 ступени и 10 школ 2 ступени. Значительно усилилось женское образование. В довоенное время из общего количества учащихся мальчиков было 58,2%, а девочек—41,8%; теперь же мальчиков насчитывается 52,8%, а девочек—47,2%. Наиболее же ярко это сказалось в области татарского народного образования. В 1914 году в госшколах Крыма мальчиков-татар было 82,4%, а девочек-татарок—17,6%; зато в 1925 году мальчиков было 55,1%, а девочек—44,9%.

Вообще, в области национальной, школа потерпела коренную ломку. Царизм менее всего был заинтересован в каком-либо культурном подъеме нацменьшинств. Казенные школы являлись орудиями руссификации. С другой стороны, в мусульманских школах чисто средневекового типа велось преподавание по старинке, согласно всем правилам мертвящей схоластики и религиозной доктрины. Советская власть подлинным образом раскрепостила школу, открыв широко ее двери для прежде угнетенных национальностей ³⁾.

Отмеченные выше 797 школ включали в себе: 261 русскую школу (32,7%), 348 татарских (43,7%), 139 немецких школ (17,4%) и 49 школ прочих национальностей (6,2%). Количество учащихся по национальностям представлялось в следующем виде: русских—22.559 (44,5%), татар—17.602 (38,1%), немцев—4.943 (10,7%) и прочих—3.167 (6,7%) ⁴⁾.

В сфере профессионального образования Крымреспублика, по данным 1925, насчитывала: по педагогическому образованию—2 пед. техни-

¹⁾ Сб. „Весь Крым“ (статья Зорина и Волгина), стр. 422.

²⁾ Данные 1927 г. говорят уже о 880 школах I-ой ступени.

³⁾ См. интересные данные в статье М. П. Павловича — „Культурные достижения тюрко-татарских народов после Октябрьской революции.“ („Новый Восток“ № 12).

⁴⁾ Балич. Состояние народного просвещения в Крыму (Отд. оттиск из журнала „Педагогическая Жизнь Крыма“, 1925 г., стр. 6).

кума, по сельско-хозяйственному—2 техникума и 2 проф. школы, по медицинскому—2 техникума, по пром.-экономическому—3 техникума, по индустриально-техническому—10 профшкол, по рабочему—1 рабфак, 2 фабзавуча и 1 школу бригадного ученичества, по худож.-музыкальному—3 техникума и 3 профшколы. Наибольшее количество учащихся в техникумах (28%) падает на медицинское образование, на втором месте стоит педагогическое образование (22,6%), далее следуют художественное образование, промышленно-экономическое и сельско-хозяйственное. Что касается до низшего профессионального образования (проф. школы различного рода), то наибольшее количество учащихся (58,3%) падает на индустриально-техническое образование; на втором месте стоит сельско-хозяйственное образование. По национальному составу учащихся насчитывалось в учебных заведениях профобра: великороссов — 45,1%, украинцев — 10,5%, татар — 19,5%, евреев — 18,1%, греков — 1,3%, немцев — 0,5%, прочих — 5%. И в области проф. образования четко проводится стремление широко привлечь в школы татарское население и нац. меньшинства. Из специальных проф. средних и низших школ, предназначенных для обслуживания татар, отметим крымский татарский педтехникум, бахчисарайский художественно-промышленный техникум, имеющий целью поддержать и развить старинное татарское национальное искусство в области ткацко-ковровой, вышивальной и т. д., татарскую фельдшерско-акушерскую школу для медицинского обслуживания татарской деревни, Карасубазарскую и Картобийскую сельско-хозяйственные школы, и т. д.

С высшим образованием в Крыму дело обстоит неважно. Таврический университет просуществовал недолго, уступив место Педагогическому институту. Медицинский факультет замолк; о восстановлении его тщетно хлопочут заинтересованные местные круги. От времени до времени под угрозой становится восточный отдел Педагогического института. Между тем, ясно, что подготовка восточников-практиков во всекрымском масштабе необходима. Желательно лишь, чтобы бесконечной смене учебных планов и программ был положен конец. Все эти трансформации тормозят работу ВУЗ'а, имеющего все основания к дальнейшему развитию.

В области политпросветработы наркомпрес тов. Балич приводит следующие данные, относящиеся к 1925 г.: ликпунктов 240 и, кроме того, 123 группы с общим количеством учащихся 7.455, из коих татар 3.119; изб-читален—120, из них русских—67, татарских—4, немецких—6, смешанных—3; библиотек: городских—24, районных—6, фондов. передвижных библиотек—9; клубов—85; из них партийных—9, ВЛКСМ—14, профессиональных—48, политпросвета—10, национальных—4. Школы малограмотных функционируют только в городах,

а в деревнях организованы группы малограмотных, при чем, всего по Крыму функционирует 52 группы, в которых обучается 700 человек ¹⁾).

При характеристике культурно-общественного строительства Крым-республики, остановимся на развитии печати и положении издательского дела. Последнее сосредоточено, по преимуществу, в руках Крымгосиздата, более прочно становящегося на ноги. На первую очередь поставлено удовлетворение запросов коренного татарского населения. На смену прежней прешарированной для «просвещения инородцев» и в огромном большинстве религиозной литературы появилась и стала завоевывать себе место книжка по политическим и научно-популярным вопросам. Крымгосиздат заметно растет. Достаточно указать, что только в 1925 г. издано было на татарском языке:

Крестьянская библиотека	Назван.	23 экз.	140.000
Юношеская библиотека	„	14 „	120.000
Учебники	„	10 „	54.000

Кроме того, на русском языке издано до 26 названий при 894 тысячах экземпляров. Принимаются меры к продвижению книги в деревню.

Периодическая печать представлена тремя ежедневными русскими газетами («Красный Крым», выходящий в Симферополе и дающий наиболее полный местный информационный материал, «Маяк Коммуны» — в Севастополе и «Красная Керчь»), одной татарской ежедневной газетой «Ени Дунья» и одной татарской же (комсомольской) двухнедельной газетой «Яш Куввет». Издаются также журналы на русском и татарском языках. Отметим орган Наркомпроса и Агитпропа ОК ВКП — «Пути коммунистического просвещения», сменивший ранее выходявший журнал «Педагогическая Жизнь Крыма», и татарский журнал «Илери».

Наглядным показателем развития культурных запросов крымских татар является рост татарского театра. Татарский театр в Крыму насчитывает за собой уже свыше четверти века. Первая пьеса на татарском языке «Оладшага чаре Олмаз» («Чему быть, того не миновать») была впервые поставлена в Бахчисарае в 1900 году. Любопытно отметить, что женскую роль в этой пьесе играл сам автор, т. к. татарки-мусульманки не смели выступать на сцене. Какой-нибудь десяток лет с небольшим прошел с тех пор, как на театральных подмостках появилась раскрепощенная татарка. Но лишь в условиях советской общественности крымско-татарский театр явился мощным орудием борьбы с народным невежеством, религиозными предрассудками, со всеми уродливыми сторонами старого быта и общественного уклада. В 1923 г. открыл свои действия татарский государственный театр, ныне прочно ставший на ноги. Но театру было тесно в рамках города, его экспансия вышла далеко за пределы, проникнув даже в татарскую деревню, где появился

¹⁾ Балич. Цит. статья, стр. 11.

ряд театральных кружков под руководством местных ком'ячеек и при ближайшем участии народных учителей ¹⁾). Мне хотелось бы также отметить успехи татарского музыкального творчества. Среди тюркских народов нашего Союза, весьма чутких к музыке и создавших примечательнейшие образцы национального музыкального творчества, заметна теперь тяга к оперным композициям. Мне на страницах «Нового Востока» ²⁾ приходилось уже говорить о постановке первой татарской оперы «Сания» в Казани, знаменующей недюжинные культурные достижения Татреспублики. В Крыму мы также являемся свидетелями развития музыкального творчества. Особенно следует отметить молодого композитора Асана Рефатова, на ряду с чрезвычайно ценными записями старинных тюрко-татарских музыкальных мелодий (Рефатов ведет серьезную музыкально-этнографическую работу), давшего ряд талантливых собственных композиций.

Огромную роль в культурно-просветительной жизни Крыма играют музеи. После-октябрьский период ознаменован широко размахнувшимся ростом музейного дела. В Крыму, где в частных собраниях представителей знати были собраны большие коллекции, где замечательные археологические открытия непрерывно пополняют хранилища новыми и новыми материалами — чрезвычайно благодарная почва для организации научно-показательных и культурно-просветительных музеев. На долю Крымохриса (Крымского Комитета по делам Музеев и охране памятников искусства и старины) выпала нелегкая задача строительства новых музеев, часто возникавших чисто стихийно. Нередко даже получалась некоторая гипертрофия музеев; иные из них, носившие совершенно случайный характер, приходилось сворачивать, другие объединять. Работа производилась при участии заинтересованных учреждений и лиц; Крым, едва ли не первый положил начало музейным конференциям. Пишущему эти строки приходилось неоднократно бывать на этих совещаниях, чрезвычайно плодотворных для урегулирования музейной работы ³⁾). В настоящее время конкретизируются стремления к известной типизации больших музеев. Так, Бахчисарайский музей является, как ему и полагается, центральным музеем по татарской культуре. Музей Тавриды в Симферополе, обладающий превосходным естественно-историческим отделом, хранит в то же время археологический и этнографический материал, характеризующие различные культуры Крыма. Интересной новинкой этого музея является организация особого отдела, посвященного революционному движению в Крыму. Восточный Музей в Ялте должен по идее, представить культуры наро-

¹⁾ „Весь Крым“, стр. 426.

²⁾ И. Бороздин. „Современный Татарстан“, стр. 133—134.

³⁾ И. Бороздин. Музейная и археологическая работа в Крыму. („Новый Восток“ № 4).

дов Востока в сравнительно-исторической перспективе. Кроме того, здесь собираются материалы по этнографии южно-бережных татар. Керчь и Херсонес обладают музеями, являющимися ценными и богатыми хранилищами памятников античной культуры, так ярко выявившейся на крымской почве. Материальная документация итальянских колоний (пока немногочисленная) представлена в Феодосийском музее, а наглядным музеем генуэзской старины является Судакская крепость. Евпаторийский музей, над которым теперь почему-то нависла необоснованная угроза закрытия, любопытен своими караимскими материалами. Наконец, в Старом Крыму, в результате раскопки 1925—26 гг., положено начало местному хранилищу, насчитывающему весьма интересный материал по ранне-татарской (золотоордынской) культуре. На ряду с музеями, собирающими материалы местных культур и природы, в Крыму имеются картинные галереи, в общем мало примечательные, если исключить специфическую картинную галерею Айвазовского в Феодосии.

В связи с широким развитием краеведческого дела в пределах нашего Союза, нашедшего, конечно, свое отражение в Крыму, возникли и особые краеведческие музеи. Здесь, на ряду с богатым Ялтинским музеем краеведения, поглотившим естественно-научный музей, возникли и новообразования, вроде Севастопольского музея краеведения и только что возникшего музея краеведения в Керчи. Особенно хочется подчеркнуть чрезвычайно плодотворную и полезную деятельность Севастопольского краеведческого музея, сумевшего сгруппировать вокруг себя учащуюся молодежь, с необыкновенным энтузиазмом и жаром занимающуюся полевыми обследованиями своего края.

В заключение своего краткого обзора обще-культурных достижений Крымреспублики, я хотел бы остановиться на деятельности местных научно-исследовательских организаций и обществ. Во времена царизма, Крым, не имевший университетского центра, мало насчитывал местных научных организаций; он обслуживался, по преимуществу, научно-исследовательскими учреждениями центра. Исключение составляли лишь Таврическая Ученая Архивная Комиссия, много плодотворно поработавшая в области изучения крымских древностей, издавшая ряд ценных публикаций, и Общество естествоиспытателей и любителей природы. Комиссия, преобразованная в Таврическое Общество Археологии, Истории и Этнографии по прежнему продолжает свои работы, возобновив в нынешнем году и свою издательскую деятельность выпуском первого тома своих «Известий». Организованный в Симферополе исследовательский институт обнимает лишь круг естественно-научных дисциплин; общественно-экономические и гуманитарные (в частности, востоковедение) науки в нем пока не представлены. В сущности, местным является и Общество по изучению Крыма, возникшее по инициативе Главнауки Наркомпроса.

РСФСР в Москве, и теперь перенесшее свой центр в Симферополь. Общество широко развернуло свою деятельность, образовав ряд филиалов, едва ли не во всех городах Крыма (Севастополе, Ялте, Керчи, Феодосии, Нарасубазаре, Старом Крыму, Судаке и т. д.). Имевший место в апреле 1927 года съезд Общества в Симферополе демонстрировал жизнеспособность Общества, подчеркнув его уклон в сторону краеведческой работы и изучения производительных сил края. В области изучения истории революционного движения в Крыму следует отметить работу Истпарта, выпустившего ряд любопытных сборников «Революция в Крыму».

Известную научно-исследовательскую работу ведут и музеи, организуя соответствующие экспедиции и поездки археологического, этнографического и естественно-научного характера. Так, Центральный Музей Тавриды произвел ряд раскопок в окрестностях Симферополя (обследование руин скифского города Неаполиса и т. д.); ведут работы Бахчисарайский, Керченский и Херсонесский музеи, каждый по своей специальности.

Особо следует отметить организацию в 1925 и 1926 г.г., больших научно-исследовательских экспедиций по изучению татарской культуры в Крыму, предпринятых крымским правительством совместно с Научной Ассоциацией Востоковедения при ЦИК СССР, уделяющей видное место изучению культур Крымского полуострова¹⁾.

В 1925 г. на средства, отпущенные Совнаркомом РСФСР, были организованы две экспедиции: одна для исследования памятников первой столицы крымских татар Солхата (Старого Крыма), другая по этнографическому обследованию степных татар. В 1926 г. была снаряжена экспедиция для изучения Солхатских памятников, преемственно связанная с предыдущей. Указанные экспедиции дали много ценного и свежего материала, введя в научный оборот новые данные. Об археологических экспедициях в Солхате опубликованы предварительные отчеты²⁾, в настоящее время участниками экспедиции подготавливается коллективный труд «Древности Солхата». Отчет о результате этнографической экспедиции до сего времени не напечатан³⁾. Само собой разумеется, что работа в этом направлении в дальнейшем должна быть продолжена и расширена

¹⁾ В 1924 г. Ассоциация Востоковедения отправила в Крым научную экспедицию под руководством проф. Бороздина для обследования памятников Гераклейского полуострова. В том же году она приняла участие в раскопках Эски-Юрта (близ Бахчисарая), организованных Крымохрисом.

²⁾ И. Бороздин—Солхат („Новый Восток“ № 13—14). Новые данные по Золотоордынской культуре в Крыму („Новый Восток“ № 16—17). А. Башкиров — Художественные памятники древнего Солхата (журн. „Крым“ № 3). О. Акчокраклы — Старо-Крымские и Отузские надписи („Изв. Тавр. Общества Истории, Археологии и Этнографии“ Т. I).

³⁾ Опубликована лишь статья О. Акчокраклы о тамгах (на русск. и татарск. яз. основанная на собранном экспедицией материале).

Подводя теперь некоторый общий итог строительству Крым-республики, приходится отметить ее прогрессивный рост, ее тенденции к дальнейшему развитию и усовершенствованию ¹⁾. Этому немало будет способствовать дружная работа всех многочисленных национальностей, которые населяют Крым. Все заботы советской власти направлены к тому, чтобы вместо прежней недоброй памяти национальной нетерпимости проникло в жизнь подлинное самоопределение народов. Крым в своих прежних судьбах немало претерпел от гнета той или другой господствующей народности. Лишь теперь перед ним раскрываются перспективы экономического и культурного возрождения в условиях правильного разрешения национального вопроса.

¹⁾ Настоящая статья была написана до землетрясения, нового стихийного бедствия, разразившегося в Крыму и нанесшего серьезный ущерб благосостоянию края. Долг всех по мере сил и возможности помочь в этом бедствии Крымреспублике.

Аграрная реформа в Туркмении

Весь процесс развития туркменского сельского хозяйства с конца прошлого века подготовил ту аграрную реформу, которую в 1926—27 г. осуществила советская власть. Крестьянская экономика была приведена в коллизию с существовавшими аграрными формами и отношениями, порожденными кочевым бытом и родовым строем туркмен в условиях натурального, оазисно-замкнутого хозяйства. Это был тупик, куда загнал туркменское крестьянство российский капитализм, в котором оно пауперизировалось, не будучи в состоянии с достаточной полнотой использовать, на новой экономической базе при господстве старых, отживших родовых форм, свои хозяйственные возможности. Теоретически земельно-водная реформа мыслима и при капиталистических отношениях, но это возможно было только при одном условии — когда капиталисты противостоят землевладельцам, как борющийся за права и гегемонию класс. В Туркмении, при отсутствии монополии частной собственности, пережившие себя аграрные отношения служили источником обогащения и роста капиталистических элементов в ауле, русский капиталист объединялся с туземным баем по части эксплуатации крестьянства и выколачивания из него доходов. Нужна была пролетарская революция, чтобы аграрная реформа, открывшая дорогу мощному развитию сельского хозяйства и ликвидировавшая родовые и феодальные формы аграрных отношений, являвшиеся сильнейшим тормозом на пути его роста, была осуществлена в интересах широких масс крестьянства.

I.

Развитие туркменского хозяйства, начиная с года завоевания края русскими, происходило на капиталистической основе в специфических условиях царской колонии. Я говорю специфических потому, что Туркестан ни в коем случае нельзя подводить под одну рубрику с колониями других империалистических стран: в то время, как для последних колонии были насильственно присоединенными себе новыми рынками, Туркестан был органической частью российского внутреннего рынка.

Наиболее характерной чертой капиталистического роста страны является образование и развитие капиталистической

частной собственности на землю. Капиталистическую частную собственность на землю отнюдь не следует смешивать с мусульманским «мюльком» и, особенно, с туркменским мюльком. Мюльк есть особая форма индивидуального землепользования, свойственная и докапиталистическому обществу, и феодализму, и родовому строю. Энгельс был хорошо знаком с мюльком, тем не менее, он пишет, что «отсутствие земельной собственности является, на самом деле, ключом ко всему Востоку. В этом заключается вся политическая и религиозная история»¹⁾.

Природа мюльков и их юридическое и социальное содержание в различных странах мусульманского мира довольно разнообразны и разнородны, в зависимости от экономики и общественных отношений, под влиянием которых они складывались у азиатских народов. Туркменский мюльк есть форма родового землепользования, независимо от того, как он создавался, и как шло его развитие. Если у джафарбайцев мюльк создавался путем вольного захвата земель отдельными лицами — он остается такой же родовой формой землепользования, как и в Мервском районе, где мюльки были выделенными из санашика (земель общего пользования рода, ежегодно переделываемых между его членами) усадебными землями и участками с более продолжительными сроками пользования, или в Ашхабадском районе, где мюльки были землями родов завоевателей в отличие от земель родов, приглашенных позднее. Род признавал право на землю за каждым своим правомочным членом, если он запахивал и засеивал ее, и на все время, пока он пользовался земельным участком в производственных целях. При этом, если земледелие является второстепенным, побочным занятием, в которое вовлечены лишь некоторые хозяйства, никаких регламентированных норм и земельных институтов не существует. Так, например, у джафарбайцев на Гюргене землей пользуется тот, кто первый ее запахает, и землепользователи постоянно меняют участки, заброшенные участки занимаются другими лицами. Если же земледелие становится основным занятием и в него вовлечена большая масса хозяйств, права землепользователя ограничиваются родом определенными нормами, не одинаковыми не только для каждого района, но и для данного района, населенного несколькими родами.

При всех условиях распорядителем земли является род, и ему принадлежит суверенное право изменять условия землепользования и вводить новые группы землепользователей; только член рода, поскольку он обладает всеми необходимыми для этого юридическими качествами, может стать мюлькодержателем.

¹⁾ „Письма“, изд. „Моск. Раб.“, 1923 г.— письмо от 6/VI 1853 г.

Поэтому, когда я говорю о частной собственности на землю, я вовсе не имею в виду «мюлька», а говорю о такой форме, которая порождает капиталистическую ренту и капиталистическую монополию на землю. Конечно, монополия возможна и не при капитализме. Она существовала во всех азиатских государствах, при чем в таких странах, как Персия, Турция — это была феодальная монополия, в странах же Средней Азии земельная собственность концентрировалась в национальном масштабе, и в качестве земельного собственника выступал хан или эмир, осуществлявший свои права суверена и собственника через бюрократический аппарат управления. Таким образом, мы имеем две социальные системы: одна определялась феодалами-землевладельцами, с одной стороны, и крепостным крестьянством — с другой; другая — бюрократией наверху и широкими крестьянскими массами — внизу. Туркменская социальная организация принадлежала к более ранним формам — кочевой тюркской организации с крепким родовым бытом и с отсутствием определенной классовой дифференциации. Здесь в качестве монополиста выступает род в целом.

II.

Со времени завоевания края русскими, туркменское хозяйство быстро теряет черты натурального хозяйства и становится, исключительно, товарным, производящим на рынок, на неизвестный рынок, который по отношению к Туркмении можно расценивать как внешний, т.е. на вывоз. Сельское хозяйство выходит из замкнутых границ оазисного хозяйства и включается в цепь капиталистической экономики, подчиняясь законам капиталистического рынка, неся последствия изменений мировой рыночной конъюнктуры. Прежде товарооборот локализовался в пределах одного — двух базарных районов, международные торговые связи были незначительными и не имели влияния на крестьянское хозяйство; теперь положение резко изменилось: товарооборот с внешними странами вырос чрезвычайно интенсивно, что видно из следующей таблицы (по данным Ср.-Аз. жел. дор.):

	Ввоз:	1890 г.	1909 г.	1914 г.
Хлеб и продов. прод.		59.000	604.516	1.095.551
Железо		38.000	80.798	186.814
Мануфактура		59.000	114.403	178.236
Вывоз:				
Хлопок		103.000	307.066	1.402.586
Шерсть		181.000	341.894	922.835
Кожи		14.000	21.853	44.551

Таким образом, если до прихода русских земледельческое хозяйство туркмен характеризовалось как оазисно-замкнутое экстенсивно-

хозяйство с решительным преобладанием зерновых культур, то в настоящее время перед нами сложное товарное хозяйство с развитым товарообменом, на основе которого и происходило капиталистическое развитие.

Введение в состав культур хлопка уже само по себе определило развитие крестьянского хозяйства, как интенсивного хозяйства, или — варажаясь точно — интенсивного хозяйства с низким органическим строением капитала за счет добавочных вложений труда при неизменно примитивной технике земледелия и незначительном основном капитале. Но интенсификация хозяйства шла не только по линии введения в севооборот хлопка, но и за счет других культур, главным образом, огородных. Уже в 1898 году аулы Багир, Кеши, Безмеин и Аннау имели до 500 десятин огородов, из которых около трети принадлежало туркменам.

В Туркмении происходило насильственное внедрение капитализма извне, вращание капитализма в родовой строй, в родовую организацию туркмен. Капиталистическими агентами были приказчики российских промышленных и торговых фирм, представители торгового и финансового капитала, русские чиновники, подрядчики и купцы, разного рода посредники, менялы и т. п. После завоевания края, сюда нахлынуло много лиц разных званий и профессий: одни — в чаянии наживы, другие с целью выгодно пристроить свой капитал.

Отсутствие в Туркмении резервов рабочей силы и сравнительная дороговизна рабочих рук имели решающее значение для развития плантационного хозяйства. Держатели капитала предпочитали ссужать дехкан, кредитовать их под хлопок и другие ценные культуры, чем непосредственно вкладывать его в землю. Таким путем выросла целая армия посредников, комиссионеров, хлопковых агентов и просто ростовщиков, опутавших крестьян целой сетью долговых обязательств. По официальному свидетельству, на каждые полтора рубля стоимости хлопка 25 коп., т.-е. 15%, шло в карман агентов хлопковых фирм, а если сюда причислить проценты, взимаемые ростовщиками и кредиторами, и принять во внимание широко практиковавшиеся обмер и обвес и прием первого сорта за второй, второго — за третий и т. д., то выйдет, что не менее трети и почти половину с цены хлопка снимали капиталисты — от больших российских фирм до мелких агентов. Рост ренты шел параллельно росту хлопковых посевов и одновременно шел процесс поглощения мелких крестьянских хозяйств капиталистами; с каждым годом все большее и большее число хозяйств превращалось в чайрикерские, росла испольщина, при чем одной стороной в испольщине был кулак, капиталист, который присваивал ренту, а другой — крестьянин, клавший массу поистине египетского труда на взращивание хлопка и получавший полуголодный минимум заработной платы.

В ауле создались отношения эксплуатации, мелкий парцелярный крестьянин, по сути дела, превращался в наемного рабочего, чайрикерство было особой скрытой формой наемного труда. С ростом хлопковых посевов росли требования на рабочую силу, при чем количество ежегодно выбрасываемых деревней на рынок труда пауперизованных крестьян, не поспевало за спросом на рабочие руки; при этих условиях мелкое хозяйство лучше и легче могло выдержать конкуренцию.

Обычно, в условиях нормального капиталистического роста, при недостатке рабочих рук и уходе рабочих из деревни, крупные хозяева стремятся к наделению последних землею. Даже тогда, «когда мелкое производство слишком сильно вытесняется — крупные хозяева стремятся укрепить или возродить его посредством продажи или отдачи в аренду земли»¹⁾. Поэтому капиталодержатели вовсе не стремились «освободить крестьянина от земли, они оставляли его юридическим собственником, оставляли ему видимость, призрак самостоятельности; фактически же шло поглощение хозяйств, крестьянин перестал быть свободным даже в выборе культур, и нередко крестьянские хозяйства целого аула были в руках всего двух — трех лиц.

Однако, из этого не следует, что крупные хозяйства вовсе не развивались, что процесс концентрации земли отсутствовал в Туркмении. Родовые формы землепользования препятствовали приобретению земли пришельцами, туземные капиталисты еще недостаточно окрепли, чтобы целиком начать самостоятельное собирание земель, тем более, что здесь сталкивались интересы туркменских баев с интересами хлопковых посредников и комиссионеров и вокруг вопросов раскрепощения земли от родовых форм шла ожесточенная борьба, в которую втягивалась даже русская администрация. Тем не менее, процесс концентрации земель был налицо, и в архиве начальника Закаспийской области можно найти много любопытных документов о захвате земель туземными баями, о спекулятивных и мошеннических методах и приемах, к которым они прибегали в борьбе за овладение землей.

Этот процесс продолжался и в наше время уже после революции. В Мерве целые ябы находились в аренде одного — двух лиц, в Байрам-Али большие земельные участки фактически принадлежали крупным баям, которые уже от себя мелкими наделами распределяли их среди безземельных родовичей на чайрикерских началах. Отдельные лица, владели одновременно землей в разных районах (в Мерве, Байрам-Али, Тебжене, Ашхабаде и т. д.).

III.

Статистическим методом выявить этот процесс трудно, во-первых, потому, что правильные статистические описания Туркмении — б. За-

¹⁾ Ленин. Сочинения, т. IX.

каспийской области — вещь новая, во-вторых, потому, что выявить истинных землевладельцев подчас невозможно, так как чайрикеры обычно полученную ими на исполных началах землю выдают при статистических опросах за свою. Все же кое-что иллюстрируют в этом отношении и цифры.

Для иллюстрации я беру данные переписи 1914 года по одному Ашхабадскому уезду. Разбив все хозяйства на пять групп, из которых первая — беспосевная и, последняя — с посевами свыше 10 десятин, мы получим такую картину:

Г Р У П П Ы	I	II	III	IV	V
Всего хозяйств в %	15,5	65	17	2,5	0,4
У них земли в %	1,3	48,6	37,7	9,2	3,2
Хозяйств., пользующ. наем. силой, в %	1,3	9,6	15	37	77
В том числе нанимающ. из доли урожая	0,1	3	3	7	17

В последней группе всего 31 хозяйство и в предпоследней 163 из 6.718 хозяйств.

Если мы объединим I и II группы, т. е. безземельные хозяйства и малоземельные и IV и V с наделом в 8 десятин и выше, то окажется, что в то время, как первые группы составляют 80,5% всего числа хозяйств, у них земли только 49,9%, между тем, как последние группы, составляющие 2,9% всего числа хозяйств, владеют 12,4% всей земельной площади. Таким образом, даже из этих неполных данных устанавливается факт концентрации земель. Если число хозяйств, пользующихся наемным трудом в маломощных и средняцких группах, не превышает 15%, то в последней группе они составляют уже 77%, в такой же пропорции растет и исполыщина.

Небезынтересно для характеристики процесса капиталистического развития аула посмотреть, как распределяется основной капитал. Вследствие того, что техника земледелия одинаково примитивна как в низших группах, так и в высших, я беру только постройки для жилья и постройки для скота:

Г Р У П П Ы	I	II	III	IV	V
Хозяйств., не имеющих жилых постр. в %	11	1,4	0,3	0,6	—
На 1 хоз. постройк	1	1,5	1,5	2	3
Хозяйств., не имеющих постр. для скота в %	83	70	63	51	40
1 постр. на числ. хозяйств	6	3,5	2,5	1,8	1,0
% улучшенных построек	14	17	25	31	47

Не имеющих построек для жилья в первой группе—11% хозяйств, в последней — таковых нет; на одно хозяйство в первой группе приходится 1 постройка и в последней — 3. В отношении построек для скота в первой группе хозяйств, не имеющих построек—83% и одна постройка приходится на 6 хозяйств, а в последней группе, не имеющих по-

стрек, — 40% и 1 постройка на 1 хозяйство, т.е. из сельскохозяйственно-скотоводческих хозяйств в последней группе, на каждое приходится не менее 2 построек для скота. Процент улучшенных построек повышается от первой группы к последней, где половина построек улучшенного типа. Кстати, посмотрим, как распределялся инвентарь между этими группами хозяйств.

Группы	I	II	III	IV	V
% хозяйств без инвент.	96	60	28	2	10 ¹⁾
„ с омачами	2	40	72	82	101
„ с боровами	1	34	63	75	100
„ с арбами	0,04	0,3	1	5	10

Таким образом, крупные хозяйства не только были, но они являлись более крепкими, более устойчивыми и организованными, нежели мелкие хозяйства. Но эти хозяйства развивались изнутри, по мере того, как рос туркменский бай, деревенский кулак-капиталист. Обработывая свои земли руками чайрикеров, присваивая половину и более его дохода, они могли накапливать излишки, которые обращались на торговые и ссудные операции, увеличивая год от году размеры туркменского капитала. Если мы посмотрим, как распределялось население по внеземледельческим занятиям, то увидим, что в первой группе составляют 57% батраки, и 20% торговцы, во второй группе батраки составляют 46%, торговля—17%, кустари и ремесленники—21%, а в последней группе торговцы—70%, свободные профессии — (мудлы, ишаны, учителя) — 10%, а остальные — владельцы кустарных и ремесленных предприятий.

Г Р У П П Ы	I	II	III	IV	V
Хоз-йст. с ремесл. в %	10	15	12	5	10
„ с кустар. предпр.	6	6	2	2,5	10
Наемные рабочие	57	46	27	12,5	—
Извоз	2	6	2	2,5	—
Свободные профессии	5	4	9	15	10
Торговля	20	17	28	35	70

Таким путем шел процесс накопления капитала туркменскими баями и параллельно — процесс концентрации земель. Как шло это первоначальное накопление, прекрасно вскрыл напумевший в Ашхабаде судебный процесс братьев Семизовых, жителей аула Ашхабад. Уже в 1891 г., т.е. через 10 лет после завоевания края, мы встречаем среди участников торгов и подрядов также и туркменский капитал.

Процесс классового расслоения аула шел быстрым темпом; по бывшей Туркменской области только за три года, с 1914 по 1917 г., число безземельных крестьян увеличилось в три раза, а во всех остальных группах идет уменьшение числа хозяйств, т.е. шла систематическая передвижка из высших групп в низшие.

¹⁾ 3 хозяйства.

Социальная дифференциация крестьян за те же годы по Ахал-Теке повторяет предыдущую картину — значительно выросла в числе первая группа и уменьшились все остальные.

Если мы возьмем хлопковые районы Туркмении, где проводилась земельно-водная реформа, то в 1924 году — перед реформой — дифференциация хозяйств по посевному признаку представляется в следующем виде:

Группы. Распределение в %	Хозяйств	Скота	Посевов
Мервский район.			
Беспосевная	7,0	59,9	—
Низшая посевная	41,3	13,0	11,0
Средняя „	51,4	26,7	76,1
Высшая „	0,3	0,4	1,8
Ашхабадский район.			
Беспосевная	10,7	23,4	—
Низшая посевная	2,3	1,0	0,7
Средняя „	80,7	62,7	77,3
Высшая „	6,3	12,9	22,0

Здесь, прежде всего, бросается в глаза большой процент скота у беспосевной группы; это возможно потому, что сюда вошло значительное число скотоводческих хозяйств. Далее обращает на себя внимание характер распределения хозяйств по посевным группам в Мервском и Ашхабадском районах. В то время как в последнем основная масса хозяйств приходится на среднюю группу, в первом — хозяйства более или менее равномерно распределены между низшей и средней группами. В этом, прежде всего, сказались недостатки статистического учета и недочеты метода распределения хозяйств по посевным группам, но в то же самое время таблица отражает и общие черты обоих районов. Капиталистическое развитие шло в Туркмении неравномерно, с неодинаковым темпом. Наиболее сильное развитие получили капиталистические отношения в Ашхабадском районе, где поэтому земледельцы были сильнее прикреплены к земле, закабалены капиталом на ней, где шла пауперизация (и это нашло отражение в таблице) крестьянства, но искусственно создавались условия, удерживавшие его на земле. В Мервском районе капиталистическое развитие шло медленнее, не так глубоко и широко, и поэтому пауперизация вызвала здесь большой отрыв от земли, потерю части ее; наконец, господство санашика и родового землепользования с относительно неразвитой частной собственностью на землю облегчало скорейший распад хозяйств. Неравномерность развития отдельных районов Туркмении теснейшим образом связана с естественными условиями. Но к этому мы еще раз вернемся.

Капиталисты поддерживали пауперизовавшиеся хозяйства на столько, чтобы они не могли окончательно разрушиться и распасться, оставляя им тот мыслимый физический минимум зарплаты, который держал их на грани голодного существования.

Однако, в разорении и пауперизации мелких производителей играла роль не только эксплуатация крестьян; главнейшее значение имели факторы, связанные с условиями самого капиталистического развития — те противоречия, те искажения роста, те тормозы, которые в Туркмении определялись условиями вrastания капитализма в родовой быт.

IV.

До прихода в край русских, земледелием занимались сравнительно немногие туркмены. Состав земледельцев был чрезвычайно текучий. Обычно, земледелием занимались обедневшие скотоводы, так называемые чомра, в отличие от чарвы, чистых скотоводов. Тот или иной род оставлял на земледельческих работах своих разорившихся сородичей, а сам кочевал в песках вместе со скотом оставшихся — так осуществлялось разделение труда: одни пахали, а другие пасли скот, при чем на землю шли, лишь потеряв все возможности подняться, оставаясь скотоводом. Стоило только туркмену разбогатеть, а такие возможности представлялись часто благодаря аламанам¹⁾ и баранте²⁾, — как он бросал земледелие. Многие туркмены, жители предгорий Копет-Дага (Ахала, Атека, Теджена) сами не занимались земледелием, возлагая всю тяжесть полевых работ на плённых персов и на рабов.

Наиболее распространенной формой землепользования был санашик — родовое землевладение, не общинное и не общественное, а именно родовое с ежегодным переделом между всеми членами рода. Каждый член рода когда-то мог прийти в любой район, где имелись земли данного рода и потребовать себе выделения пая и воды и земли. Этот обычай давно выветрился, и наша туркменская молодежь уже не знает о нем.

Господство санашика с ежегодными переделами земли само по себе препятствует развитию и улучшению хозяйства. Крестьянин, ежегодно меняя участок, лишен необходимого стимула для вложения капитала и труда на его улучшение. Наоборот, он стремится максимальное количество выгод извлечь из участка, достигающегося на 1 год, не заботясь, что будет с ним потом, когда из его ведения он уйдет.

Отсюда хищническая эксплуатация почвы до полного ее истощения и порчи, господство перелого и экстенсивное ведение хозяйства. Санашиковые земли используются исключительно под посевы пшеницы и ячменя. Неиспользуемая площадь (залезки, перелог, заброшенные земли) составляет в некоторых районах свыше 50% всей культурной площади.

¹⁾ Грабительский набег на соседей.

²⁾ Угон скота.

Другое зло крестьянского хозяйства связано с условиями родового водопользования. Каждый туркменский род оседал, получая землю в нескольких местах и на разных водных магистралях, в зависимости от качества земли и условий водопользования. И вся родовая земля уравнилельно распределялась между членами рода таким образом, что каждое хозяйство получало участки пропорционально во всех местах родового землевладения. Вследствие этого крестьянское землепользование дробилось, создавалась чресполосица и дальнотемелье. Нередко крестьянин имел участки в 3—5 местах, отстоящих друг от друга на 25—40 верст. Такое дальнотемелье совершенно лишало отдельные крестьянские хозяйства возможности освоить всю принадлежащую им посевную площадь. В силу этого дальние земли или сдавались в аренду или попросту забрасывались.

Наконец, рост одних родов, уменьшение других, переселение и т. п. изменения в составе населения не находили никакого отражения в размерах родового землеводопользования. Каждый род пользовался той частью воды, которая была отведена ему при занятии края туркменами. Поэтому в некоторых родах, сильно разросшихся, наблюдается земельная теснота, доходящая до 0,08 дес. на хозяйство, в других сократившихся и обезлюдевших существует избыток земли и воды, частью неиспользованной, частью сдававшейся в аренду другим родам.

И то и другое обстоятельства действовали не менее разрушительно, чем сананик; аренда отнюдь не располагала к улучшению и поднятию крестьянского хозяйства.

Мюльки имели когда-то у туркмен очень малое распространение. Приход русских и развитие хлопковых посевов обусловили быстрый рост мюльков. Эти мюльки по своей природе были неоднородны: одни представляли развитой тип частной собственности на землю, другие были связаны еще с санаником, одни развились как капиталистическая форма землевладения, другие носили все черты родового землепользования. Вследствие этого создавалась необычайная множественность форм землепользования, вызывавшая постоянную путаницу в отношениях.

Русинов, например, насчитывает семь циклов землепользования ¹⁾: 1) землепользование уравнилельно-передельное, 2) уравнилельно-передельное и надельно-мюльковое, 3) уравнилельно-передельное, надельно-мюльковое и частью наследственнотемюльковое, 4) уравнилельно-передельное и наследственнотемюльковое, 5) наследственнотемюльковое, 6) долево-передельное и наследственнотемюльковое, 7) наследственнотемюльковое.

Таким образом, две группы систем — одна с первоосновой уравнилельно-передельных земель, т. е. таких, когда при переделах

¹⁾ См. мою брошюру „Динамика туркменского крестьянского хозяйства“. 1927 г.

все правомочные туркмены получают равные доли, изменяемые в зависимости от роста общины — от первой до пятой группы включительно; другая с долевыми передельными землями, когда каждое хозяйство имеет постоянную строго фиксированную долю, не изменяемую при переделах, шестая и седьмая группы. В действительности этих форм гораздо больше — на одном только Мургабе мы имеем шесть видов мюльков. Большею частью в пределах каждого района мы встречались с большим разнообразием форм и систем землепользования и землеуладения. Такая множественность форм землепользования бьет прежде всего, конечно, мелкого производителя, который не в состоянии разобратся во всей этой путанице земельных отношений, и этим пользовался ростовщик, кулак, бай. Тем более, что обычное право (адат) туркмен — закон не писанный, хранителем его являются старики-аксакалы, они же, создавая решением тех или иных тяжб прецеденты, и устанавливали фактически это право, поэтому, при такой множественности землепользовательских форм и путанице земельных отношений, их решение являлось авторитетным и категорическим и, отнюдь, не служило на пользу мелкого разоряющегося дехканина. Захват земель на этой почве баями, лишение мелкого производителя всей или части обрабатываемой им земли, уменьшение его доли воды были явлениями заурядными. И это не только углубляло разорение мелкого производителя, но препятствовало развитию хозяйства, тормозило возможности дополнительного вложения труда и капитала — интенсификацию хозяйства, создавало условия, когда земледелец лишь частично мог использовать свои хозяйственные возможности, иногда совершенно сознательно отказывался от хозяйственных предприятий, не будучи уверен, кто пожнет плоды его трудов; иногда он платил тем лицам, которые брали один из его участков и долю воды, чтобы освободиться от тягостных в этих условиях общественных повинностей.

V.

Если раньше основной социальной единицей был род и единственным правовым институтом — родовое право (адат), то теперь, после завоевания края, место рода заступила аульская община, место родовой администрации — русская администрация (пристава, уездные начальники, алчины и т. д.), место родового обычного права — русские законы, место родового суда — русский административный суд. Если раньше туркмен и имущественную и личную защиту мог найти только в роде, то теперь все эти функции перешли к русской администрации. Таким образом, те функции рода, которые оправдывали его существование, как социально организованной единицы, теперь отпали, род изжил самого себя, тем не менее до сих пор еще сильны родовые влияния. В руках

туркменского бая и кулака родовые отношения превратились, с одной стороны, в орудие идеологического и экономического воздействия на крестьянскую массу, в орудие закабаления ее, с другой стороны, как форма защиты от проникновения в аул пришлого инородного капитала; до известной степени туркменскому кулаку удалось сохранить не только свою самостоятельность, но и свое главенствующее, руководящее положение в ауле. И если в Казакстане, в Киргизии масса кочевников оказалась в кабале у татарских и узбекских капиталистов, то туркменский бай сумел в своем ауле отстоять для себя эти первые роли. Мы знаем, какую ожесточенную борьбу вел туркменский бай с царскими чиновниками; стоило только появиться либеральствующему администратору с попытками реформ, с попытками борьбы против байской эксплуатации и разбойничества, как, не успев развернуться, он вылетал из края.

Будучи консолидирующей базой для кулака и ростовщика, сохраняясь как орудие эксплуатации, родовой строй бил по мелкому производителю, по парцеллярному хозяйству, являлся одним из серьезнейших тормозов развития. Даже те коллективные формы и методы хозяйствования, которым некоторые склонны приписывать какое-то серьезное значение в будущем, являлись не меньшим тормозом развития крестьянского хозяйства. Они создались из условий родового хозяйства, из неумения и неприспособленности к земледельческому труду, укрепились вследствие все растущей деградации хозяйства и вели к хищнической эксплуатации почвы, к небрежной культуре растения, к культивированию и закреплению кочевого земледелия, залежи, уродливого перелога и т. п. Наконец, сама испольщина, чайрикерство, являются реакционным фактором в хозяйстве, испольщина тормозит травосеяние, мешает распространению удобрения, задерживает применение лучших сельскохозяйственных орудий, препятствует улучшению технических приемов обработки почвы и ухода за растением, препятствует изменению самой системы полеводства, задерживает приобретение трудовых земледельческих навыков, создает условия для господства рутины, консерватизма и т. д. Развитие частной собственности с ее монополией на землю создавало новые противоречия, новые тормозы, лишало крестьянство стимула увеличения затрат на производство и только закрепляло, консервировало примитивную технику земледелия.

Итак, капиталистический рост сельского хозяйства создавал целый ряд противоречий, целый ряд тормозов, угнетающим образом действовавших на крестьянское хозяйство. Многоземелье, дальнеземелье, чересполосица, длинноземелье, межаульное водное и земельное неравенство, невозможность для парцеллярного хозяйства освоить все свои хозяйственные ресурсы, неиспользование наличного запаса рабочей силы, низкое органическое строение капитала, примитивная техника, консерватизм земледельца — вот результат противоречий капиталистического роста.

Не только никакого накопления в крестьянском хозяйстве не было, но не было и стимула для накопления, в связи с пауперизацией шло разбазаривание и уничтожение накопленных ценностей, состав сельскохозяйственного капитала падал все ниже и ниже, вместе с этим падал и жизненный уровень самого хозяйства. С 1898 по 1917 год посевная площадь увеличилась только на 4.000 десятин (если не уменьшилась). По данным доклада начальника Закаспийской области, вся культурная площадь составляла в 1897 году — 100.000 десятин, по данным ЦСУ в 1917 — 104.000 десятин.

Этот процесс коллизии родового строя с новой экономикой аула вызвал попытки крестьянства заменить родовую организацию такой социальной формой, которая больше обеспечивала бы устойчивость хозяйства. Эта форма была найдена в, так называемой, «большой семье». С распадом родовой организации все больше начинают укрепляться семейные связи, и «большая семья» начинает завоевывать большее место, получая значение, заслоняющее часто род. Обычно «большая семья» организуется на основе объединения экономических интересов и хозяйственных усилий группы разоряющихся и обнищавших хозяйств, близких по кровному родству. Иногда это бывает простое объединение действий для достижения определенных целей. Нередко такая «семья» прилагает все свои силы и максимум материальных средств к тому, чтобы одного из своих членов выдвинуть на верх социальной лестницы, в баи, в кулаки, в торговцы и т. д., и с другой стороны, проводит другого члена в аулсовет, даже в партию, чтобы таким путем завоевать твердые позиции и обеспечить себя и в смысле материальной помощи и содействия со стороны своего правого крыла и административной помощи со стороны левого крыла. Некоторые «семьи» объединяются только на время полевых работ для совместной обработки посевных участков; другие для получения большей экономической мощности объединяют свои капиталы и рабочие руки, создавая единое хозяйство, в котором состоит до 15—20 отдельных хозяйств.

VI.

Итак, туркменское крестьянское хозяйство перед земельно-водной реформой характеризовалось необычайно примитивной техникой земледелия, низким органическим строением капитала, т.е. превышением переменного капитала над постоянным, и различной степенью экономического и хозяйственного развития в смысле капиталистического роста отдельных районов Туркмении, при чем дальше всех по пути капитализации пошел Апшхабадский район, значительно отстал Мервский, за ними идут Тедженский и Кара-Калинский, где родовой строй сохранился в наиболее чистом виде и держится еще очень цепко. Прекрасную

иллюстрацию к этому дают некоторые данные крестьянских бюджетов: они сохраняют даже ту градацию постепенности проникновения капиталистических элементов, которая имеется в соответствующих районах. Мы возьмем только цифры, характеризующие денежную часть бюджета, степень товарности хозяйства, оплату труда, характеризующую соответственную высоту интенсивности хозяйства и общий баланс в средних цифрах по районам. И вот, что мы получим:

Статьи бюджета. Название районов.	Куплено и получено в обмен	Продано и отдано в обмен	Получено за труд	Отдано в оплату тру- да	Баланс
Ашхабадский	220	357	46	86	583
Байрам-Алийский	201	362	25	33	492
Мервский	156	297	29	17	428
Тедженский	109	197	—	—	233
Кизыл-Арватский	69	93	7	4	161

В Ашхабадском районе имеем широко развитые мюльки (санашик сохранился только в 22 аулах), рост огородных хозяйств и обезземеливание основной дехканской массы. Безземельные составляют 15½ % всего крестьянства, малоземельные—54 %, эксплуататорские байские хозяйства составляют всего 2½ % и являются фактическими распорядителями во всех остальных крестьянских хозяйствах. В среднем на малоземельные хозяйства приходится 0,3 дес., на байские хозяйства—5,4 дес., при чем в отдельных аулах это подвержено довольно сильным колебаниям: от 0,2 до 0,4 для малоземельных в среднем и от 5 до 15 десятин для байских.

В Мервском районе при больших земельных фондах, неиспользованных до конца, до сих пор социальная дифференциация не была так глубоко развита и укрепление частнособственнического права на землю не достигло таких размеров, как в Ашхабадском. Основным злом в Мервском районе является дальнотемелье, неправильное распределение земли на принципе родового владения и господства санашиковой формы землепользования. В Мервском округе 60 % земель — это земли общинные родовые, эксплуатируемые, чрезвычайно хищническим образом с господством перелого и исключительно интенсивного хозяйства.

Туркменское крестьянское хозяйство отличалось также множественностью форм землепользования, многоземельем и дальнотемельем, служивших серьезным препятствием развитию и укреплению крестьянского хозяйства и сложившихся под влиянием существовавших родовых отношений. Частная собственность на землю еще более увеличивала и усложняла существовавшую путаницу земельных отношений.

Это хозяйство отличалось также большой напряженностью, не только устраняющей возможность накопления, но ведущей хозяйства к обнищанию. Ограничение хозяйственных возможностей крестьянина привело к тому, что почти по всем районам в среднем годовой баланс в хозяйствах сведен с минусом, т. е. хозяйство не покрывает всех издержек производства, включая и зарплату или сводит концы с концами за счет недоедания, сокращения личных потребностей:

По Полторацкому району в сред. баланс, сведен при	29	руб.
„ Кизыл-Арватск. „ „ „ „ „ „	1,6	„
„ Байрам-Алийск. „ „ „ „ „ „	12	„
„ Тедженскому „ „ „ „ „ „	18	„

Важной чертой является также рост числа мелких производителей и неизбежное продолжение его в ближайшие годы в связи с земельной теснотой (вернее, недостатком поливной воды) и наличием резерва неиспользованной рабочей силы. В среднем на крестьянское хозяйство приходится по Ашхабадскому району 0,8 дес. и по Мервскому—1,9 дес. ¹⁾

VII.

В России основная масса крестьянства ходом революции была осереднячена, количество кулаков и бедняков значительно сократилось; в Туркмении, где революция почти не коснулась аграрных отношений, революционные кризисы способствовали еще большему обнищанию и разорению. Совершенно ясно, что невозможно было начинать работу нового советского строительства в ауле, пока сохраняется старая экономическая база, пока не изменены общие условия крестьянского хозяйствования. Аграрная реформа являлась предпосылкой ко всей дальнейшей хозяйственной и политической деятельности в ауле.

Земельно-водная реформа не могла также не затронуть социальных отношений. Поскольку она била кулака, и удовлетворяла интересам безземельного и бедняцкого крестьянства, почти не затрагивая середняцкой его части, она естественно должна была вызвать антагонизм и ожесточенную классовую борьбу между беднотой и байством. И в действительности вся земельная реформа проходила под знаком этой борьбы. Духовенство, байство и часть туркменской интеллигенции повели энергичную кампанию, не стесняясь средствами — от попыток компрометации ответственных деятелей земельно-водной реформы, путем вовлечения их в неблагоприятные действия, до организованного сопротивления переделу земель.

¹⁾ Точнее, по различным районам мы имеем довольно большие колебания, так например, в среднем приходится: в Тедженском районе—1,8 дес. на хозяйство, в Серахском—1,7; в Байрам-Алийском—5; в Иолотанском—3,5; в Такта-Базарском—6,4 и в Мервском—3 десятины.

Но земельно-водная реформа в гораздо большей степени ударила по родовому быту, по родовым отношениям, распатала здание, на котором держался кулак, протаранила ту концепцию социальных форм и социального мировоззрения, на почве которых рос деревенский капиталист и создавались отношения эксплуатации. Не только между отдельными родами, но и внутри всех родов шла жестокая борьба за землю и воду, принимавшая систематически классовую окраску. Такой характер ее требовал, и требует в настоящее время, особенной бдительности со стороны советской власти, тем более, что реакционные элементы аула не сложили оружия и продолжают борьбу против земельно-водной реформы.

Борьба за родовую организацию, за укрепление рода перебрасывается и в аулсовет, и в союз кошчи, и в партию и, особенно, в область сельскохозяйственных мероприятий советской власти, которые сильные роды пытаются использовать в целях своего укрепления. Случаи возвращения баями своих земель, использования сельскохозяйственного кредита для своих хозяйств, превращения аулсовета в арену борьбы двух сильных родов — на протяжении последнего года были столь часты, что с совершенной очевидностью ставят вопрос о необходимости систематического планомерного укрепления земельно-водной реформы и расширения и углубления ее достижений. По существу, земельно-водная реформа лишь декларировала новые принципы земельных отношений и в первой фазе свелась к черному переделу земель, только грубо, вчерне наметивши новые формы землепользования.

Многое еще не сделано, многое не доделано, крестьянство удовлетворено лишь частично и не получило всего ожидаемого эффекта от реформы и потому в крестьянской массе существует некоторое разочарование. В связи с этим перед нами стоят большие и сложные задачи дальнейшего разворачивания реформы, которые переходят уже в землеустройство, создание правовых норм, правильную организацию аппарата управления, укрепление партии и общественных организаций в ауле, политическую борьбу с байством, борьбу с родовой организацией и целой системе мероприятий к полной реконструкции крестьянского хозяйства на началах социалистической рационализации. Земельно-водная реформа явилась переломным моментом развития крестьянского хозяйства, прошедшего уже под дланью российского империализма путь капиталистического роста и вступившего ныне в новую полосу социалистического развития. Между земельно-водной реформой и работой по реконструкции хозяйства и борьбой за новые отношения в ауле — не должно быть никаких провалов, иначе сельскому хозяйству Туркмении грозит рецидив отброшенных в процессе земельно-водной реформы старых аграрных отношений.

Трудно поэтому сегодня подводить окончательные итоги земельно-

водной реформы, полные результаты ее оформятся лишь через несколько лет.

Только Октябрьская революция, только революционный пролетариат могли дать туркменскому крестьянству эту аграрную реформу, и нет никакого сомнения, что он доведет ее до конца.

VIII.

Земельно-водная реформа проводилась не по всей территории Туркмении, а лишь в б. Мервском и Полторацком округах, а именно в районах—Мервского округа: Мервском, Тахта-Базарском, Иолотанском, Тедженском, Серахском; Полторацкого округа: Кзыл-Арватском, Полторацком (Ашхабадском), Гинсбургском (Каахкинском). В Байрам-Алийском районе (бывшем Мургабском государевом имении) земельная реформа проводилась лишь в порядке наделения безземельных из государственного земельного фонда, так как здесь земля была распределена между дехканами в трудовое пользование только при советской власти, в 1920 году. В остальных районах Туркмении, вошедших в нее из состава б.б. Бухарской и Хивинской народных республик — Ташаузском, Чарджуйском и Керкинском округах — правительство решило временно воздержаться от проведения реформы, отчасти, по политическим соображениям, отчасти, вследствие недостаточного знакомства с ними.

Постановлением ЦИК советов и совнаркомов ТССР от 29 сентября 1925 г. № 101 были декларированы принципы земельно-водной реформы и трудового землепользования.

В общих чертах земельно-водная реформа сводится к следующему: Земля и вода передаются дехканам в бессрочное подворно-трудовое пользование.

Все прочие основания владения землей и водой, противоречащие принципу трудового пользования, как-то: мюльк, санашик, силах-су (дарственные земли) и вакуф (церковные) отменяются.

Полностью отчуждаются и передаются в бессрочное трудовое пользование следующие земли и воды:

Принадлежащие тем, кто их имеет в ауле (поселке), но там не живет и силами своими и своей семьей этой земли не обрабатывает;

Дарственные (силах-су), если владельцы пользуются ими в качестве дополнительного надела сверх максимальной нормы, установленной для данного аула;

Служителей религиозных культов, не обрабатывающих земли собственным трудом и трудом своей семьи, торговцев и скотоводов, не принимающих личного участия в земледельческом хозяйстве.

Частично отчуждаются земли всех тех хозяйств, которые имеют наделы поливной земли, превышающие максимальную норму, установленную для аула.

При наделении безземельных и малоземельных, максимальные нормы на поливных землях были установлены для б. Полторацкого окр.— $1\frac{1}{2}$ десятины в среднем и для б. Мервского—3. Если принять во внимание средние площади землепользования, то эти цифры не могут показаться слишком низкими; максимальные нормы, сверх которых происходит отчуждение, были установлены в $2\frac{1}{2}$ и 5 десятин.

На богарных землях нормы были значительно выше—от 9 до 25 десятин.

Фонд наделения безземельных и малоземельных составлялся: из отчужденных и урезанных земель частного пользования; из отчужденных дарственных (силах-су) земель вождям, духовным лицам, мечетям и вакуфов; из земель ГЗИ, специально выделенных в фонд наделения безземельных; из земельных запасов, образовавшихся за счет реорганизации и переустройства ирригационной сети.

Основной хозяйственной единицей, имеющей право на надел, является семья до 5 человек, при чем для многосемейных хозяйств нормы увеличиваются из расчета $\frac{1}{5}$ нормы надела на каждого члена семьи, с тем, чтобы общее количество наделенной земли не превышало двукратной нормы надела.

В целях избежания чересполосицы, многоземелья и дальноземелья, комиссиям по проведению реформы предоставлялось право внутри-аульных переделов, что имело место почти во всех аулах.

Межаульное земельно-водное неравенство устранялось путем межаульного передела только в особо вопиющих случаях и при наличии систематических конфликтов между населением отдельных аулов.

Сады и виноградники по б. Полторацкому округу подвергались отчуждению, если площадь их превышала 3 десятины.

Была установлена определенная очередь наделения: в первую очередь наделялись безземельные, во вторую—малоземельные и в третью—прочие.

В Тедженском, Серахском и Тахта-Базарском районах допущено было некоторое отступление в установлении форм землепользования. Здесь был также введен принцип подворно-трудового землепользования, но на ряду с ним сохранен санашик—общественное землепользование.

Земли вокруг аулов, на которых население производило посев, так называемых, зеленых культур, т. е. хлопка, люцерны и т. п., были предоставлены в бессрочное подворно-трудовое пользование, земли же, расположенные на низовьях каналов и засевавшихся хлебными, или белыми, культурами, оставлены в санашиковом пользовании. Такая двойственность создает еще большую опасность рецидива старых отношений.

По обоим округам было наделено землей всего 32.778 хозяйств: безземельных 10.056, или 31,3%, малоземельных—22.721, или 68,7%, всего числа наделенных хозяйств.

По отдельным округам результаты земельно-водной реформы сведены в следующей таблице:

НАЗВАНИЕ ОКРУГОВ	Число хоз. до реформы	Число хоз. после реформы	Отчуждено земли в хоз.	Урезано хоз.	Наделено безземельных	Наделено малоземельных	Всего наделено земель
По б. Мервскому округу	60735	71187	907	8419	6131	13537	19668
По б. Полторацкому округу	24587	31663	1391	6852	3926	9184	13110
Итого	85322	102850	2289	15271	10056	22721	32778

Таким образом, после земельно-водной реформы число хозяйств по обоим округам увеличилось на 21 %; отчуждению земли подверглись 2,7 % хозяйств; урезке земли — 18 % хозяйств и наделено землей — 40 %.

Разница в характере и глубине капиталистического роста обоих округов, описанная выше, находит свое отражение и в итоговых цифрах земельно-водной реформы (в %).

НАЗВАНИЕ ОКРУГОВ	Увеличение числа хоз. после реф.	Отчуждено хоз.	Урезано хоз.	Надел. безземельн.	Наделено малоземельных
б. Мервский	18,0	1,3	12,0	8,6	19,0
б. Полторацкий	29,0	4,4	22,0	12,5	29,0

Как видим, в Полторацком округе более глубокое социальное расслоение и пауперизация крестьянства выражена с достаточной резкостью и отчетливостью.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ ВОСТОКА

А. Ю. СЕРК

Богатства недр и горная промышленность Голландской Индонезии*)

Среди горно-промышленных стран Востока совсем обособленное положение занимает Голландская Индонезия, еще столь недавно привлекавшая всеобщее внимание восстанием туземцев на о-вах Ява и Суматра. Являясь в отношении порядка внутреннего управления и социально-бытового положения коренного туземного населения типичной колониальной страной, она по своему горному законодательству являет передовые правовые формы государственного капитализма.

В течение всего XIX столетия собственного горного законодательства не имелось, и политика правительства по отношению к горной промышленности не отличалась постоянством, отражая часто противоположные тенденции; она обычно покровительствовала частной предприимчивости, иногда же, наоборот, тормозила развитие частной промышленности.

В дальнейшем укоренился взгляд, что развитие горной промышленности возможно лишь в условиях устойчивого горного законодательства, и в 1899 г. был принят горный закон, который в основных чертах действителен и поныне.

В основном закон этот исходит из следующих положений:

Владелец поверхности не является собственником большинства из полезных ископаемых, и право производства разведочных и экспло-

*) Настоящий очерк основан, главным образом, на данных изданий *Jaarboek van het Mijnwezen in Nederlandsch Oost Indie* и *Mineral Industry* за ряд лет и статье Dr. Rutten „Die Entwicklung Niederländisch Ost-Indiens als Bergbauland“ в „*Internationale Bergwirtschaft*“, вып. I, 1925/26 №№ 1—3 и 4.

атационных работ принадлежит государству, которое одно лишь может передавать это право в виде концессии предпринимателям. Закон поощряет развитие национальной промышленности, и владельцы горных прав должны быть либо нидерландскими подданными, либо жителями Голландской Индии; если горной концессии добывается акционерное или другое общество, то правление его должно находиться либо в Нидерландах, либо в Голландской Индии, и всегда ограничивается до некоторой степени в правах в пользу государства. Право разведок предоставляется на ряд лет, но не более пяти, и открытие промышленного значения месторождений дает преимущественное право на получение концессии на эксплуатацию.

Наравне с перечисленными принципами, в промышленной политике довольно сильно проявляются государственно-капиталистические тенденции, поэтому государство организует за свой счет геолого-разведочные исследования, ограждая себя от частной конкуренции «закрытием площадей для частных исследований». При отдаче горных концессий в областях, исследованных за счет государства, арендная плата—в общем невысокая и составлявшая ежегодно по $\frac{1}{4}$ флорина за гектар и 4% от валового дохода—назначалась значительно более высокой. В дальнейшем (1918 г.) право частных предпринимателей на получение концессий на разработку в частности ископаемого горючего еще более было сужено.

При таких правовых условиях горный промысел мог развиваться либо в зависимости от размеров затрат на него средств государством, либо, в случае приложения к нему частных капиталов, для своего развития требовал особо выгодных объектов. Общая экономическая обстановка первоначально также не складывалась благоприятно. Поставляя в Европу значительные количества «колонияльных продуктов», судоходство в целях хотя бы частичной загрузки отправляемого за этими продуктами тоннажа, имело возможность вести товары на Восток по весьма низким фрахтовым ставкам, и продукты местной промышленности, естественно, не могли конкурировать с привозными европейскими; горная промышленность выросла первоначально поэтому почти исключительно на драгоценных металлах и дорогом олове. Развитие парового судоходства, вызвавшее спрос на уголь, дало толчок возникновению угольной промышленности, а дальнейший ход техники повлек за собой и расцвет нефтяных промыслов. В итоге в Голл. Индии, в крупнопромышленном размере ныне разрабатываются нефть, газ, олово, золото и серебро, а второстепенную роль играет марганец, вольфрам, алмазы, сера и естественные строительные материалы. Статистические данные о все возрастающих размерах добычи главнейших полезных ископаемых сведены в табл. 1. В соответствии с ценностью продукции среди этих отраслей горнодобывающей промышленности на первом месте должно рассмотреть горючие ископаемые, а за ними металлы.

Добыча полезных ископаемых в Голландской Индонезии.

Наименование ископаемого	М е р а веса	Г О Д Ы							
		1913	1916	1919	1920	1921	1922	1923	1924
Нефть	метр. тонн	1.534.223	1.820.247	2.159.931	2.365.318	2.361.507	2.382.398	2.833.048	2.925.768
Уголь	"	537.779 1)	571.458 1)	949.670	1.095.718	1.212.129	1.040.678	1.156.625	1.470.362
Газ	"	данных нет.	91.121	146.216	188.736	88.192	103.053	222.063	283.505
Золото 2)	килограмм	3.864,5	3.813,5	2.792,3	2.763,3	2.929,1	3.642,2	3.594,7	3.869,3
Серебро 2)	"	14.492,0	12.440,0	31.316,5	31.752,6	31.787,6	38.727,1	49.104,6	64.798,5
Олово (в руде)	метр. тонн	20.871	21.599	19.661	21.512	21.879	27.981	26.550	33.037
Марганцовая руда	"	данных	нет	2.915	4.179	2.093	3.233	5.243	8.482
Вольфрамовая " 3)	"	6	47	—	159	—	—	20	329
Алмазы	карат	данных	нет	966	410	1.770	1.948	1.140	348,5

1) Только правительственные копии.

2) За округлением.

3) Вольфрам содержащая оловянная руда.

Ископаемое горючее.

Нефть. Ценность продукции нефтяной промышленности Голл. Индии превышает ценность добычи всех остальных полезных ископаемых архипелага, вместе взятых, почему нефть среди минеральных богатств его должна быть названа на первом месте. Нефтеносные отложения имеют огромное распространение и тянутся от северной Суматры на западе до Новой Гвинеи на востоке и с северного Борнео до о-ва Тимор на юге; число промышленных площадей в то же время относительно ограничено (см. карту). Редко, где в столь совершенной степени подтверждается теория антиклиналей, как именно здесь. Индонезские месторождения содержат нефть самых разнообразных качеств: наиболее легкие сорта добываются в местности Перлак на сев. Суматре и содержат при 52% бензина лишь 9% мазута, в то время как тяжелая нефть с о-ва Таракан, близ западного побережья Борнео, при отсутствии бензина дает 62% мазута. Глубина залегания нефтеносных пластов в среднем составляет около 500 м., обнаруживая, естественно, большие колебания; наиболее глубокая буровая, по данным Руттена, достигла 1.353 м.

Первые бурения относятся к 1874 г. и производились в северо-западной части Явы, но они дали лишь ничтожные результаты; начало нефтяной промышленности в крупном масштабе поэтому правильнее отнести к 1889 г., когда были введены в эксплуатацию нефтяные площади в восточной Яве. Несколько времени спустя в сев. Суматре к работам приступило Королевское Нидерландское Нефтяное О-во, которое после нескольких весьма критических лет сумело чрезвычайно окрепнуть. Ныне это общество, более широко известное под фирмой Royal Dutch Shell (Рояль Дёч Шелль), захватило в свои руки 99% всей продукции Голл. Индии, являясь в то же время и одним из крупнейших мировых нефтяных трестов. В настоящее время большая часть добычи, в размере около 70% от всей добычи Голландской Индии, приходится на долю Борнео.

Распределение добычи между отдельными островами (и примыкающими к ним островками) за последние годы дано в следующей таблице (в метр. тоннах):

	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Ява	255.166	302.584	302.942
Суматра	500.955	604.018	577.951
Борнео	1.521.091	1.879.545	1.907.153
Церам	45.196	46.900	47.722

Значительно возрастает за последние годы и добыча газа; в 1923 г. она составила ок. 216% от добычи 1922 г., а в 1924 г.—ок. 123% от добычи 1923 года. В виду неудобств, возникавших при переработке его на промыслах, принимаются меры к прокладке газопроводов; в част-

ности, наиболее крупный промысел «Луиза» на о-ве Борнео в 1924 г. приступил к сооружению газопровода, протяжением в 104 км.

В 1911 г. Голл. Индия по размерам своей добычи нефти стояла на 4-м месте после С.-Ам. Соед. Штатов, России и Мексики с 3,5% мировой добычи; в 1924 г. быстро выдвигнувшаяся Персия отодвинула ее на 5-е место; несмотря на то, что добыча Голл. Индии за это время почти удвоилась, доля ее участия в мировой добыче опустилась ниже 1,1%. Все же для Тихоокеанского и Индийского бассейнов роль голландско-индийской нефти еще надолго останется весьма значительной. Что касается потенциальных возможностей архипелага в отношении нефти, то в итоге детальных геологических исследований и разведок, производящихся за счет правительства и Рояль Шелль, можно сказать, что находящиеся в эксплуатации площади обеспечивают дальнейший рост продукции и что имеются все данные на нахождение новых площадей, хотя последние вряд ли окажутся весьма значительными.

Уголь. Месторождения ископаемых углей широко распространены по всему архипелагу и в подавляющем количестве приурочены к разным ярусам третичных отложений. По качеству углей они весьма разнообразны и, в зависимости от возраста, представляют ряд переходных ступеней от торфообразных и землисто-буроугольных разностей до настоящих каменных углей. Наиболее значительные месторождения расположены на о-ве Суматре и на небольшом острове Пулу-Лаут, близ юго-восточной оконечности о-ва Борнео. По размерам добычи угля первым является месторождение Омбилин, площадью около 110 кв. км., с пластами угля мощностью от 6 до 23 м.; разведанный запас этого месторождения определяется в 10.420.000 т, вероятный в 190 миллионов тонн угля. Месторождение соединено железной дорогой в 175 км. с портом Еммагавен, близ Паданга, на юго-западном побережье Суматры.

Второе крупное месторождение Суматры расположено в резиденстве Палембанг в юго-восточной части острова. Уголь его, хотя и принадлежащий верхним ярусам третичных, благодаря контактовому метаморфизму, обладает высокими качествами.

Качество углей Голл. Индии характеризуется следующими анализами:

Месторождения.	Влажность %/%	Кокс %/%	Сера %/%	Зола %/%	Теплопроизв. способность в кал.
Омбилин	5,96	55,11	0,20	0,87	7,081
Палембанг	0,46	70,53	—	1,64	7,700
Пулу-Лаут	5,79	66,06	0,61	16,70	—

Угольная промышленность Голландской Индии на 70% (от годовой добычи) находится в руках государства и сосредоточена на трех коях:

Омбилин (с 1892 г.), Пулу-Лаут (возникшее в 1903 г., как частное предприятие, перешло в 1913 г. к государству) и Палембанг (государственное, основано в 1919 г.); из них на коях Омбилин добывается около 40% всей добычи страны. К 1924 г. число частных угольных концессий составляло 35, из которых разрабатывалось лишь 17. В большинстве своем это небольшие предприятия, и лишь на 2 из них добыча 1924 г. превысила сто тысяч тонн.

Угольная промышленность Голл. Индии развивается в соответствии с развитием ее промышленности и судоходства; фактором, замедляющим темп ее развития, является сильная конкуренция со стороны африканских и австралийских углей.

На одних лишь государственных коях в 1924 г. было задолжено 11.456 рабочих.

Металлы.

Среди металлических ископаемых Голландской Индии главенствующую роль в настоящее время — и, очевидно, надолго — играет олово. Месторождения олова представляют продолжение пользующейся мировой известностью металлогенической зоны, начинающейся на севере Брит. Бирмы и протягивающейся через Малайские государства полуострова Малакки до голландских островов Банка, Биллитон и Сингкеп к северо-востоку от Суматры. Убогие проявления олова в различных местах Суматры и еще менее значительные в юго-восточной части о-ва Борнео знаменуют собой затухание оловянного оруденения.

Практически вся оловянная промышленность Голландской Индии сосредоточена на упомянутых трех островах.

Несмотря на обширное площадное распространение оловянного оруденения, связанного с контактом гранитов с допретичными породами, месторождения промышленного типа немногочисленны, а жильные месторождения разрабатываются даже на одном лишь о-ве Биллитон, в то время, как на двух других эксплуатируются исключительно россыпи оловянного камня. Россыпи эти частично (о-в Сингкеп) расположены ниже уровня моря, представляя затопленные древние русла рек.

Оловянная промышленность возникла около 1710 г. на о-ве Банка и была первоначально сосредоточена в руках Ост-индской компании, имевшей монопольное право скупки руды. После перехода управления колонией к голландскому правительству, промышленность в течение XIX столетия развивалась в виде небольших приисков, арендовавшихся китайскими артелями, обязанными сдавать добычу по твердым ценам правительству. В начале XX столетия на более богатых участках здесь были организованы более мощные государственные предприятия, причем, однако, малые китайские старательские работы не прекращались.

Благонадежность месторождений на о-ве Биллитон окончательно была установлена лишь в середине XIX столетия, и в 1852 г. они были переданы в концессию Биллитонскому О-ву. Общество это должно было выплачивать правительству некоторую долю от чистой прибыли, постепенно повышавшуюся и достигшую в конце-концов 62,5%; в 1924 г. оно было реорганизовано в смешанное общество.

Более молодой является оловянная промышленность на о-ве Сингкеп; месторождения его менее богаты, чем таковые остальных островов, и поэтому были сданы в концессию на менее жестких условиях. Начало разработки Сингкепских месторождений, ныне производящейся, главным образом, при помощи драг, относится к 1889 году.

Запасы руды всех этих месторождений определены в 180.000 тонн действительных и в 140.000 тонн вероятных; таким образом, промышленность олова по нынешнему размеру добычи обеспечена запасами лишь на 10—15 лет.

Относительное значение трех оловянных районов иллюстрируется наилучше цифрами добычи олова за последние операционные годы (в метр. тоннах):

Наименование	Предприятие	1922	1923	1924
Банк	Государственное . . .	16.856	17.360	19.383
Биллитон	Частное	11.859	11.041	11.441
Сингкеп		663	818	798
	Всего . .	29.378	29.219	31.622

На долю государственной промышленности приходится, следовательно, в 1922 году—57,4% от всего добываемого количества, в 1924 г.—61,3%; характерно отметить, что заметный рост добычи обнаруживает только государственное предприятие.

При мировой добыче олова в 1924 г. в 135.371 тонну, участие Голландской Индии в ней выражается в размере 23,4%.

При добыче олова на государственных приисках задолживалось в 1924 г. в среднем 22.731 рабочих, а на частных предприятиях—17.048, всего в этой отрасли было занято около 40.000 человек, в каковое число большей частью не вошли европейцы, обычно принадлежащие к административно-техническому персоналу.

Насколько выгодной является оловянная промышленность, можно заключить из того, что при себестоимости тонны олова на государственном руднике менее 55 флоринов, продажная цена в Сингапуре в течение 1924 г. составляла в среднем 175 флоринов. Немудрено, что при столь высоких ценах, сохраняющих неизменно повышательную тенденцию, и

частное предприятие, разрабатывающее Биллитонские россыши и руды, несмотря на высокое обложение, могло выручить свыше 15.000.000 флоринов и выплатить дивиденд в размере 75% от номинала.

На ряду с оловом, в оловянных месторождениях в скромных размерах добывается и вольфрамовая руда, частью по существу являющаяся вольфрамсодержащей оловянной руды. В 1923 г. ее было добыто 20 метр. тонн, в 1924 г.—329 тонн. Добыча ее носит случайный характер.

По ценности продукции среди металлов на втором и на третьем месте стоят золото и серебро.

Месторождения золота известны с давних времен, и их эксплуатация производилась еще задолго до колониального времени. Естественно, что первоначально разработка была сосредоточена, главным образом, на золотых россыпях, которые встречаются в западной и юго-восточной частях о-ва Борнео и также в восточной части о-ва Суматра. В настоящее время россыпи в большей своей части выработаны, что и нашло свое выражение в падении суммарной добычи страны после 1916 года.

Рудное золото в перечисленных районах связано с кислыми интрузиями и большого значения не имеет, подавляющая же часть добычи в настоящее время, после истощения россыпей, получается из связанных с третичными изменениями дацитово-андезитовой магмы месторождений западной Суматры. Здесь золото и серебро находится с сульфидами меди и железа в кварцевых и хальцедоновых жилах, при чем руда нередко отличается столь высоким содержанием марганцовых соединений, что выделение металлов могло быть достигнуто лишь при помощи особого металлургического процесса.

Открытие первых рудников в западной Суматре относится еще к XVII столетию, но восстановление золото-серебряного дела связано с открытием и исследованием новых месторождений в резиденстве Бенкулен. Район этих месторождений детально изучался правительственным горным управлением в течение двух десятилетий, и, основываясь на результатах этих исследований, правительством в 1922 г. был заложен крупный золото-серебряный рудник.

Из остальных островов Голландской Индонезии должно упомянуть Целебес, открытия золота на котором привели в 1890-х г. к форменной золотой горячке. Месторождения этого острова, однако, не оправдали возлагавшихся на них надежд, и из многочисленных основанных на них золотопромышленных предприятий до настоящего времени сумели продержаться лишь три, из которых два влачат совсем печальное существование.

В течение последних лет золоторудные месторождения открыты также на о-ве Ява, но до сих пор еще не выяснилось, имеются ли среди них таковые промышленного характера.

Золото-серебряная промышленность Голландской Индии сосредоточена, если не считать мелких, нередко не учитываемых даже статистикой, старательских работ на о-ве Борнео, целиком на о-ве Суматра, где добычу драгоценных металлов производят 9 предприятий, из которых одно, как уже указывалось, государственное, а остальные — частные. По некоторым из этих месторождений, а именно, по давшим в 1924 г. почти 75% всей добычи страны, приводятся данные о подготовленных запасах, составивших к началу 1925 г. около 1.379.000 тонн руды, с содержанием около 17.617 кл. золота; исходя из 3.000 кл. годовой добычи, эти предприятия, следовательно, обеспечены запасом руды на 5—6 лет.

На долю государственного предприятия, основанного, как указывалось, в 1922 г., в первый год его работы пришлось только 1,9% от общей добычи; в 1924 г. его участие повысилось до 8,3%.

В мировой добыче участие Голландской Индии за 1924 г. выразилось в размере, немного не достигающем 1%.

На золото-серебряных рудниках на 31/XII—1924 г. работало около 7.100 рабочих, при чем на долю государственных приходилось лишь 1.162 чел.

Ж е л е з о. Месторождения железных руд широко распространены на островах архипелага и представлены следующими тремя типами.

Наивысшим содержанием железа обладают магнитные железняки, главным образом, контактово-метаморфических месторождений, связанных с допретичными кислыми интрузиями. Они сосредоточены почти исключительно на о-ве Суматра; заслуживают упоминания месторождения Паматанг в южной части острова, с запасом в 2 миллиона тонн руды, содержащей 60—70% железа, и месторождение в округе Лампонг, с предположительным запасом в 10 млн. тонн.

Другой тип железных руд находится на южном побережье Явы и представляет прибрежные отложения титано-магнетитового песка, запас которых оценивается в тридцать миллионов тонн слишком. Богатство месторождений и выгодные условия разработки неоднократно привлекали к ним внимание промышленников, и лет 15 тому назад месторождение даже было сдано в концессию; вследствие того, что пески эти не поддаются обработке обычными металлургическими способами, — предприятие это успеха не имело и вынуждено было ликвидироваться. Если иметь в виду, что высокопромышленная Япония, с весьма ограниченными запасами собственных руд и обладающая в то же время богатыми залежами титано-магнетитовых песков, до сих пор не сумела поставить крупно-промышленной переплавки этих песков, то должно признать, что рассчитывать на вовлечение в эксплуатацию подобных же песков Голландской Индии не приходится.

По размерам своих запасов наиболее значительными являются месторождения руды, весьма близкие по типу всемирно известным рудам

Кубы и причисляемые обычно к латеритовым. Месторождения эти сосредоточены, главным образом, в двух районах: в центральной части о-ва Целебес и на юго-востоке о-ва Борнео. Первый из них — район Ларона с разведанным запасом в 15 и возможным в несколько сот миллионов тонн — долгое время считался единственно возможной базой для создания металлургической промышленности Голландской Индии. По своему расположению в свыше 50 км. от побережья, на высоте свыше 300 м. над уровнем моря и при отсутствии по близости коксующихся углей, он в то же время находится в экономически неблагоприятных условиях.

В значительно лучших условиях находится открытое позже месторождение Зебуку на о-ве Борнео. В результате исследований 1918—19 гг. запас его был определен в 100 миллионов тонн, из которых около 20 залегают непосредственно на поверхности и могут разрабатываться открытыми работами. Месторождение расположено в 18 км. от побережья, а неподалеку от него находятся коксующиеся угли Пулу-Лаут. Качество руды этих месторождений характеризуется следующими анализами (в процентах):

Остров — Месторождение	Железо	Крем-незем	Фосфор	Сера	Окись хрома	Марган.	Никель
Целебес — Ларона	50,55	0,60	0,039	—	2,03	1,19	0,38
Борнео — Зебуку	53,09	2,75	0,06	0,21	хром 2,30	0,43	—

Немного высоким представляется содержание серы; значительное содержание хрома для обычного доменного процесса является также не совсем благоприятным. Эти неудобства, очевидно, считаются устраняемыми без особых затруднений, ибо на редкость удачное сочетание остальных экономических условий (транспорт, горючее и т. д.) привели к созданию смешанного металлургического общества, с основным капиталом в 70 миллионов флоринов, из которых правительство вносит 20 млн., в виде самого месторождения и прав на его разработку. Производительность предприятия рассчитана на 150.000 тонн стали ежегодно, из них 50.000 т. получает правительство, 40.000 т. предположено дополнительно реализовать на внутреннем рынке, а остальное количество предназначается на внешний дальневосточный рынок. Возникновение этого предприятия представляет особый интерес, также в связи с тем обстоятельством, что оно неминуемо ударит по интересам английской, индийской и американской тяжелой промышленности, до сих пор снабжавших индо-тихоокеанский рынок железом и сталью.

Марганец, необходимый при выплавке стали, Голландская Индия имеет также в ряде месторождений; но до сих пор лишь одно из

них приобрело промышленное значение, а именно — месторождение Джикжа в средней Яве, представляющее пластовую залежь среди известняков и окремненных мергелей. По высоким качествам руды месторождение, очевидно, разрабатывалось до сих пор, главным образом, для нужд химической промышленности. Добыча «браунштейна» — химической руды — в 1924 г. достигла 8.482 тонн.

Таким образом, Голландская Индия имеет все необходимое для создания собственной тяжелой промышленности, и, судя по приведенным выше данным, создание таковой должно ожидать в ближайшем же будущем.

Неметаллические ископаемые.

Промышленного значения месторождениями нерудных ископаемых Голландская Индия, в общем, небогата; пока что заслуживают упоминания сера, алмазы и естественные строительные материалы.

Сера издревле разрабатывалась туземцами на ряде вулканов, но крупного промышленного значения ни одно из этих месторождений не приобрело, как вследствие незначительности запасов, так и в связи с тяжелыми условиями транспорта. В связи с возрастающим спросом на серу, за последние годы вновь пробудился интерес к ее месторождениям. Более детально было исследовано месторождение Кава Пути на о-ве Ява, на котором в 1919 году было пробито несколько буровых скважин. Запас серы в этом месторождении определен в один миллион руды, содержащей около 400.000 т. чистой серы.

Алмазы добываются в южной и восточной частях о-ва Борнео; работают, преимущественно, китайцы и малайцы. В 1924 г. было добыто 348½ карат, против 1.139½ карат в предыдущем году. Стоимость их составляет несколько десятков тысяч гульденов. На значительное развитие этой отрасли промышленности рассчитывать не приходится.

Строительные материалы, как-то: известняк, натуральные асфальты, туфы — разрабатываются в ряде мест, и добыча их достигает нескольких тысяч кубических метров ежегодно.

Среди нерудных полезных ископаемых нельзя не отметить иода, встречающегося в источниках, приуроченных к третичным отложениям с-ва Ява, и известного еще в первой половине XIX столетия. Иод добывается с конца прошлого столетия, главным образом, из источников близ Сурабаджи и исключительно в виде иодистой меди, с содержанием около 50% иода. В наиболее благоприятные годы производство иодистой меди превышало 50 тонн. Для сравнения напомним, что годовая добыча иода в главной его стране-производительнице — Чили, составляет около 675 тонн.

Наконец, следует указать, что, по слухам, в зап. Борнео открыто месторождение молицита, но более детальных сведений об этом

чрезвычайно интересном открытии пока что, к сожалению, еще не поступало.

При сопоставлении имеющихся данных об отдельных полезных ископаемых Голландской Индии должно признать, что они, по нынешнему уровню знаний о геологическом строении архипелага, не отличаются большим разнообразием, но ресурсы главнейших из них в то же время достаточно значительны, чтобы на долгое время обеспечить основные отрасли горной промышленности. Богатые месторождения ископаемого горючего обеспечивают энергетическую базу страны, нахождение среди них коксующихся углей при избытке железных и наличии марганцовых руд дает возможность организации черной металлургии; коксование и разработка месторождений серы дадут сырье для основной химической промышленности; для приобретения необходимых импортных товаров страна обладает значительными запасами валютных металлов, к которым, наряду с золотом и серебром, при ограниченности мировых ресурсов, должно быть отнесено и олово, рост цен на которое обеспечен и в дальнейшем. Если к этому прибавить законодательство, позволяющее государству теснейшим образом влиять на ход развития промышленности, широко используя принципы планирования, то дальнейшие перспективы могут быть обрисованы в весьма радужных тонах; подтверждением тому могут служить восходящие кривые добычи во всех отраслях горного дела. Островное расположение Голландской Индии на торговых путях, соединяющих Индийский океан с Тихим, и вытекающее отсюда удобство сообщений, заставляют однако рассматривать Голл. Индию не самостоятельно, а как часть Индо-тихоокеанской системы, в связи с развитием Японии, Китая и Брит. Индии. Япония нуждается в железной руде, и по последним данным, приступает к эксплуатации железорудных месторождений в Индо-Китае; Индия, в то же время, обладая богатейшими железорудными запасами, не имеет достаточно высокого качества коксовых углей; Китай нуждается в серебре; японская нефть не покрывает внутренних потребностей, а Китай нефти не имеет. Олово, наконец, нужно всему миру.

Таким образом, и при рассмотрении на фоне всего Дальнего Востока для отдельных видов полезных ископаемых Голландской Индии намечается возможность расширения внешних рынков.

Дальнейшее развитие горнопромышленности в первую голову потребует расширения железнодорожной сети, ныне весьма скромной и к тому же сосредоточенной почти исключительно на о-ве Ява; естественно, что такое расширение вызовет огромный внутренний спрос на черный металл и топливо, а также на рабочую силу.

При общей площади островов архипелага немногим менее 2 млн. квадр. километров, население его составляет около 40 миллионов, что соответствует плотности населения в 20 душ на 1 кв. километр, т.-е.

меньше таковой всех стран Европы, за исключением Швеции и Норвегии.

Уже в настоящее время среди индонезских горнорабочих встречается значительное количество китайцев; гражданская война в Китае заставляет часть их воздерживаться от возвращения на родину, что якобы дало даже возможность более резкого усиления продукции в некоторых горнопромышленных областях за последние годы .

Если к тому же иметь в виду значительную трудоемкость культур плантаций, являющихся пока-что основой народного хозяйства архипелага, то при развитии промышленности неминуемо придется столкнуться с недостатком рабочей силы, и одной из предпосылок к индустриализации страны поэтому, очевидно, должна явиться усиленная иммиграция.

Повторяем, все нужное для горнопромышленного развития Голландской Индии имеется, и дальнейший ход его зависит лишь от того, сумеет ли она правильно его направить.

Минеральное сырье Китая на мировом рынке.

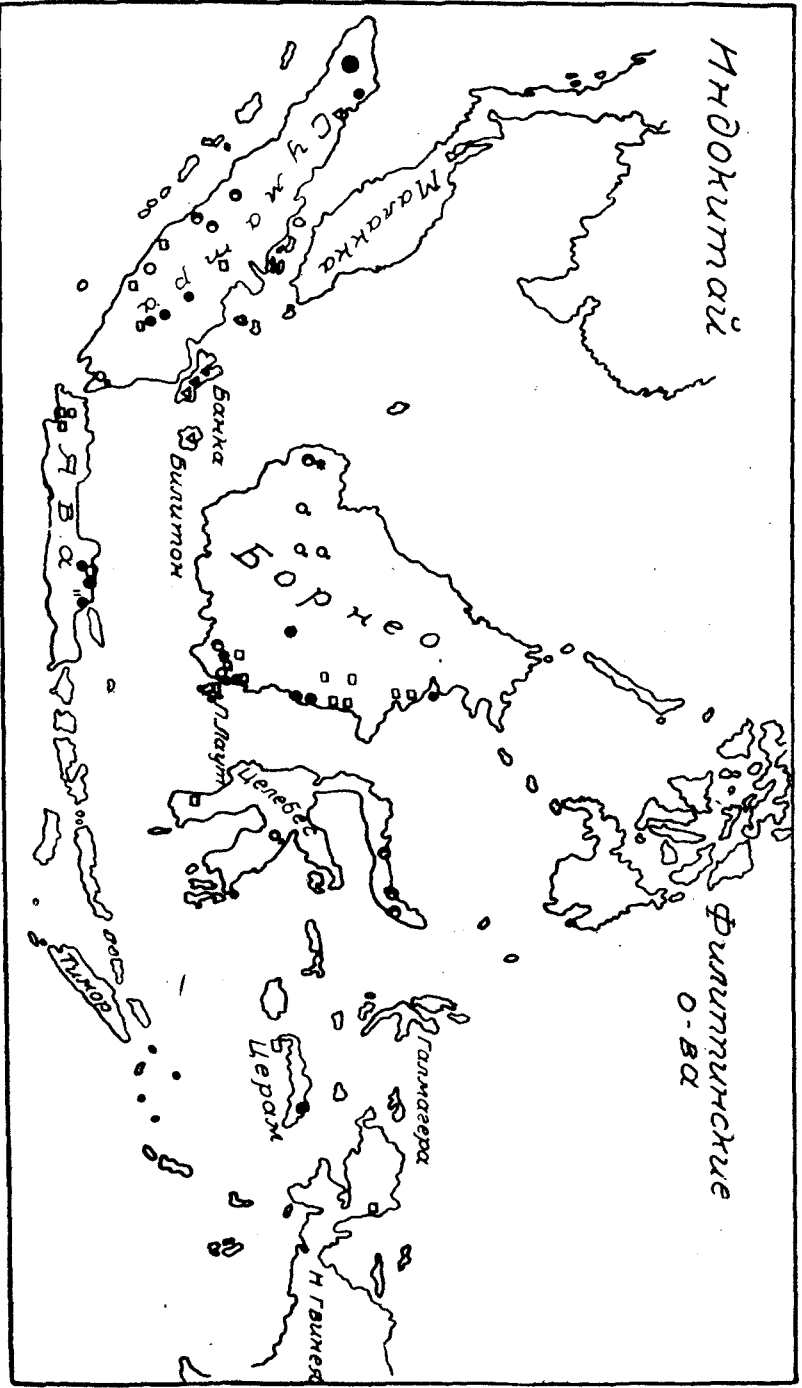
Далеко позади нас лежит то время, когда центры производства и центры потребления минерального сырья совпадали, и лишь особые ценные товары, как, например, золото, серебро, ртуть, драгоценные камни перебрасывались по земному шару вне зависимости от расстояний. С тех пор минеральные богатства ряда стран, преимущественно европейских, в значительной степени истощились, потребность же в них непрерывно и быстро возрастала, удовлетворяясь производством в далеких, часто промышленно отсталых или даже девственных странах других материков, приобщенных к мировому товарообороту современными усовершенствованными способами сообщения.

Потребление всей главной массы полезных ископаемых приурочено в настоящее время к территории Западной Европы и Соединенных Штатов Северной Америки; добыча их разбросана по всему земному шару, начиная от старейших горнопромышленных районов Германии и Великобритании или гигантских американских разработок, где применения усовершенствованных технических методов в культурной обстановке позволяет с выгодой разрабатывать бедные месторождения, и кончая дебрями Африки и др. материков, неоднократно поражавшими нас исключительным богатством недр. Современная техника и промышленность, пожирающие огромные массы минерального сырья, широко черпают из этих отдаленных источников, успешно конкурирующих с месторождениями промышленных стран, иногда благодаря их богатству и дешевизне туземных рабочих рук, при примитивных условиях разработки, иногда при помощи крупного европейского или американского капитала, ищущего приложения в девственных районах и создающего там вполне современно оборудованные предприятия, рудники и заводы.

Процесс коммерческого завоевания колониальных и вообще промышленно отсталых стран европейским и американским капиталом общеизвестен и достаточно ярко иллюстрируется примерами нефте- и золотопромышленности, чтобы на нем здесь останавливаться. Напомним только, что крупное участие в добыче многих полезных ископаемых в политически обособленных государствах цветных материков во многих случаях расшифровывается совершенно иначе, если учесть значение

Индокитай

Филиппинские
О-ва

□ Уголь

● Непитъ

♣ Мерезо

▽ Олово

○ Золото и серебро

* Рубины

|| Мёд

коммерческого контроля, фактически сосредоточивающего в руках белых рас ряд отраслей промышленности других стран.

С этой точки зрения Китай сумел, до известной степени, оградить себя от тяжелых коммерческих цепей. Счастьем для Китая является, может быть, то обстоятельство, что на его территории до сих пор неизвестно крупных запасов золота и нефти, на которые прежде всего направляются взоры промышленников и государств. В противном случае ему, несомненно, пришлось бы испытать куда более энергичный натиск иностранного капитала, чем это имело место в современной обстановке. Но эта замкнутость Китая имела своим последствием и чрезвычайно слабое развитие его горной промышленности вообще и в частности, незначительное участие Китая в мировой торговле минеральным сырьем, хотя естественные ресурсы его, пока очень мало изученные, как будто достаточно обильны и многообещающи.

Китай, несомненно, богат углем и железом, затем сурьмой, вольфрамом и оловом. В меньшем обилии встречаются руды меди, цинка и свинца. Мало обнадеживающие перспективы пока вырисовываются для золота, серебра и ртути.

Медно-свинцово-цинковая промышленность, достигшая крупного масштаба и высокого технического совершенства в передовых промышленных странах, требует чрезвычайных затрат средств и технических сил для того, чтобы подняться до уровня фактора мирового значения. Не в меньшей степени это в силе и для железа и угля, дешевых продуктов массового производства, принимающих сравнительно ограниченное участие в мировом обороте. Естественно, поэтому, что по всем упомянутым видам минерального сырья роль Китая в мировой торговле ограничена, при чем экспорт нередко выражается меньшими числами, чем импорт.

Другое дело группа сурьмы, вольфрама и олова, в первую очередь, первые два из перечисленных металлов. Несложность технических приемов получения рыночного товара, сопровождающаяся значительной его ценностью, создает условия, при которых Китай, не обладая ни крупными капиталами, ни достаточными техническими силами может успешно конкурировать на мировом рынке с другими добывающими странами, основываясь в этой борьбе только на богатстве своих месторождений и на дешевизне рабочих рук. И, действительно, из следующего мы увидим, что Китай по сурьме и вольфраму занял совершенно исключительное, господствующее положение в мировой промышленности. Но раньше, чем обратиться к этому вопросу, остановимся еще на олове.

Как известно, для олова в последние годы наметился общий кризис, вызванный увеличивающимся потреблением при недостаточности ресурсов, которые могли бы быть вовлечены в эксплуатацию даже

при все возрастающих ценах, поднявшихся с 30 цент. за фунт в 1909 г. до 50 цент. в 1924 г. и 70 цент. к началу 1927 года. Высокие цены мало отражаются на потреблении олова в виду того, что применение олова для изготовления жести, сплавов, для пайки и пр. не знает замены в виде какого-нибудь другого металла, и, с другой стороны, что стоимость олова незначительно влияет на стоимость готового продукта, в состав которого оно входит лишь в количестве немногих процентов.

В этих условиях олово легко может найти себе сбыт по хорошим ценам, при чем добыча и первоначальная плавка оловянных руд не отличаются сложностью и не могут представить особых затруднений даже для такой отсталой страны, как Китай.

Роль Китая в мировом производстве олова не чрезмерно велика; добыча составляла как в довоенные, так и в последние годы 5—6% мировой, но достигала во время войны почти 10%. Нормально Китай дает 7—8 тыс. тонн олова, максимально до 12.000 т. (по другим источникам — 14.000 т.), при мировой добыче, постепенно усиливающейся с 130.000 т. до 150.000 т.

Главная добыча производится из месторождений Kochiu-chiang в провинции Юннань, в 30 милях к западу от г. Mengtze, где оловосодержащие россыпи и жилы распространены на площади в 40×30 килом. Здесь на 150 рудниках занято около 30.000 рабочих. Разработки отчасти открытые, отчасти подземные, ведутся исключительно примитивными туземными способами. Месторождения являются собственностью правительства, которое с промышленников взимает налог в размере 12,5—18%.

Производительность района находится в сильной зависимости от погоды, так как обилие или недостаток воды влияют на количество руды, которое может быть промыто. Руда переплавляется в примитивных печах и в форме слитков отправляется для очистки в Гонгконг.

Все предприятия находятся в руках китайцев, и европейский капитал не допускается сюда, несмотря на то, что попытки со стороны европейцев в этом направлении делались неоднократно.

Существуют, повидимому, планы переоборудования предприятий более современными установками, что могло бы значительно увеличить их продуктивность; однако, по имеющимся сведениям, за последние годы построен только один оловоплавильный завод европейского типа.

Месторождения пров. Юннань дают свыше 90% всей добычи олова в Китае. Остальное количество падает на многочисленные месторождения в пров. Гуанси, Хунань, Канси, Гуандун и Фукиен, в Южном Китае, ежегодно дающие по совокупности несколько сот тонн олова; однако, роль их, по сравнению с рудниками Kochiu-chiang второстепенная.

Как указывалось, Китай только в размере 5—6%, в исключительные годы до 10%, участвует в снабжении мирового рынка оловом. Тем

не менее, мы считаем необходимым на этом остановиться в виду напряженного состояния оловянной промышленности, при которой и такой сравнительно скромный поставщик, все же выбрасывающий на мировой рынок на 20—25 миллионов рублей олова, оказывает свое влияние на общее положение, и особенно потому, что в Китае мы имеем возможности расширения производства олова в будущем как по обилию природных ресурсов, так и по характеру самой промышленности, не требующей сложной организации, совершенных технических методов и крупных затрат капитала. Однако, необходимо оговорить, что наши сведения о богатстве месторождений очень неполны, и, может быть, не лишено оснований проскальзывающее в литературе мнение, будто при современных примитивных методах разработки месторождения олова в Китае, несмотря на их многочисленность, не способны дать значительного увеличения производительности.

Переходя теперь к вольфраму, следует прежде всего отметить близкое минералогическое (геохимическое) сродство его с оловом. По современным нашим воззрениям, первичные огненно-жидкие горные породы (магма) при застывании, в силу различных химических и физических свойств их составных частей, дают начало участкам, в разной степени обогащенным теми или иными рудными минералами, которые дальнейшими процессами, напр., действием горячих вод или газов, концентрируются до степени рудных месторождений. При этом естественно, что металлы, обладающие сходными химическими и физическими свойствами, аналогично реагируют на воздействующие на них процессы и в конечном итоге скопляются в одних и тех же или в соседних месторождениях. Этим объясняется закономерность в распределении месторождений разных металлов, в известной последовательности группирующихся как в вертикальном направлении — на глубину, так и в горизонтальном — в зависимости от расстояния их от очага минерализации, образуя характерные зоны распространения месторождений руд так называемых «металлогенических провинций».

Вольфрам химически обнаруживает большое сходство с оловом; месторождения обоих металлов связаны с кислыми породами типа гранитов, и руды олова часто сопутствуют рудам вольфрама в их месторождениях и наоборот, или же район распространения руд одного из этих металлов расположен по соседству с районом, обнимающим месторождения другого.

В Азии оба металла находятся в многочисленных месторождениях, рассеянных на обширной площади юго-восточной части материка. Эта металлогеническая провинция, приуроченная к обширным гранитным массивам, захватывает Малайский полуостров, Сиам, Британскую Индию, Голландскую Индию, Индо-Китай и Южный Китай. Олово и вольфрам встречаются то вместе, то отдельно. В Китае олово преобладает

над вольфрамом в западной полосе месторождений (пров. Юннань), между тем как главные месторождения вольфрамовых руд встречаются на востоке, в провинции Хунань, Канси, Гуандун, Гонконг.

Вольфрам, нашедший себе в последнее время довольно широкое применение в металлургии, благодаря способности улучшать свойства стали, принадлежит к самым юным металлам, лишь недавно обратившим на себя внимание. Неудивительно, поэтому, что и в Китае нахождение вольфрамовых руд стало известно всего лишь лет десять тому назад. Однако, за этот короткий срок китайский вольфрам в полном смысле слова завоевал мировой рынок и продолжает и по сие время господствовать на нем.

К началу войны мировая добыча составляла около 8.000 т. концентратов, добываемых в целом ряде стран. Война чрезвычайно усилила потребность в быстрорежущей вольфрамовой стали и привела к росту добычи до 32.000 т. в 1918 г. Это гигантское увеличение произошло, главным образом, за счет Китая, развившего свое производство с 100 т. в 1916 г. и 1.360 т. в 1917 г. до 10.000 т. в 1918 г. С прекращением военных действий и падением спроса на вольфрам, последовало резкое падение цены, вызвавшее постепенное замирание вольфрамовой промышленности во всех странах, где себестоимость не могла быть согласована с установившимися мировыми ценами. Китай, благодаря богатству его месторождений и дешевизне рабочих рук (45 к. в день в 1923—1924 г.), оказался в состоянии поставлять вольфрам на мировой рынок по наименьшей, по сравнению со всеми прочими странами, цене. Вне Китая вольфрамовая промышленность сохранилась почти только там, где этот металл получается попутно с добычей олова, с которым он, как уже указывалось, часто встречается совместно. В результате Китай в последние годы дает около двух третей мировой добычи, напр., в 1925 г. около 7.000 т., при мировой цифре 11.500 т.

Эта конъюнктура, несомненно, прочно установившаяся на ряд лет, подчинила мировой вольфрамовый рынок Китаю. При условии, что в прочих странах добыча вольфрама почти замерла, заминки в поставке его из Китая вызывают резкое повышение цен, которые за последние два года, напр., колебались в Лондоне в пределах от 9 до 25 шилл. за единицу содержания вольфрамовой кислоты в тонне концентратов. Очевидно, что подобное положение вещей создает благоприятные условия для спекуляции, использующей всякие заминки в своих интересах, и еще больше обостряя этим общее положение.

Добыча вольфрамовых руд ведется в Китае самими примитивными способами, преимущественно, земледельцами, в качестве побочного промысла. Разрабатываются россыпи, из которых отмываются тяжелые вольфрамовые минералы. Получающиеся концентраты продаются скупщикам, которые перепродают их агентам китайских и иностранных

экспортных фирм. Последние подвергают концентраты повторному обогащению с целью придания им требуемого для экспортного товара содержания металла. Вся работа производится вручную, обогатительных фабрик не имеется.

Наибольшие затруднения при разработке китайских месторождений представляет транспорт. После того, как руда доставлена до ближайшей реки, ей предстоит длинный водный путь до гавани с многочисленными перегрузками из лодок сперва малых размеров в лодки все более и более крупные. Вывозится вольфрам преимущественно через Кантон и Гонконг.

Из добычи 1925 г., около 1.400 т. отправлено было в Сев.-Амер. Соед. Штаты и около 4.500 т.—в Германию.

Положение, описанное для вольфрама, почти в точности повторяется и для сурьмы. С этим металлом Китай значительно раньше вышел на мировой рынок, лет 25 тому назад, соответственно издавна установившемуся значению сурьмы в промышленности, где она применяется преимущественно для сплавов разного состава (баббит, типографский металл, британский металл и т. д.). Уже с 1908 года Китай выдвинулся на первое место и с тех пор неизменно давал свыше половины мировой добычи. Как и для вольфрама, война повысила спрос и производство сурьмы как в Китае, так и в других странах, а с окончанием военных действий спрос и цены резко упали, и промышленность замерла во всех странах, которые не в состоянии конкурировать с дешевым китайским товаром. Китай оказался в положении монополиста, давая в отдельные годы до 80% мировой добычи, составлявшей в 1925 г. около 25.000 тонн.

Около 90% добычи Китая падает на пров. Хунань, где на обширной площади разбросаны многочисленные месторождения, среди них крупнейшее в мире месторождение Си-чуан-шань (округ Sin Hwa). Запасы его оцениваются минимально в 1 мил. тонн, при содержании металла в руде, после ручной отборки, около 60%. В той же провинции известен еще ряд месторождений, отчасти разрабатывающихся, так же, как и в других южных провинциях Китая; они находятся, однако, в менее благоприятных условиях, а руды их менее богаты (20—30%). Выработки местами достигли глубины свыше 150 м.

До войны Китай вывозил преимущественно руду, пользуясь посредничеством иностранных экспортных фирм. Во время повышенного военного спроса быстро развилась собственная сурьмоплавильная промышленность, сосредоточенная, главным образом, в районе г. Чанша и находящаяся в руках китайцев.

В разработке и плавке сурьмяных руд участвует около 80 китайских предприятий. Приемы работ везде примитивные.

Все, что сказано относительно спекулятивного характера торговли вольфрамом, остается в силе и для сурьмы. Ярким примером тому был 1925 год, когда в Сев.-Амер. Соед. Штатах, благодаря расцвету автомобильной промышленности, резко увеличился спрос на сурьму, идущую на изготовление батарей. Некоторая заминка в снабжении этим металлом была ловко использована деловыми кругами, благодаря чему цена в Соед. Штатах с 8 цент. за фунт в середине 1924 г. поднялась до 20 цент. в начале и до 23 цент. в конце 1925 г. К началу 1927 г. она вновь опустилась до 13 центов.

Беглый обзор роли Китая на мировой арене промышленности некоторых полезных ископаемых вскрывает довольно характерную картину. Как уже указывалось в начале статьи, развитие горной промышленности Китая протекает без вмешательства или помощи иностранного капитала, благодаря чему мировое значение могли получить только такие ископаемые, которые не требуют сложных технических методов добычи и переработки. Но в этих рамках Китай, благодаря исключительной дешевизне рабочих рук, мог использовать некоторые свои минеральные богатства в полной мере, вытеснив с мирового рынка всех почти конкурентов и заняв место почти монопольного поставщика.

Сохранит ли Китай эту роль и в будущем? Наши знания о месторождениях Китая слишком отрывочны, чтобы дать определенный ответ относительно обеспеченности страны богатыми рудами в удобных условиях эксплуатации. Очевидно, рано или поздно, наиболее богатые месторождения будут выработаны; не подлежит также сомнению, особенно в связи с последними событиями в Китае, что рабочая плата должна постепенно повыситься. В этих новых условиях, которые наступят, может быть, еще не скоро, Китай в состоянии будет успешно конкурировать на мировом рынке только в том случае, если он сумеет перестроить свою промышленность на более совершенных технических основаниях, при которых возможна дешевая массовая добыча более бедных руд даже при условии сравнительно дорогой рабочей силы. Это — перспективы более отдаленного будущего, в ближайшие же годы нет оснований ожидать крупных перемен в удельном весе китайской вольфрамовой и сурьмяной промышленности.

Прежде, чем закончить этот очерк, я хотел бы еще вскользь затронуть вопрос о том, как подобная монополия мирового снабжения минеральным сырьем отражается на потребителях этого сырья. Колебания цен на вольфрам и сурьму, о которых говорилось выше, дают ответ на этот вопрос. При этом нельзя утверждать, чтобы спрос на эти металлы в мирное время подвергался бы столь сильным изменениям, чтобы внести беспорядочность в снабжение ими потребителей, как это имеет место, напр., для мышьяка, спрос на который в некоторые годы, в связи с нашествием вредителей в сельском хозяйстве, возрастает в несколько

раз, сопровождаясь не менее резко выраженным ростом цен. В условиях зависимости от одной страны, при том мало устойчивой в политическом и промышленном отношении, подобная монополия неизбежно влечет за собой неустойчивость, вызванную отсутствием прочной связи между потребителем и производителем. При современных тенденциях синдицирования и объединения в ряде отраслей промышленности, в том числе и горной, регулирования производства и стабилизации цен, подобные формы невольно представляются чем-то устаревшим, пережитком прежних времен. Тем не менее, это положение является прямым и неизбежным следствием создавшейся конъюнктуры и может быть названо экономическим законом, по которому мировая монополия какого-нибудь вида минерального сырья, находящаяся в неорганизованных формах в руках промышленно отсталого государства, неизбежно сопровождается неустойчивостью общего положения и резкими колебаниями цен: низких — при нормальном течении производства, снабжения и потребления, высоких — при малейшем нарушении равновесия.

С этим положением должны считаться все остальные страны при проведении определенной политики по отношению к своим собственным, более бедным, по сравнению с Китаем, ресурсам вольфрама и сурьмы.

ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Г. САФАРОВ

Древнейший период китайской истории *).

4. Полоса феодальной анархии.

Происхождение Чжоуской династии довольно темное и чудесное. «Небо ²⁾ — священно; величественно оно следит за ходом земных дел. Созерцая все четыре части империи, оно искало места, чтобы поселить наш народ. Правление двух первых династий не было хорошо установленным. Небо рассматривало различные княжества и тщательно искало князя, который бы соответствовал его желаниям. Найдя его, оно захотело увеличить его владения» ³⁾.

Со стремления увеличить феодальные владения начинается не только феодальный порядок, но и феодальная анархия. В китайской истории феодальная анархия играла выдающуюся роль. В этой главе идет речь о феодальной анархии, начавшейся с периода «Весны и Осени» ⁴⁾ и свирепствовавшей вплоть до половины третьего века до нашей эры. Сомнительность сведений о воцарении Чжоуской династии дает некоторые основания предположить, что с самых «спокойных» и мирных времен феодальный порядок чрезвычайно интимно переплетался с феодальной анархией. С наступлением «Весны и Осени» тяжба из-за уделов уже настолько сделалась бытовым явлением, что исчезла даже всякая иллюзия организованного порядка. Шатается и падает не одна лишь императорская власть, власть самого крупного феодала. То же самое происходит и с отдельными княжествами, растаскиваемыми по кускам более мелкими феодалами и феодальными чиновниками. В 536 г. в княжестве Лу «уничтожили центральный легион, чтобы ослабить княжеский дом... Когда центральный легион был уничтожен, доходы

*) См. начало статьи в „Новом Востоке“, № 18, стр. 188—209.

1) Куврер в качестве ревностного католика всюду заменяет „небо“ — „царем небесным“.

2) Куврер. „Ши-Цзин“, стр. 294—295.

3) Период этот продолжался с 721 по 481 г. до н. эры. По крайней мере, этот период охватывает соответствующая летопись. Назывался он так потому, что проходили без конца весна и осень, самые важные для земледельца сезоны, а война все продолжалась.

княжеского семейства были поделены на четыре части. (Один человек) взял себе две части, два других сеньора получили по одной. Три министра взыскивали подать со всего княжества и выплачивали только оброк князю Лу»¹⁾).

Земля с крепостными подданными стала основной формой богатства, и феодальная анархия была выражением этого процесса обогащения путем войны всех против всех.

В течение длинного ряда столетий шла нескончаемая драка между большими и мелкими княжествами с непрерывным участием «варваров», зачастую в качестве решающей силы. Тут уже нельзя было ограничиться одними привилегированными княжескими дружинами, нужна была пехота, крепостная пехота. Все мужское население поголовно привлекалось к несению военной службы. В деревнях оставались лишь женщины, старики и калеки. Деревня же должна была кормить и одевать войско, снаряжать его колесницами — по разверстке на известное количество поселений, и, вообще, отдавать все свое добро на барскую войну. Во главе военного дела в Чжоускую эпоху²⁾ стоял «великий маршал». «Великий маршал командовал дворцовой гвардией. Он — начальник над всеми военачальниками. В случае войны, он — главнокомандующий. Однако, не он набирает войско, оно ему доставляется главным управляющим. Всякое крупное княжество представляет 36.000 человек, среднее — 24.000, малое — 12.000. Берут от двух до трех человек с семьи. В военном строю, за всякое неподчинение — немедленная смертная казнь. Несчастные крестьяне, оторванные от их полей, придавленные кирасой и вооруженные копьем, ведутся в бой густыми массами, настолько сжатыми со всех сторон, что никакое бегство невозможно. Каждое поражение сопровождается невыразимой резней»³⁾).

Такое феодальное войско — непосредственный сколок феодального строя.

Понятно, что от этой барщинной повинности трудно было ждать боевого воодушевления. И поэтому песни этой эпохи — сплошной плач людей, оторванных от родной земли. «Нельзя пренебрегать делами императора, я не могу сеять просо; кто же поддержит моих родных», — жалуется в одной песне подневольный солдат⁴⁾.

Военное ремесло — почетное занятие лишь для общественных верхов. В качестве барщины оно приравнивается наказанию за преступления. — В 518 г. «князь У послал на военную службу прежде всего

¹⁾ Том III „Весны и Осени“ (по франц.), стр. 96—97.

²⁾ Повторяем, что мы употребляем этот термин как условное обозначение для периода с XI—X века вплоть до „Весны и Осени“.

³⁾ Тексты, стр. 81.

⁴⁾ „Ши-Цзин“, стр. 114—115.

тысячу человек осужденных за преступления» ¹⁾. Чем больше затягивается военное разорение, тем больше жалоб на несоблюдение времеч года. В весеннюю и летнюю пору, когда нужно работать на полях, крестьян гонят на войну.

«В прежние времена кудрявое просо было прекрасным; дожди поливали его в подходящее время. Все княжества пользовались расположением императора» ²⁾.

А теперь. — «Долина заросла сорной травой; земля высохла. Женщины бросают свои семьи и лишены всякой помощи; они плачут и рыдают. Плачут и рыдают под тяжестью бед людской жизни» ³⁾.

Прежде «пестухи кукурекали, и собаки лаяли из конца в конец во всех четырех сторонах, так что (у князя) было достаточно населения. Не нужно было никаких перемен ни для расширения территории, ни для увеличения населения» ⁴⁾.

Война обрушилась невзгодами на хозяйство. Целые округа оказались лишенными рабочих рук и заброшенными. Ниже мы приводим характерный диалог между знаменитым последователем Конфуция, Мэнцзы, и одним из феодальных корольков. Корольок запрашивает ученого советника: «Как можно заселить империю?» — «Я ответил, — пишет Мэнцзы, — «она будет заселена, если ее объединить под общим руководством». «Кто может ее объединить?» — Я ответил: «Тот, кто не будет видеть удовольствия в убийстве людей, объединит ее». «Кто же может поддержать его?» — Я ответил: «Весь народ империи единодушно поддержит его. Разве ваше величество не знает как растет зерно? В седьмом и восьмом месяце, когда преобладает сушь, зерно высыхает. Тогда на небе собираются густые облака, они посылают потоки дождя, и зерно само поднимается, как при первых побегах. Когда это происходит, кто может повернуть назад? Среди людских пастырей сейчас нет ни одного в империи, который бы не находил удовольствия в убийстве людей. Если бы был такой, который не находил бы удовольствия в убийстве людей, народ всей империи бросился бы к нему с распростертыми об'ятнями» ⁵⁾.

Пожалуй, лучше всех других это превращение феодализма в орудие истребления производительных сил охарактеризовал философ Моти (Moh-Ti). По долгу казенной службы он также давал досужие советы князьям. «Воинственные государства в империи, в настоящее время, это — Ци, Цинь, Чу и Юэ. Даже если бы эти четыре государства могли

¹⁾ „Весна и Осень“, том III, стр. 363.

²⁾ „Ши-Цзин“, стр. 143. Последняя фраза, вероятно, верноподданническое до-
бавление.

³⁾ Там же, стр. 72.

⁴⁾ „The Life and Works of Mencius“. By James Legge. London, 1875, стр. 161.

⁵⁾ The Four Books or the Chinese Classics.“ Shanghai, 1914, стр. 276—277.

добиться того, чего им хочется, и удесятерили бы свою территорию, они бы все же не могли ею пользоваться, так как жителей бы не хватало, а земли было бы в избытке»¹⁾.

Таким образом, феодальная война за землю диалектическим путем обращалась в свою собственную противоположность: вместо того, чтобы вести к расширению и упрочению феодального строя, она обесценивала все больше и больше его основу—земельное богатство.

Именно по этой причине, отнюдь не покушаясь на феодальное господство, Моти возмущался против «излишеств» и «дурных сторон» феодализма. «Сейчас взаимно вредят друг другу в борьбе за обладание землей, уменьшают то, в чем и без того недостаток; увеличивают то, что в избытке»²⁾.

Война не только непосредственно была по хозяйству, она также неминуемо вела к разорению его всяческими поборами и налогами. Хотя в феодальные времена и сложилась поговорка, что война питает войну»³⁾, на деле это питание шло за счет крепостной крестьянской массы. Стеснения, направленные целиком против крестьянского хозяйства, росли пропорционально увлечению феодалов военными подвигами.

Положение в княжестве Ци, на Желтой реке, недалеко от впадения ее в море, рисует эту обстановку в довольно ярких красках. Описание относится к 521 г. «Деревья на горах и леса охраняются особым чиновником. Камыш и тростник на озерах охраняется особым чиновником. Травы и хворост на болотах охраняются особым чиновником. Соль и раковины морские в ведении особого чиновника. Жители округов, расположенных по границам, мобилизуются для отбывания даровых работ. Жители соседних с ними округов платят чрезмерные налоги, истончающие все их достояние. Те, кто был управителем на основании наследственного права, заменены силой другими, кто купил свое звание подношениями. Распоряжения издаются без всяких правил. Налоги взыскиваются без меры. Дворцы и здания перестраиваются каждый день; беспутным развлечениям нет конца. Любимцы гаремов забирают силой товары на рынках. На границах фавориты-чиновники, ссылаясь на княжеские приказы, удовлетворяют свою жадность; если кто-нибудь отказывает им дать, они его объявляют виновным. Народ несчастен. Мужья и жены проклинаят правительство»⁴⁾.

Почти полное предвосхищение средневековых порядков в Западной Европе!

1) „Mǝ Tǝ des Sozialethikers und seiner Schüler philosophische Werke“, von Prof. Alfred Forke. Berlin, 1922, стр. 281.

2) „Me Ti“, стр. 281.

3) La guerre nourrit la guerre.

4) „Весна и Осень“, том III, стр. 323—324, франц. перевода.

В этом смысле мы сталкиваемся в древнем Китае с воспроизведением европейского средневековья не только по форме, но и по существу. Уже в эту раннюю пору происходят пресловутые «enclosures», «огораживания имений». Феодализм всюду и всегда остается верен себе!

Для иллюстрации опять придется сослаться на беседу Мэнцзы с корольком. Владелец княжества Ци спрашивает его: «Правда ли, что парк короля Уана равнялся семидесяти квадратным ли!» Мэнцзы ответил: «Так говорит летопись». «Неужели у него был такой большой парк?»—«Народ находил его еще малым», — ответил Мэнцзы. — «Мой парк», возразил король, «всего только сорок ли, и народ считает его еще большим. Как это так?» «Парк короля Уана», сказал Мэнцзы, «был 70 кв. ли, но те, кто косит траву и собирает хворост, имели доступ в него, так же, как и охотники на фазанов и зайцев. Он делился с народом (?), и разве этого не было достаточно, чтобы считать его парк малым? Когда я прибыл к вашим границам, я узнал о больших запретительных правилах раньше, чем услышал, что в пределах валов существует парк в 40 квадратных ли, и что всякий, убивший в нем оленя, все равно большого или малого, считается виновным в преступлении, как если бы он убил человека. Благодаря этому, сорок квадратных ли оказываются волчьей ямой посреди королевства. Разве это не довод, чтобы народ считал парк слишком большим?»¹⁾

Феодальное право охоты и рыбной ловли отнимало у крестьян последнее подспорье в хозяйстве. С другой стороны, эти охотничьи угодья отнимали землю, которой все больше и больше не хватало по мере роста феодальной выжимки. Больше того, захватывалась крестьянская земля в угоду барской забаве.

«Правители-притеснители явились один за другим, они ломали дома у народа, чтобы на месте их устраивать пруды и озера; таким образом, народу нигде не было покоя; бросали поля, предназначенные для обработки, и устраивали парки и сады, народу негде было добыть ни пищи, ни одежды. Затем, лицемерные речи и притеснения дошли до предела; сады и парки, пруды и озера, чащи и болота разрослись; звери и птицы появились всюду²⁾. Во времена Чжоуской династии все существующее под небом снова впало в состояние смуты»³⁾.

Конфуцианская⁴⁾ феодальная бюрократия выступила с проповедью «разумной меры» во всех поступках, потому что феодальный

1) Legge, стр. 141—142.

2) Страна впала в первобытное состояние.

3) Там же, стр. 227.

4) Конфуций жил с 551 г. по 479 г. до н. э. Мэнцзы—с 372 по 289 г.

строй в своем первоначальном виде действительно дошел до точки, превзойдя всякую меру в своих безобразиях. Не следует только делать отсюда поспешный вывод о том, что конфуцианская феодальная бюрократия стремилась учредить крестьянский рай на земле. Она добивалась привилегий для себя.

Однако, не будем забегать вперед. Война роковым образом ускорила процесс разложения этого древнейшего феодализма во всех направлениях. «Огораживание поместий», вместе с общей системой феодальных поборов и притеснений, подтачивало военную силу феодализма. Военная барщина становилась все более невыносимой, так как она не возмещалась никакими экономическими выгодами, никаким экономическим эквивалентом. Всякое усиление феодальной знати вызывало более усиленное разорение крестьян.

Моти ¹⁾, незаслуженно прозванный «философом всеобщей любви» ²⁾ и бывший конкурентом конфуцианской школы, убеждал феодалов во вреде увлечения гаремными красотами с точки зрения военной «пользы»: «Семья Цинского князя имеет много сотен красиво устроенных повозок, много сотен лошадей, которых кормят зерном, и много сотен женщин, одетых в затканые шелковые платья. Я бы взял деньги, которые тратятся на дорогие экипажи, лошадей и материал для разукрашенных платьев, и держал бы на них солдат, хватило бы, по крайней мере, на тысячу. В случае нужды я занял бы фронт сотней человек, а из нескольких сотен образовал бы резерв. Не было бы ли это вернее, чем выставлять со всех сторон вокруг себя несколько сотен женщин?» ³⁾.

Вопрос, безусловно, риторический.

Уже в восьмом веке до нашей эры мы находим недвусмысленные сведения о решительном исчезновении всякой патриархальности в отношениях между знатью и народом. «Весной», — рассказывает летопись княжества Лу, составившая знаменитые «Весну и Осень», — «армия Ци вторглась на нашу территорию. Когда князь Лу готовился вступить в битву, Цао-Квей, один из его подданных, захотел обратиться к нему. Его земляки сказали ему: «Это те, кто ест мясо, богатые и знатные, дают свои советы по вопросам политическим и военным. Чего же лезешь ты?» ⁴⁾.

Классовое раслоение в ту эпоху, очевидно, достигало больших размеров, если его пришлось учесть, как решающую силу даже военному искусству.

¹⁾ Моти жил приблизительно между 500 и 420 г. до н. э.

²⁾ Форке свой перевод произведений этого „социал-этика“ посвящает носителю идеализма в Китае... „Немецко-Азиатскому Банку“.

³⁾ „Ме Ти“, стр. 558.

⁴⁾ „Весна и Осень“, том I, стр. 148.

Не пожалеем места на очень характерную и интересную выдержку из произведения Уцзы ¹⁾ о военном искусстве ²⁾, относящегося к пятому веку до н. эры. Она дает представление о тогдашнем состоянии удельных княжеств, враждовавших между собой. Уцзы пишет: «Те, кто оставляет княжество Ци ³⁾, упрямы и своенравны. Они богаты и состоятельны, но их богатства плохо распределены. Знатные, по примеру своего князя, ленивы, беспечны, чванливы и высокомерны; притесняемый народ ищет только случая свергнуть давящее его иго. Это княжество обширно, правление поделено между многими лицами; но так как вознаграждения между ними плохо распределены, и их служба плохо оплачивается, то никто не добивается похвалы, и между всеми царят такое несогласие и беспорядок, что часто бывает, что одно и то же лицо несогласно с самим собой. С виду они—солидны, изнутри—само легкомыслие... Вам ⁴⁾ будет нетрудно победить их, если вы, разделив ваше войско на три корпуса, смело броситесь в битву. Пускайте в дело сначала лишь две трети вашего войска, из которых одна часть нападает на их левый фланг, а другая — на правый; остающуюся часть вы употребите как резерв в случае нужды.

«Что касается людей Циньского княжества ⁵⁾, то их как будто не легко усмирить: они сильны и крепки. Их страна перерезана большим количеством рек и гор, правление у них твердое и строгое, награды и наказания распределены правильно, нет среди них таких, кто бы не отдавался военным упражнениям; часто даже они делятся на корпуса и идут воевать в разные стороны; кроме того, они упрямы и не знают взаимных уступок. Хотите вы их победить? Разожгите их жадность какой-нибудь добычей или выподной приманкой; они дадут поймать себя, они бросятся с жадностью, сразу же поставят войска на ноги, начнут поход, но долго не выдержат. У каждого из них в виду только собственный интерес, только успели обложить контрибуцией какую-нибудь деревню, лишь захватили несколько стад или что-нибудь вроде, что вы им подсунули, и они уже думают, как бы вернуться домой. Тщетно их генералы будут давать приказы,—их не будут слушать: это уже будет не настоящее войско, это будут разрозненные мелкие отряды. Люди княжества Чу ⁶⁾, конечно, слабы; страна у них большая, их образ правления помон придинок; у них необычайно много законов (!); это делает народ печальным и боязливым. Войска, которые они имеют сейчас под ружьем, все собраны вместе, но это не надолго. Начните тревожить их, нападайте на них в их же стране; ослабляйте их силу, насколько можете; захватывайте

¹⁾ По французски: Ou—tse.

²⁾ „Шесть статей о военном искусстве“.

³⁾ В нынешнем Шаньдуне.

⁴⁾ Он был на службе княжества Вэй в Хунани,

⁵⁾ В Шаньси.

⁶⁾ В Хэнане.

вайте их деревни и города, находящиеся без защиты, но не делайте никакого зла жителям их. Взяв легкую контрибуцию, освободите их от всех придирчивых законов, которые мешают им; скоро они станут вашими друзьями, и вы приобретете еще других, благодаря тому, что они будут хвалить своих победителей»¹⁾.

Вне всякого сомнения, Уцзы были выдающимся умом своего времени. В его советах мы не встречаем тошнотворного морализирования, столь присущего конфуцианцам. За несколько столетий до нашей эры он описывает искусство превращения войны феодальной, в войну классовую, гражданскую. Разумеется, он имеет в виду использование этой последней в феодально-княжеских интересах, но зато тут нет и намека на замазывание классовых различий лицемерными рассуждениями о различии в степени «добродетели».

Разлагаясь под давлением внутренних противоречий, феодализм—описанной нами древнейшей формации—неизбежно порождал и разжигал классовую борьбу. На этот путь массы наталкивались своим невыносимым положением. Местами дело доходило до того, что крестьяне местности, подвергшейся нашествию, сговаривались с крестьянами той местности, откуда пришли завоеватели о том, чтобы последние устроили восстание в тылу и таким путем сорвали весь поход. Случалось, что это проходило²⁾. Однако, не это крепостное крестьянство находилось в центре узла все более завязывавшихся противоречий. Его участие в событиях было больше эпизодическим. Оно играло роль фундамента, на котором разворачивалась борьба. Само оно искало лишь чисто физической возможности существования. Мы это лучше поймем, если выясним, при каком соотношении классовых сил назревал кризис феодализма, столь родственного многими чертами своему западно-европейскому «классическому» собрату.

5. Назревание кризиса.

Почти все события китайской истории до II века до н. эры развивались в лёссовой полосе, включающей провинции Чжили, Шаньси, Ганьсу, Шаньдун и северную часть провинций Хэнань и Шэнси. Вместе с тем, свойства лёссовой полосы давали все больше о себе знать по мере развития земледелия. «Практическое значение лёсса³⁾ основывается на некоторых его выдающихся качествах. В первую очередь, это производительная земля. Если бы в Северном Китае был более благоприятный климат, он бы считался самой плодородной страной в мире, с точки

1) „Mémoires concernant des Chinois“, Tome VII. Paris, 1782, стр. 185—186—187. Это редкое сочинение в значительной степени составлено Amiot, бывшим миссионером в Пекине.

2) См. „Весна и Осень“ том II, стр. 416.

3) Иногда его зовут желтоземом.

зрения общего распределения лёсса. Весьма вероятно, что он и стоял высоко в этом отношении в древние исторические времена, когда горы были еще покрыты лесом и делали климат влажным. Вся площадь лёсса в настоящее время под обработкой. Но, благодаря своей способности легко впитывать воду, он нуждается в более частых и продолжительных дождях, чем большинство других сортов земли, и если дождя нехватает во время посева, тогда вспаханную почву уносит ветер, семена оголяются на солнце и совсем не пускают ростков. Другое важное свойство лёсса, это тенденция к вертикальному сечению. Она благоприятствует постройке дешевых жилищ, которыми пользуется большинство населения. Она же вызывает быстрый прогресс обнажения местности»¹⁾. Лёссовая полоса легче всякой другой смывается дождями.

Как далеко зашло ухудшение климата под влиянием лесостребления в разбираемую нами эпоху, сказать трудно. В наших руках показания только косвенного характера. Лауфер изучал вопрос о лесостреблении в связи с исчезновением пород носорога в Северном Китае. Вплоть до Ханьской эпохи шкура носорога служила главным материалом для выделки кирас. Рога носорога в Чжоускую эпоху шли на выделку украшенных кубков. Лауфер пришел к выводу, что «к концу Чжоуского периода²⁾ единорог, по всем данным, совершенно исчез в Северном Китае; двурогие же экземпляры постепенно удалялись, ища пристанища в высоких горах на юго-западе»³⁾. Это позволяет предположить, что к 3-му веку до нашей эры лесостребление достигло уже значительных размеров. Но как только снимается лесная преграда, тотчас же начинают дуть холодные ветры, идущие из монгольских степей, и выпадение дождевых осадков становится чрезвычайно нерегулярным, что вызывает то засуху, то наводнения.

Только этим можно объяснить, что уже в Чжоускую эпоху слышались жалобы на засуху, разоряющую земледельческое население. Эти жалобы одновременно сопровождаются жалобами на «несоблюдение времен года», проистекавшее от феодальной междуусобицы. Китайский крестьянин того времени ясно понимал общественные условия, бросавшие его в объятия стихийных бедствий. В этом отношении он был много умнее современных «ученых» мальтузианцев, объясняющих все китайские беды — «ныне и присно и во веки веков» — чрезмерной перенаселенностью⁴⁾.

1) Richthofen's Letters. 1870—1872. Second Edition. Shanghai, 1903, стр. 36.

2) Лауфер считает его здесь до половины 3-го века до н. эры.

3) Chinese Clay Figures. Part I. Prolegomena on the history of defensive armor." By B. Laufer. Chicago, 1914, стр. 161.

4) Для примера см. книжку Маллори (Mallory) „Китай—страна голода“, Нью-Йорк, 1926 г. загубившего ценный конкретный материал американской комиссии помощи.

Этим же ухудшением естественных условий под влиянием хищнического хозяйства объясняется и чрезвычайно ранний переход к искусственному орошению и устройству специальных каналов с целью увеличения влажности почвы. Частые наводнения также потребовали постройки плотин для защиты обработанных полей:

Искусственное орошение представляло собой, прежде всего, некоторую страховку от стихийных неожиданностей. Есть смутные упоминания о том, что первоначально земля орошалась из колодцев. Стоит ли это утверждение в связи с легендой о колодезной системе, неизвестно.

Каналы рылись первоначально для военных целей. Так, прорытие глубокого канала было предпринято княжеством У для более удобного нападения на княжество Ци. Была использована система озер, расположенных на территории княжества, примыкавшего к морю ¹⁾. С другой стороны, необходимость канализационных работ порождалась частыми переменами русла рек, протекающих в лессовой полосе. Желтая река, бывшая водной артерией первоначального ядра Китая, побила рекорд в этой области. Должно быть, она и научила канализационным работам.

Немного мы знаем об ирригационных сооружениях в древности. Амио изображал древний Китай покрытым густой сетью оросительных рукавов, но сам он не был вполне уверен в достоверности своих утверждений ²⁾.

Совершенно бесспорным доказательством существования системы искусственного орошения в Шэньси к концу Чжоуской эпохи служат найденные в наше время остатки ирригационных сооружений на реке Цзин (King). Во втором веке до нашей эры первоначальная система подверглась переделке и сокращению, но и в сокращенном виде она орошала 450 тысяч му ³⁾.

Во всяком случае, если кризис феодализма привел к кризису земледельческого хозяйства и заставил обратиться к помощи искусственного орошения, то первоначальные ирригационные сооружения были еще слишком недостаточны для того, чтобы решить насущную практическую задачу. Выходом из создавшегося тулика была все еще только колонизация новых неиспользованных пространств.

«При третьей династии Чжоу, когда государство стало уже самостоятельным, только половина, едва ли не треть, нынешнего Китая была обитаема, и эта часть неравно была населена. Народонаселение скоплялось около рек, и земледелие, при всех неудобноисполнимых рас-

¹⁾ Variétés sinologiques. Albert Tchepe. „Histoire du Royaume de Ou (1122—473 av. J. C.)“. Changhai, 1896

²⁾ Mémoires, XIII, стр. 314—315.

³⁾ Report on the Wei-pch irrigation work, Shensi“. By Li tsich. Siensin, Shensi, 1923.

поражениях, шло не очень успешно, как видно из Мын-цзы. Но и эти населенные места представляли деревеньки, разбросанные на далеком расстоянии друг от друга. По замечанию Гуань-цзы, пастухи стад жили врозь, на расстоянии десяти ли вокруг не было жителей, и каждая деревня по распределению содержала только восемь семейств ¹⁾. Самые уделы, по свидетельству Мын-цзы, были не обширны: удел Шан, сменивший династию Ся, заключал только десять квадратных ли, а удел Чжоу, уничтоживший династию Шан, только семь ли ²⁾. По всему видно, что деревни и города стали умножаться только со времени династии Чжоу и то только с той эпохи, когда двор перенесен был на восток, в Лоян, нынешнюю Хэнаньскую губернию ³⁾. Весь юг был обитаем дикими независимыми племенами ⁴⁾. Возвышение Цинского княжества и поглощение им всех остальных уделов, происшедшее в третьем веке до нашей эры, было обусловлено, с одной стороны, тем, что оно привлекло переселенцев на принадлежавшие ему нетронутые земли провинций Шаньси и Ганьсу, а, с другой стороны, тем, что оно прорубило окно на юг, указав путь через Янцаы. Это легло в основу об'единения Китая и создания Китайской империи ⁵⁾ на реформированном феодальном базисе.

В земледелии все еще господствовала переложная система, хотя постепенно ее уже начинала вытеснять ирригация. Впоследствии повторный возврат к переложной системе совершался не раз, при всяком упадке земледелия, когда ранее обработанные пространства на сотни и тысячи верст снова покрывались густой травой и лесом. «Когда хорошие поля обращаются в пустырь и на долгое время остаются без обработки», — говорит летопись позднейшей Циньской династии ⁶⁾, — «их много легче обрабатывать огнем, плугом и путем орошения» ⁷⁾.

Преобладание переложного хозяйства было причиной неравномерного и хищнического использования земельной площади.

Следует кстати заметить, что продолжавшийся еще в те времена переход кочевников к земледелию также задерживал устранение убыточной переложной системы. Отказу от нее мешал феодальный строй, подрывавший всякую хозяйственную заинтересованность крестьянства.

1) Крестьян расселяли принудительно, однако, цифра 8, очевидно, обязана своим происхождением опять-таки той же девятипольной системе.

2) Эта „точность“ относительно доисторических событий весьма сомнительна.

3) В восьмом веке до н. эры.

4) И. Захаров. „Историческое обозрение народонаселения Китая“. — „Труды миссии“, том I. Пекин, 1909 г., стр. 151—152.

5) До того ее существование было условным.

6) Четвертый век нашей эры.

7) „The Economic History of China“. By Mabel Ping-Hua Lee, New-York, 1921, стр. 199.

Кризис земледелия ускорил и усилил развитие торгового оборота и товарно-денежного хозяйства. С самых ранних времен росту торговых сношений должны были содействовать соседство с кочевниками и полухотничьими племенами, расселение народа по речным артериям ¹⁾ и раннее развитие домашних промыслов. Давление феодальной выжимки действовало в том же направлении. Стихийные бедствия, стоявшие в прямой зависимости от общественных условий, довершали крестьянское разорение... в интересах развития товарно-денежных отношений на феодальной почве. «В мелко-крестьянском и мелко-буржуазном производстве деньги употребляются в качестве покупательного средства преимущественно в тех случаях, когда вследствие случайности или каких-либо чрезвычайных потрясений условия производства утрачиваются рабочим (который при этих способах производства является еще собственником), или, по меньшей мере, не могут быть возмещены обычным ходом производства» ²⁾. «Несоблюдение времен года» в земледельческом хозяйстве вследствие войн, барщинных повинностей и поборов до крайности стесняло этот обычный ход производств, малейшая же «неустойка» в природе была равносильна катастрофе. С этих пор в китайской истории берет свое начало своеобразное «разделение труда» между феодальной выжимкой и стихийными бедствиями, «разделение труда» в сфере разорения крестьянского хозяйства. «Огораживание поместий» лишало крестьян всех дополнительных источников существования, значение которых особенно возрастало в обстановке разорявшегося крестьянского хозяйства. Горькие воспоминание об ушедших временах красноречиво рисует безнадежность положения в позднейшую эпоху. «В древности земледельцы обрабатывали сообща общинное поле, но не платили налогов ³⁾. Лавки на рынке платили аренду, но с товаров не брали налогов. На границах удельных княжеств странствующие купцы подвергались досмотру, но не платили взысканий. В установленное время всякий мог свободно отправляться рубить деревья в лес у подножья гор и ловить рыбу в реках и озерах; не было никакого запрета. Поля, предоставленные чиновникам для приношений и жертв ⁴⁾, были изъяты от всякого обложения ⁵⁾. Барщина, взыскиваемая с народа, не превосходила трех дней в год ⁶⁾. Поле и место для жилья, предназначенные князем для каждой семьи, не могли быть проданы. Место погребения членов одной семьи не могло быть захвачено другой» ⁷⁾.

1) Уже в раннюю пору лошадь сделалась привилегированной феодальной собственностью. Передвижение по воде представляло и больше удобств и было более безопасным.

2) К Маркс. „Капитал“, том III, часть вторая, стр. 139. Гиз, 1923 г.

3) Попросту обрабатывали барскую землю.

4) Предкам. Идеологическая мотивировка наделения чиновников землей.

5) Заметно авторство чиновника.

6) Помимо обработки барской земли.

7) Куврер. „Ли-Цзы“, стр. 293—294.

Очевидно, все это позже практиковалось в самом широком масштабе. Один перечень «того, чего не было», сам говорит за себя и отражает значительный уровень роста товарно-денежных отношений. Традиционная собственность, обусловленная принадлежностью к определенному сословию, отчуждается, превращается в товар. Раньше крестьянин получал землю, чтобы выполнять известные повинности по отношению к феодалу. Земля была неотделима от крепостного состояния. Позже рыночная стихия расщепляет эти первоначальные элементы феодального господства.

Но она чинит произвол не только внизу, но и вверху.

Тут опять — неизбежное сравнение с прошлым: «Чиновники, поставленные следить за исполнением правил, не допускали нарушений. На рынке воспрещалось продавать продолговатые или кольцеобразные таблетки, служившие признаком знатности, золоченые кубки, предназначенные для возлияний ¹⁾, одежду и экипажи, служившие отличием определенного ранга и жалованные верховной властью, орудия и инструменты из храмов предков, жертвенных животных подобранного цвета, воспрещалось это для того, чтобы внушить народу уважение к этим вещам» ²⁾.

С разложением феодального строя все это пошло на толкучку. Все феодальные привилегии «товаризировались», превратились в меновую стоимость. Рынок не пожалел даже храмов предков знатных феодалов и выволок на аукцион все «священные» атрибуты. Ведь, во время междоусобицы многие феодалы деклассировались, стихийно-естественные и общественные бедствия, заставлявшие крестьян разбредаться в разные стороны, лишали феодалов их крепостной собственности. Оттого-то родовые привилегии и становились объектом обмена.

Власть рынка над феодальным обществом росла непрерывно, и стремление феодалов монополизировать, сосредоточить в своих руках все выгоды от развития товарно-денежного хозяйства еще резче подчеркивало противоречие между экономическими потребностями и давлением феодальной надстройки.

Прежде «продажа оружия была воспрещена. Воспрещалось продавать на рынке инструменты без установленной меры, боевые колесницы неустановленного образца, холст или шелк, грубый или отборный, необычного тканья, или слишком широкий или слишком узкий. Воспрещалось продавать на базарах шелк, затканый цветами, дорогие украшения или драгоценные камни, дорогие вина или отборные кушанья. Воспрещалось продавать на рынке зерно не по сезону (чтобы избежать спекуляции), незрелые фрукты или зерна, дерево, еще не подлежащее

¹⁾ Жертвенных.

²⁾ «Ли-Цзы», стр. 308—309.

рубке, убойных животных, рыбу или черепах, непригодных еще к убою. На границах княжества чиновники, приставленные следить за исполнением правил, осматривали путешественников, старались узнать, кто говорит на чужом языке»¹⁾. Последнее замечание несколько непонятно, так как затем, в похвалу прошлому, упоминается, что во втором осеннем месяце «уменьшались налоги на границах и на рынках, чтобы привлечь купцов, путешественников»²⁾ и всякого рода товары в интересах народа. Когда чужестранцы прибывают в большом количестве со всех сторон, даже из самых отдаленных стран, нет недостатка в нужных вещах, правящие не испытывают нужды в запасах; все работы производятся без задержки»³⁾.

Описание древних порядков в «книге церемоний и обрядов» страдает явными преувеличениями, характерными для конфуцианцев, идеализировавших прошлое для того, чтобы, опираясь на традицию, осуществить свои притязания на власть и богатство.

Тем не менее, не подлежит никакому сомнению, что к периоду «Весны и Осени» основная территория Китая была покрыта сетью местных рынков, проявлявших неудержимое стремление к слиянию в один общий, внутренний, национальный рынок. Выделение странствующих купцов «чужестранцев-путешественников», в самостоятельную категорию, в особый слой, отличный от оседлого купечества, «прикрепленного» к «своему» князю, крайне показательно в этом отношении.

Раньше существовало княжеское натуральное хозяйство. У «сына неба», напр., было шесть управляющих ремесленными мастерскими: управляющий горшечным делом⁴⁾, управляющий по выделке металлических изделий, управляющий каменными работами, управляющий деревообделочными работами, управляющий по выделке кож и шкур, управляющий красильным заведением⁵⁾. С разложением первоначальных феодальных отношений появляется на свет самостоятельное ремесло, работающее не на барский двор, а на рынок. Оно делается одним из опорных пунктов торгового капитала, который опирается на торговлю крестьянским зерном и крестьянскими домашними тканями, как на свой главный фундамент.

«В древности», — рассказывает один китайский историк 12 века нашей эры, — «если упоминалось о сокровищах, то имелся в виду запас

¹⁾ Там же, стр. 309—310.

²⁾ Странствующих купцов.

³⁾ „Ли-Цзы“, стр. 383.

⁴⁾ Один немецкий ученный так увлекся ранним прогрессом горшечного дела в Китае, что свел все возникновение и развитие древнего феодализма к торговой монополии нескольких родовых групп горшечных мастеров в третьем тысячелетии до нашей эры. См. А. Wedemeyer. „Hirth Anniversary Volume“, London, 1923, стр. 528—529.

⁵⁾ „Ли-Цзы“, стр. 89.

9 лет. В случае трех урожайных лет подряд, урожай одного года был не нужен для пропитания народа и складывался в запас на случай плохих времен. Таким образом, запас двадцати семи лет труда считался сокровищем, и под этим подразумевался только продукт земли, не было того, что накапливались несколько миллионов связок медяков вместе и делали из них сокровище. Почему так было? Потому, что одежда и пища, производимые земледельческим трудом и выращиванием тутовых деревьев, связывались с понятием богатства, тогда как деньги не превосходили того количества, которое требовалось на установленный период. Прежде так называемый эквивалент ¹⁾ денег состоял в зерне и рисе ²⁾... И во времена трех династий и перед этим ³⁾, народ, говоря о богатстве и налогах, всегда считал зерно и рис основой, деньги же в собственном смысле не превосходили установленного количества, нужного для измерения веса вещей ⁴⁾. Так как налоги взыскивались с народа натурой и повинностями, то пользование деньгами при платеже их было очень незначительным; что же касается платы чиновникам, то с ней устраивались таким же образом. Земли распределялись между князьями, благородными и знатными чиновниками (сообразно их рангу), и единственная разница заключалась в величине принадлежавшей тому или другому земли, и не бывало того, чтобы на деньги смотрели как на вознаграждение за службу. Только когда дурные годы приносили голод и несчастья, деньги пускались в ход ⁵⁾.

Но чем ближе мы подходим к кризису феодализма, тем больше дурных лет. Тем больше на плечах «стихийных бедствий» прорывается — в замкнутый круг феодального хозяйства — стихийная власть рынка.

Времена меняются, меняются и песни. В 525 г. до н. эры, когда один князь попытался ограбить купцов, ему напомнили характернейший договор между его предком и предком купеческим: «Когда-то Хуань-Гун, первый князь удела Чжен, и один купец вдвоем покинули императорскую территорию, где они родились и отправились в удел Чжен. Они заключили между собой союз, чтобы каждый из них мог обрабатывать землю. Они повырывали и уничтожили дурные травы, покрывавшие эту страну; они косили разные травы и устроились вместе. Между собой они заключили договор, который должен был связать их потомков, и они поклялись друг другу в верности и дружбе. В этом договоре Хуань-Гун

¹⁾ Перевод на совести автора книжки, из которой мы берем выдержку.

²⁾ Рис вошел в обиход на севере только с Ханьской династии, не раньше второго века до н. эры.

³⁾ Совершенно легендарные времена.

⁴⁾ В качестве всеобщего товарного эквивалента . . . для товарных излишков.

⁵⁾ Известный ученый Цзин-лай, живший с 1137 по 1181 г, цитирован Матуан-лином, китайским историком. См. „On Chinese Currency“. By W. Uissering. Leiden, 1877, стр. 14—15.

сказал: «Не бунтуйте против меня, я не буду ничего покупать у вас силой (!?)¹⁾».

Феодалльная генеалогия — в Китае, как и повсюду — легко мирится с происхождением власти от собаки, лисы или черепахи, но союз с купцом у самых истоков «государственного бытия» — явление, из ряда вон выходящее. Тут уж, несомненно, отразился коммерческий дух позднейшего периода.

Впрочем, сближение с купечеством происходит не только с помощью генеалогии, но и на почве попыток феодалов обратить в свою пользу купеческие занятия и промыслы. Стремясь наложить свою лапу на самые нужные для крестьян предметы потребления, феодалльная аристократия установила монополию на добычу и продажу соли и железа. Разумеется, от этого получилось только «доказательство от противного» в пользу торгового капитала.

«В древности», — меланхолически повествует китайская летопись, — «цена соли равнялась цене зерна, но с тех пор как правительство монополизировало производство для того, чтобы сделать цены одинаковыми, соль вздорожала, и бедным классам приходится обрабатывать свои поля деревянными плугами, употреблять свои руки, вместо мотыги (по случаю налогов на железо) и есть несоленую пищу»²⁾.

Новые силы, разбуженные рынком, подступают к самому источнику феодалльного господства, к земле. Разоряемые крепостные бегут от феодалов к «богатым людям», которые дают им весьма своеобразный «приют». «Пагубные следствия удельного правления, падение его, стремление к созданию монархии, борьба уделов против всеокрушающего могущества Циньского царства, наконец, утверждение монархии и поддержание ее, падение Циньского дома и воцарение Ханьского, — этот 50-летний переворот в Китае (с 255 по 202 год по Р. Х.)», — рассказывает Захаров, передавая китайские источники, — «отнял миллионы рук от земледелия. От того земледелие остановилось, поля поросли травой, и почти напрасно трудолюбивый земледелец возделывал свою ниву, потому что беспрестанно проходившие войска уничтожали труды его в самом начале. В этой крайности народ, страшась голодной смерти, употреблял все свое имущество на то, чтобы доставить пропитание своему семейству, и последнюю опору, землю, отдавал другим за хлеб, закладывал ее или продавал. При таком положении дел богатый получил возможность за ничтожную цену приобрести себе дорогую собственность, которая могла приносить ему впоследствии верный доход. Многие, не имея сил бороться с трудными обстоятельствами, покидали свою землю

¹⁾ «Весна и Осень», том III, стр. 267—268.

²⁾ Гирт. «Замечки о ранней истории соляной монополии в Китае». Journal of Chinese Branch of Royal Geographical Society 1887, стр. 61.

и удалялись в другие места прискивать себе пропитание всякими позволительными и непозволительными средствами; между тем, люди со средствами, пользуясь всеобщим неустройством, по удалении владельца, тотчас приобщали его собственность к своей. Продолжительное отсутствие прежнего владельца, запутанность в управлении, вес богатых людей в глазах чиновников, сделали то, что присвоенные земли навсегда остались за присвоителями; прежний владелец, хотя бы и возвратился на прежнее жительство, уже не мог вытребовать своей собственности, тем более что законные документы во время смут исчезали. и разбор тяжб для самого добросовестного судьи становился затруднительным, иногда и невозможным»¹⁾. В перспективе это положение вещей должно было привести к внедрению рабства, что и произошло в действительности. Превращение хлеба в товар повлекло за собой превращение земли в товар и, наконец, превращение человека в раба, приобретаемого в качестве рабочего скота на рынке.

Но, благодаря этому, сословные рамки феодального общества оказались распатанными в корне. Сословно-родовое строение общества трещало по всем швам. В былые времена власть над тем или иным уделом давалась «передачей лука и топора»²⁾, теперь же фактическая власть над землей определялась в зависимости от целой совокупности разнообразных факторов, не последнюю роль среди которых играло товарное богатство, как таковое. Таким образом, кризис феодализма древнейшей формации назревал с разных сторон. В сложных противоречиях рождался новый феодально-бюрократический порядок, более приспособленный к историческим условиям и к условиям местности в том числе. Своего исторического носителя этот строй нашел в лице феодальной бюрократии, выращенной древнейшим феодализмом и его противоречиями.

1) И. Захаров. „Поземельная собственность в Китае“, „Труды Миссии“, том II, изд. второе, Пекин, 1910 г., стр 9—10 Захаров писал свою работу в сороковых годах прошлого века. Этим объясняется трезвый реализм его оценок. С наивной грубостью и простотой он передавал то, что было. Он несравненно выше сиюкающего французского консула Евг. Симона, написавшего дрянненькую и лживую книжку „La propriété en Chine“ и обвешенного затем знатоком аграрной истории Китая (См. О. Франке. „Земельные правоотношения в Китае“, Владивосток, 1908 г.).

2) Тексты, стр. 65.

Крестьянство Индии в эпоху великих моголов *)

Безусловно, эпоха, с которой нам придется иметь дело, и которая обнимает около двух столетий (от 1525 года, когда Бабур вторгся через северо-западные проходы в Индию, и до 1717 года—смерти Аурангзеба; представляет чрезвычайно крупный интерес в истории Индии. Мы видим грандиозное мусульманское государство, которое охватывает не только центральные области Индии, но Синд и Бихар, распространяется на Бенгалию и, наконец, переваливает через Виндийский хребет и доходит до самого крайнего юга Индии. Перед нами население более, чем в сто миллионов человек, высоко-централизованный бюрократический аппарат, регулярная миллионная армия и т. п. Несмотря на все это, такой интересный наблюдатель, как голландец Palsaert (он посетил Индию в 1626 году и был начальником голландской фактории в Агре), пишет: «Эта громадная империя неустойчива, не имеет никакого прочного основания. Ее опора — это колонны из стекла, великолепные на вид, но которые рассыплются под первым ветром и дыханием бури»²⁾).

Не прошло и семидесяти лет, как предсказание умного голландца оправдалось полностью. Наступает столетний период, как его называют англичане, период «анархии», с марксистской же точки зрения, период ожесточеннейшей, свирепой гражданской войны, в которой столкнулись индийский феодализм с торговым капиталом на фоне обнищавшего крестьянства и обнищавших городских ремесленников. Такие столкновения происходили и раньше в истории Индии, но на этот раз одна из борющихся сторон — торговый капитал — имел в своем распоряжении английских и французских офицеров и солдат, всю европейскую технику истребления. Этот период анархии заканчивается совершенно неожиданным образом — завоеванием Индии англичанами, при одновременной победе торгового капитала. «Феодализму, как основе экономического и общественного строя, был нанесен смертельный удар в первые годы английского владычества» (Рой «Новая Индия»). Английский ученый, профессор Сиали, говорит: «Индия не была завоевана англичанами, а самими индусами для англичан» («Расширение Англии»).

*) Доклад, читанный в секции индоведения ВНАВ 10-го января-1927 года.

1) Francisco Palsaert. Jahangir's India. 1925. P. 64.

Следовательно, чтобы объяснить изумительнейший факт захвата громадной империи ничтожной группой иностранных купцов, мы должны проанализировать действовавшие классовые силы, их соотношение и характер, чтобы понять корни того громадного социального движения, на гребне которого англичане совершили свое вступление в Индию, необходимо изучить именно эпоху Великих Моголов, именно там искать те классовые и экономические корни, которые объяснили бы нам последующее событие.

Надо сказать, что Индию любят называть страной сказок или страной чудес. Это наименование вполне справедливо в одном смысле: нет тех легенд, нет тех вымыслов, которые причудливо не свивались бы вокруг индийской истории. И это вполне понятно — составление истории Индии является живым отражением той политической борьбы, которая сейчас происходит в этой стране и которая связывается с ее попыткой завоевать себе свободу и независимость. С одной стороны, английская историческая школа и ее тезисы. Она, во-первых, сводит всю историю к истории иностранных нашествий, иностранных завоеваний Индии. Ибо вполне понятно, что если иностранцы владели Индией в прошлом, то иностранцы будут ею владеть и в будущем. Эта школа далее утверждает, что в Индии мы находим ту особую почву, где произрастает мистический и своеобразный индийский дух, полный удивительной глубины, склонный к философии и аскетическому самоотречению. И эта Индия, живущая обособленной жизнью, обречена была бы остаться изолированной, если бы английский раджа не перекинул моста культуры между Западом и Востоком, в чем заключается его великая историческая миссия. В противовес этому, туземная школа видит в прошлом не оправдание для иностранного (английского) владычества над Индией, но основу ее независимости. Надежды и чаяния в отношении будущего, желание иметь свое буржуазное государство и свою буржуазную независимость принимают здесь форму оглядки в прошедшее Индии. Акбара и Асоку эта школа одевает в облик конституционных монархов, покровителей промышленности и «личных свобод». При таких условиях для объективного исследования есть большие трудности, и не приходится доверяться законченным трудам общего характера. Надо далее отметить ряд особенностей материалов, имеющих об эпоху Моголов. Именно в эти два столетия (1500—1700 гг.) впервые устанавливается связь Индии с Западной Европой, непосредственная торговая связь по морским путям вокруг Африки, Индию посещает не ряд праздных туристов, но опытные дельцы западно-европейского торгового мира. Ниже мы будем говорить о том значении, которое непосредственная торговля с Западной Европой оказала на ход экономического развития самой Индии. Но здесь именно важно подчеркнуть, что эта европейская торговля распространялась буквально на все области Индии, она была не столько торговлей с Евро-

ной, как организацией с помощью европейцев обмена Индии с Дальним Востоком и с теми «островами пряностей», которые сейчас составляют голландские колониальные владения в Ост-Индии.

За эти два века представители западно-европейского торгового капитала чрезвычайно близко познакомились с рынками и с условиями индийской торговли, с бытом индийских купцов и оставили ряд ценных сведений и материалов. И если мы должны с громадной опаской отнестись к выводам, часто тенденциозным, английского востоковедения, то надо отдать справедливость той тщательности и полноте, с которой подобраны все материалы путешественников, отчеты купцов и факторий, отчеты самих торговых компаний, имеющиеся во всевозможных английских изданиях. Это одного рода источник. Другой — громадное официальное наследство Могольской империи: всевозможные отчеты, переписи и, наконец, весьма подробные исторические труды, начиная от Badouini и кончая Ab-ul-Fazi'ем. Таким образом, как-будто имеются предпосылки, чтобы дать более или менее объективную картину событий. Здесь я должен оговориться, что далеко не весь материал был в моем распоряжении, и предлагаемая работа носит характер наброска, нуждающегося в дальнейших уточнениях. Я хотел бы еще особо отметить прекрасный сводный двухтомный труд Мореланда, который дает необычайно яркую, живую картину экономического быта Индии Великих Моголов; если бы не некоторая тенденциозность взглядов этого автора, которая объясняется его прошлым в качестве колониального чиновника индийской гражданской службы, то мы имели бы объективную и законченную работу по экономике этого времени ¹).

Современный английский бюджет в своей приходной части слагается от 28% до 30% из поступлений налоговых поземельных сборов. Если мы обратимся к Индии Моголов, то этот процент повысится сразу до 70. Таким образом, это грандиозное государство можно характеризовать прежде всего, как государство непосредственной эксплуатации крестьянства. Маркс в своей характеристике азиатских деспотий подчеркивает их две первостепенных функции: финансы (главным образом, сбор поземельных налогов), ирригацию, или дело искусственного орошения. Если мы попробуем применить этот метод к Индии Моголов, то здесь на ирригации вряд ли приходится особенно подробно останавливаться. Приходится рассеять ходячее представление о том, будто бы Индия представляется преимущественно страной такого земледелия, которое целиком построено на искусственном орошении. Даже сейчас только 25% всей обрабатываемой площади находится под искусственным орошением;

¹ „India at the death of Acbar“. London, 1920. „From Acbar to Aurangzeb“. London, 1923. By W. H. Moreland.

только 10% орошается крупными каналами; если исключить такие области, как Синд и Пенджаб, то значение ирригации резко падает. Власть Моголов на юге распространялась лишь случайно и, следовательно, основным базисом Могольской империи были северные области, была долина Ганга и отчасти Инда и Бенгалия. И если обратиться к тем общественным работам, которые были там проделаны в течение двух столетий, то мы находим проведение водопровода в Бурханпуре, который обошелся всего в 200.000 рупий, мы находим канал на реке Рави стоимостью лишь в 100.000 рупий. По сравнению с общей цифрой могольского бюджета, который исчислялся миллионами и сотнями миллионов, эти цифры представляются ничтожными. Но если даже сравнить их стоимость с непроизводительными расходами, как, например, постройкой знаменитого мавзолея Тадж Махал'а, который обошелся в 91.000.000 рупий, или бриллиантового трона Takht-i-Taos, стоимостью в 120 мил. рупий, то контраст достаточно яркий. Конечно, не в ирригации мы должны искать основную функцию могольской государственности и основную ее базу. Централизованная ирригация отнюдь не была базой централизованного государства Моголов.

Прежде чем перейти к системе эксплуатации крестьянства, мы волей-неволей обязаны остановиться на вопросе о самой технике земледельческого производства в Индии, ибо налоги — основная система эксплуатации индийского крестьянства, в частности, поземельные налоги, необычайно тесно увязаны со всей техникой индийского земледельческого производства. Задача историка значительно облегчена тем обстоятельством, что «благословенное» английское правительство в Азии за 150 последних лет совершенно этой техники не подняло. Нам не приходится конструировать тех картин, которые были 150 лет тому назад, потому что они и сейчас совершенно такие же. Если прочесть в дневнике Бабура описание примитивного водоподъемника (персидское колесо), то это то же самое, что сейчас можно видеть в Индии. Если прочесть, как хорошо известный путешественник Garcia del Orte описывает способы пахоты в южно-индийском Деккане, то мы узнаем следующее: «Крестьяне поднимают землю плугом, который напоминает заостренную палку». Ту же самую картину можно наблюдать и сейчас. Но примитивность индийских орудий, то обстоятельство, что там преобладают орудия деревянные, орудия грубые, не должно нас приводить к заключению, что мы имеем дело с примитивным, грубым, первобытным или патриархальным земледелием. Необходимо подчеркнуть, что это земледелие базируется на двух основах: тропическая почва обладает способностью некоторого самовосстановления плодородия при условии снабжения ее водой и воздухом (ирригация и аэрация), т.е. при условии регулировки притока и оттока воды (нивеллировки) и при многократной пахоте. Я позволю себе прочесть небольшую цитату из труда специа-

листа по индийскому земледелию: «В тропических почвах азотистые вещества и минеральная пища для растений самообразуются при условии, что почве обеспечен достаточный приток воды и воздуха. В индийской провинции Рохилькленда, например, сахарный тростник уже в течение столетий культивируется без искусственного удобрения, и урожаем не уменьшается. Современный урожай пшеницы и сахарного тростника так же велик, как при Акбаре. Этот результат может быть объяснен лишь самовосстановлением плодородия почвы, — процессом, требующим постоянного притока воздуха и воды в почву и, следовательно, форсируемым многочисленной вспашкой и тщательной обработкой почвы»¹⁾).

Следовательно, для того, чтобы тропическая природа действительно вознаграждала усилия крестьянина, он должен организовать свой труд и направить его в сторону тщательнейшей обработки, хотя бы с помощью простых деревянных орудий, должен направить свои усилия на установление соответствующего севооборота и сложных приемов, как нивеллировка почвы, проведение арыков, сооружение водоемов и колодцев. Он должен дойти до таких вещей, как специальный посев растения гопаг, которое частично заменяет глубокую тракторную вспашку, проникая своими корнями внутрь почвы и разрыхляя ее. Одним словом, мы находим постепенный длительный процесс приспособления индийского земледелия к окружающей его среде, который завершается особой системой необычайно трудоемкого земледельческого хозяйства. Мы находим области, занятые необычайно густым населением, культивирующим рис и на ряду с ним пшеницу и целый ряд, так называемых, коммерческих растений, как сахарный тростник, индиго, хлопок и опиум. При такой организации надо отметить, что индийское крестьянство в целом не победило природы, одержало над ней верх. Оно было вынуждено подчиниться, было вынуждено вместе с тем, выработать целый ряд особых и своеобразных приемов (например, так называемое mixed crops), которые обеспечили бы возможность прочной земледельческой культуры в чрезвычайно неблагоприятных климатических и физических условиях Индии (случайное распределение осадков). И если мы обратимся к индийскому земледелию, то здесь грубость инструментов не должна нас отпугивать, и мы должны видеть основной стержень техники индийского земледелия в том наследственном опыте, который передается из поколения в поколение. Позволю себе привести цитату из Маркса, которая говорит об индийских текстильщиках. «Только особый навык, накопленный многочисленными поколениями и передаваемый от отца к сыну, дает индусу так же, как и науку, его искусство» (Маркс, I том «Капитала».

1) Albert Howard. „Crop Production in India“. London, 1924. P. 22.

Англ. перевод, стр. 373). Значит, мы подходим к вопросу о передаче этого наследственного земледельческого опыта. В этом и лежит основной практический смысл ряда индийских социальных учреждений, которые являлись дополнением несовершенной индийской техники. Этими учреждениями была joint family, или нераздельная семья с общей собственностью, была каста и, наконец, была сельская община. Их значение лежит в передаче наследственного опыта, в накоплении известных страховых запасов, как гарантий против неурожая, и, наконец, в создании напряженнейшего стимула для индивидуальной рабочей силы, стимула, в десять раз более сильного, чем палка надсмотрщика рабов или помещичьего приказчика. Индия была и остается преимущественно страной крестьянской, в технике земледелия революции не произошло, и понятно, что при таких условиях всякий наблюдатель, начиная от Мегасфена и кончая каким-нибудь современным англичанином, все будут говорить об этих институтах, которые наполняют основное содержание общественной жизни Индии.

Возвращаясь к нашему основному вопросу о способах эксплуатации крестьянства, мы должны здесь прийти к выводу, что при жесточайшей борьбе с природой, постоянное напряжение земледельческого труда организуется рядом социальных установлений, которые сплачивали индийское крестьянство, которые его дисциплинировали, которые его связали со всеми его сородичами, со всеми его соседями в крепкую общину; при таких условиях нельзя найти в Индии ни барщинного, ни рабского труда, как преобладающей формы. Исключают ли все эти черты индийского крестьянства самую возможность эксплуатации его со стороны других классов. Исключают ли они возможность существования целого ряда эксплуатирующих и паразитирующих классов? Это один вопрос. Тот факт, что 50% валового крестьянского урожая присваивалось государством Моголов, говорит за себя. И второй вопрос — исключает ли подобная организация земледельческого хозяйства возможность господства денежно-товарных отношений и самого широкого развития торгового капитала и, в частности, торговли сельско-хозяйственными продуктами? До нас дошли таблицы поземельных налогов Индии XVI и XVII в.в. Здесь надо отметить, что поземельные налоги Моголов сводились к оценке сельско-хозяйственных продуктов, в зависимости от того, какой продукт возделывается, какое поле возделывалось и т. д. При чем за основу оценки была принята средняя рыночная цена пшеницы. Таким образом, мы имеем возможность сравнить стоимость разного рода сельско-хозяйственных продуктов по налоговым ставкам Моголов. Если принять пшеницу за 100, то мы увидим, что сахарный тростник оценивается в 213 единиц, мак для производства опиума оценивается в 210 единиц и хлопок в 150 единиц. Уже в этом факте кроется признание самых широких товарных отношений.

Далее необходимо отметить широчайшую торговлю сельско-хозяйственными продуктами. Мы имеем Бенгалию, которая снабжает рисом и сахаром Агру, побережье и некоторые острова Индийского океана, в частности, даже Голландскую Батавию. Мы имеем обширнейшую сахарную торговлю — Бенгалия является почти монополистом в этой области. Целый ряд областей Индии живут всецело привозными сельско-хозяйственными продуктами. Такими областями являются, с одной стороны, центр индийской промышленности — Гуджарат, а с другой стороны, провинция Агры, где сосредоточен цвет могольской армии, и где находится столица империи. Далее, целые отрасли индийского сельского хозяйства работают исключительно на экспорт, в частности, производство индиго в районах Баены и Саркеджа. Если мы обратимся к другому рода источникам, то увидим, что имеется не только торговля, но и величайшее развитие товарно-денежного хозяйства в деревне. Путешественник Тавернье говорит, что «нет индийской деревни, в которой не было бы ростовщиков или торговцев деньгами»¹⁾. Наконец, система торговли, которая была связана с ранними поселениями европейцев в Индии, была основана на том, что европейские торговцы оставались в течение долгого периода времени в стране и выдавали денежные авансы всем тем земледельцам, от которых они хотели получить их продукты. Все эти факты уже достаточно рисуют нам картину широкого господства товарных отношений.

Необходимо отметить, что по вопросу о расслоении индийского крестьянства того времени под влиянием всех этих условий мы имеем очень мало сведений. Мы имеем сведения, что над общей массой крестьянства возвышается деревенский старшина, лицо, имеющее особый участок, свободный от налогов, «*watap*». Мы имеем определенные семейные участки, неравные между собой и давно выделенные из общинных владений. Мы имеем наличие свободной продажи, отчуждения и аренды земли. В деревне господствуют скупщик и ростовщик. Налоговый аппарат Моголов, во всяком случае при Акбаре, вступает в непосредственные отношения с индивидуальным крестьянским хозяйством, минуя общину. Община сохраняет свое существование, как единица местного самоуправления и суда, как товарищество односельчан по заведыванию ирригацией, распределением воды, как носитель определенных хозяйственных функций (взаимная страховка и т. д.), неизбежных при данном техническом уровне индийского земледелия, но община не является препятствием для эксплуатации крестьянства, для закабаления крестьянства ростовщическим капиталом. Общинное землевладение (если не считать выгона и пустошей) отсутствует; нет никаких видимых юридических барьеров для концентрации собственности в руках отдельного владельца. Внутри общины частично сохраняется

1) Jean Baptiste Tavernier. „Travels in India“. London, 1925. T. I, p. 31.

натуральное хозяйство с традиционным разделением труда, с 9 или 12 ремесленниками, содержимыми общиной, но такой же неизменной принадлежностью ее становится shroff, ростовщик или торговец деньгами, пронзырливый представитель мира чисто денежных отношений.

Суммируем. Юридически отношения в деревенской Индии XVI века вполне допускали возможность дальнейшей имущественной дифференциации, дальнейшего роста неравенства земельных наделов, роста состоятельных крестьянских хозяйств за счет малоимущих и бедняков. Но дело не в юридической возможности. Тот налоговый пресс, который служил могучим тараном и проводником товарно-денежного хозяйства в деревне, составлял вместе с тем плоть от плоти грандиозной полуфеодальной системы Моголов, системы, которая лишь мирилась с частной собственностью, терпела ее с грехом пополам в известных пределах, но сама по себе отнюдь не создавала условий, благоприятствующих вложению капиталов в землю или безопасности наследственной передачи какого бы то ни было имущества вообще. Наиболее крупный и самостоятельный деревенский кулак получал в качестве старшины особый привилегированный надел watan и включался в феодальную систему. Что же касается вопроса о возможности скупки земли, концентрации ее в частных руках, то некоторое знакомство с государством Моголов убедит нас, что понадобился коренной переворот, революция и приход англичан, чтобы создать в Индии класс помещиков из среды представителей купечества и торгового капитала.

Итак, в индийской деревне расслоение существовало, но оно было затушевано, подавлено грандиозным нажимом налогового винта, изъятием от 30 до 50% валового урожая каждого крестьянского хозяйства. С другой стороны, на почве «крестьянской политики», на почве распределения прибавочного крестьянского продукта, назревает конфликт между феодалами и торговым капиталом.

Совмещение жесточайшей эксплуатации с видимой независимостью крестьянства, объединенного в самоуправляющиеся единицы большой семьи, касты и сельской общины — дает ключ к традиционной системе земельного налога в Индии, к традиционной системе индийского землевладения вообще. Один из ранних деятелей английского колониального государства Орм метко замечает: «На побережье Короманделя, где жара и дожди вынуждают крестьянина к неслыханному напряжению труда, приходится мягко обращаться с крестьянством, иначе индийские райоты перестанут работать, и земля эпустеет»¹⁾. «Мягкое обращение» состояло в том, что отсутствовали кнут и палка; как обязательная и постоянная принадлежность барщинного или рабского труда. Их заменяло отчисление определенной доли урожая, т.-е. рента в продуктах, взимаемая или непосредственно на гумне (batai),

1) Орм „Historical fragment“, 1753.

или по глазомерной оценке колосающегося поля (kanikut). Отношения между плательщиком ренты и ее получателем меньше всего возможно приравнять к земельной собственности. Рентополучатель абсолютно не вмешивается в хозяйство, с ним не связан и, кроме сада, дворца и, может быть, огорода, не имеет усадьбы с пахотной землей или с рисовыми полями. Рентополучатель меньше всего организатор сельскохозяйственной экономии или руководитель по распашке девственных лесов Индии; он и не феодал западно-европейского типа, с его судебными функциями, ибо в Индии и кастовые и общинные суды или ганчаяты частично сохранили действие даже сейчас. Морленд следующим образом характеризует эти отношения: «Мы находим две стороны, и только две. Это — правитель (феодал) и его подданный, обрабатывающий землю. И поскольку подданный занимает землю, он тем самым обязывается платить определенную часть валового урожая правителю... При этой системе вопрос о собственности на землю не возникает; система в целом предшествует дифференциации частнособственнических прав от политического подчинения, дифференциации, которая сделала столь громадный шаг за последнее столетие английского владычества, хотя даже и сейчас она (дифференциация) не вполне закончилась»¹⁾. При таких условиях борьба крестьянской общины с феодализмом вращается всегда не вокруг вопроса о собственности — общинной или феодальной. Наконец, вопрос о подавлении общинного суда и замена его юрисдикцией сеньорального двора, — все эти боевые вопросы, которые имели громадное значение в процессе разгрома западно-европейского крестьянства с его общинами и марками, не имеют для Индии такой решающей важности. Здесь борьба сосредоточивается, главным образом, вокруг платежа ренты, размеров этих платежей и способов их взимания. Первоначально, как и везде, мы находим в Индии свободное крестьянство, объединенное в сельские общины и даже в крупные территориальные союзы таких общин, куда чиновники раджей не имели права в'езда²⁾. Отчисления продуктовой ренты производились не со всех крестьянских наделов, а лишь с одного участка из десяти. Обычно под этот участок, урожай с которого целиком поступал в пользу раджи, отводилась лучшая земля около колодца или канала, и он обрабатывался общинным трудом. Здесь необходимо отметить черты сходства между южно-индийской системой, с ее десятью участками и китайской колодезной системой Цинь, где мы имеем девять участков, сгруппированных вокруг колодца. При такого рода отношениях сама крестьянская община вносит определенную продуктовую ренту, к сбору которой феодальные власти не при-

1) Moreland. T. I, p. 97, 256.

2) Южно-индийские надписи, приводимые Radhakamal Mukerjee в его „Democracies of the East“ (London, 1923, p. 198-199), прямо говорят о запрещении в'езда и о приписке церковных (храмовых) земель к общинам в смысле уплаты налога.

частны. Здесь не место останавливаться на аграрных волнениях и длительной исторической борьбе, в результате которой индийское крестьянство, в разное время для разных областей, было вынуждено смириться. И если западно-европейский феодализм завершил свою систему девизом «Нет земли без сеньера», то в Индии действует правило, что всякий крестьянин является поставщиком продуктовой ренты, что всякий, даже мельчайший, надел обязан отчислением в пользу вышестоящей феодальной знати¹⁾. И размеры продуктовой ренты стремительно растут, отодвигая в мифические времена Ману и Наряды, порядок, когда каждое поле отчисляло от одной двенадцатой до одной десятой валовой продукции. Совершается эволюция и в самой технике взимания продуктовой ренты. Вместо выборных деревенских властей, выступают чиновники раджи, статистики, топографы, обмериватели полей. Сама община становится частью фискальной организации, конечной целью которой является устранение всех посредников между индивидуальным крестьянским полем и всасывающим налоговым аппаратом. Производится точнейший учет производительных сил деревни, от горбатого индийского буйвола до последнего тутового дерева. И если община сохраняется в качестве организации коллективной поруки, то вместе с тем самое распределение налогов производится государственными чиновниками с каждым крестьянином в отдельности²⁾. Итак, общая тенденция развития ясна. От обложения части общинного владения к обложению всех крестьянских полей, от налога на известные виды продуктов (или, точнее, в известных видах продуктов) к налогу решительно на все, что производится в деревне, от взимания налогов через выборных лиц сельской общины и вторжению чиновников, от суммарного общего налога — столько-то пудов зерна с такой-то деревни — к точной и длительной описи всего, что имеется в каждом отдельном мельчайшем крестьянском хозяйстве. Создается громадный чиновничий аппарат со сложнейшим ведением статистики, с земельными кадастрами, с периодическими осмотрами особыми топографами обрабатываемой площади и т. д. Остается сделать только один шаг по пути дальнейшего введения товарно-денежных отношений, а именно — замена продуктовой ренты денежным налогом. Этот шаг и был сделан императором Акбаром в 1571 году. При этом определенная доля урожая ($\frac{1}{3}$) для различных видов злаков и культур была переведена на деньги по средней рыночной цене последних девятнадцати лет. Этим предполагалось уравновесить колебания урожайности, столь характерные для климата Индии. Но существо дела

1) „The share of the produce of all cultivated land was always the principal source of Rajas revenue“ — Baden Powell. „A short account of land revenue in British India“. Oxford 1913. p. 37.

2) На это указывает Ab-ul-Fazl — „rayats nominating each other as shouretias“. Akbar Nama translated Elliot'om „History of India as told by its own historians.“ Vol. VI., p. 63.

от этого не меняется. Вместо отчисления продуктами, автоматически менявшегося с урожаем, вводилась уплата деньгами, т.е. уплата через рынок, при чем самые размеры налога окончательно отрывались от базы натурального хозяйства и долевого отчисления урожая. В южной Индии, более передовой в смысле преобладания торгового капитала, та же самая реформа была проведена, по сведениям Винсент Смита, почти двумя столетиями раньше¹⁾.

Можно не приводить известной цитаты из первого тома «Капитала» о значении замены натуральных налогов денежным, ибо все факты о положении индийского крестьянства показывают, что с отменой продуктовой ренты в неслыханой степени ухудшилось положение деревенского производителя, его довели до предела обнищания и упадка. Этим и была создана та предпосылка, которая первоначально обеспечила «отсталому» могольскому северу Индии перевес в военной борьбе над южно-индийскими государствами (Биджапур, Бидар, Голконда), а потом неизбежно привела к гибели всей грандиозной империи Моголов.

Сам по себе перевод налогов в денежную форму еще не означает введения товаро-денежного хозяйства. Но если сопоставить все факты, рисующие нам экономическую жизнь Индии XVI и XVII столетий, то в общей картине не приходится сомневаться. Происходит буйный рост внешней экспортной торговли, открытие новых заокеанских рынков индийским текстильным товарам, которые получают буквально мировое распространение от Западной Европы, Восточной Африки и Передней Азии вплоть до Малаккских островов, Филиппин и Южной Америки. Делаются попытки создать и новую идеологию, — Акбаровский «единый монотеизм», или божественная вера императора Акбара, была как-раз тем новым словом, которое провозглашало разум, в противовес вере, основной путеводной нитью деятельности человека. Одним словом, мы имеем процесс перелома, перехода к новым хозяйственным формам, процесс революционный. Сейчас, поскольку мы заняты прежде всего положением индийских крестьян, необходимо обратить внимание на два фактора. Первый — в Индии происходит общий рост товарного хозяйства, идущего на смену натуральному; второй факт — происходит катастрофическое, стремительное падение благосостояния крестьянства, вплоть до истребления производительных сил деревни и запустения целых областей.

Поскольку борьба индийского феодализма с индийским торговым капиталом приняла внешнюю форму и военной борьбы между северной, могольской Индией и южно-индийскими государствами, необходимо особо остановиться на положении южно-индийского крестьянства. Причина, почему южная Индия первой вступила на путь развития торговли

¹⁾ Vincent Smith „Oxford History of India“, p. 312.

и создала условия, при которых торговый капитал достиг гораздо большей степени влияния на дела государства, чем на севере, ясна сама собой. Здесь мы находим лишь узкую береговую плодородную полосу земли вдоль западных и восточных Гатских хребтов. С весьма раннего времени рыболовство, а затем морская торговля и пиратство отвлекают значительную часть населения. Здесь вместе с тем процветают ремесла, и именно Гуджарат, с одной стороны, Коромандельское побережье, с другой, становятся основными центрами индийского текстильного производства, работающими на экспортную торговлю. Именно на юге сосредоточиваются минеральные ископаемые, в частности, производство стали и железа. Здесь же мы находим многочисленные копи бриллиантов, которые делают имя Голконды славным и сейчас, хотя и город и одноименное государство исчезли более трех веков тому назад. Одним словом, в южной Индии торговый капитал, если не стоял у власти, то был несравненно более влиятельным, чем на севере. В дальнейшем изложении, касаясь вопроса о торговле и администрации, мы подтвердим это положение определенными фактами. Здесь нас интересует положение крестьянства, тот характер взаимоотношений, который складывается между крестьянством и эксплуатирующими классами. Уже говорилось, что на юге денежный налог был введен значительно раньше. И самые формы его взимания были таковы, чтобы обеспечить возможность совершенно неограниченной эксплуатации индийского райота. В Голконде земельный налог дается на краткосрочный откуп сроком на год, при чем на произвол откупщика не налагается решительно никаких стеснений. Португальский путешественник Нуниц утверждает, что в южной Индии до девяти десятых урожая крестьянских полей присваивается в виде налогов. Мореленд следующим образом суммирует положение на юге Индии: «Короткие сроки откупа налогов делали невозможной созидательную политику со стороны откупщика... В первой половине XVII столетия юг Индии переживал время, когда громадные массы крестьянского населения, под беспощадным давлением административного аппарата, были вынуждены жить на краю восстания или голодной смерти»¹⁾. Ясное дело, что из такого крестьянства нельзя было создать скольконибудь стойкой армии и послать ее в бой против наступающих врагов. Переход от военно-феодальной системы к власти торгового капитала, переход, который в значительной мере совершался в южно-индийских государствах, означал для крестьянства прежде всего неслыханное усиление эксплуатации, неслыханное усиление налогов и поборов. И поскольку в южной Индии процесс классового расслоения опередил север, постольку исход военной борьбы был предрешен.

На севере Индии при мусульманских династиях, предшествующих Моголам, в частности, при Ала-Уд-Дине Хильджи и султанах Туглакской

¹⁾ Moreland, II vol, p. 245.

династии размеры налогов, правда, в натуральной форме, достигали иногда пяти и даже шести десятых валового урожая. Акбар, самый крупный из могольских императоров, чье царствование покрывает всю вторую половину XVI столетия, с одной стороны, снижает размеры налога до одной трети, а с другой,— начинает взимать налог в деньгах. Причина этой реформы ясна. Первым опытным полем ее проведения была провинция Гуджарат, центр индийской промышленности и морской торговли. Именно здесь впервые была проведена реформа раджей Тодар-Малем, финансовым министром и правой рукой Акбара.

Завоевание Гуджарата, выход Могольской империи к теплому морю привел ее в прямое соприкосновение с новым миром отдаленнейших рынков и дал окончательный толчок к ведению денежного налога ¹⁾. Первоначально был принят ряд мер, чтобы реформа не слишком увеличила бремя, не слишком тяжело упала на плечи крестьян. Номинально налог признавался лишь денежной формой продуктовой ренты, и целый ряд подробнейших постановлений пытается эту связь сохранить. В общем и целом, северно-индийское крестьянство при Акбаре еще имело, хотя небольшой, но все-таки страховой запас, с помощью которого кое-как возможно было преодолеть кризисы в связи с войной или неурожаем. Но при преемниках Великого Могола положение быстро ухудшается. И если Акбар совсем освобождал две или три битхи в каждом крестьянском владении от налогов, то при Джахан-Гире и Шах-Джехане всякие льготы отменяются. Одновременно производится повышение самых ставок налога, и они в общем достигают почти половины валового урожая ²⁾. В самых способах взимания проявляется все растущая жестокость и суровость, достигающая кульминации в конце XVII столетия. В отношении крестьян применяются самые жестокие репрессии, вплоть до продажи в рабство их жен и детей. Весьма характерным является приказ императора Аурангзеба по ведомству финансов. «Если вы обнаружите, что крестьяне, имея средства для обработки своих полей, тем не менее уклоняются от этой своей обязанности, то вам надлежит настаивать и угрожать, применять, наконец, силу и прибегать к кнуту». Эта практика близко подходит к южно-индийской, где деревенского старшину за невзнос налога без дальнейших проволочек распиливали пополам. Кнут и обнаженный меч свершают свое вступление в индийскую деревню, как орудие прямого насилия, этой повивальной бабки нового порядка. С одной стороны, ростовщик, торговец деньгами «шрофф», с другой — беспощадный гнет налогов.

Круг завершается. Новые требования денежного хозяйства соединяются с аппаратом феодального насилия и создают жесточайший кризис.

¹⁾ Vincent Smith „Acbar the great Mogul“. Oxford, 1919. III, 120.

²⁾ Если принять Акбаров налог (1594 г.) за 100, то при Аурангзебе он выразится (1668 г.), по крайней мере, в 200.

Если мы возьмем описания путешественников и очевидцев, посетивших Индию в конце XVI и в XVII столетии, то картина необычайно напоминает положение французского крестьянства перед Великой Революцией. Приведем несколько цитат из подлинников. Вот, что говорит Тавернье: «Крестьяне имеют в качестве одежды лишь повязку вокруг бедер. Они доведены до величайшей степени нищеты. Если крестьянин приобретает небольшой достаток, то он немедленно, силой или правом, присваивается властями. Вы найдете в Индии целые области, опустошенные, подобно пустыням. Оттуда крестьяне бежали под влиянием невыносимого гнета: они становятся солдатами или нищими пилигриммами»¹⁾. Не менее выразительны слова Бернье, французского врача при дворе Великих Моголов. В своем письме к Кольберу он говорит: «Массы крестьянства доведены до нищеты столь невыносимой тиранией; они оставляют свои поля и ищут более сносного существования в городе, в военном лагере или, наконец, в землях какого-либо окраинного раджи»²⁾. Голландец Пельзерт указывает: «Почва Индостана способна дать необычайно богатый урожай, если бы только крестьяне не были подавлены столь жестоким и беспощадным правительством. Целые деревни, хотя бы немного не доплатившие по налогу, становятся добычей налоговых властей. Крестьян самих, их детей и жен продают в рабство. Многие крестьяне покидают свои поля и присоединяются к раджам, восставшим против Моголов. Множество полей лежат запустевшими и незасеянными и превращаются в пустыню. Такова ужасная тирания, господствующая в этой стране»³⁾.

Приведенные картины дают важнейшие предпосылки последовавших событий. Прежде всего, бегство райота к окраинным раджам, к окраинным феодалам, где еще сохранилось натуральное хозяйство. Старый индийский феодализм в качестве вождя крестьянской войны под лозунгом возврата к патриархальным отношениям и децентрализации. Здесь дана основа махратской крестьянской войны в Декхане, — движения, которое окончательно добило Могольскую империю, на ряду с крестьянским восстанием сикхов. Но, конечно, они не принесли свободы крестьянству. Ибо руководители махратского движения, те индийские феодалы, которые сидели в глухих горных углах или в стороне от важнейших торговых путей, одним словом, в областях, меньше затронутых денежным хозяйством, совершенно не годились в качестве чемпионов восставшего крестьянства. Второй факт — появление массы бродяг, нищих, воров, пилигримов, факиров и т. д., падение безопасности на дорогах, усиление налетов и грабежей, — явление, отмечаемое путешественниками XVII века, но достигающее расцвета в начале и середине XVIII в. Не из этой ли массы деклассированного крестьянства

1) Tavernier. „Travels in India“ I Vol., p. 312.

2) Bernier. „Lettres à Colbert“, p. 211.

3) Pelsaert. „Remonstantie“, p. 47.

вербовались впоследствии сипайские полки английской Ост-Индийской компании? Наконец, происходит запустение полей, — целые области превращены в пустыни — и одновременно тяга крестьянства в города, образование грандиозной резервной армии труда, готовой при малейшей возможности превратиться в пролетариев, в рабов заработной платы.

Индийское крестьянство, с одной стороны, служило благодатным материалом для эксплуатации, для накопления капиталов, с другой — оно частично было вынуждено покинуть деревню и хлынуло в город.

В характере индийского промышленного производства, в характере индийского города и, наконец, в том соотношении классов, которое существовало между феодализмом и индийским торговым капиталом нужно искать ответа, почему затянувшийся и жестокий кризис закончился лишь распадом, разложением, «анархией», за которой, в свою очередь последовало английское завоевание.

Колониальная политика России и Китая в XVII—XVIII вв. *).

В половине XVII в. решающее значение в Азии приобрели две державы—Россия и Китай, которые ставили своей задачей захватить природные богатства соседних стран и политически над ними господствовать, с целью обеспечить себя колониальными товарами, держать в своих руках торговые пути, и обезопасить свои границы на будущее время от возможного усиления этих же народностей или же соседей за их счет. Россия и Китай в то время переживали такие периоды хозяйственного развития, которые имели много сходных моментов.

Действительно, Россия в половине XVII в., после длительной губительной для народного хозяйства смуты, окрепла и ставила перед собою широкие планы выхода к океанам, участия в мировой торговле и завоевания новых земель; внутри же страны усилия среднего дворянства и торгового класса были направлены к созданию сильной армии и фабрично-заводской промышленности. В Китае же в 1644 г. маньчжурская знать стала правящим классом Собственного Китая. При этом Китай в половине XVII в. являлся страной с довольно развитой промышленностью, в тогдашнем понимании этого слова, и мог поставлять на внешний рынок всевозможные материи. Россия же, наоборот, могла вывозить только сырье (меха, кожи, продукты питания) и поэтому была заинтересована завести торговлю с Китаем для получения от него в обмен на меха (составлявшие основную ценность государственной казны) материй, золота и серебра.

По сравнению же с народами, заселявшими среднюю, низменную и горную полосу Азии, Россия и Китай были странами уже оседлыми, с богатыми культурными и материальными ресурсами, накопленными в течение многих веков, в то время как промежуточные народы стояли на уровне кочевого или полукочевого быта, и их ресурсы были не

*) Для данной статьи были использованы документы б. Моск. Архивов Мин. Ин. Дел и Мин. Юстиции, б. Архива Госуд. Совета, а также следующие издания: Б. Каменский. „Диплом. Собр. дел между Росс. и Кит. госуд.“ „Ежемесячные сочинения“. Du Halde. „Description géographique“. G. Cahen. „Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730). Paris, 1912 и мн. др.

велики, текучи и чрезвычайно подвержены воздействию случайных и внезапных явлений.

Все эти факторы были основой развития сношений между Россией и Китаем и лежащими между этими могущественными империями восточными странами. Но эти восточные народы в то время были настолько самостоятельными и сильными, что в течение столетия упорно боролись за свободу существования. Среди них особенно выделялась Чжунгария, которая тоже вела политику расширения своих границ за счет других народов („кочевой империализм“). Монголия же, находясь под нажимом трех государств (с запада—Чжунгарии, с севера—России и с юго-востока—Китая), пыталась спасти самостоятельность не столько силою оружия, сколько дипломатией, вследствие отсутствия в самой Монголии сильной централизованной власти.

Чтобы легче выяснить все эти сложные взаимоотношения, проследим судьбы этих народов в отдельности.

Манчжурия, самым фактом вступления в 1644 г. на китайский престол манчжурской династии, вошла в состав Китайской империи, и естественно, что манчжурский правящий класс, являющийся непосредственным соседом Монголии в ее восточных границах, сразу же стал вести политику подчинения своему влиянию монголов.

Монголия в XVII в. по политическому положению делилась на две половины: восточная и южная ее часть, прилежавшая к Великой Стене, называлась Чахар. Северная же и западная Монголия, простиравшаяся от реки Халхи вдоль русской границы по рекам Курулюме, Ононе, Толе и Орхоне до вершины реки Серенги, именовалась Халхой. Чахар-Монголия скоро подчинилась Китаю, но Халха-Монголия упорно защищала свободу, пользуясь соседством России.

Халха распадалась на несколько самостоятельных ханств со своими второстепенными тайшами (князьями). К западу от Халхи лежала Чжунгария (Цюнгария, Звенгария), во главе которой в XVII столетии стоял воинственный хан Галдан-Бушухту, стремившийся, как и Китай, к покорению Халхи и Тибета. Поэтому монгольские ханы Халхи, желая сохранить самостоятельность, принимали сторону то той, то другой из указанных стран.

В 1680-ых г.г. часть Халхи была занята чжунгарским ханом Галдан-Бушухту, который грозил с помощью русских окончательно покорить монголов и даже заявлял, что русские помогают ему в этом оружием и войсками. В Монголии же в ту пору уже имел большое значение духовный глава лам—Хутухта (т.е. бессмертный), еще раньше возведенный в этот сан „азиатским папой“—тибетским Далай-Ламой. Китай склонил Хутухту на свою сторону посредством щедрых подарков. С другой стороны, китайцы настаивали, чтобы русские не помогали хану Галдану в его завоевательных замыслах против монголов. Сами

монголы, под влиянием тех же китайцев, а отчасти по своей инициативе, осаждали более года русского посла Головина, когда он жил в гор. Селенгинске. И, наконец, пестрота взаимоотношений еще более осложнялась тем, что некоторые монгольские (халхские) тайши, спасаясь от чжунгарского завоевателя, обратились к Головину с просьбой о помощи, и восемь тайшей даже присягнули на вечное подданство русскому царю (впрочем, они потом, вследствие уговоров Хутухты, перешли на сторону Китая).

При таких условиях приходилось действовать Головину, который прибыл из Москвы в Забайкалье с целью вести переговоры с китайцами о ликвидации пограничных споров и военных столкновений (главным образом, из-за русского острога Албазина). После долгих усилий Головину удалось в 1689 г. заключить близ Нерчинска с Китаем первый русско-китайский договор о границах и свободной торговле между обоими государствами (при этом русские должны были разрушить Албазин и дать обязательство не строить здесь никаких укреплений). Разумеется, положение Головина при упомянутых сложных международных отношениях было очень тяжелое, и ему было трудно ориентироваться: с одной стороны, монголы присягают русским, с другой—являются союзниками китайцев. Если бы Головин поддержал Галдана-Бушухту против монголов, он этим сам как бы отказался от покровительства монголов; но, с другой стороны, помочь войсками Галдану Головин не мог, потому что у самого Головина не было достаточно сил, а китайские войска даже превосходили численностью русские. Нельзя при этом упускать из виду того, что монголы еще в XIII ст. сами завладели Китаем, дали ему ряд ханов, возвысивших Китай, его торговлю, промышленность и просвещение; потом те же монголы сами были под властью китайцев, и, таким образом, между Китаем и Монголией уже издревле существовали связи. Протекторат же России был новостью и для монголов и для русских, и поэтому естественно, что монголы скорее склонились на сторону Китая.

Также следует принять во внимание, что часть Монголии, южная, уже была под властью китайцев, а северная (Халха) представляла не объединенное политическое целое, с разнообразными несогласованными стремлениями ее многочисленных удельных владетелей, и поэтому юг мог воздействовать на север в согласии с политикой Китая. В этот период сама Китайская империя деятельно готовилась к войнам. Она еще в 1685 г. и после выставила против русского острога Албазина многочисленную, хорошо вооруженную армию. Хотя сам богдыхан имел мало войск, но он, вооружая монголов Халхи против русских, опирался на фактическую военную силу, и поэтому Срединная империя была в состоянии при заключении Нерчинского договора проявить большую твердость и настойчивость, чем Головин, при чем война с Чжунгарией

тогда еще улучшила положение России. На основании некоторых архивных данных можно высказать предположение, что именно Галдан Чжунгарский своим победоносным вторжением в Халху помог России в составлении первого русско-китайского договора 1689 г. Что же касается самой Халхи, то в результате признания над ней опеки Китая она лишилась своей самостоятельности: помирившись с Россией, Срединная империя обратила все свои военные силы в союзе с Халхой против Галдана, отбросила его в 1696 г. в Чжунгарию и, таким образом, овладела северной Монголией, ослабив ее еще больше прежнего усилением значения мелких владетелей, что повело к раздроблению Монголии и подчинению ее военному управлению Китая. Россия же, вследствие Нерчинского договора, отказала Галдану в помощи, о чем сообщила тогда же Китаю. Отказ, кроме того, несомненно, также был продиктован отсутствием надлежащих военных сил у России и ее желанием использовать мирные отношения для развития торговли с китайцами.

Китай, хотя обезопасил себя от России Нерчинским договором тяжелой для себя ценою (допущением свободной торговли русских в Китае), но зато теперь мог обратить все свое внимание на сокрушение развивавшегося могущества чжунгарского хана Галдана.

Чжунгары принадлежали к калмыцким или, иначе говоря, элэтским (олотским, ойратским) племенам, к которым также относились и торгоуты. Элэты-торгоуты в 1628 г. отделились от других и перекочевали на верховья рек Тобола и Яика, а в 1643 г. на Волгу, где у них был знаменитый хан Аюка. Элэты (чжунгары) же возвысились у себя на родине над другими родственными элэтскими племенами и покорили их. Предводитель чжунгар, с благословения тибетского Далай-Ламы, назывался Контайшей, т. е. великим князем. Контайши покорили алтайских инородцев, барабинских татар, подступали к Таре и Красноярску, воевали с монголами, киргизскими ордами, среднеазиатскими ханствами и вмешивались в смуты Тибета. Упомянутый уже выше знаменитый чжунгарский хан Галдан-Бушухту в 1678 г. подчинил Кашгар и притяньшанские города, в 1686 г. опустошил Халху и напал на монголов, открыто делая вызов Китайской империи.

Таким образом, возникал вопрос, кто будет владычествовать в Центральной Азии: китаец (манчжур) или элэт (чжунгар). Галдан-Бушухту был склонен, как и при Головине, заручиться помощью могущественной России. Поэтому, когда после заключения Нерчинского договора к нему приехал (1691—1693 г.) „тобольский сын боярский“ Матвей Юдин с запросом, действительно ли присягнувшие Головину халхские тайши состоят у него в подданстве, Галдан-Бушухту, прекрасно учитывая обстоятельства, уклончиво ответил, что „монголы и ему и России враги, халхские земли у него во владении, и он готов радеть государю Албазином, который искони принадлежал монголам, а не китайцам“.

Тем временем Китай готовился к войне с Чжунгарией, и, когда в 1694 г. Избрант Идес был в Пекине, с целью добиться облегчения и расширения русско-китайской торговли, он ничего не достиг, потому что в намерения пекинского правительства не могло входить усиление экономического влияния России в Азии. Наконец, в 1696 г. китайцы нанесли сильное поражение Галдан-Бушухте на р. Толе, результатом чего было очищение Халхи от чжунгар.

Таким образом, к началу XVIII в. Китай мог торжествовать: Монголия, как и Манчжурия, входили в состав Китайской империи.

Хотя сама Чжунгария, после очищения ею Халхи, не была сокрушена на собственной территории, но теперь настала и ее очередь опасаться за свою территориальную самостоятельность. Убитого заговорщиками Галдан-Бушухту сменил его племянник Цеван-Раптан, который бросил вызов Китаю на его предложение подчиниться, угрожая освободить от китайской власти Халху, Тибет и Хухунор. Но Китай действовал очень осторожно. Несмотря на то, что экономические преимущества были на его стороне, манчжурские политики прекрасно понимали, что даже при большом преимуществе в материальных средствах вести войну далеко от своей базы, отделенной от театра военных действий громадными безводными пустынями и степями, очень трудно. Они также учитывали, на основании опыта, что война в странах с враждебно настроенным населением, в особенности, живущим кочевым бытом, очень трудна вследствие текучести населения и необычайной эластичности кочевников к обороне и к нападениям на громадных расстояниях. Кроме того, Китай, воюя с Чжунгарией, имел бы в тылу лишь внешне подчиненных ему монголов и мог бы постоянно ожидать измены, как это бывало не раз.

Вот почему Китай теперь стал лишь ожидать благоприятного случая разбить Чжунгарию и дипломатически создавать благоприятную для себя международную обстановку. Китаю было особенно важно иметь своими союзниками против Чжунгарии кого-нибудь из соседей. В 1710 г.г. Китай попытался воспользоваться Аюкой Волжским, послав к нему посольство с официальной целью переговорить, каким путем отправить на Волгу несколько сот волжских торгоутов, которые задолго до этого ездили через Пекин к Далай-Ламе в Тибет на поклонение и на обратном пути были задержаны в Пекине китайцами в течение многих лет. Но, несомненно, что секретной целью этого посольства было лишь привлечь на свою сторону волжских торгоутов и подготовить почву для нападения их на Чжунгарию, в виду существовавшей семейной вражды между Аюкой и Цеваном-Раптаном. Бывший тогда (1712 г.) в Пекине начальник русского казенного каравана Худяков узнал, по слухам, что Китай при посредстве этого посольства имеет тайное намерение подчинить себе Чжунгарию, побудив напасть на нее с запада Аюку, при одновременном нападении с востока Китая. Худяков донес об этом си-

бирскому губернатору, указывая, что нападение на Чжунгарию причинит крупный ущерб Сибири, что чжунгарский контайша для китайского торгового всегда нужен России, и если Китай завладеет Чжунгарией, то Россия окажется в очень тяжелом положении, а без помощи Аюки Китай не сможет воевать с контайшей. Русское правительство приняло меры предосторожности и преподало в этом направлении наставления Аюке-хану, в результате чего последовало заявление Аюки китайским послам, прибывшим на Волгу в 1714 г., что он без приказа русского царя, как его подданный, не может ни с кем воевать, что же касается переселения торгоутов, застрявших в Китае, то, если государь разрешит им возвратиться через русские владения, он, Аюка, сообщит об этом богдыхану.

Начав войну с Чжунгарией, Срединная империя при таких условиях долго не имела успеха. Один из чжунгарских тайшей даже ворвался в Тибет, заняв временно Лхассу. С другой стороны, чжунгары оттеснили от озера Ямыша бригадира Бухгольца, стремившегося, по приказу Петра I, овладеть несуществующими яркентскими золотыми приисками, а потом чжунгары разбили и ген. Лихарева (1720 г.) на Черном Иртыше, не допуская русских основаться на чжунгарских землях. После этого, не желая вооружать против себя чжунгар, русское правительство приказало сибирским властям строить крепости за Тарой, не далее озера Ямыша, оставив Чжунгарию в покое; даже распространился слух, что Петр I стал сговариваться с Цеван-Раптаном об установлении торговли с Тибетом. Китай был этим сильно встревожен и разорвал сношения с Россией в 1722 г., выслав русский казенный караван из Пекина и выгнав всех русских купцов из Монголии. Россия, конечно, не имела намерения воевать с Китаем, тем более что Петр I, благодаря своим завоеваниям на Каспийском море, овладел персидскими рынками, приблизившись к индийским. К тому же китайский император Кан-Си умер в 1722 г., а его преемник Юн-Чжин, опасаясь соперничества братьев, воздержался от войны с Россией и Чжунгарией.

В 1727 г. Цеван-Раптан, находившийся на р. Или, был убит ламами, а его сын Галдан-Церен, сделавшись контайшей, продолжал теснить монголов, подвластных Китаю, и отправил посольство в Россию. Это побудило Китай возобновить борьбу с Чжунгарией. Уже в 1730 г. были слухи, что китайцы решили в 3 года разгромить Чжунгарию, снарядив в поход 300 тысяч войск. Кроме того, пекинское правительство вновь попыталось воспользоваться силами волжских торгоутов и послало в Петербург с курьером Содовьевым, бывшим в этом году в Пекине, лист, с просьбой, чтобы Россия приказала торгоутам на Волге, как русским подданным, напасть на Чжунгарию. В том же 1730 г. было отправлено в Россию первое китайское посольство, с официальным поручением принести поздравления новому императору (Петру II). На

совещании китайские послы об'явили, что богдыхан (Юн-Чжин) хочет воевать с Чжунгарией и, когда завладеет ею, то, по соглашению с Россией, произведет ее раздел. На это было отвечено, что Россия не нуждается в новых земельных приобретениях, но если дело все же дойдет до раздела, то Россия, во избежание нареканий, примет участие в нем. Другие ответы России были столь же осторожны и уклончивы. Китайское посольство на этот раз было пропущено к волжским торгоутам только в виде исключения, но при переговорах его с ними присутствовал русский подполковник (1731 г.).

В это время хана Аюки уже давно не было в живых, а наследовавший ему сын Церен-Дондук выказывал склонность подчиниться Китаю, но тем не менее Церен-Дондук официально ответил на призыв Китая выдавать бежавших к нему чжунгар, что без указа русского государя он этого делать не может. Когда же в 1733 г. прибыло в Петербург новое китайское посольство (под предлогом приветствовать воцарение имп. Анны) и просило пропустить к калмыкам китайское посольство, ему об'явили, что, т. к. торгоуты находятся в подданстве России, то посольство к ним со стороны Китая неуместно. Тем не менее Анна приняла послов, но вопрос о Чжунгарии остался открытым, потому что ослабление ее в пользу Китая не входило в расчеты России и могло повлечь переход волжских торгоутов в Китай. Через короткое время, вследствие неблагонадежности Церен-Дондука и его сношений с Тибетом, он был вызван в Петербург, где и умер. Его преемником был назначен 1705 г. внук Аюки Дондук-Амбо.

Таким образом, попытки Китая сделать своими союзниками в борьбе с Чжунгарией родственных чжунгарам волжских торгоутов или же сделать самих русских такими союзниками не увенчались успехом ни в 1714 г., ни в 1730 г., и Китай в 1733 г. должен был вести самостоятельно войну с Чжунгарией, и контайша Галдан-Церен несколько раз наносил большие поражения китайским армиям, при чем сами чжунгары при неудаче скрывались на Волгу. От этой войны очень страдали монголы, которые, спасаясь от притеснений как китайцев, так и чжунгар, непрерывно перебегали в пределы России.

Наконец, в 1735 г. Китай, при посредничестве Тибета, заключил мир с Чжунгарией; сохранение Чжунгарией своей самостоятельности, несомненно, было результатом политики России, недопустившей волжских торгоутов стать в этой войне союзниками Китая.

Таким образом, в этот период Чжунгария была грозой для Центральной Азии. Галдан-Церен, имея под своей властью Туркестан, теснил киргизов, татар и беспощинно торговал в сибирских городах. Но в начале второй половины XVIII в. чжунгарское ханство погибло, часть чжунгар, преследуемая войсками Китая, была загнана в пределы России, перешла в русское подданство и в количестве до 7,000 чел.

поселилась в Алтайской области, вблизи Колывани, Кузнецка и Красноярска; остальные кочевники переселились к волжским торгоутам.

К этому времени Китайская империя владела Маньчжурией, Монголией, Чжунгарией и Тибетом. В этих странах происходили волнения, особенно в Монголии. На характеристике этих событий следует остановиться подробнее.

Северная Монголия в XVIII ст., как мы уже видели, находилась, подобно южной, под властью и влиянием Срединной империи. Но монголы, пользуясь близостью русских границ, бесконечных по своему протяжению, и совершенно не охраняемых, при чем направление самих границ не было точно и должностью установлено, беспрестанно и свободно перекочевывали из своей страны на русские земли, спасаясь этим от неприятностей китайского протектората.

Кяхтинский договор 1727 г. (пункт 2) поставил в крайне стесненное положение монголов, которые в силу этого договора уже не могли, спасаясь от притеснений китайцев или не подчиняясь их властям и распоряжениям, скрываться в русские области. Поэтому монголы должны были или открыто объявить себя врагами Китая, вступивши с ним в состояние войны, или же подчиниться, но не могли принять определенного решения. Монголы платили дань Срединной империи скотом и пр., но, вследствие войны с Чжунгарией, империя обложила монголов другими тяжелыми поборами, и, наконец, даже было решено послать их всех с семействами воевать в Чжунгарию и заселять ее. Вследствие этого на реку Онон в Россию переселилось несколько тысяч монгольских семейств с громадным количеством скота. В силу договора Россия должна была их выдать и часть выдала (до 1736 г.), а остальных заставила тоже откочевать в Китай.

Монголия, при условии объединения, представляла бы грозную силу для маньчжурских завоевателей. Монголы, жившие только при русской границе (около Кузнецка, Красноярска, Иркутска и Нерчинска), могли бы выставить (в 1731 г.) 75.000 конницы, а вместе с даурами (татарами), которые жили вблизи Нерчинска и по Амуру (в XVII ст. они помогали маньчжурам овладеть Пекином и считались наилучшими воинами), они в течение двух месяцев могли сообща легко собрать конное войско в 100.000 человек. Однако, в поле они были в состоянии продержаться только три месяца, потому что каждый из них должен был сам себя содержать привезенными из дома продуктами. Монголы были хорошими стрелками из лука и имели небольшое число фитильных ружей, с подпорками для стрельбы, но, по словам Владиславича Рагузинского, „дондеже монголец свою винтовку зарядит, могут солдаты трижды выстрелить“.

В половине XVIII столетия монгольский вопрос сильно обострился, и Монголия была накануне восстания, потому что тогда же решалась

окончательно судьба Чжунгарии, и если бы она была раздавлена Китаем, Монголии пришлось бы надолго оставить мечты о возвращении своей самостоятельности (как оно потом в действительности и произошло).

Русское же правительство в начале 1750 г., в связи с выраженными некоторыми монголами пожеланиями перейти в Россию, не знало, как в данном случае поступить, так как, с одной стороны, оно было связано договором о выдаче перебежчиков, а с другой стороны, видело, что Китай окончательно раздавит Монголию, сделает из нее мост для овладения Чжунгарией. В это время русских особенно останавливало то обстоятельство, что выражали желание перейти в Россию рядовые монголы, а не их начальники, что от принятия монголов прекратится торговля с Китаем, выгодная русской казне и сибирякам, и что от Селенгинска до самого Тобольска было очень редкое население, о чем в Пекине знали, а между тем Китай мог быстро перебросить к границам „немалое число“ своих войск.

Поэтому Россия решила прежде усилить военные силы в Сибири, надеясь потом одним ударом разрешить вопрос не только о Монголии, но и об Амуре, в виду того, что китайцы не хотели позволить русским плавать по этой реке. Одновременно Россия вела деятельные разведки о ходе событий в Монголии, особенно, когда в 1756 г. стало ей известно, что сам Хутухта и некоторые монгольские владетели хотят отдаться под русский протекторат. По поручению русского правительства, селенгинский бригадир Якобий, отменный знаток русско-китайских сношений, непосредственно ведавший пограничные дела, домогался через своих агентов и монгольских единомышленников, чтобы сам Хутухта и монгольские владетели письменно просили Россию, с указанием условий, о принятии их в подданство; домогаясь этого официального акта, Якобий, согласно наказу сената, обещал монголам защиту их русской вооруженной силой против Китая, при чем монголы, приняв русское подданство, хотели остаться на своей родине, и это было более выгодно России, потому что разместить всех монголов-кочевников в сибирских владениях было трудно.

Но пока Россия производила разведки, готовила почву и работала, наконец, план увеличения своих военных сил (1759—1760 гг.), достаточных, чтобы сразиться с китайскими армиями, все эти меры, благодаря длительности переписки и другим причинам, были проведены тогда, когда события в Монголии изменились в пользу более энергично действовавшего пекинского правительства.

Монголы же действовали крайне нерешительно, и неединодушно; мачжурская династия, видя, какая опасность угрожает ей в случае успеха монгольского восстания, проявила поразительную энергию, настойчивость и жестокость, чтобы не допустить до этого. Китайские шпионы

были рассеяны по всей Монголии, и даже главный лама при Хутухте был на стороне Пекина.

Наконец, в 1757 г. Китай окончательно расправился с монголами.

После этого „жизнь их, мунгал, совсем против прежнего стало худое и тяжкое“. Новый пограничный ургинский начальник издал строгое подтверждение о безусловном воспрещении переходов монголов всех семи халх даже между собой, а сам стал расточать богатство Хутухты, посылая его в Пекин и окружив себя сильной стражей.

Когда монгольские роды просили Россию принять их, позволив им перейти за русские границы, русские им отказывали, во избежание нарушения договоров и, вообще, вследствие отсутствия пользы от пребывания кочевников-монголов в русских владениях и желая устранить пограничные осложнения, постоянно возникавшие при переходах монголов и их кочевках на русских землях.

Несомненно, что Россия в монгольском вопросе половины XVIII ст. действовала очень осторожно и дипломатично, а Китай, опираясь на свои армии, решительно и бесповоротно, результатом чего и было подавление им к 1760 годам недовольства Монголии и в связи с этим разгром когда-то могущественной Чжунгарии.

Западный Китай, образовавшийся из завоеванных Срединной империей к 1758 г. областей бывшего Чжунгарского ханства, стал укрепляться китайцами, принявшими все меры к удержанию за собой этих земель. Главные китайские военные силы были расположены ими в центре прежней Чжунгарии с городом Кульджа — в долине р. Или. Западный Китай был колонизован азиатами, переселенными из других китайских областей, в том числе и из внутреннего Китая. В Притяньшань были возобновлены и вновь построены города, из которых самым значительным стал Урумчи, так как в нем сосредоточились склады китайских купцов. Другим важным городом в Зап. Китае стал Кашгар. В Тарбагатайской области китайцы построили город Чугучак, ставший центром управления этой областью, простиравшейся до русских владений на Бухтарме и Алтае. Западный Китай управлялся китайцами из Кульджи, везде были поставлены китайские гарнизоны и чиновники, население обложено данью. Теперь, вместо старинной русской торговли с чжунгарами (калмыками), киргизами, Россия начала завязывать к концу XVIII ст. торговые сношения с Западным Китаем.

Покорив Чжунгарию, „Цветущая империя“ в своем неудержимом стремлении на запад встретилась с киргизами и поставила своей очередной задачей присоединение их земель к своим владениям.

Киргизы кочевали в Средней Азии и возле нее, составляя союз и распадаясь на малую, среднюю и большую орду. Теснимые Чжунгарией, они в 1716 г. безуспешно просили защиты у России. Чжунгария в 1723 г. покорила киргиз Западного Туркестана. Малая орда, ограждая себя от

дальнейших завоеваний чжунгар, в 1731 г. присягнула на подданство императрице Анне и получила разрешение кочевать возле р. Яика, с условием жить мирно, никого не грабить. В 1739 г. большая орда тоже приняла подданство России. Но Галдан-Церен чжунгарский продолжал теснить киргиз, не признавая их русского подданства. Россия же не защищала киргиз силой оружия от притеснителей. Поэтому, когда Срединная империя окончательно сломила Чжунгарию в 1758 г., киргизы отделились под покровительство богдыхана и заняли все земли, бывшие прежде у Чжунгарии и теперь опустевшие после китайского разгрома. Русское правительство, защищая свои владения от вторжения азиатов, в 1752 г. соединило Оренбургскую крепостную линию с Иртышской. Хотя в 1756 г. была мысль утвердиться русским в истоках Иртыша и занять озеро Нер-Зайсан, но китайцы уже осели около этого озера, и поэтому в 1760 г. русское правительство постановило продолжить Иртышскую линию только до Бухтармы, где потом было решено построить крепость. Среди киргиз в то время усилился Аблай, провозглашенный ханом в 1772 г. средними киргизами, кочевавшими по Оби, Тоболу и Ишиму. Он распространил свое влияние на туркестанских ханов. Хотя киргизы признавали покровительство русских, и сам Аблай в 1776 г. получил от Екатерины II грамоту на ханство, но одновременно они признавали и богдыхана, опасаясь его войск. Таким двойным подданством киргизы думали сохранить свою самостоятельность. После смерти Аблая, в 1781 г., Российская империя признала ханом его сына Валли, а Срединная империя — Ханходжу. Но оба они, продолжая политику предшественников, сочли нужным заручиться также покровительством другого соседа. Русское правительство привлекало киргиз и калмыков на свою сторону, позволяло им переселяться на российские земли — Алтай, Волгу, и приказывало русским властям не угнетать их и даже давать им льготы. Но эти кочевники представляли беспокойный элемент для русских границ и среднеазиатской торговли своими нападениями на караваны. Китайцы немало вносили в эти отношения напряженности своим стремлением овладеть киргизскими землями. Не довольствуясь тем, что брат (Касым-султан) киргизского хана Валли, присягнувшего России, ездил (1788 г.) в Срединную империю, склоняясь на сторону китайцев, китайцы (1791—1792 г.) сманивали к себе и Валли.

Дальнейшая история борьбы за киргизские земли между Россией и Китаем относится уже к истории XIX ст.

Из других азиатских народов, живших между этими империями, были самыми отдаленными для Китайской империи и, наоборот, наиболее близкими к Российской — волжские торгоуты, о которых приходилось уже упоминать в связи с историей Чжунгарии.

Волжские торгоуты, как мы видели, постоянно находились в сношениях с Китаем, главным образом, вследствие религиозных инте-

ресов, и эта связь поеддерживалась посредством посланников, ездивших через Пекин для религиозных целей в Тибет. Несомненно, маньчжурское правительство использовало эти посещения калмыков (1730—1732 г.г., 1744 г., 1756 г.) в своих политических целях и для поддержки связи со своими единомышленниками среди волжских торгоутов. На Волге же в то время были смуты в бывшей семье Аюк-хана. Несколько претендентов домогались после смерти Дондук-Амбо ханства и, желая заручиться сочувствием императрицы Елизаветы, некоторые из них приняли христианство, но это только вызвало раздражение у правоверных торгоутов, исповедывающих ламаизм. В 1761 г. для ограничения власти хана русское правительство установило при нем совет зайсонов, т.е. народных представителей. Это также возмутило тайш. К ним же примкнули бежавшие сюда (в количестве 10.000 человек) в 1756 г. из разгромленной китайцами Чжунгарии торгоуты и составили заговор перекочевать с Волги в Китай. В начале 1771 г. торгоуты внезапно поднялись и в числе до 170.000 человек двинулись в Западный Китай. На Волге же остались только те немногочисленные торгоуты, до 5.000 семей, которые не успели из-за разлива Волги перейти реку. Много переселенцев погибло в дороге от голода, жажды, болезней и оружия калмыков, а когда остатки торгоутов (до 70.000 чел.) дошли до Западного Китая, китайцы приняли их, по словам китайской грамоты, „с примерным человеколюбием“ и, снабдив всем необходимым, расселили по разным местам Западного Китая, где раньше жили разгромленные и разогнанные китайцами более десяти лет тому назад воинственные чжунгары.

Таким образом, многолетние домогания Китайской империи увенчались успехом, и торгоуты воссоединились с нею. Оставшиеся же в России калмыки одно время волновались, тоже желая переселиться, но потом успокоились, и Государственный Совет даже счел возможным (1787 г.) разрешить им перейти на левый берег Волги. Согласно рапорта командующего сибирским корпусом ген.-майора Штрэндмана из Омской крепости 1791 г., китайцы даже хотели калмыков, подданных России, кочевавших от крепостной линии около 200 верст, сжить с мест и присоединить их земли к себе на том основании, что эти земли принадлежали Чжунгарии, покоренной Китаем. Государственный Совет тогда постановил принять все меры, чтобы силой защитить калмыков от китайцев, хотя такое решение затягивало вопрос о восстановлении выгодной для России русско-китайской торговли, прерванной в этот период китайцами. В результате принятых военных мер обороны калмыки и их земли остались во владении Российской империи, и даже те торгоуты-калмыки, которые с Волги бежали в Китай, сами начали в 1805 г., страдая от сильных притеснений китайцев, вести переговоры с начальником русской сибирской линии о разрешении им вновь перейти в русские пределы, но китайцы, узнав об этом, переселили их еще дальше, вглубь

своей империи, очевидно, тоже руководствуясь „примерным человеколюбием“.

Подводя итог нашему краткому обзору судеб восточных народов, обитавших между Россией и Китаем в XVII—XVIII столетиях, мы видим, что Китайская империя, несомненно, имела преимущества в влиянии и в покорении народов, обитавших ближе к ее пределам, а Российская, наоборот, — в подчинении тех азиатских народов, которые жили ближе к Европейской России, что в особенности сказалось в XIX столетии. Китай в покорении Монголии и Чжунгарии видел цель своего существования, Россия же придавала этому лишь второстепенное значение, поскольку оно касалось безопасности границ самой Сибири и, особенно, развития торговых сношений. С другой же стороны, сами восточные народы стали жертвой колониальной политики этих двух империй. Начиная с XVII в., между обеими империями непрерывно шло соперничество за подчинение своей власти всех промежуточных восточных народов, с целью использовать их для увеличения и накопления своих государственных ресурсов и тем самым для обогащения стоящих у власти классов. Восточные же народы, благодаря кочевому строю, разумеется, не могли остановить напора оседлых культур и в конечном результате должны были им подчиниться. Только благодаря взаимному соперничеству России и Китая, также громадным пространством азиатских областей, их природной бедности (для тогдашней оседлой культуры) и незначительной в эти столетия их заселенности, кочевникам удавалось все-таки сохранять до известного времени самостоятельность. При этом тот социальный строй, который у них существовал, хотя и был основан на классовом господстве, все таки был несравненно демократичнее, чем в России и в Китае, а это обстоятельство давало кочевникам больше возможности оказывать сопротивление, чем в действительности позволяли их материальные средства и сравнительно слабая организованность и спайка, свойственная степным кочевым государственным организациям.

В настоящее же время эти кочевые народы, окончательно переходя к оседлому быту и освобождаясь от гнета имущего класса, родовой знати и религиозной косности, получают полную возможность при национальной политике СССР самостоятельного материального и духовного развития и тем самым могут широко проявлять свое национальное существование, тем более, что, как мы видели, глубокие корни его таятся в прошлом.

Новый труд по истории Ирана *).

Восточный Факультет Средне-Азиатского Государственного Университета оказал большую услугу востоковедению, издав, при материальном содействии «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами» рецензируемую книжку. Наблюдающееся, в особенности в последние годы, и у нас и за пределами СССР, усиление научного интереса к Ирану вызывает потребность в пособии, которое вводило бы начинающих ориенталистов в науку. Книжка акад. В. В. Бартольда, задуманная им в том плане, в котором был издан в 1922 г. его же «Мусульманский мир» должна эту потребность удовлетворить. Работа акад. В. В. Бартольда прочтется также и специалистами с интересом и с пользой. В написанной с обычной для автора акрибией книжке они найдут основанные на исключительном знании письменных мусульманских исторических источников мысли и выводы.

Книжка состоит — помимо обращения от издателя — из введения (стр. 5—8) и пяти глав: I. Место иранцев, Ирана и иранской культуры в мировой истории (стр. 8—35), II. География и этнография Ирана (стр. 35—55), III. Историческая литература на персидском языке (стр. 55—96), IV. Европейские исследования по истории Ирана и иранской культуры (стр. 96—113), V. Русские исследования (стр. 113—122).

Наиболее углубленная ценность книжки заключается в ее III главе. Автор соединяющий в своем лице историка и филолога, востоковеда-мусульманиста, — сумел выбрать из безбрежного моря хорошо ему известной в большинстве неизданной персидской исторической литературы наиболее важные памятники, дать им оценку и привести с соответствующей критикой научную западно-европейскую и русскую литературу. С беспристрастием историка автор иногда остается как будто в тени и заставляет говорить за себя других, цитируя их мысли, то с еле уловимым собственным к ним отношением, с ясно выраженной положительной или отрицательной оценкой, в роде: «не выдерживает критики». В книжке обычная для трудов акад. В. В. Бартольда полнота библиографии, с ограничением, которое положил себе сознательно в педагогических

*) (Акад. В. В. Бартольд. Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1926 г., 122 стр. in 8°).

целях сам автор (стр. 95—96). Цитируются многотомные труды и небольшие статьи и даже возражения на небольшие статьи.

В полной мере отражаются в книжке историософические взгляды акад. В. В. Бартольда, известные нам по другим его работам, которые выгодно отличают этого ученого от его предшественников и от многих современников. История Востока в его изображении — не хаотическое перечисление отдельных, друг с другом мало связанных фактов, а освещенная общими для всех народов законами система. Восток — не изолированный от Запада мир, а тесно с ним связан переплетающимися влияниями и столкновениями интересов, и ограничение изучения истории рамками романо-германского мира справедливо ставится автором на вид некоторым европейским ученым (стр. 77). Привлечение «таких невесомых факторов, как влияние религии и расового скрещения», [мало пригодно для оценки причин прогресса Ирана в мусульманский период, говорит автор: «Наиболее простой, ясной причиной прогресса является простор, завоеванный мусульманами и созданная этими завоеваниями культурно-историческая почва широкого мирового общения» (стр. 29). «Только благодаря персидским завоеваниям произошло то расширение географического и, вообще, умственного кругозора представителей греческой культуры, о котором свидетельствуют труды Геродота и его предшественников» (стр. 18). «Если возможно процветание материальной культуры без духовной, то труднее допустить возможность прогресса духовной культуры при упадке материальной» (стр. 28). «Большую гуманность персидских царей, особенно Кира, сравнительно с прежними завоевателями часто объясняли влиянием религии, что едва ли выдерживает критику...» (стр. 16). (Зороастрийской) «религией освящался устарелый сословный строй. Несоответствие между таким строем и требованиями жизни было одной из причин частых восстаний против государственной власти...» (стр. 23).

Предназначая свою работу в качестве введения в иранистику, вообще, акад. В. В. Бартольд затронул в ней большое количество проблем, из которых одни им решаются, другие только ставятся. По некоторым высказанным автором суждениям рецензент позволит себе высказать взгляды, несколько отличные от мнений акад. В. В. Бартольда или несколько дополнить их.

Автор присоединяется (стр. 65) к мнению Нельдеке, что ко времени Дакики (X век) «уже существовал вполне выработанный эпический стиль». Это обстоятельство заставляет допустить длительную традицию, которая своими корнями, как думает рецензент, уходит в иранскую почву, а не является чужеродным, арабским цветком, пересаженным на почву Ирана, что отнюдь, конечно, не исключает большого влияния арабской поэзии на приемы художественного персидского творчества. Засвидетельствованная в древнем Иране (в Авесте) эпическая и лирическая поэзия (Яшты и Гаты) с выработанной формой, обнаруженные Залеманом (см. его «Manichäische Studien») и Андреасом (см. R. Reitzenstein «Die Hellenistischen Mysterienreligionen», стр. 125; его же «Das iranische Erlösungsmysterium», стр. 3), следы среднеперсидской поэзии в остатках манихейской религиозной литературы делают мало правдоподобным, как думает

рецензент, полное отсутствие поэтического творчества в средне-персидский, до-мусульманский период, и отсутствие в средне-персидской, так наз. пехлевийской, литературе памятников поэтического творчества вероятнее всего объясняется тем обстоятельством, что от обширной пехлевийской литературы сохранилось почти исключительно только то, что имело отношение к религиозному культу, потребностям той среды (зороастрийского духовенства), в которой эта литература передавалась. Поэтому рецензенту кажется недостаточно обоснованным цитирование акад. В. В. Бартольдом (стр. 26) заключение Б. А. Тураева «о рассудочности и прозаичности персидского народа», сделанное на основании литературной формы памятников до-мусульманского Ирана.

Читатель с удовлетворением прочтет (стр. 44) толкование акад. В. В. Бартольдом термина Атропатена-Атрпатакан-Азербайджан, основанное на имени наместника этой области Атропата. Менее ясной является позиция акад. В. В. Бартольда, в «скифском вопросе» (стр. 8—9). По этому вопросу автор цитирует мнения различных ученых от А. А. Шахматова, считавшего скифов иранцами, до Н. Я. Марра, считающего их «яфетидами», т.-е., по словам акад. В. В. Бартольда, племенем родственным грузинам, абхазам. Акад. В. В. Бартольд склонен, как мог понять рецензент, считать вопрос не выясненным. Не названо новейшее исследование М. Р. Фасмера¹⁾, встреченное ученой критикой весьма благосклонно²⁾. Недостаточно места уделено по этому вопросу работам В. Ф. Миллера, крупнейшего исследователя одного из скифских народов — осетин, а также свидетельствам классических писателей, хотя данным арабских писателей по другим вопросам уделяется достаточно внимания. В свете этих доказательств скифский вопрос мог бы получить более определенное решение в смысле отнесения языка скифов, сарматов, саков к языкам иранским, — так этот вопрос, как известно, большинством ученых и решается³⁾.

Отчетливую оценку получила у автора маздаистская религия, в особенности роль ее в истории Ирана. Убедительны возражения против чрезмерной идеализации ее некоторыми учеными, указаны (стр. 23) причины, вызывавшие образование сект, как протест против устарелого сословного строя, озвященного религией. Рецензент не склонен был бы все же вполне разделить высказанную на стр. 16 мысль, что «зороастризм все более становился языческим культом и... при династии Сасанидов не представлял никакой этической ценности и только после победы ислама он... очистился до степени чистого монотеизма». Монотеистические тенденции существовали в зороастризме и раньше, в сасанидское время, современное же индийско-парское вероучение, как оно, напр., отражается в их катехизисе, в значительной мере искусственно приноровлено к вкусам окружающей среды лицами, получившими европейское образование. Сасанидскую и арсакидскую государственность автор справедливо считает более

¹⁾ Max. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.

²⁾ См., напр., рецензию Ломмеля в „Archiv für Slavische Philologie“, В. 40.

³⁾ Сарматов (стр. 5) сам автор склонен относить к иранцам.

иранской, чем ахеменидскую (стр. 22). Наличие большого количества греческих памятников в арсакидскую эпоху, чем в сасанидскую, и расцвет пехлевийской письменности при Сасанидах — позволяет, думает рецензент, и для этих двух эпох установить некоторое различие, позволяет считать, что сасанидская эпоха характеризовалась еще большим национальным подъемом, чем арсакидская ¹⁾.

Некоторым упущением является отсутствие указания среди открытий в Средней Азии — на найденные в Турфане памятники на двух иранских диалектах: северо-западном и юго-западном. Эти памятники, манихейские по содержанию, серьезно подвинули вперед иранскую диалектологию и, вместе с вновь открытыми памятниками манихейства на других языках, послужили материалом для появления довольно значительной уже новейшей литературы о взаимоотношении иранской религии с религиями Передней Азии ²⁾. Сообщение автора (стр. 105) о том, что найденный в 1909 г. вместе с греческими документами — документ, написанный арамейским шрифтом, *еще не вполне разобран*, должно быть исправлено. Документ разобран Ньубергом и оказался написанным на пехлевийском языке; он также, как и греческие, относится к продаже земельного участка ³⁾. Не могло быть использовано автором появившееся уже после выхода в свет книжки чрезвычайно важное сообщение Херцфельда о его работах в Персии, помещенное в журнале «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», т. 80 (1926 г.) стр. 225—284, а также его сообщение с текстом открытой им новой персидской надписи в Хамадане ⁴⁾.

Некоторые из высказанных автором мыслей, относящихся к языковым фактам и их толкованию, вызывают сомнения. Автор употребляет термин «арийский» в обычно принятом в современной науке смысле, т. е. в отношении к индо-иранцам. Поэтому неправильно упоминание о «до-арийском слое армянского народа» (стр. 9), коль скоро работами Хюбшмана доказано, что армянский язык не относится к иранским, как думали до него, а является одним из языков фрако-фригийской группы индо-европейских языков со своеобразной морфологией; некоторый иранский колорит придают ему обильные словарные заимствования из персидского и парфянского языков с другими фонетическими отражениями. Некоторая неточность допущена также по отношению к осетинам (стр. 7). Термин «иран» не является эквивалентом к термину «иран», а есть новообразование на почве осетинского языка от термина.

¹⁾ Ср. стр. 105 рец. книжки: „Как памятник арсакидской эпохи представляют интерес два греческих документа I в. до Р. Х., открытые в 1909 г. в персидском Курдистане. Документы интересны, как памятник господства греческой культуры при Арсакидах“.

²⁾ Ср., напр., работы Рейценштейна, Шефтеловица, Везендонка и др.

³⁾ См. Н. S. Nyberg. The Pahlavi Documents from Auroman (Le monde Oriental. Vol. XVII, стр. 182—230); см. также E. Herzfeld. Paikuli. JRAS, 1919, стр. 147—154. Bulletin of the School of Oriental Studies. Vol. I, Part IV, 1920, стр. 125—144.

⁴⁾ См. Dentsche Literaturzeitung, 1926, Heft 42.

«ир»¹⁾ и обозначает одного иронца, а не осетин вообще. Термином «ир» называют себя только восточные осетины, западные же носят название «дитора»²⁾.

Менее всего можно согласиться с картиной распределения иранских диалектов, которая получается применительно к толкованию автором терминов «персидский язык, средне-персидский язык». Автор не склонен согласиться с цитированным им мнением Андреаса, что средне-персидский язык есть один из диалектов юго-западного Ирана (стр. 22). Достаточным основанием для возражения является для автора то обстоятельство, что «так называемый средне-персидский язык продолжал называться и при исламе «пехлевийским», т.-е. парфянским» (стр. 22, 39). Автор совершенно прав, отождествляя термины «пехлевийский» и «парфянский». Заключает ли отсюда автор, что «так называемый» средне-персидский язык это парфянский язык? Никаких доводов по существу против установленного в науке взгляда, что «так называемый пехлевийский язык» это средне-персидский язык, автором не приводится. Эти доводы, чтобы быть убедительными, должны были бы заключаться в опровержении тождества лингвистических признаков в фонетике и лексике, связывающих язык так называемой пехлевийской письменности и сасанидских надписей, т.-е. средне-персидский язык с языком древне-персидских надписей, ново-персидским литературным языком и живыми наречиями Фарса—в отличие от других иранских языков и диалектов. В рецензии нет места для указания на эти признаки; они могут быть найдены в любом из современных научных исследований по иранским языкам, независимо от школы.

Еще задолго до Андреаса была в общих чертах установлена связь языка ахеменидских надписей, языка пехлевийской письменности и сасанидских надписей и языка ново-персидской литературы, как исторически развившихся звеньев одного языка,—в отличие от языка Авесты и известных тогда иранских наречий. Это положение нашло свое отражение у отца современной иранистики, Хюбшмана, в его труде «Persische Studien» и в лингвистической части сборника «Grundriss der Iranischen Philologie», в трудах Бартоломе, Залемана, Хорна и Гейгера. Ахеменидская династия, происходившая из Персиды, подчеркивавшая в своих надписях с гордостью подвиги «персидского человека», говорила на персидском языке или на одном из диалектов Персиды, т.-е. юго-западного Ирана. Коль скоро язык пехлевийской письменности обладал теми же чертами, что и язык Ахеменидов, древне-персидский язык,—то и он был признан персидским, средне-персидским, представляющим следующую ступень в развитии этого языка. Поэтому Залеман и озаглавил свой грамматический очерк этого языка, помещенный в «Grundriss der Ir. Phil.»—«Mittelpersisch». В персидском языке (средне-и ново-персидском), как во многих литературных языках, распространивших свое влияние за пределы своей тесной родины и подвергшихся

1) Об отношении терминов „иран“, „ир“ см. статью „Ossetica“ в журнале „Rocznik Orientalystyczny“, т. III (печатается).

2) Об этом см. цитированный автором „Grundriss der Iranischen Philologie“, где вложена грамматика обоих наречий осетинского языка.

влиянию извне, — имеется известное количество словарных заимствований, главным образом, как можно было предполагать, из северо-западного Ирана.

Заслугой Андреаса и является первоначальное установление основных фонетических соответствий в языках средне-иранских северо-запада и юго-запада Ирана, соответствий, которые продолжают свое бытование в развившихся из них современных диалектах тех же мест. Эти фонетические законы были установлены Андреасом значительно раньше той статьи его, которую цитирует акад. В. В. Бартольд (стр. 22). Упомянутые выше в рецензии манихейские письменные памятники, найденные в Турфане, написанные другим шрифтом, чем пехлевийский, но на том же средне-иранском языке, помогли еще более уточнить и разграничить оба средне-иранских диалекта: северо-западный, называемый обыкновенно парфянским по культурному центру парфян той эпохи, и юго-западный — среднеперсидский. Среди этих памятников были рукописи на обоих диалектах. В разграничение этих диалектов внесли свою лепту ученые различных школ. Общепризнанной наилучшей работой по этому вопросу является основанная на тщательном анализе всего материала монография П. Тедеско «Dialektologie der westiranischen Turfantexte» (Le Monde Oriental, vol. XV, 1921, стр. 184—258), см. также О. Mann, «Die Tâjik—Mundarten der Provinz Fars», 1909. Турфанские письменные памятники разъяснили нам и факт наличия параллельных текстов в некоторых сасанидских надписях, которые до того времени назывались сасанидским пехлеви и хальдео-пехлеви. Эти тексты точно так же оказались написанными на двух диалектах — северо-западном и юго-западном, т. е. на языках двух главных иранских провинций сасанидской державы. Отличные друг от друга системы письма со своими идеограммами указывают на собственные, развившиеся самостоятельно традиции.

Выше изложены основания, которые не позволяют рецензенту согласиться с точкой зрения акад. В. В. Бартольда по этому вопросу. Одно наименование языка или диалекта, само по себе, ничего не может говорить о его положении в отношении к другим. В противном случае мы должны были бы, напр., французский язык считать германским, потому что франки были германцами. Термин «пехлевийский» применялся арабами не в отношении к живому языку, а к языку зороастрийской письменности, к «пехлевийскому» письму — в отличие от языка с мусульманской, арабской графикой. В этом смысле этот термин употребляется в науке и теперь. «Пехлевийский» текст, написанный арабским шрифтом (а такой род литературы, как известно, существует), перестает быть «пехлевийским»; язык, конечно, от этого не меняется. Самое слово «pahlav», «pahlavân» уже в ранней персидской литературе, рядом со старым значением, начинавшим теряться, получило новое — «богатырь».

Позиция автора в иранской диалектологии отразилась также в определении им мазандеранского наречия, как диалекта персидского языка (стр. 52), куда он, конечно, не относится.

«Яхура Мазда» не значит, как говорится на стр. 14, «букв. «святой владыка». «Мазда» (одного корня с нашим «мудрый») значит «помнящий,

примечающий, мудрый» (см. цитированный автором словарь Бартоломе). В имени мифического героя «Джемшид» (стр. 59)—«шид» не есть царский титул; все слово «Джемшид» является отражением авестского «йимо хшайто» («блестящий Йим»); значение «блестящий, светлый, сияющий» сохранилось в персидском «хуршид», «шид» — «солнечный диск». Слово «шид» не восходит к древне-персидскому «xšāyaldīya» «царь» (у автора описки «кшаятя» — с н в м. х). Неудобен введенный автором новый термин «ариане» (стр. 5), вм. «арии» (арийцы), как дальше на той же странице. Неподготовленный читатель может смешать арийцев с последователями известного христианского учения. Последний том истории персидской литературы Э. Броуна, заключающий период от 1500 до 1924 и вышедший в 1924 г. под заглавием «A History of Persian Literature in modern times», не мог уже, повидимому, быть использованным автором. В этом смысле нужно дополнить сказанное об этом труде на стр. 109.

Некоторая непоследовательность в транскрипции может быть объяснена условиями, в которых печаталась работа, о чем сообщает издатель. Опиской является во фразе (стр. 9) «... до-алан, часть которых в V в. до Р. Хр. вместе с другими народностями проникла до Испании и Африки» выражение «до Р. Хр.» следует читать «после Р. Хр.».

Как ни благодарен будет читатель акад. В. В. Бартольду за его глубоко продуманную работу, за то, что он ему своей книжкой захотел дать и дал, все же ею не исчерпывается потребность в труде, обнимающем культурную и политическую историю Ирана в исторической перспективе. Что такая потребность существует, доказательством может служить появление таких трудов на книжном рынке, о несостоятельности некоторых из них в научном отношении говорит автор в соответственном месте. Обычным возражением, отчасти справедливым, против постановки такой задачи является указание на неразработанность отдельных частей персидской истории, на то, что персидская историческая литература в большинстве еще не издана. В аналогичном положении находится и история персидской литературы. Между тем, эти препятствия не остановили Э. Броуна и им написан труд, научное значение которого, по словам акад. В. В. Бартольда, чрезвычайно велико. Создание труда, обнимающего историю Персии в целом, стоящего на уровне современных требований науки, могло бы также послужить толчком к увеличению числа специалистов истории Востока, число которых, к сожалению, по каким-то причинам за последние годы не увеличивается, а уменьшается, — и несколько преувеличиваемая, как думает рецензент, акад. В. В. Бартольдом (стр. 113) слабость успеха науки истории Востока могла бы быть таким образом несколько уменьшена. Рецензент думает, что условия для создания такого труда у нас в настоящее время более благоприятны, чем были раньше.

С. ВЕЛЬТМАН

Литературные отклики.

(Восток в изображении Б. Пильняка, С. Третьякова и др.).

„И каждый день, когда наступает вечер, я покидаю свою яхту, крепко сидящую на якоре, и отправляюсь на тот берег, гонимый непреодолимым желанием открыть тайну Азии, что никогда не удастся ни мне, ни кому-либо из моей расы. Я иду по узким, грязным, вонючим улицам до того голубого домика, который я купил; там я запираюсь, чтобы спать и мечтать в китайской одежде при специфическом запахе страны, запахе перца, ладана и гнили, окруженный китайскими слугами, чтобы не нарушать атмосферы Востока“ (Клод Фаррер „На другом полушарии“).

Это один из образцов проникновения в „тайну Азии“, который очень распространен в западно-европейской литературе, главным образом, во французской.

Современная художественная литература, посвященная Востоку, по уверению западно-европейской критики, переживает „кризис“. „Русский феномен захватил умы. Лихорадочное возбуждение, проявлявшееся в странах ислама и в Азии, началось в Москве. Восток стал казаться не таким, каким он был раньше, а как бы в бледном свете, отражаемом Россией. Это—новый мир, охваченный волнением“.

„Литература, — говорит один французский критик, — превратила Восток в объект для развлечения или для размышления. Она всегда видела в нем нечто отличное от себя, нечто чуждое по природе. Восток, одним словом, оставался всегда чем-то внешним для нашей литературы“.

И вот, несмотря на то, что литература о Востоке сейчас как-будто переживает кризис, и как-будто взгляд на Восток, этот „новый мир, охваченный волнением“, по уверению западно-европейской критики, и изменился под влиянием „русского феномена“, — тем не менее, по ее же выражению, имеется еще достаточно произведений, идеология кото-

рых идет не дальше формулы: „нам не нужно ни варваров, от которых пахнет машиной, ни варваров, от которых пахнет лесом“. Первая половина этой формулы, как известно, нашла себе художественное и публицистическое выражение во всем творчестве Тагора — в его противопоставлениях Востока Западу, а вторая — трансформировалась в его философском мировоззрении, в восхвалении „мудрости отцов“, неподвижности, покоя — так как „моя родина имеет свои берега“. Затем тагоровская философия своего рода рикошетом ударила по целому ряду образцов западно-европейской художественной литературы, посвященной Востоку, и рассыпалась в них маленьким отражением — насчет „машины“ и „леса“. Этого рода литература, проникнутая субъективизмом, а порою легкомысленной мистической эквилибристикой, в результате абстрактных „размышлений“ с высоты птичьего полета, ничего не дает о Востоке. В ней все противопоставляется своему: „я“, и в этом разрезе рисуется восточная действительность. Для этого рода литературы важно, как „пахнет“ Восток „при специфическом запахе страны, запахе перца, ладана и гнили“.

Наиболее „совершенный“ образец такого подхода к Востоку, но шиворот-навыворот, с уклоном в сторону Запада, имеется, напр., в полубельетонных, полубульварных, но не лишенных некоторой яркости набросках Ганса Гейнца Эверса „Индия и я“. Для него нет Востока, как такового, для него все в свете Запада. „Это просто,— говорит автор предисловия к его книге,— пассажир первого класса, пассажир-скептик, который „устраивает“ себе повсюду „берега Темзы“. „Для него нет никакой разницы между вице-королем Индии и нищим браманом, между патером и вождем мексиканских революционеров, между магараджей и танцовщицей при храме, между английским судьей и сингапурским кули. Даже понятие честности и нечестности для него не моральные ценности, а только элементы локального колорита. Конечно, это — психология человека палубы“. В результате этой „палубной“ психологии „Индия и я“ испещрена такого рода утверждениями: „Искусство? Не знаю, можно ли назвать все это искусством. Если считать его таковым, то оно бесконечно чуждо нашему западному пониманию, и нет даже крошечного мостика между ним и нашим разумом. Все это представляется мне сказочно невероятным, сказочно невозможным и неправдоподобным, и я не могу отделаться от мысли, что из этих камней установились на меня многие тысячелетия эпох. И, тем не менее, я отлично знаю, что все это возникло в то время, когда Шлютер строил дворец Унтер ден Линден“. Таков стиль этой книги, в которой автор стремится „подкосить“ своеобразность и оригинальность восточной культуры, доказать зависимость ее от Запада и поставить Запад впереди Востока. Здесь психология „маленького Тагора“, так сказать „наоборот“, с уверением, что Индия „не имеет своих берегов“.

Психологией „палубы“, я бы сказал, безответственными и мимо-летными размышлениями и, как мне кажется, с прямым отражением тагоровской философии заполнены и некоторые образцы нашей советской художественной литературы. Остановимся на „Корнях японского солнца“ Б. Пильняка и его же „Китайской повести“. Относительно последней т. В. Фриче уже писал, что это собственно не повесть Пильняка, а повесть о Пильняке. Но если это пильняковское „я“ имеется в достаточном наличии в „Китайской повести“, то оно совершенно выпирает в „Корнях японского солнца“, где самолюбование культивируется с легкостью, которая свойственна некоторым нашим беллетристам, преждевременно воздвигающим себя „нерукотворные памятники“. „Корни японского солнца“—определенно талаягливые наброски. Однако, они дают такие „кючки“ японского быта, которые быстро улечувиваются и забываются, главным образом потому, что в основе этого произведения положено не длительное изучение окружающего, а „размышление“ на лету. Б. Пильняк почти впервые в нашей современной художественной беллетристике, посвященной Востоку, пытается дать не только быт, но и философию этого быта. И вот эта-то философия, как нам думается, взята на прокат у того же Тагора. „Я смотрю направо и налево, но я вижу удивительнейшее, до сих пор неизвестное мной. Я вижу, как японский народ освободился от вещей, освободился от зависимости перед вещью“.

„Япония — страна, живущая под вулканами, страна, отказавшаяся от вещи, страна маленьких домиков, маленьких деревянных храмов: материальной культуры так, как это понятие понимает экономика, а не гуманитарные науки,— материальной культуры у японского народа не было. Ни одного Вестминстера и собора Парижской Богоматери в Японии нет. Тщеперенная японская культура фабрик и заводов — не старше сорока лет, а раньше заводов и фабрик в Японии не было“.

„И тогда, когда материальная культура делает шаги, по европейской сказке, сапогами-семиверстами, культура духовная тянется черепашкою. Разительен в этом отношении пример Америки: там колоссальная материальная культура, но культура духовная там еще в пеленках, никак не стала на ноги. Черепашка духовной культуры японского народа заползла далеко“.

Это и есть „перелицованная“ философия Тагора, который во всей совокупности европейской материальной культуры, в ее организованности видит то зло „нации“, которое мешает Востоку духовно развиваться: „обладая совершенством бесчувственного автомата, нация,— говорит Тагор,— ведет к катастрофам“, „она мешает нам развивать нравственную сущность“.

Б. Пильняк выражает свои мысли насчет организованности японского народа фразами, которые в сущности ни к чему не обязывают и

которые неубедительны именно потому, что они строятся на абстрактной, не конкретной, базе. „Японская материальная культура трансформировалась в японском народе в волю и организованные нервы, и эта культура духовная уже, культура волевого примата и организованных нервов, крепка, выверена и сильна, как крепкая древняя культура, жизнеспособная культура „разумности“, умеющая бороться даже с невзгодами вулканов“. Как видите, здесь немало от „мудрости отцов“, а, может-быть, и от „святого духа“. Такова, приблизительно, философия этого произведения, вперемежку чередующаяся с „бытописательством“, и в этом быте есть немало острого, занимательного, но весь метод этого художественного воспроизведения, как нам кажется, не прочтен потому, что он строится на отдельных непродуманных моментах, в погоне за дешевыми словесными эффектами, с явными намерениями „зашибить“ читателя полуцензурными словечками, в роде „сартирчики“ и т. п. Здесь именно то литературное амикошонство, которое сводит иногда и ценные литературные произведения к „мелочам“. Б. Пильняк старается создать из этих мелочей картину японской жизни, вернее—образ Японии, и ему это не удастся. Поэтому он художественные зарисовки чередует с „размышлениями“, от которых отдает полумистикой, хотя автор и пытается подвести местами и „экономическую базу“, оперируя иногда данными насчет ввоза, вывоза, сырья и т. п. „Психика японского народа построена на утверждении смерти; страна, управляемая мертвецами,— тем непонятнее, как эта страна нашла силы справиться с Европой“. Но ведь Б. Пильняк уже упоминал раньше насчет „организованных нервов“ и на этом, повидимому, успокаивается. Но все-таки заключительный аккорд его философии выражается в следующем:

„Но все это — мелочи перед тем основным, что решает все,—перед тем, что в Японии не уважают европейца, белого человека. С ним совершенно вежливы и совершенно вежливо спрашивают на границе, кто у него бабушка, и неукоснительно просят развязать его чемоданы,— а затем в вагоне (он едет в первом классе, по вагонам идет бой-сан из вагона-ресторана, раздавая билетки на обед) мистер Райт, негодуя, видит, что в вагоне-ресторане сначала перекармят всех японцев, даже третьеклассников, и только потом позовут его, первоклассника,— и накормят чорт знает какую белибердою, подделанной под английскую кухню,— но и этой белиберды дадут такое количество, что мистер Райт поднимается из-за стола голодным, в горькой обиде от голода и оттого, что его не уважают.

„Мистер Смит остановится в Токио в Империял-отеле, иначе он потеряет „лицо“; за номер он платит двадцать семь рублей в сутки, и ему отовсюду дует, и его не уважают, и кругом него стена вежливейших лиц,— не лиц, а масок, через которые мистер Смит ничего не видит.

„Мистер Смит приехал заключить торговую сделку, и он ее заключит,—но непременно так, что он будет надут. Мистеру Райту вечером скучно, но в театр он не пойдет, ибо в тех местах, где японцы плачут, ему хочется спать; в ресторан он не пойдет, ибо никаким рублем его не заставишь кушать каракатицу. Хорошую девушку, гейшу из чайного домика, которая любила бы мистера Райта и была бы страстной, мистер Райт достать не может — в этой, по его понятиям, развратной стране,—ибо хорошая японка не пожелает иметь интимных дел с европейцем, от которого — на нос японцев — кисло пахнет, а в Йошивару пойти — вся охота пропадет, как только он увидит, что там такая спокойная деловитость и институтственность, что даже выпить нельзя.

„И мистер Смит раздумается о землетрясении,—а ночью, когда на самом деле будет маленькое землетрясение, он выскочит в коридор из своего номера мертвецки бледным, без подштанников и с туфлей в руках.

„И мистер Смит презирает Японию, ее камни, ее народ — чисто-сердечнейше, искреннейше,—и, если мистер Райт к тому же и писатель, он, пишет тогда такие клеветнические книги, как „Кимоно“ Джона Перриса,—книги, интересные только тем, что в них можно проследить расовую ненависть европейца-англичанина к японцу.

„Это же черт знает что такое,—говорит мистер Райт:—это же муравьи, термиты, которых даже землетрясения не унимают... Это же, это же... и мистер Смит в страхе и недоумении склонен предаться метафизике“.

Насчет „метафизики“ и „Корни японского солнца“ не особенно бедны, но вот относительно романа „Кимоно“ Джона Перриса хотелось бы все же, пожалуй, не в пользу Б. Пильняка сказать: независимо от общей тенденции этого романа — в нем есть совершенно определенная, с точки зрения англичанина, картина быта, которая выросла в этом произведении в художественно-оформленную концепцию социальных взаимоотношений, социальных конфликтов. Это, несомненно, и недурно построенный роман, в смысле внутреннего развития сюжета и внешнего рисунка. В „Корнях японского солнца“ этого нет. Здесь „мелочи“ быта, случайно скрепленные и связанные той „палубной“ психологией, которая, повидимому, располагает ко всякого рода метафизическим экспериментам.

Б. Пильняк написал свое произведение совместно с Р. Кимом, который в комментариях, озаглавленных „Ноги к змее“, дал ряд остроумных замечаний к общему тексту „Корней японского солнца“ — в его локальных моментах. Эти комментарии как-будто воедино связаны с основным текстом Б. Пильняка, но они представляют самостоятельную ценность, так как в них, пожалуй, не меньше Японии, чем у Пильняка,

а, может-быть, и больше. Во всяком случае, в этих отрывочных живых и вдумчивых „голосах“ есть та поучительная выразительность, которая основана на материале и знании. Поэтому эта часть книги как-будто выросла не из „Корней японского солнца“, а из своих собственных „корней“.

Талантливый художник в области воспроизведения отдельных уголков русского быта, но путанный и органически не цельный, Б. Пильняк в „чужой“ обстановке мелькает в своих художественных возможностях. Он как бы не в состоянии преодолеть новых впечатлений и дать им надлежащее оформление: Это особенно чувствуется в „Китайской повести“, где присутствие колорита и самой элементарной художественно-описательной действительности выявляется с определенной ясностью.

„Писатель с „уездной“ точкой зрения,— пишет т. В. Полонский о Пильняке („Новый Мир“, кн. X, 1927 г.),— он хочет одним оком окинуть весь мир с его прошлым, настоящим и будущим — тут-то не хватает ему точки зрения“. Б. Пильняк, как и целый ряд западно-европейских писателей, старается охватить Восток, подходя к нему, как к чему-то внешнему, стремясь уловить „запах“ Востока.

Западно-европейская беллетристика имеет все же традиционный арсенал, в виде экзотики, совершенной по форме, технике и стилю, а у Пильняка этого нет. Он заменяет фарреровский „запах перца, ладана и гнили“ той древне-русской декорацией, которая имеется в ряде его произведений, в описаниях Коломны и т. д.

Китай в своих географических пространствах, фольклоре и иных внешних очертаниях обрисовывается у него с русских позиций и вырастает в обстановке недостаточно убедительных сравнений.

Что же касается самого сюжета „Китайской повести“,— то его вовсе нет. Это собрание отдельных, порою очень удачных замечаний, находящихся, так сказать, в идеологическом разрыве, не связанных одной творческой мыслью, не скрепленных цельным художественным устремлением. С одной стороны, краткое описание Пекина, как города „мандаринов, храмов, пагод, ворот, стен, площадей—города конфуцианской вежливости и тишины“, с другой—воспоминания о России, затем рассказы о каком-то Крылове в связи с его отношением к жене, о том, „что, любовь может быть и без достижений очень большая, очень крепкая“, которая может „свернуть в такие переулки сердца, когда именно во имя этой любви, во имя ее гордости и величия—надо отказаться от объекта“ и т. д., а затем „стихи моего соотечественника, соработника по творчеству“: „Пароход“, в котором нет ровно ничего китайского. Получается какая-то литературно-художественная пляска св. Витта, которая разбросала все размышления и впечатления Пильняка о Востоке в разные стороны, на разрозненные кусочки, и в результате оказалось, что есть все,

кроме китайской повести. Эту мозаику китайской повести мне, думается, можно охарактеризовать теми же мелочами „размышления“, которые Пильняк сам записал, будучи в Китае. „В Москве сейчас семь утра. В моей комнате в Москве шторы еще опущены. Как можно часами заниматься глупостями; тем, что часами я восстанавливаю несущественности, мелочи, полумрак комнаты, лампу на столе“.

* * *

Китайским повестям Б. Пильняка можно противопоставить другую литературу, посвященную Востоку, где меньше претензий и больше „правды“, где быт впереди „размышлений“. Этого рода литература не претендует на категорию художественных повестей и, тем не менее, в смысле художественного воспроизведения восточной действительности дает больше и лучше. Если подойти, например, к книге „Чжунго“ С. Третьякова, которую сам автор рассматривает, как „сводку записей репортера“—то здесь перед вами цельная картина жизни Китая в его разных видах, моментах и разветвлениях. Здесь сталкивается старый и новый Китай, находя отражения в умело схваченных параллелях, без всякой пильняковской „надтяжки“, без той иногда удачной, а большей частью маловыразительной иронии, мало внятной „пересмешки“, которая свойственна Б. Пильняку. Третьяков сразу дает картину, четко распределяет свет и тени, его „репортерские записи“ приобретают определенную художественную содержательность, во весь рост выявляющую предмет изображения.

„Степенной мягкой походкой на войлочных подошвах своих туфель проходит синий длиннохалатный отец, покрытый конфорочной черной лоснящейся ермолкой. С ним за руку—бутуз, серьезный, как те статуи одуревших от безделья и созерцания Будды, которыми полны пыльные храмы Китая.

„У этих отцов и детей все благополучно. Монолитная связь. Через 20 лет выросший карапуз так же солидно и методически будет бинтовать мозги своего потомка бинтами семейно-родовой морали и конфуцианских добродетелей—покорности, справедливости и верности, как 20 лет назад отец его отца, идущего сейчас в синем халате, готовил себе достойного преемника, блюдя тот страшный и косный монолит, который называется тысячелетней китайской культурой.

„Для отцов эта культура все. Пусть уничтожен мандаринат с его средневековой схоластической зубрежкой старья, латаемого заплатами комментариев и комментариев к комментариям; пусть дети учат химию, социологию и рефлексологию в шипящих бунзеновскими горелками лабораториях,—старое мандаринское высокомерие, покоящееся на гранитном цоколе тысячелетий, живо“. Помимо этого рода сопоставлений, характеризующие незыблемость старых устоев в Китае С. Третьяков

в других сравнениях удачно иллюстрирует борьбу старого с новым, отцов и детей.

Ценность „Чжунго“ С. Третьякова заключается именно в умелых сопоставлениях, в анализе взаимоотношений отдельных явлений китайской жизни, т. е. именно в том, что должна дать современная художественная литература о Востоке и, в частности, о Китае. В обрисовке китайских фигур, всей китайской обстановки старого и нового Китая — „Чжунго“ С. Третьякова сохраняет ту „художественную честность“, которая способствует выявлению реального быта.

„В толще китайской стены, к которой задом приткнулся квартал, гигантские казематы хранят запасы динамита, патронов, консервов и галет на случай осады. Ни один вооруженный китаец не смеет войти в квартал. Исключение империалисты сделали в 1924 г. для Чжан Цзо-лина, он ведь свой. Он об'езжал посольства с визитом, окруженный телохранителями, похожими на арсеналы.

„Чжан Цзо-лин — коротенький, в широких штанах, похожий на деловитого кооператора из какой-нибудь Вукоспилки, подымался по лестницам посольства, а вслед за ним шел дюжий парень в очках, его сын и наследник, двадцатилетний генерал Чжан Сюэ-лян.

„Вечерами, в конце недели, по Легэйшон на рикшах летят табунами английские сержанты с тростями в руках. Это они едут в публичные дома.

„Стемнеет. Проедут еще болтливые оравы, возвращающиеся из кино, и — тихо. Около посольских ворот шагают часовые.

„Но нет часовых около ворот того посольства, с бастиона которого веет Пекину красное полотнище с нашим серпом и молотом“.

В противоположность „Китайской повести“ Б. Пильника „Чжунго“ Третьякова дает не туманную философию быта, завуалированную какой-то полумистикой, случайными вводными эпизодами, скрывающими старый и новый Китай, а раздельное художественно-выкристаллизованное отражение отдельных сторон жизни Китая, с уяснением и подчеркиванием перехода от старого к новому. Здесь не только два разных писателя, а два типа художественного подхода.

Один (Б. Пильняк), подобно Клоду Фарреру, мечтает „в китайской одежде при специфическом запахе страны“ — в окружении смешанной китайско-русской экзотики, а другой (С. Третьяков) — фиксирует, с учетом социальных взаимоотношений, быт так, как он его видит. „Чжунго“ так же, как например, и „Волнующаяся Азия“ Артура Голличера, представляет образец тех публицистико-художественных набросков, которые не теряют характера художественного произведения при наличии „репортерских записей“. Эта художественная хроника по Востоку более ценна, чем некоторые повести, в которых своего рода модернизация Пьера Лоти создает обстановку, благодаря которой „из-за деревьев не видать леса“.

I. Политика, экономика и социология Востока.

АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА В КИТАЕ ИЛИ АГРАРНОЕ ШАРЛАТАНСТВО О КИТАЕ *).

Не так давно в „Новом Востоке“ один дальневосточный писатель-кореец высказал весьма своевременное пожелание: „Не пора ли нам перейти от лжепопулярной халтуры к более серьезным работам по Востоку и, в частности, по Китаю“. Это прекрасное пожелание особенно уместно, когда такая халтура начинает пролезать в серьезные журналы и прикрывается фирмой ученых учреждений.

Такой казус произошел в номере 1-ом „Аграрных Проблем“ (Книга первая, Москва, июль, 1927 г.), в органе Международного Аграрного Института. В этом журнале, предназначенном для разработки аграрных проблем для международной аудитории, мы находим статью под заглавием „Крестьянское движение в Китае“ В. Вальдена.

В ней автор обнаруживает: 1) полное, искреннее и всестороннее незнание с взятой на себя темой, 2) такое же незнание с Китаем, 3) незнание даже с географической картой Китая. Это обстоятельство не мешает ему рекомендовать себя „как внимательного наблюдателя“ (стр. 43) китайской жизни, „освещать важнейшие вопросы китайской экономики“ (стр. 37), „утверждать“, „не обнаруживать“ и т. д.

Чтобы не быть голословными, ограничимся несколькими примерами того, как автор „освещает важнейшие вопросы“.

1) В смысле аграрного движения, автор делит Китай на две сферы: на юг и на север. На юге происходит расслоение крестьянства и классовая борьба в деревне. На севере этого нет (стр. 40). На юге крестьяне требуют снижения арендной платы, налогов и уничтожения системы залогов. Это все. Однако, мы знаем, что там идет жесточайшая гражданская война, и крестьяне давно уже перешли от робких требований 1925 г., известных, по видимому, автору из старых документов,—к захватам помещичьих земель, земель джентри, к борьбе с кулаком, ростовщиком, скупщиком, арендатором. Они гонят их из деревень,

*) Редакция находит своевременным вопрос о поднятии качества литературной продукции о Китае, отмечает лишь некоторую резкость со стороны рецензента и подчеркивает, что рецензия относится лишь к статье тов. Вальдена, а не ко всему журналу.

захватывают власть, разоружают помещичье-полицейский административный аппарат в деревне, создавая собственную милицию. Ведь что значит уход от революции китайской буржуазии? Это и означает, что она испугалась аграрной крестьянской революции. Автор всего этого не знает. Он просто надергал без всякой логической связи кое что из старых брошюрок о Китае И... „утверждает“.

2) На севере, по утверждению автора, положение сложилось совсем наоборот. Тут, на севере, не классовое расслоение и не классовая борьба в деревне, а, — видите ли, пока что обнаружена только „борьба с милитаризмом, бандитизмом, расстройством транспорта и стихийными бедствиями“ (стр. 38).

Но, прежде всего, что такое „север Китая“. Автор в соответственной главе труда бухает на север и провинции Цзянсу, и Чжецзян, и Анхой, и Цзянси и даже Фудзянь, т.-е. присоединяет к северу типичные центральные и даже южную провинцию, соседку Гуандуна. А где же была у него географическая карта?

Но допустим, что все это „север“. Неужели на этом севере автор „не обнаружил“ классового расслоения в деревне? Всякий читатель „Правды“ и посетитель районных консультаций по Китаю отлично знает, что выступление Фын Юй-сяна против Ухана было следствием гражданской войны именно в „северной“ Хэнаньской деревне, было следствием „обид“ и „эксцессов“, которые, по мнению Фын Юй-сяна, совершили „именем революции“ деревенская беднота и крестьянские союзы по отношению к помещику; к сельской буржуазии; Фын Юй-сян же и является как раз выразителем интересов сельской буржуазии северного Китая. Есть или нет классовое расслоение в деревне, когда есть в ней классовая борьба с оружием в руках?

3) На юге, в Гуандуне, автор „обнаруживает“ рабство: в виде продажи женщин. Есть и другое рабство — в Шандуне у „крепостных землевладельцев“. „Этот вопрос обсуждается и сейчас в Кантоне, можно надеяться, что эти рабы скоро будут освобождены“. „В других провинциях рабства мы не обнаружили“ (стр. 17).

Всякий студент — первокурсник восточного вуза прекрасно знает, что фактически рабство (не по закону) существует, как обычай, во всем Китае. Не потому, что голодный крестьянин продает, делает проституткой свою дочь, но потому, что фактически безземельный крестьянин и вся его семья есть рабы помещика в полном смысле этого слова. Любой феодал, генерал-губернатор может отдать в рабство деревенского паупера и его семью и за политические, и за уголовные преступления, и за долги. Это рабство бывает и наследственным, от отца к сыну и т. д. А от того что существуют законы против рабства, дело не меняется. Известный знаток Китая, проф. Франке, с полным основанием замечает, что китайский закон не отменяет, а подтверждает рабство, существование тысячелетиями сложившегося обычая, с которым бессильно, да и не желает бороться не только феодально-бюрократическое правительство Пекина, но и буржуазное правительство Кантона. Не знать этого — значит не иметь понятия о том, что основное в Китае это — преобладание феодальных пережитков во всей экономике страны. Если автору „не удалось установить, есть ли рабство

в других провинциях“, то только потому, что он слышал звон, да не знает, где он.

4) В Цзянсу, Чжецзяне, в части Аньхой, в Цзянси (все это в главе „на севере Китая“), по словам автора, имеются „свои особенности“. Там, правда, капиталистическое товарное производство достигло наивысшей степени развития (это относительно верно), но, так как эти провинции отнесены к главе „Северный Китай“, то „в этих провинциях в деревне не может развиваться классовая борьба, потому что (что бы вы подумали, читатель?)... и богатые и бедные крестьяне сообща (?) заняты борьбой с бандитами, солдатами и разбойниками“... „В этом особенности северного Китая“ (стр. 40). Удивительная картина там, где капиталистическое товарное производство „достигло наивысших форм развития“. Казалось бы, что где-где, а в этих провинциях и должно быть классовое расслоение деревни.

5) Наконец, — совершенный перл невежества, — „внимательный наблюдатель Китая“ обнаружил, что на севере Китая не только каждый город, село, деревня, но и „каждое хозяйство в буквальном смысле — укрепление, обнесенное стенами, находящееся в состоянии самообороны“ (!?). Откуда сие? Это все потому, что „на севере война с бандитами, разбойниками и с милитаристами“. Очевидно, на картинке автор видел глинобитные стены китайских деревенских фанз и ретирадов, — фасад китайской фанзы обращен во двор, во вне же выводится глухая глиняная стена, бок о бок с ней иногда хлев и ретирад. И вот автор принял их за „укрепления, готовые к самообороне“.

Кажется, достаточно!

Хорошо, что автор заключает свою статью: „не буду касаться экономического, финансового и политического положения в различных провинциях северного Китая. В Шандуни и Шенси царит голод, в Шанси — бандитизм, в западном Аньхое — бандитизм. В Манчжурии — положение без перемен“ (стр. 43). Кратко и ясно. Хорошо, очень хорошо, что автор не касался этих вопросов. Что было бы, если бы он и их коснулся.

Пожелаем, чтобы в дальнейшем „Аграрные Проблемы“ не давали своей ирмы такому наивному шарлатанству. Уж очень конфузно!

А. Вознесенский.

PUTNAM WEALE. The Vanished Empire. London, 1926, Macmillan, pp. 379.

Путман Виль — псевдоним английского писателя и журналиста Ленокса Симпсона, постоянно проживающего в Пекине и известного (помимо хорошего знакомства с китайской политической обстановкой и писательской плодовитости), главным образом, постоянной нуждой в деньгах и совершенной беспринципностью. Вследствие этих своих качеств Виль постоянно состоит у кого-нибудь на содержании. Одно время (1924—1925 гг.) он был на неофициальной службе этого рода у Чжан Цзо-лина, затем между ними произошла размолвка, и на

некоторое время Виль оказался „безработным“. Как раз сейчас (конец 1926 г.) старые связи, повидимому, опять налаживаются.

Рецензируемая книга представляет собой очередную политическую хронику событий, происшедших между октябрём 1925 г. и июнем 1926 г.; эти хроники как раз и являются специальностью Вила (см. длинный список его предшествующих работ, первая из которых была выпущена еще до русско- японской войны). На сей раз хроника имеет форму дневника с почти каждодневными записями, но занимает только меньшую половину книги — большая посвящена изложению (на 200 стр.) всей древней, средней, новой и новейшей истории Китая и его отношений с внешним миром. Этот исторический очерк, разумеется, до крайности поверхностен и не представляет никакого интереса — за вычетом разве страниц о китайском мореплавании в древности и в средние века, по каковому вопросу книга содержит некоторые материалы, которые не всегда можно найти в общем курсе китайской истории. В остальном интерес — если таковой может быть, вообще, за книгой признан — сосредоточивается только на третьей ее части, содержащей вышеуказанный дневник. И здесь, впрочем, книга совершенно разочаровывает. Автор последовательно описывает события новейшего периода — открытие таможенной конференции в конце 1925 г., войну Мукдена с Сун-Чуан-фаном, историю с Ли-Цзин-лином в Тяньцзине, его колебания, его выступление против Фын Юй-сына, восстание Го Сунь-лина и его гибель вследствие японского вмешательства, кампанию Фына в борьбе за Тяньцзин и его занятие, уход Фына в отставку, убийство „маленького Сю“, конфликт на КВЖД, начало „войны против красной опасности“, инцидент с таможенными в Кантоне, ультиматум держав по поводу Таку и подступов к Тяньцзину, мартовские расстрелы студентов в Пекине, эвакуацию Тяньцзина, переворот в Пекине, оставление гоминьцзюном столицы и т. д. Все это излагается не просто, а с намеками, догадками, потугами в каждом случае раскрыть перед читателем „внутреннюю связь событий“ и сообщить ему секретную сторону дела. Иногда это выходит (участие японцев в поражении Го Сунь-лина, впрочем, особого секрета здесь и не было), по большей же части просто отдает шарлатанством, т. к. автор с большим апломбом приводит либо проблематические (напр., голландский заем маленькому Сю, в связи с которым он якобы и был убит), либо заведомо ложные факты. Образчиком последних и авторской наглости может служить утверждение, будто советский консул в Харбине предъявил тамошним китайским генералам требование перейти на сторону Го-Сунь-лина (стр. 309) или еще более чудовищная попытка связать мартовские убийства с какими-то интригами советского посольства в связи с составлением ответа на ультиматум держав по поводу Таку (стр. 344).

В книге очень чувствуется, что в данный момент у автора нет привычного хозяина. Соответственно книга не носит какой-либо определенной политической окраски (какую, напр., имела предшествующая его работа — „Why China sees red“). Анти-советская пропаганда, конечно, занимает свое место, но, очевидно, не на заказ, т. к. ведется в довольно тусклых тонах и невыдержано —

тут же мы находим восхищение по адресу таланта и энергии тов. Карахана. Конфликт на КВЖД представлен тоже в довольно объективных тонах. Тон книги — тон наблюдателя, который с философским спокойствием следит за событиями. На всякий случай, впрочем, этот тон осложнен довольно грубыми проявлениями английской колониальной психологии.

Несмотря на глубокомысленные намеки автора, в книге нет решительно никаких открытий, ее информация представляет собой смесь фактов с газетными слухами и простым враньем, а собственные суждения Виля лишены интереса, так как не отражают стремлений ни одной из общественных групп.

А. Канторович

W. H. MALLORY. China, Land of Famine. New York, 1926, pp. 190, American Geographical Society Special publications, № 6.

Книга Маллори, несмотря на ее многообещающее заглавие, не весьма подымается над общим уровнем английской и американской литературы по Китаю. Автор, который состоит секретарем Международной комиссии помощи голодающим в Китае, не делает ни малейшей попытки подойти к проблеме земельных отношений или к другим основным вопросам китайского сельского хозяйства. При всем том, в более узкой области — изучения постигающих Китай естественных бедствий — книга остается полезной, тем более, что материал ее есть в значительной мере продукт практической работы представляемой автором организации.

Книга распадается на две части: описание объективных условий и специфических причин, порождающих голод в Китае, и изыскание способов борьбы с ними. Оба эти вопроса рассматриваются автором в четырех аспектах — экономическом, природно-техническом, политическом и социальном, образуя в совокупности восемь основных глав.

В главе об экономических причинах голода автор подчеркивает общеизвестный факт чрезвычайной остроты и напряженности борьбы за существование в Китае. Опираясь на данные исследования Дитмера (1917) и Тайлера (1923 г.) он устанавливает „линию бедности“, иначе говоря, прожиточный минимум китайской семьи между 100 и 150 кит. долл. Резкое вздорожание жизни за последние годы и месяцы делают эти цифры чрезмерно низкими. Между тем, даже если взять 150 долл. в качестве нормы, то все же, как показывает произведенное Международной комиссией помощи голодающим обследование 240 деревень и 7.097 семейств в Северном и Центральном Китае, от половины до трех четвертей населения живет на доходы, далеко не достигающие даже этого уровня, а от 20 до 50%, смотря по местности, на доходы, не превышающие 50 долл. Этой массовой нищете соответствует недостаточность продовольственных ресурсов.

Отсутствие всяких избытков, всякого „маржа“ средств существования справедливо рассматривается автором в качестве одной из главнейших причин частого голода в стране.

В ряду других экономических условий, имеющих отношение к естественным бедствиям в Китае, автор указывает на отсутствие дешевого кредита —

китайская деревня находится целиком в руках сельских ростовщиков, взимающих чудовищный процент, доходящий до 40% и более в месяц. Отмечая далее устарелую сельско-хозяйственную технику китайского крестьянина, Маллори тут же оговаривается, что выработанные столетиями методы китайского крестьянина в высшей степени соответствуют условиям его хозяйства и, в частности, сумели достигнуть удивительных результатов в деле сохранения плодородия почвы, находящейся в непрерывной обработке,— из чего следует, что в этой области возможности улучшений весьма ограничены. В заключение этой главы автор рассматривает вопрос о путях сообщения, иллюстрируя этот пункт интересными, хотя и несколько парадоксальными примерами из практики работы по борьбе с голодом. Во время знаменитого голода 1877—78 гг., когда в Шаньси и смежных провинциях погибло много миллионов людей— в Тяньцзине и других портах находились огромные массы хлеба, которые было совершенно невозможно продвинуть в голодные районы. Эти же районы были поражены голодом в 1920 г.; к этому времени на севере Китая была построена целая сеть железных дорог— и тем не менее транспортные затруднения были огромны. Как известно, в очень многих местах Китая транспорт грузов возможен только на плечах людей. Что это означает в деле борьбы с голодом, видно из приводимого автором расчета, который свидетельствует, что уже на расстоянии 50 миль от ж.-д. станции доставка провианта этим способом фактически невозможна.

Следующая глава— о естественных или технических причинах голода— касается засух, наводнений, саранчи и землетрясений. Автор приводит подробные статистико-исторические сводки о бедствиях, зарегистрированных в течение многих столетий китайской истории. В этой главе читатель найдет полезную и четко сформулированную информацию о выпадении осадков в Китае, о характере рек и причинах постоянных разливов.

Глава о политических причинах голода неинтересна; Маллори не пытается даже подойти к проблеме политического развития Китая и ограничивается указанием различных невыгодных последствий (в их числе нужно отметить постепенное разрушение плотин и полный упадок системы общественных зернохранилищ) современной политической неурядицы и милитаризма. В главе о социальных причинах голода автор еще раз возвращается к вопросам демографии Китая и к чрезмерности прироста его населения, хотя бы даже и недосягающего европейской и мировой нормы.

Развиваемая во второй части положительная программа по борьбе с голодом распадается на те же четыре отдела. В области экономической автор предлагает улучшение сельско-хозяйственной техники, введение новых пищевых культур (в частности усиленное распространение соевых бобов, обладающих, как известно, высокими пищевыми качествами), далее колонизацию.

В последней главе— о социальных мерах борьбы с голодом— обсуждаются проблемы народного образования и контроль над рождаемостью, без которого, по мнению Маллори, никакие фундаментальные перемены к лучшему не могут иметь в Китае места.

Колоссальным недостатком работы Маллори является, как сказано, отсутствие общей точки зрения и неумение подойти к основным факторам и явлениям китайского сельского хозяйства. Система земельных отношений Китая, процессы, происходящие ныне в китайской деревне, роль и место капиталистических, рыночных отношений, роль торгового и денежного капитала — остаются не освещенными.

Указанный недостаток, который можно формулировать как поверхностное и техническое рассмотрение вопроса, вне какой-либо общей концепции переживаемой Китаем эпохи развития, особенно дает себя знать там, где Маллори подходит к интереснейшим политическим проблемам современного Китая, и где он оказывается полным банкротом.

А. Канторович.

H. F. MACNAIR. China's new nationalism and other essays. Shanghai 1926. China's International relations and other essays. Shanghai, 1926. Ed. Commercial Press.

Первый том содержит в себе 32 небольших статьи—нередко размера газетного фельетона—на самые разнообразные темы, связанные с современной политической ситуацией в Китае. Автор, по видимому американец по происхождению, состоит преподавателем одного из шанхайских миссионерских университетов и вместе с тем пользуется известностью, как довольно поверхностный историк и лицемерно либеральный публицист по текущим китайским вопросам. Книга не представляет ровно никакого интереса.

Одновременно выпущенный им второй том собрания очерков на текущие темы в Китае немногим лучше первого, но, по крайней мере, содержит в себе фактические данные по разным вопросам. Очерк внешних сношений Китая—ничемная компиляция из Морзе и друг. источников. Очерк «неравные договоры» в Китае и Японии содержит в себе краткую и популярную историю освобождения Японии от трактатов 1850—1860 гг. Очерк о «земельных правилах» в Шанхае имеет некоторый интерес в качестве истории юридического статуса иностранных концессий в этом городе. В очерке о «борьбе с большевизмом» автор констатирует трудности антисоветской пропаганды в Китае и предлагает в качестве наиболее действительного средства ограждения Китая от большевистской опасности усилить личное общение иностранцев с китайцами и не отказывать последним в социальном равенстве. В очерке о расовом равноправии автор мягко опровергает Гильберта и других апостолов «господства высших рас», подчеркивая вместе с тем, что защищаемый им принцип равенства рас вовсе не означает свободы цветной иммиграции или свободы браков между белыми и цветными. Остаток книги посвящен миссионерскому вопросу—прилагается история христианских миссий в Китае, начиная с несторианцев, и обсуждается современный кризис миссионерской деятельности в этой стране.

А. Канторович.

NARVEU J. HOWARD, M. D. Ten Weeks With Chinese Bandits. London, John Lane The Bodley Head LTD, 1927, 272 p.

Автор, профессор медицины и врач больницы Рокфеллера в Пекине, гостил у своего друга, майора Пальмера, организовавшего опытную сельско-хозяйственную станцию Аолайми на границе Хэйлунцзянской и Гиринской провинций. Поселок Аолайми давно был облюбован хунхузами, «во-первых, потому, что там было много военной аммуниции и, во-вторых, за майора Пальмера можно было бы получить 100 тысяч долларов выкупа».

В одну прекрасную ночь хунхузы напали на соседнюю деревушку. Майор Пальмер и доктор Говард отправились на помощь. Первый был убит, второй попал в плен, пробыл там 10 недель и за это время сделал чрезвычайно интересные наблюдения над жизнью и «работой» этих разбойников, держащих в терроре население всех трех манчжурских провинций.

Хунхузничество в манчжурских условиях является как бы полулегальной активной военной организацией со своим главным штабом, отдельными родами войск, кавалерией, пехотой, подчиненными общему руководству, интендантскими складами, военной разведкой и т. п. Хунхузские отряды ведут правильные войны с так называемой манчжурской армией, вступают в «мирные» переговоры, сносятся с гражданскими властями и т. д. За время своего 10 недельного плена доктор Говард перебивал в трех хунхузских отрядах, исколесил с ними Хэйлунцзянскую и Гиринскую провинции, побывав в их укрепленных фортах.

Хунхузы имеют своих доверенных людей в каждой деревушке. Они снабжают их провиантом, опиумом, военной аммуницией, сообщают о передвижении войск. Существует нечто вроде молчаливого союза между хунхузами и армией, они избегают столкновений друг с другом, так, например, отряд в 50 человек, охранявший ферму Пальмера, отказался выступить против хунхузов под тем предлогом, что последние непосредственно не напали на Аолайми, более того, хунхузы значительную часть своей аммуниции скупают у солдат.

Установлено постоянное взаимодействие между хунхузами и армией. Хунхузские отряды комплектуются из дезертиров, из офицеров чжанцзолиновских дивизий, перебегающих к разбойникам, наконец, из чиновников, которых нелады с высшим начальством принуждают скрыться от наказания. Старые хунхузы помнят, когда сам Чжан Цзо-лин некогда разбойничал. Нельзя сказать, чтобы старый соратник вызывал особенную симпатию у своих бывших приятелей. Большинство из них предпочитает хунхузничать, чем пойти к нему на службу. Любому головорезу прощаются все грехи, если только он согласен вступить в армию маршала.

Трудно сказать, что обременительнее для населения Манчжурии—хунхузы или солдатские посты. Пожалуй, второе, именно потому, что оно имеет постоянный характер. В своих набегах хунхузы уносят продовольствие на 3—5 дней, уводят в плен более или менее зажиточных жителей, за которых потом берут выкуп. С доктором Говардом было 13 пленных китайцев, последние как бы яв-

ляются бесплатными рабочими в отрядах, иногда живут в плену по году, многие из них потом сами превращаются в хунхузов.

Почти все хунхузы болеют трахомой, многие из них сифилитики, другие курильщики опиума. По сведениям доктора Говарда, больше 100 миллионов китайцев болеют трахомой, 20 миллионов, благодаря этой болезни, имеют сильно ослабленное зрение, граничащее с слепотой, 3—4 миллиона слепы на один глаз и не меньше миллиона на оба глаза. В общем, одна треть населения Китая страдает глазными болезнями.

Маршал Чжан Цзо-лин послал отряд в 4 тысячи человек для изловления бандитов и освобождения доктора Говарда. Генералы «экспедиционной армии», однако, предпочли не вступать в битву с хунхузским отрядом в 50—60 человек, державшим в плену доктора Говарда. Они предпочли освободить его за 10 тысяч долларов, собранных его американскими друзьями.

Доктор Говард прямо не говорит, что 10 тысяч долларов были полюбовно разделены между чжанцзолиновскими молодцами и хунхузами. Ему неудобно об этом сказать, т. к. он был гостем этих генералов. Однако, странно ему показалось, что бандиты спокойно ушли, и «армия» перестала преследовать их.

Характерно, что доктор Говард не зарегистрировал ни одного политического разговора. Они цитировали Конфуция, дискуссировали по аналектам, но ни разу не упомянули о гражданской войне в Китае, о китайской революции, хотя он был в плену в самом разгаре революционной борьбы. Хунхузничество — типичный осколок чжанцзолиновской армии, живет теми же интересами. Среди этих интересов политика почти отсутствует.

Не обошлось и без русских белогвардейцев. Их порядочно среди хунхузов, доктор Говард находит, что «русские офицеры-хунхузы опустились ниже морального и культурного уровня их китайских собратьев по отряду и вызывают даже у них презрение».

С. Мирный.

C. P. SKRINE. Chinese Central Asia. Methuen et Co Ltd. London, 1926, p. 306.

Капитан Скрин — бывший генеральный консул в Кашгаре с 1922 по 1924 гг. Автор — сын известного востоковеда, хороший топограф. Знание уйгурского языка, являющегося разновидностью узбекского, сильно помогло Скрину в общении с местным населением. Особое внимание было им обращено на мало изученный район нашего горного Памира. Ему удалось нанести на карту целый ряд долин и ледников, которые до него были неизвестны, вследствие своей трудной доступности.

Книга написана очень живо, и посвящена, главным образом, быту населения Кашгара, как оседлого, уйгурцев, так и кочевого — киргиз. Истории в книге Скринна мало, но зато очень много фольклора, представляющего большой интерес. Некоторые приведенные автором песни и сказки — единственны по своей самобытности.

В политическом отношении книга выдержана в спокойных тонах. Автор больше ученый и исследователь, чем политик. Не чувствуется, что труд принадлежит английскому генеральному консулу.

Книга снабжена 51 прекрасной фотографией, сделанными самим автором, пятью панорамами и двумя картами.

Енат. Штейнберг.

Artur Mayhew. The Education of India. Pp. XII + 306. London, 1926.

Сам по себе вопрос о народном образовании в Индии имеет исключительный интерес, достаточно вспомнить, что из лиц старше 5-летнего возраста всего 8% грамотны (14% мужчин и 2% женщин). Вполне понятно, что каждая новая книга в этой области вызывает к себе тщательное внимание.

Автор данной книги много лет принимал участие в руководстве департаментом народного образования Центральных Провинций. Если это и предопределяет в известной степени общий тон его книги, то вместе с тем заставляет ожидать достаточного количества конкретного материала. Однако, книга построена совершенно в ином плане. В первую очередь, мы находим здесь теоретическую трактовку проблемы народного образования в Индии. Мэйю выступает здесь определенным противником основного принципа постановки образования на английском языке и по английскому типу. На протяжении всей книги он с необыкновенной резкостью нападает как на правительство, так и на Маколея, которого он считает главным виновником этой «гибельной» системы.

Но напрасно стали бы мы искать здесь объяснения и анализа причин прогнивания английской системы, причин прекрасно вскрытых, например, в книге Роя. Автору, вообще, не удается (да он и не пытается, впрочем) вскрыть социально-экономические предпосылки тех или иных явлений.

Его сетования по поводу искусственного англизирования Индии, в ущерб ее религиозным и социальным навыкам, доходят до того, что сближают его несколько с представителями реакционного индийского национализма.

В пылу своей критики существующей системы образования автор дает, однако, достаточное количество интересных и верных характеристик постановки учебного дела, вскрывает недостатки учебного плана, квалификации учителей и т. д. К сожалению, все это в изрядной мере покрыто характерной для автора идеалистической шелухой.

Хотя автор в бытность свою на службе индийского правительства являлся противником полной передачи дела народного образования в руки индийского общества, он выступает все-же в своей книге противником сугубого ответственного контроля, деликатное описание которого мы находим в специальной главе... Конечно, автор опускает здесь также, не лишённые некоторой пикантности подробности, что высокими покровителями университетов являются губернаторы соответствующих провинций и сам вице-король.

Очертив в первой части действующую систему народного образования, автор в последней части рисует «ее плоды».

Тут, кстати, между строк вылезает, что большая часть гневных выпадов автора порождена опасениями, что английское образование делает индийцев слишком свободолюбивыми в европейском смысле слова.

Лейтмотивом второй части следует признать основную мысль автора, что индийский народ не подготовлен еще к восприятию благ демократической западной государственности, даже мало того, она органически ему противна, ибо Индия веками воспитывалась и привыкла к восточному деспотизму.

Все же и во второй части мы паходим ряд небезытересных глав (например, глава посвященная образованию женщин.)

В целом книга, несмотря на реакционную систему мышления автора и его консерватизм, заключает в себе значительное количество заслуживающего внимание материала, но, к сожалению, требуется определенное умение и терпение, чтобы его извлечь и использовать.

А. Губер.

Agricultural Statistics of India 1922—23. V. I, pp. 81; Vol. II, pp. 82, in 4°, 1925.

Материал рецензируемого сборника охватывает как британские владения (т. I), так и туземные (т. II).

Обильный цифровой материал снабжен краткими вводными статьями, комментирующими текст. Не приходится, конечно, и говорить, что ценность издания именно в цифровом материале.

Хотя издание относится к 1922—23 г., некоторые моменты сельского хозяйства (как распределение земли под различными культурами, наличие скота и т. д.) охватывают период в 20 лет, что дает картину эволюции этих отраслей за последние два десятилетия. Что касается сельско-хозяйственного года, которому издание посвящено, то затронутые отрасли освещены с достаточной полнотой. Издание охватывает следующие вопросы: общие размеры земли и распределение на обрабатываемую и необрабатываемую; размеры орошаемой площади в целом (с подробным подразделением по отдельным системам орошения: каналы, правительственные и частные, ируды, колодцы и проч.) и орошаемые площади под отдельными культурами; площади под отдельными культурами, как зерновыми, так и техническими; наличие скота; распределение земель по системе землепользования; земельное обложение.

Приложенные в обильном количестве картограммы и особенно диаграммы в значительной мере увеличивают наглядность материала.

Нельзя не отметить, что охватываемый статистикой круг с.-х. моментов далеко не является исчерпывающим. Именно в этом и лежат основные недостатки книги. Достаточно отметить, что нет, например, распределения земли по размерам владений. Это не дает возможности судить о величине земельных участков и социальной дифференциации. Совершенно не выявлено применение рабочей силы, рабочего скота, сельско-хозяйственный инвентарь и т. д.

При всех перечисленных недостатках издание представляет большой интерес и никоим образом не может быть игнорируемо при изучении сельского хозяйства Индии.

А. Губер.

V. H. RUTHERFORD. Modern India. Its problems and their Solution. The Labour Publishing Company Ltd. London, 1927, p. 268.

Автор, — христианский социалист, член английской рабочей партии, не восхваляет английского правления Индией, а, наоборот, клеймит его.

«Отказывая в самоуправлении пятой части человечества», пишет Рутерфорд в своем введении, «мы тем самым подписываемся под предъявляемым нам обвинением, что мы являемся высочайшим барьером для свободы и прогресса во всем мире».

Несколькими строками ниже, мы читаем следующие слова: „Наше презрение к просвещению масс, к санитарному и медицинскому обслуживанию деревень, к городским жилищным условиям бедноты, наше пренебрежение сельскохозяйственным и промышленным развитием страны ставят на наше правление клеймо «неспособности» и «вредности».

Автор дает краткую историю Индии за последнее десятилетие, придерживаясь того же обличительного тона и подчёркивая темные стороны индийской действительности — бедность Индии, антисанитарное ее состояние, внутренние политические неурядицы. Красной нитью через весь труд проходит стремление доказать неправильность и несправедливость английской политики в отношении Индии.

Основным недостатком книги является отсутствие классового анализа и религиозная сентиментальность автора.

Екат. Штейнберг.

Türkia Djumhuriyeti; Dewlet Salnamesi. Константинополь, 1926 г., стр. 884.

Книга эта, появившаяся пока, к сожалению, только на турецком языке, представляет собой настоящий компендиум по современной Турции. Не делая, подобно такого рода справочникам, никаких исторических экскурсов (что, быть может, является ее частичным недостатком), книга эта является полнейшим, и пока единственным вадемуком для исследователя современной Турецкой республики. Началу книги предпослан календарь на 1926 год. Затем идет полный текст конституции, за которой следует обстоятельная биография Мустафы-Кемаль-паши. Книга снабжена достаточным количеством иллюстраций, карт и фотографий. Подробно описана организационная структура министерств («векалет-ов»). Приводятся уставы управления почт и телеграфов (со справками о почтово-телеграфных таксах, порядке внутренних и международных переводов и посылок), жандармского управления, муниципальных органов Ангоры и Константинополя, таможенного и кадастрового управления, управления прессы и др. Приложен список дипломатических представителей Турции в иностранных государствах и таковых иностранных государств в Турции. Книга дает подробный обзор динамики внешней торговли по отдельным странам и по ассортиментам товаров. Не менее подробные сведения находит читатель о современном состоянии народного образования (количество и типы школ, их местонахождение, препода-

вательский персонал и число учащихся). В книге приводятся обстоятельные таблицы о железнодорожной и грунтово-дорожной сети и ее длине (с указанием межстанционных интервалов) по вилаетам.

Но особенную, главным образом, оригинальную ценность представляет собой список промышленных предприятий (фабрик и заводов, числом 208) с указанием рода и местонахождения предприятий, имен владельцев, годовой продукции, лошадиных сил, количества двигателей и числа рабочих. Надлежащее место отведено и банковскому делу: приводятся балансы банка промышленности горного дела, сельско-хозяйственного банка и Османского банка с перечислением всех филиалов упомянутых банков. Детально описано состояние современного водного транспорта («Сейр-и-Сефаин»), с перечислением судов и указанием их водоизмещения, и т. д. и т. п.

Не меньший интерес представляет собой вторая часть книги, посвященная обзору 74 вилаетов Турции. В этом обзоре мы находим общее описание каждого вилаета и его деление на более мелкие административные единицы («казы»), количество посевной площади, валовой сбор сельскохозяйственной продукции, статику и динамику народонаселения, состояние и количество школ, участие вилаета во внутреннем и во внешнем товарообороте, коммунальные органы, количество ежегодно совершаемых уголовных преступлений, выходящую на территории вилаета периодическую прессу, местный бюджет, торгово-промышленные предприятия и т. п. Описание каждого вилаета сопровождается подробной (к сожалению, ахроматической) картой, с густо нанесенными обозначениями поселков, административным делением, детализированным указанием железнодорожной сети и речных бассейнов.

К недостаткам книги нужно отнести полное отсутствие сведений о существующих в республике партиях, профсоюзах и женском движении. Нет в ней намек и о классовой расслоенности турецкой деревни. Но, за исключением перечисленных недостатков, конспектированный перевод книги на русский язык (с опущением длинных списков личного состава центральных государственных учреждений — министерств и Великого Национального Собрания) принес бы неизмеримую пользу нашим интересующимся Турцией читателям, имеющим большей частью доступ к далеко не вентенденциозной западно-европейской литературе о нашем соседе.

С. Майзель.

ANNUAIRE DU MONDE MUSULMAN. Statistique, historique, social et économique. Rédigé par L. Massignon. Seconde édition. Paris, 1925, pp. 396.

Определяя Восток, главным образом, по признаку религиозно-культурному, европейская ориенталистика рассматривает мир, объединяемый мусульманской религией и культурой, совершенно обособленно от Дальнего Востока.

До сих пор изучению мусульманского Востока уделяется больше внимания. Здесь мы уже имеем две попытки немецких и французских востоковедов

систематизировать достижения науки путем издания специальных энциклопедий ислама (обе еще не закончены).

Для удовлетворения чисто практических целей служит рецензируемый „Ежегодник мусульманского мира“, выходящий во Франции через каждые два года, начиная с 1923 г.

В настоящем втором выпуске, появившемся в конце 1926 г., поражает тщательность подбора материала и исчерпывающая полнота охвата мусульманского Востока.

Весь материал ежегодника можно разделить на две части. В первую, большую по объему, входят все государства и области с мусульманским населением. Сведения о каждом государстве или области расположены в таком порядке: 1) статистика и этнография населения, данные о территории, религии, языке, армии; 2) государственное устройство; 3) административное деление; 4) экономика, 5) библиография.

Ежегодник носит определенный историко-этнографический уклон. Только этим можно объяснить слабость отдела экономики и отсутствие сведений о политической и социальной жизни. Нет также и данных о рабочем и аграрном вопросах, о развитии национального и революционного движения и т. д. Вместо этого, довольно подробно изложен религиозный вопрос и положение религиозных институтов. К существенным недостаткам надо отнести устаревшие сведения в области административного устройства и законодательства. Так, нет сведений о турецкой конституции 1924 г., фигурирует Дальневосточная республика; упоминается г. Иркутск, как центр Бурято-Монгольской республики; даются цифры десятилетней давности о торговле и пр. Особенно неблагоприятное впечатление производит небрежность в перечне научных и учебных учреждений. В графе о Научной Ассоциации Востоковедения не только указаны другие фамилии, но упомянуты лица, которых советское востоковедение даже не знает. Наконец, помещение арабских мандатных государств Сирии, Палестины и Ирака не самостоятельно, а в главе об Османской империи вызывает только недоумевающий вопрос.

Вторая меньшая часть ежегодника содержит весьма ценный справочный материал общего характера. Здесь даны: мусульманский календарь хиджры за 1343—1347 гг. (1924—29); даты мусульманских праздников; основные хронологические данные ислама; летопись важнейших событий по всем мусульманским странам за 1923—1925 гг.

Особым приложением даны: указатель мусульманской прессы, выходящий во всем мире; перечень востоковедных научных организаций и вузов, находящихся во всех странах мира; интересные карты расселения мусульман на земном шаре с цифровым соотношением населения; статут и состав всемусульманского конгресса 1926 г. в Мекке; статистические данные о мусульманском населении стран мира.

К безусловным минусам ежегодника надо отнести слабо поставленный отдел библиографии. О книгах советских востоковедов почти не упоминается,

и, например, отмечается, что о новой Турецкой республике еще нет монографии. Видно, и сама редакция ежегодника считает этот отдел недостаточным, так как в предисловии объявляет, что в следующем выпуске будет дан отдел библиографии ислама, в который войдут главнейшие книги на европейских и восточных языках.

В заключение надо признать, что настоящий ежегодник, несмотря на отмеченные недостатки, все же является исключительно удобным и наиболее удачным справочным пособием по мусульманскому Востоку.

Н. А. Смирнов.

SIR GEORGE V. FIDDES. The Dominions and Colonial Offices. London and New-York. G. P. Putnam's Sons Limitd, 1926, pp. 288.

Эта работа, написанная высшим колониальным чиновником Англии, прекрасно изучившим механизм английской колониальной империи, представляет собою историю и очерк административной системы управления колониями Великобритании. На ряду с этим автор выясняет основные проблемы политических отношений метрополии к колониям.

Автор приподнял край завесы не для того, чтобы впустить читателя в ту область правительственной организации Великобритании, где разрабатываются методы порабощения отсталых народов, а чтобы дать картину колониального величия Великобритании.

Чтобы учесть и оценить опыт Великобритании в деле управления колониями, достаточно указать, что впервые, как особый правительственный отдел, администрация колоний была создана в 1660 году и называлась «Советом зарубежных плантаций». В 1925 году была проведена последняя реформа управления доминионами, выразившаяся в том, что управление доминионами было обособлено от управления протекторатами и колониями, как самостоятельное министерство. В настоящем своем виде английская система владычества над отсталыми народами является самой зрелой, законченной и последней исторической формой классово-национального угнетения. Поэтому автор рецензируемой книги вполне своевременно развернул перед читателем этот исполнинский механизм.

Колониальная империя управляется сложным бюрократическим аппаратом с бесчисленными разветвлениями. Автор последовательно изучает юридическую структуру и фактическую власть губернаторов колоний, законодательных и исполнительных корпусов, состава и прав федераций, задач подмандатных областей, договорных государств, как Ирак, кондоминионов, как новые Гебриды, и прав верховного комиссара свободной Оранжевой республики и Трансваала в Южной Африке.

Больше всего внимания автор уделяет Африке, где проникновение великобританского империализма за последнюю четверть века совершалось наиболее активно и достигло наибольших территориальных результатов. К сожалению, Египет, как номинально свободное и независимое государство, оставлен авто-

ром вне поля зрения, что значительно исказило действительную картину растущего господства Великобритании в Африке. Недостаточно полно освещены вопросы, связанные с сопротивлением Великобританий национальных партий в колониях и доминионах. Больше всего внимания автор уделяет индийской проблеме, в частности в Южной Африке.

Экономика великобританской экспансии не затронута совершенно. Однако, при всей односторонности и ограниченности, картина, нарисованная автором, достаточно интересна и грандиозна. Эта книга дает возможность разобраться в сложных пружинах машины порабощения, называемой великобританским министерством иностранных дел, и выяснить его сильные и слабые стороны.

Е. Штейнберг.

ANNUARIO DELLE COLONIE ITALIANO 1927. Istituto Coloniale Italiano. Roma, 1927, p. 560.

Итальянский фашизм в достаточной мере одержим идеями колониальной экспансии. Об этом пишется в периодической прессе, целый ряд специальных статей в отдельных журналах стремится подвести базис экономической необходимости для дальнейших колониальных приобретений Италии. Последнее время особое внимание уделяется экономическому проникновению в такие мало затронутые итальянским капиталом колонии, как Индо-Китай, Индонезия и т. д.

Вместе с тем изучение собственных колоний занимает также значительное место. Имеется целый ряд специальных учреждений, посвященных этому вопросу. Примером этому может служить рецензируемый ежегодник, издаваемый Римским Колониальным Институтом. Издание его насчитывает второй год. Книга содержит обильный фактический материал. На ряду с весьма обширными и не имеющими для нашего читателя особенного интереса отделами, посвященными перечислению руководящего чиновничьего персонала, знаков отличия и т. д., целый ряд отделов, рассматривающих экономические вопросы, заслуживает внимания и изучения. Здесь подробно изучены вопросы торговли (ввоз и вывоз, таможенные пошлины), финансы и бюджеты. Несколько хуже освещены вопросы промышленности, но это вполне понятно, если учесть слабую индустриализацию итальянских колоний.

В исторической части нас не может удивить чрезвычайно тенденциозный характер изложения, неизменно рисующего Италию в виде носителя культуры и благополучия в варварских странах. Описанию Триполи уделено в книге центральное место.

Необходимо отметить заслуживающую внимания библиографию в конце каждого отдела каждой страны. Здесь приводятся все главнейшие книги, посвященные тому или иному вопросу итальянских колоний, вышедшие, главным образом, в период 1920—1926 гг.

Г.

Е. ВАРГА. Франция. Колониальный Восток. Пер. с рук. под ред. С. Шердина. Изд-во «Московский Рабочий», 1927 г., стр. 87. Ц. 60 коп.

Рецензируемая брошюра представляет собою очередной выпуск составляемых т. Варга обзоров мирового хозяйства и посвящен последней четверти 1926 г. Построенный по обычному типу этих обзоров, он состоит из трех частей: вводная — путь французского капитализма (стр. 5—35), общая — мировое хозяйство в IV четверти 1926 г. (стр. 36—72) и особенная часть — Китай и Голландская Индия (стр. 73—87).

Первая часть дает характеристику французского капитализма в послевоенные годы: хорошим подбором цифр и их анализом автор вскрывает существо того своеобразного «второго промышленного переворота», который переживает Франция в наши дни; остро и четко анализирует проблему дальнейшего промышленного развития этой страны с его своеобразными, локальными, противоречиями. Проводя основную характеристику периода, как периода относительной стабилизации, т. Варга выдвигает два положения: имманентная необходимость для французского капитализма борьбы на мировом рынке и перехода в наступление на пролетариат, острота этих моментов и трудности реализации их и дают итоговый вывод: «относительно мирный период классовой борьбы во Франции подходит к концу... Преимущественное положение французского капитализма окончилось».

Основной анализ и выводы т. Варги безусловно правильны, мы можем отметить только некоторые спорные, второстепенного порядка, положения. Формулировать выводы для текущего момента иногда на данных статистики 1920—1923 гг. (стр. 11) нельзя. Неправильно излишне категоричное и, по существу, неверное положение, что «о размерах производства французской промышленности мы не располагаем никакими данными, за исключением некоторых лишь отраслей» (стр. 13): к французской статистике нужно подходить очень критически, каждой цифре производить перекрестный допрос, но ведь огульное отрицание их ставит под вопрос выводы самого т. Варги. В анализе проблемы инфляции т. Варга излишне доверчиво относится к исчислениям Моультона (стр. 21), очень и очень спорным, вообще, а в специально интересующем наш журнал вопросе — о французских капиталах в колониях — совершенно неправильным, как это доказано мною в моей статье в этом же номере „Нов. Востока“ — «Франц. капиталы во франц. колониях». Я определяю массу французского капитала в колониях в 1927 году ок. 8 миллиард. золот. фр. и вложения 1914—26 годов в 2,2—2,3 млрд. зол. фр. Наконец, т. Варга совершенно игнорирует колониальную политику Франции, без чего, естественно, характеристика французского капитализма и проблем его развития является недостаточной.

Во второй части книги анализ мирового хозяйства дается по странам и отдельным проблемам; богатый материал и выводы этой части нуждаются только в одном дополнении — это: обострение борьбы великих держав за колонии и полу-колониальные страны.

В третьей части очерк «Голландская Индия» хорош и обстоятелен, корни национально-революционного движения в этой стране ясны; но этого нельзя сказать о 8 страничках, посвященных Китаю. Предназначенный в первую очередь для иностранных читателей, он почти ничего не даст русскому читателю, имеющему в своем распоряжении обширную оригинальную литературу. Редактору издания следовало бы хотя бы освежить текст т. Варги новыми цифрами, дополнить его, характеристика сельского хозяйства в Китае по W. Wagner'y («Die chinesische Landwirtschaft») на 25 строчках явно недостаточна (ни слова о распределении земли и т. д.), наконец, уточнить выводы автора и, что особенно важно, согласовать их с резолюциями пленумов ИККИ и ЦК ВКП (б). Перевод книги хорош.

В. Дитянин.

СХІДНІЙ СВІТ. Изд. Всеукраїнська Наукова Асоціація Сходознавства. Харьков, 1927, № 1, стр. 256. Ц. 2 р. 25 к.

Всеукраинская Ассоциация Востоковедения, чрезвычайно широко и плодотворно развивающая научную деятельность, обзавелась своим органом — Східній Світ (Восточный Мир). Появление нового востоковедного органа для нас, конечно, является крупным событием, тем более органа, призванного освещать ориентологическую деятельность такой научно-передовой республики, как Украины.

Материал первого номера, распределенный по двум основным отделам: политико-экономическому и историко-этнографо-литературному, отличается большой свежестью и полнотой. В первом отделе обращают на себя внимание статья Л. Левитского: «Турция и ее экономическое районирование», являющаяся первой попыткой дать хозяйственное районирование Турции. С основным делением ее на прибрежные — промышленно-торговые и центральные — земледельческо-скотоводческие районы можно вполне согласиться. Автор привлек богатую литературу на русском и иностранном языках, и в упрек ему можно поставить лишь некоторую неразборчивость в пользовании источниками, так, например, он безоговорочно цитирует книжку В. Лирау, являющуюся совершенно безграмотной, псевдонаучной макулатурой. Ценная, но, к сожалению, чересчур сжатая статья А. Величко: «Реакция и оппозиция в Турции» на 5 страничках обрисовывает ту напряженную внутреннюю борьбу, которая происходит в Турции между прогрессивными и реакционными элементами. Благодаря чрезмерной краткости анализа, природа контр-революционных движений не всегда является достаточной. Так, например, в основе курдского восстания 1924 г. лежало не одно лишь английское золото, но также факторы чисто экономические (отрезанность южных курдских районов после мировой войны от Средиземного моря) и национально-политические (шовинистическая политика кемалистов). Статья В. Броуна, также основанная на обильных и притом свежих материалах, дает общую картину французской колониальной системы, беспощадно эксплуатирующей цветное население колоний. Наконец, обстоятельная статья Е. Ряппо, как явствует из ее

названия «Китайская революция и ее движущие силы», имеет задачей проанализировать социальные пружины китайской революции. Основная концепция автора (тесный союз империализма с туземной буржуазией для борьбы против рабоче-крестьянских масс), несомненно, правильна. Однако, ход событий доказал ошибочность анализа национально-освободительного фронта и в частности переоценку автором «революционности» партии Гоминдан. Впрочем, в этом не вина автора, а вина бурно развивающейся великой китайской революции.

Во втором отделе необходимо отметить обстоятельный очерк А. Гладстерна «1917 г. в Монголии», дающий любопытную картину переживаний февральской революции русской колонией. Очерк написан на основании архивных материалов и имеет большое значение для уяснения того процесса классовой дифференциации, который пережили решительно все русские заграничные колонии в результате революции. В. Бузескул дал чрезвычайно ценную статью, посвященную «Открытиям и достижениям за последние годы в области изучения Древнего Востока», являющейся как бы дополнением к его прекрасной книге: «Открытия XIX и нач. XX в. в области истории древнего мира» (1923). Большой интерес представляет гипотетическая статья Е. Никольской «Памятники монгольской культуры из села Карги». Из литературно-переводных материалов на первое место надо поставить перевод В. Риттера санскритского романа Дандина «Похождение десяти принцев». Этому произведению эпохи индийского ренессанса (V—VI в. н. э.), вообще, повезло, так как четыре года назад в ж. «Восток» был напечатан незаконченный перевод его, сделанный Ф. И. Щербацким. В небольшом введении П. Г. Риттер дает интересную историю романа. Мастерски сделаны П. Тичина переводы на украинский язык произведений армянских поэтов О. Ованесиана и А. Аюпьяна. Несколько несистематически составлен отдел хроники. Он дает подробные сведения о востоковедной работе лишь на Украине, если не считать изолированной заметки об экспедиционно-исследовательской работе Закавказской Научной Ассоциации. Наконец, недурно поставлен, к сожалению, небольшой отдел библиографии. Издан журнал хорошо, если не считать неудачного рисунка на обложке. Новый орган, несомненно, доказывает крупные достижения украинской востоковедной мысли и является ценным изданием в ряду наших немногочисленных ориентальных журналов.

В. Гурно-Кряжин.

Хозяйство Монголии. Экономический журнал, издаваемый Монголо-Советским Деловым Клубом в Улан-Батор-Хото (Урга), №№ 1, 2, 3, 4—5 и 6 за январь — декабрь 1926 г.

Чрезвычайно скудная литература о современной Монголии за последние годы пополнилась выходом нескольких новых книг и рядом журнальных статей, рассчитанных преимущественно на то, чтобы дать читателю популярное изложение того, что представляет собой пастушеская Монголия и каковы те социально-экономические причины, которые привели страну к революции 1921 г.

Но у нас совершенно нет литературы, которая освещала бы интенсивное строительство молодой монгольской государственности.

В этом отношении журнал „Хозяйство Монголии“ восполняет этот пробел и является серьезным вкладом в литературу о современной Монголии, давая обильный и чрезвычайно ценный материал, всесторонне освещающий как отдельные стороны современного экономического положения Монголии, так и стоящие перед молодой республикой очередные задачи в области укрепления ее хозяйственно-экономической мощи, упорядочения финансового положения страны, поднятия общей культурности населения и т. д.

Фиксируя достижения в области хозяйственно-экономического развития страны, журнал „Хозяйство Монголии“ уделяет значительное внимание также исследовательской работе. На страницах журнала мы находим выяснение роли частного иностранного и государственно-кооперативного национального капитала на монгольском рынке, емкость рынка по отдельным видам экспортного сырья и импортным товарам, о значении денежной реформы, проработку вопросов, связанных с улучшением качества продуктов скотоводческого хозяйства страны, вопросы транспорта, рыночных цен и т. д.

Журнал представляет большой интерес для каждого изучающего Монголию и может быть рекомендован советским хозорганизациям, связанным торговыми взаимоотношениями с монгольским рынком.

Журнал выходит на русском языке один раз в два месяца по 120—130 стр. в каждом выпуске.

В. Юдин.

Л. И. ДЕМБО. *Земельный строй Востока.* Изд. Института Живых Восточных Языков имени А. С. Енукидзе. Ленинград, 1927 г., стр. 117.

Многообещающее заглавие и несколько разочаровывающее содержание. Громадный интерес к Востоку среди нашей читающей публики не может быть удовлетворен предлагаемой книгой ни в какой степени. Специалисту, интересующемуся освещением одного из основных вопросов современной Азии—земельного—книжка не дает ни нового материала, ни сжатой обобщающей сводки имеющейся литературы.

Довольно безнадежной представляется сама постановка вопроса о земельном строе Востока и магометанской и китайской культуры. Какие-то общие черты имеются в земельном строе и тех и других стран, но они не выявлены автором. Перечисляя главнейшие источники права Востока, автор указывает: шариат, адат, туземные законодательства, европейские законодательства (для колоний). Быть-может, этого достаточно для стран Передней и Средней Азии, но навряд ли это удовлетворительно для Дальнего Востока. Все изложение книги построено как бы с целью ввести читателя в особенности земельного вопроса в странах Средней Азии, входящих в СССР, между тем, читатель не чувствует этой увязки двух частей труда. При изложении вопроса по отдельным странам не сделаны сравнения и сопоставления, но лишь механически рядом

поставлены главы, изложенные не по единообразной схеме. При изложении особенностей земельного строя Средней Азии автор не подводит читателя к отчетливому пониманию необходимости земельной реформы. Между тем, и последний вопрос, о своевременности и необходимости реформы, мог бы стать объединяющим центром исследования.

В частности, ничего не говорят ни уму ни сердцу такие фразы, как «аграрно-правовые отношения Востока слагались веками», если за подобным утверждением не следует изложение как же именно, почему и при каких обстоятельствах и когда они слагались в такой-то именно форме, а не в иной. Слишком широкими и общими представляются такие утверждения, как: «В силу целого ряда климатических, почвенных и, главным образом, экономических причин, громадные пространства лежат втуне, в то время как крестьянство (напр., в Китае) жмется на небольших клочках земли» (стр. 14).

Спорными представляются и некоторые утверждения автора, как-то: «Закончив в XIII веке колонизацию Малой Азии, страны с богатым и сложным прошлым, турки застали в местах своего водворения уже сложившиеся поземельные отношения в форме феодальной системы, занесенной еще крестоносцами из Зап. Европы. Феодальный строй, установленный, преимущественно, в Фессалии, послужил образцом для всей Османской империи» (стр. 15). Оставив в стороне вопрос о том, была ли закончена турками колонизация Малой Азии в XIII веке, надлежит все же признать, что феодальный строй не образуется, вообще, в истории и не образовался в данном частном случае путем заимствования, как можно понять по выше цитированной фразе. Бесспорно, что крестоносцы перенесли в Малую Азию привычные им формы феодальных отношений, но существование этих отношений было на новой почве уже иное, чем в Зап. Европе. Можно считать доказанным, что и до прихода крестоносцев земельные отношения еще в Византии Юстиниана складывались по феодальной системе. Навряд ли правильно вслед за Мустафой Кемаль-пашой, назвавшим крестьянина «хозяином Турции» (стр. 20), утверждать, что этот хозяин в действительности управляет страной.

Не ясным представляется и утверждение автора, что «на земельный строй Средней Азии влияют три основных фактора: 1) наличие кочевого хозяйства, 2) хлопок и 3) водный фактор» (стр. 51). Пожалуй, лишь «водный фактор» определяет хозяйство, остальные влияют, но не о такого рода влиянии хотел сказать автор; кочевое хозяйство само является следствием многих сложных исторических предпосылок; хлопок же сам по себе не дает типа хозяйственного уклада. Последнее получается в результате рыночных отношений при их достаточно интенсивном развитии. Можно спорить, что мелкое хозяйство Туркестана явилось следствием развития культуры хлопка (как можно понять по изложению, стр. 56).

Наиболее интересною частью труда автора представляется глава, касающаяся современности в земельных отношениях в Ср. Азии (гл. V — Применение земельного кодекса в Ср. Азии, и последующие). Эти главы, и в особенности

трактующие о земельно-водной реформе 1925 года, оправдывают появление самой книги. Автор принимал участие в разработке проекта земельно-водного кодекса, и его осведомленность в современном положении делает книгу интересной.

Ар. Ляхов.

Джетысу (Семиречье). Экономический обзор. Изд. Джетысуйской Областной Плановой Комиссии, 1926 г., стр. 313.

Рецензируемая книга представляет коллективный труд ряда ответственных работников Гублана, Губзу, Губвнторга и пр., сообщающий ряд сведений по демографии, состоянию сельского хозяйства в 1924/25 г., водному, лесному хозяйству, землеустроительным работам, государственным земельным имуществам, животноводству, ветеринарии, оперативной деятельности Р. К. И., народному образованию, здравоохранению, губсобесу, состоянию народной связи, промышленности и торговле — сведений, носящих по своему происхождению официальный характер. По существу книга представляет собой сборник материалов первоначальной обработки и снабжена многочисленными цифровыми информацией и статистическими таблицами.

Из числа изданий подобного типа книга выгодно выделяется стремлением к научности и знакомством с литературой предмета. При крайней бедности сколько-нибудь связными и подробными исследованиями об экономике современного Джетысу (Семиречья) сборник этот представляется весьма ценным для всех исследователей края и его практических работников.

Однако, авторы не избежали многих недостатков, обычно присущих подобного рода публикациям. Сообщая материал, они не исследуют его; излагая, не обобщают; констатируя, не делают заключений. Этой цели они и не ставили себе. Недостатком является и сама запоздалость публикации, дающей сведения о 1924/25 г. и выпускаемой в свет в 1926 году (во введении к сборнику отмечена дата июнь 1926 г.).

Добросовестность изложения, обычно новый и иначе не публикуемый и не сводимый воедино (хотя бы в одном компактном сборнике) материал — вот серьезные достоинства книги. По Джетысу мы еще не имеем подобных работ. Остается пожелать, чтобы подобные сборники появлялись регулярно и не запаздывали выходом. При таком условии исследователи смогут уже продолжить обработку сообщаемого материала, по необходимости в силу своего происхождения всегда несколько сырого, и, освещая его единою мыслью, соответственно своим темам и заданиям, прийти к определенным построениям и выводам. Внешне книга издана очень опрятно. Объем книги несколько велик, быть-может, его можно было бы уменьшить, отказавшись от публикации чисто отчетных и описательных данных.

Ар. Ляхов.

ЛУИ ФАШЕР. Империализм нефти. Международная борьба за нефть. Перевод с американского издания Ст. Вольского с предисловием Г. И. Ломова. Государственное Издательство. М. — Л., 1927 г., стр. 175.

Заглавие книги шире ее содержания. В своей книге Луи Фишер не дает обобщающей картины мировой борьбы за нефть, а останавливается на советской нефти и рассматривает вопросы международной нефтяной политики под вполне определенным, ограниченным углом зрения. Фактически его книгу следовало бы озаглавить «Нефтяной империализм и советская нефть» или что-либо в этом роде. Осветить вопрос с этой точки зрения чрезвычайно желательно, а потому уже а priori можно приветствовать появление подобной книги.

К сожалению, Луи Фишер справился со своей задачей не вполне удовлетворительно. Прежде всего он определенно придает чрезмерное и исключительное значение вопросам нефти; он, если так можно выразиться, «гипертрофирует роль нефти в политике», роль, бесспорно, чрезвычайно большую, но далеко не исключительную. (Против подобного излишнего увлечения нефтью в политике совершенно справедливо восстает в своей книге «Нефтяной империализм» С. Богдановский). Так, нельзя утверждать вместе с Луи Фишером, что турки в мировую войну направляли свои силы, главным образом, на Кавказ для того, чтобы захватить Баку, и что Германия ослабила (!!!?) себя на других фронтах для того, чтобы обеспечить за собой кавказскую нефть. Это совершенно неверно: германские оккупационные силы в Закавказье были ничтожны, турки же повели наступление почти всеми своими силами на Кавказском фронте еще в 1914 году, когда нефтяной вопрос вовсе не играл столь важной роли, как в конце войны. Подобное преувеличение значения нефтяного вопроса в мировой политике красной нитью проходит через всю книгу Фишера и определенно вооружает против автора осведомленного читателя.

Другим весьма крупным недостатком книги является обилие фактических ошибок и неточностей, особенно многочисленных в главе первой. Так, например, Фишер утверждает (стр. 20), что после провозглашения «Закавказской федерации» не прошло еще месяца, как демократические меньшевики Грузии... объявили войну Армении и Азербайджану... Грузинские меньшевики никогда не объявляли войны Азербайджану, что же касается до «войны» с Арменией, то она имела место не в мае, а в декабре 1918 г., уже после английской оккупации. Точно так же неверно утверждение несколько ниже (стр. 21), будто бы «германские войска вступили в Северную Персию и заняли Тавриз, а турки двинулись к Азербайджану». На самом же деле немцы ограничились лишь оккупацией Грузии, Северную Персию, равно как и Восточное Закавказье, заняли турки. Подобных ошибок в книге Фишера чрезвычайно много.

Что же касается до перевода, то он сделан вполне удовлетворительно. Невозможна лишь транскрипция некоторых имен собственных. Так, например, переводчик постыдно пишет, говоря о концессии в Северной Персии, «Костария», тогда как надо писать Хоштария: Хоштария—уроженец Западной Грузии. Он

хорошо известен в Северной Персии, и в Энзели целый квартал назван его именем. Путать в русских книгах его имя недопустимо.

В. Худадов.

Статистический справочник СССР 1927 г. Изд. ЦСУ СССР. Москва, 1927 г., стр. 506 + V. Ц. 1 р. 25 коп.

„Статистический справочник СССР“ на 1927 г. является продолжением «Народного Хозяйства СССР в цифрах», выпущенного ЦСУ в 1925 году, и дает чрезвычайно богатый материал. В нем, однако, встречается несколько очень крупных пробелов. Начну с отдела, посвященного демографии.

Вопрос о численности той или иной населяющей территорию Союза национальности остался совершенно не освещенным. Правда, мы встречаем здесь данные о численности различных национальных образований, но национальный состав населения этих образований не отмечен вовсе. Вторым, хотя значительно меньшим, недостатком в отделе демографии является то, что в справочнике не даны указания, касающиеся некоторых областных единиц; так, например, мы не находим данных о населении Южно-Осетинской автономной области, Нагорного Карабаха, в то время как имеем данные по всем остальным автономным единицам. Подобные же пробелы встречаются и в других таблицах отдела. Некоторые из цифр этих таблиц могут дать неверные представления. Так, например, по таблице, помещенной на 33 стр. (Распределение учащихся школ I ступени по языку обучения), можно заключить, что число учеников, учащихся на грузинском языке, уступает числу учеников, учащихся на армянском языке. На самом же деле этого нет. Однако, для того, чтобы учесть последнее обстоятельство, необходимо отметить, что в Грузии получили чрезвычайное распространение школы высшего типа, и что число учащихся в грузинских школах значительно превышает число учащихся в армянских школах, чего таблицы, помещенные в отделе «Народное просвещение», не выявляют.

Что же касается других отделов, то прежде всего надо указать, что таблицы этих отделов составлены не по единообразному плану. Так, например, по помещенным в справочнике таблицам мы можем составить почти-что полное представление о сельском хозяйстве различных союзных и автономных образований (Закавказью опять-таки не повезло — данные для его автономных областей отсутствуют), тогда как таблицы, рисующие промышленность Союза, совершенно не освещают положения промышленности в отдельных республиках и областях. Ценность же каждого справочника заключается, между прочим, в однородности материалов и в единстве плана. Нельзя также не указать, что некоторые вопросы разработаны слишком детально и представляют интерес лишь для специалистов, тогда как другие затроуты совершенно недостаточно. Так, например, детально справочник останавливается на динамике питания населения, жилищных условиях, крестьянском бюджете — вопросах, чрезвычайно важных и требующих специального освещения, но зато пропущены данные о виноградарстве и виноделии, имеющих крупное значение для целого ряда обширных

областей Союза (отсутствие данных о виноградарстве Союза тем более бросается в глаза, что данные о садоводстве приводятся) и т. д.

Такого рода недостатки справочника общи почти всем отделам. Из недостатков второстепенных хотелось бы указать, что в последней части, в отделе «Мировое хозяйство», не везде даны последние статистические данные (например, для французских колоний, Алжира, Туниса и др. приводятся данные 1921 г., тогда как уже в начале текущего года в специальных органах можно было найти данные переписи 1926 г.), точно так же недостатком надо считать то, что данные о внешней торговле приводятся не в золотом исчислении, что делает крайне трудным всякое сравнение. Таковы в общем недостатки справочника. Бесспорным достоинством его являются: исключительное богатство материалов и доброкачественность приводимых сведений. С внешней стороны справочник издан хорошо.

В. Худадов.

В. БАЛАБУШЕВИЧ, Л. ГЕЛЛЕР, Х. ЗЙДУС. Рабочие организации Востока. Под ред. Л. Геллера. М. — Л., Гиз, 1927, стр. 80. Ц. 30 коп.

Книжка, составленная группой работников Профинтерна, охватывает рабочие организации стран Дальнего Востока, при чем сюда включена и Индия, в своих международных связях заметно тяготеющая к странам Тихого океана. Такое деление принято и некоторыми иностранными научными журналами, как, например, «Геополитик», дающим обзоры по «индо-тихоокеанской области». Отдельные главы посвящены Японии, Китаю, Индонезии и Индии, и по каждой стране приведены цифры о численности рабочего класса, степени его организованности, перечислены существующие союзы, формы организации, их направление и руководство. Все эти сведения даны на фоне общеполитической борьбы, прослежена связь между рабочим и национально-революционным (Китай, Индия, Индонезия) или крестьянским движением данной страны (Япония). Небольшое введение, предпосланное брошюре, выясняет причины роста рабочего движения на Востоке, а заключение указывает на попытки пролетариата тихоокеанских стран установить связь между рабочим движением этих стран. Такими попытками явились Кантонская конференция транспортников Дальнего Востока 1924 г., Австралийская конференция 1926 г. и Тихоокеанская конференция в Ханькоу 1927 г.

Стремление дать популярные пояснения очень сложным явлениям политической жизни Востока в некоторых случаях привело к упрощениям, искажающим смысл (стр. 58 и 60), но эти мелкие недочеты несколько не умаляют значения этой очень своевременно выпущенной книжки. Книга может быть рекомендована во все массовые библиотеки и читальни.

А. Штуссер.

II. История, этнология и культура Востока.

Культура Востока. Сборник Музея Восточных Культур. Издание Музея Восточных Культур. Москва, 1927 г., стр. 40 + 12 табл.

Молодой Музей Восточных Культур ознаменовал свое открытие выпуском в свет своего первого сборника, посвященного истории и деятельности музея, а также описанию экспедиции в Термез, организованной самим музеем.

Сборник начинается вступительной заметкой директора музея, проф. Б. П. Денике, об общих задачах деятельности нового музея. Краткую историческую справку об организации музея дает Ф. В. Гогель в своей статье «Музей Восточных Культур». Большая же часть сборника посвящена экспедиции в Термез. Проф. Б. П. Денике дает предварительный отчет, снабженный рядом таблиц, обстоятельно знакомящий с памятниками Термеза.

Отдельные статьи посвящены архитектурным памятникам, как-то: статья В. В. Згура — «Развалины дворца около Термеза» и А. С. Стрелкова — «Зурмала или Катта-Тюне около Термеза»; обе статьи снабжены иллюстрациями.

Затем в сборнике еще помещены небольшие статьи, посвященные организованным при музее кабинетам; это — кабинет истории революционного движения в странах Востока имени Н. Н. Нариманова — проф. В. А. Гурко-Кряжина и кабинет гравюр Дальнего Востока — Ф. В. Гогеля.

Заканчивается сборник заметкой о деятельности музея с краткими отчетами о работе каждого отдела. Приятно отметить, что новый музей с первых же шагов начал свою издательскую деятельность, нока, правда, еще скромную (хотя, кроме сборника, к открытию музея вышли еще краткие путеводители по отделам), но надо надеяться, что со временем она примет более обширные размеры.

Что касается внешности сборника, то она производит прекрасное впечатление. Не совсем понятно, почему в конце книжки приложен французский перевод только списка рисунков, перевода же оглавления статей почему-то нет. Да и вообще было бы чрезвычайно желательным, чтобы научные издания принимали за правило давать хотя бы краткое резюме своих статей на французском или немецком языках, для ознакомления с ними за границей.

Т. Козьмина.

Памятники народного творчества осетин. Выпуск II. Дигорское народное творчество в записи Михаила Гарданова. Предисловие, перевод на русский язык и примечания Г. А. Дзагурова. Издание Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения. Владикавказ, 1927 г., стр. 346. Цена 2 р. 50 к.

Во II выпуск «Памятников народного творчества осетин» вошли исключительно сказания дигорцев, западной ветви осетин. Сказания записаны на

чистом дигорском диалекте заслуженным народным учителем Михаилом Гардановым—в Дигории. Всего в сборнике 106 номеров устного народного творчества, которые по содержанию разбиты на одиннадцать разделов: нартовские сказания, сказания про Ахсаг-Темура, сказания про Одинокого, сказки, старинные песни, колыбельные песни, причитания, обычай *marɔahɔau* (т.-е. церемонии при погребении покойников), посвящения, заговоры и, наконец, детские игры.

Мы можем прямо сказать, что заслуга М. Гарданова, собравшего столь интересный и разнообразный материал, перед осетинским народом и задачами культурного строительства Осетии—колоссальна. Богатейший народный эпос осетин привлек внимание русских ученых еще в половине прошлого столетия; им занимались такие крупные ученые, как Шифнер, Шегрен, Миллер, Пфафф и другие, но все же никем до сих пор не извлечен из глубин народной памяти такой ценный и богатый материал, как Мих. Гардановым. Особенно ценны в отделе «Нартовских сказаний» номера 8, 9, 12, 13, 15, 22, 23; в отделе сказаний про Ахсаг-Темура—23, 27, 28; в отделе сказок—30, 36 и, наконец, в отделе «Старинных песен»—40 и 41.

В указанных номерах довольно ярко отразились такие важные исторические вопросы, как набеги осетин в исторические времена на Аварию (№ 8 и 12), ногайцев в Чечню (№ 22); борьба осетинских и кабардинских феодалов (№ 41); борьба осетинских феодалов между собой (№ 40); хозяйственные формы у осетин в исторические времена (№ 24, 36 и др.); борьба русских с «ханамы» (очевидно, это отголоски эпохи могущества татар, № 30); нашествие шаха (очевидно, шаха Абаса) и Ахсаг-Темура на Дигорию (№ 27 и 28); нападение осетин на Карталинию (очевидно, взятие креп. Гори осетинами под предводительством крупного осет. феодала Оси-Багатора в конце XIII или в начале XIV века при грузинском царе Давиде VI, № 15); наконец, географическая номенклатура, дающая возможность определить границы древней территории Западной Осетии—Дигории (№ 9 и др.).

Поятно, какое большое значение имеет для исследователя устное народное творчество, относящееся ко времени, о котором не дошло до нас никаких писанных документов. И в этом отношении рецензируемый сборник для историка Осетии сослужит большую службу.

Богатство и разнообразие содержания осетинских сказаний, конечно, далеко не исчерпываются перечисленными вопросами; тут много интересного и для этнографа, и для археолога, а в особенности для исследователя осетинского языка, тем более, что Михаил Гарданов, как один из лучших знатоков осетинского языка, необыкновенно ярко выявил все богатство дигорского диалекта как со стороны формы, так и лексики.

Дигорский текст сказаний переведен на русский язык Губади Дзагуровым. Перевод весьма удачный в смысле его близости к оригиналу, благодаря чему осетинское народное творчество делается доступным и для русской науки. Дзагурову же принадлежат предисловие к изданию и примечания к тексту; в последних особенно интересны примечания исторического и лингвистического характера.

Судя по тому, какой интерес вызвал в свое время первый выпуск осетинских сказаний со стороны ученых Западной Европы, в особенности же норвежских и немецких, можно с уверенностью сказать, что настоящий II выпуск вызовет еще больший интерес и займет заслуженное место среди трудов большого научного значения.

Книга издана очень опрятно. Жаль только, что Осетинскому Научно-Исследовательскому Институту Краеведения приходится выпускать свои труды, за неимением средств, на такой плохой бумаге.

Г. Кониев.

А. М. ЛУКЬЯНЕНКО. Профессор Крымского Педагогического Института по кафедре русского языка и сравнительного языковедения. **Русский язык, как предмет преподавания в тюрко-татарских школах.** Труды О-ва Обследования и Изучения Азербайджана. Баку, 1926 г. Стр. 47.

Недавно вышла из печати методика преподавания русского языка в тюркских школах. Если имена крупнейших методистов в области освещения приемов преподавания иностранных языков нам известны только из западной литературы (Пальмер, Туссен и Лангеншейдт и др.), то, поистине, проф. Лукьяненко может быть назван славным пионером в деле разработки этого важного языковедческого (биологического и социального) фактора на территории СССР.

Хотя книга по своему объему не велика и изобилует опечатками, а равно не выдержана в смысле соблюдения правильной академической транскрипции в приведенных татарских словах, но она может служить каждому преподавателю тюркской (не только татарской) школы как бы некоторым микрокосмом в сфере правильной ориентировки на основе общей языковедческой базы.

Содержание книги выявляет ряд условий языкового характера, обеспечивающих достижение цели: лексическая подготовка слушателей (правда, к сожалению, не предваряемая фонетикой) работа по грамматике, а параллельно и живая речь на основе жизненного окружения.

Процессу лексического накопления Лукьяненко отводит крупную роль при условии контакта между слуховыми, зрительными и моторными восприятиями (есть место и работе по картине).

Только при достаточном накоплении лексического материала автор отводит нас к жизни слова внутри фразы, на которой автор базирует языковое творчество в условии языка.

Детальная разработка морфологических положений зиждется на методе непосредственных наблюдений над грамматической жизнью слова в двух параллельных языках (русском и татарском).

Хотя автор верен формальному принципу грамматической структуры, но он еще более верен закону родной речи слушателей, что является для него отправной точкой. Этим положением, главным образом, и определяется ценность работы проф. Лукьяненко.

Л. Воробьев.

LUBOR NIEDERLE. Slovanské Starožitnosti. Puvod a pocatky slovan vychodnich. Oddil I. Svasek IV. V Praze, 1925 г., стр. 288.

Маститый чешский археолог выпустил в 1925 г. последний том своего монументального сочинения „Славянские Древности“. Первый том вышел более 20 лет назад, и понятно нетерпение, с которым интересующиеся археологией восточной Европы ожидали появления той части многолетнего труда проф. Нидерле, которая посвящена древностям восточных славян, иначе сказать, древностям восточной Европы. Как показывает самое заглавие, центром внимания автора является восточная ветвь славянского племени, из которой впоследствии образовался русский народ в его различных составных частях; однако, восточная Европа спокон веков была местом, где сталкивались, смешивались и взаимно влияли самые разнообразные культуры, и поэтому в книге Нидерле видное место отведено вопросам, касающимся древностей соседей славян — скифов, сарматов, финнов, хазар и т. д.

В своем исследовании автор следует оригинальному и несколько неожиданному методу. Будучи одним из самых больших европейских авторитетов в области археологии, Нидерле не решается, однако, пользоваться археологическими источниками одновременно и совместно с памятниками письменности, данными лингвистики и строить исследования на всей совокупности памятников, которые могут осветить далекое прошлое восточно-европейской равнины. Причиной этого надо считать; видимо, убеждение Нидерле, что археология восточной Европы хотя и имела очень много сырого материала, но все же недостаточно научно разработана. Благодаря указанному сейчас обстоятельству, мы находим в книге Нидерле две как бы параллельных одна другой части: исследование о древностях восточных славян, основанное на источниках и лингвистических данных и лишь в очень малой степени на памятниках археологических (глава I—V), и обзор археологии восточной Европы (гл. VI—Dejeris a archaeologie ruska). Обе эти части не всегда согласованы одна с другой. Приведем один пример.

Нидерле полагает, что славяне, в частности славяне восточные, всегда жили на территории между Карпатами и средним Днепром, и в первой части упорно доказывает это на основании всех источников, кроме археологических; во второй части он высказывает мнение, что несомненными археологическими памятниками славян являются только курганы позднего времени; что же касается археологических памятников более древней эпохи, он не решается приписать их славянам, даже если они находятся на территории, которую он считает исконно славянской. Это касается, напр., погребальных урн Поднепровья Волыни и вост. Галиции, которые он считает пока необъяснимыми с точки зрения национальности, которая оставила нам эти памятники. Такая же двойственность замечается и по отношению к неславянским культурам восточной Европы. Автор достаточно подробно останавливается на культурных древностях скифо-сарматских, финских (к ним он не относит, между прочим, Геродотовых будинов, считая их славянами), литовских, хазарских и кочевнических и вновь

возвращается к этим же культурам в последней археологической главе. Нельзя мимоходом не отметить, что Нидерле без критики принимает мнение первых исследователей Верхне-Салтовского могильника, полагавших, что в нем мы имеем памятник хазарской культуры. Отмеченные выше оригинальные черты книги Нидерле не затемняют ее необыкновенно богатого содержания и не уменьшают ее глубокого интереса. До сих пор классический труд чешского археолога был известен на русском языке только в извлечениях и отрывках. Следует от души пожелать, чтобы весь он или, по крайней мере, хотя бы часть его, посвященная восточной Европе, появилась на русском языке в полном своем объеме.

Проф. Ю. Готье.

STEPHANE GSELL, membre de l'Institut, professeur au Collège de France. **Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Tome I. Les conditions du développement historique. Les temps primitifs. La colonisation phénicienne et l'empire de Carthage.** P. 544; tome II. **L'état Carthaginois** P. 475; tome III. **Histoire militaire de Carthage.** P. 424; tome IV. **La civilisation Carthaginoise.** P. 515; Librairie Hachette, Paris.

Исторические судьбы Северной Африки в эпоху античности получили теперь исчерпывающее освещение в широко задуманном и в значительной части осуществленном труде Стефана Гзелля — „Древняя история Северной Африки“. Гзелль принадлежит к той плеяде французских исследователей, которые интенсивно и плодотворно обследовали прошлое культур Алжира и Туниса в римское и до-римское время. Здесь достаточно упомянуть имена Гоклера, Делаттра, Жюль-Тутена, Канья, Одолляна, Паллари и др. Гзелль, опубликовавший ряд прекрасных специальных работ и зарекомендовавший себя первоклассным исследователем, выступает во всеоружии и в своем новом труде, посвященном общей истории Северной Африки в древние времена. Задача перед автором стояла нелегкая. Ему нужно было впервые обобщить все имеющиеся данные, во многом еще (напр., материалы новейших археологических раскопок) находящиеся в процессе разработки. Необходима была и предварительная критическая работа по отношению к дошедшим до нас достаточно скудным письменным источникам, получающим нередко теперь в свете археологических открытий новое толкование. Гзелль проделал огромную работу, и результаты ее приходится признать чрезвычайно положительными. „Древняя история Северной Африки“, по обилию и свежести материала, по широте самого построения представляет исключительный интерес. Недаром она и пользуется необычайным успехом; каждый из обширных томов выдерживает по несколько изданий, при чем первый том вышел уже четвертым изданием. Само собой разумеется, что при каждом новом издании принимаются во внимание новые научные достижения.

Первый том труда Гзелля открывается рядом глав, посвященных общим естественно-географическим условиям, климату, флоре и фауне, условиям использования почвы Северной Африки в древние времена. Здесь автор тщательней-

шим образом проанализировал всю возможную документацию. История начинается с самых отдаленных времен, с культуры каменного века. Гзелль сам археолог, превосходно комбинирует нужный археологический материал, давая общие конструкции. Отдельные главы того же первого тома трактуют об антропологических особенностях и языке древнейших обитателей севера Африки. Далее автор прослеживает пути финикийской колонизации, устремившейся на северные берега Африки, и подробно останавливается на вопросе об основании Карфагена и формации Карфагенской империи.

Следующие три тома посвящены обстоятельному рассмотрению основных моментов истории Карфагена и главнейших сторон его культуры. Том второй, имеющий общей темой „Карфагенское государство“, начинается с описания самого города Карфагена (все топографические детали восстанавливаются на основании новейших археологических данных), далее выясняются районы карфагенского владычества в Африке. Подобающее место отведено разбору Карфагенской конституции, наметке основных моментов внутренней истории Карфагена (при характеристике борьбы партий не учитываются подобающим образом классовые моменты и недостаточно подведена социально-экономическая база) и характеристике карфагенской администрации, армии и флота. Третий том целиком посвящен военной истории Карфагена. Здесь подробно (даже, пожалуй, чересчур подробно) повествуется о бесконечных войнах, при чем наиболее громкие эпизоды (экспедиция Агафокла, война наемников и, конечно, походы Ганнибала) изображены во всех деталях. Увлекаясь подробностями, Гзелль из историка здесь нередко превращается в летописца, прежде всего, и главным образом, рассказывающего о событиях без попыток их анализа и объяснения. Нельзя не отметить, что такое выделение военной истории Карфагена как-то отрывает ее от общей базы, выбивает из общего контекста. Все эти военные проявления карфагенской колониальной экспансии, ее борьбы с Римом и затем трагического крушения оказались в виде отдельных, нередко очень красочных эпизодов, но не всегда связанных друг с другом и лишенных какого-либо социологического объяснения. Третий том сочинений Гзелля является наиболее слабым и уязвимым.

Значительно интереснее четвертый том, посвященный карфагенской цивилизации. Особое внимание обращают главы о земледелии, индустрии и торговле в древнем Карфагене. Здесь автор очень умело и отчетливо скомбинировал имеющиеся данные. Мне только представляется, что можно было более сказать о крупном и среднем землевладении Карфагена и о роли поместья в колонизационных процессах. Весьма любопытны и богато насыщены материалом главы о жизни и нравах карфагенян, о религии и похоронных обрядах. Здесь всюду приведена обильная археологическая документация.

В заключительной главе, подводящей итоги исторической роли Карфагена, опять ощутительно дает себя чувствовать отсутствие социологического освещения. В общем же труд Гзелля, дающий много ценного и нового материала, является крупным вкладом во все еще немногочисленную литературу по истории Африки.

И. Бероздин.

A KAMMERER. Essai sur l'histoire antique d'Abyssinie. Le Royaume d'Aksum et ses voisins d'Arabie et de Meroe avec 45 planches hors texte et 4 cartes. Paris, Geuthner, 1926, стр. 198. Ц. 60 fr.

Древняя история Абиссинии стала привлекать внимание исследователей только в сравнительно недавнее время. Большое значение в смысле изучения памятников страны имела немецкая экспедиция в Аксум, результаты которой изданы берлинскими музеями в 5 больших томах (1913); с 1922 г. начал выходить первый периодический орган, посвященный этой стране (Aethiops. Paris, Geuthner).

Книга Каммерера, в кратком обзоре знакомящая с результатами новейших исследований и прекрасно иллюстрированная, будет прочитана с пользой всеми, желающими познакомиться с прошлым той страны, которая в продолжении восьми веков (I ст. до н. э. — VII ст. н. э.) представляла своеобразное феодальное государство, простиравшееся от Мерое к югу и временами включавшее в свой состав и противлежащий берег Аравии, — место происхождения большинства своего населения. Сравнительная бедность материала, так как археологическое исследование страны лишь начато, заставила автора сосредоточиться на политической истории страны и лишь одну главу посвятить «аксумской цивилизации», но это обстоятельство нельзя поставить автору в упрек, поскольку оно не зависело от него. Зато чрезвычайно интересна (в приложении) публикация всех аксумских монет, хранящихся в Cabinet des Medailles Парижской Национальной Библиотеки и до сих пор полностью неизданных, а также глава о мегалитических памятниках Абиссинии, открытых Азансом в его путешествиях по этой стране в 1922—1925 г.г.

В заключение позволю себе напомнить, что покойный акад. Б. А. Тураев незадолго перед своей кончиной выполнил для издания «Всемирная Литература» перевод абиссинских летописей, а в новом издании своей «Истории Классического Востока», которого пока вышел лишь I том, дал главу, посвященную истории Абиссинии. Неужели же ни Госиздат, ни Брокгауз-Ефрон, начавший издавать «Историю», не найдут возможности опубликовать эти труды нашего египтолога и востоковеда.

Проф. А. Захаров.

A. GÖTZE. HATTUSILIS (Hethitische Texte in Umschrift, mit Uebersetzung und Erläuterungen herausg. von F. Sommer, Heft. Mitteilungen d. Vorderas. — Aegypt. Gesellschaft, 1924, 9). Leipzig, Hinrichs, 1925. S. 140.
E. TENNER. Ein hethitischer Annalenteil des Königs Mursilis II. Leipzig, 1926. S. 25.

Счастлирое открытие Г. Винклера в Богазкее в 1906 г. — одно из самых замечательных археологических событий нового времени — дало в наше распоряжение огромное количество глинописных табличек — хеттский государственный архив. Блестящие исследования Грозного, расшифровавшего хеттский язык, сделали возможной немедленную научную обработку этого архива. В настоящее время

идет быстрая публикация этих документов в автографии (Keilschrifttexte aus Boghazköi и Keilschrifturkunden aus Boghazköi) и одновременно перевод и научная разработка отдельных текстов. Состав архива, как известно, очень разнообразен, и историка в первую очередь, конечно, привлекают многочисленные интересные исторические тексты. Некоторые из этих исторических текстов уже изданы в транскрипции и переводе в общих публикациях. Так, напр., чрезвычайно интересный текст, относящийся к правлению Телибинуша транскрибирован и переведен Грозным в Hethitische Keilschrifttexte aus Boghazköi (Boghazköi-Studien, 3 Heft). Там же содержатся отрывки из больших анналов царя Муршила.

Обе рецензируемые работы специально посвящены историческим текстам. Небольшая книга Теппер'а дает транскрипцию и перевод части 8 таблицы анналов Муршила (события от 1335 г. до н. э.); но особенно значительна и интересна публикация А. Götze. Это — чрезвычайно интересная автобиография Хаттушила III, хорошо известного и раньше на основании египетских источников по мирному договору, который он заключил с Рамсесом II. Здесь содержится описание первого периода деятельности Хаттушила и затем его борьба за власть и воцарение. Перед нами очень яркое и живое описание, далекое от сухого анналистического стиля и переходящее часто в своего рода аргентологию, посвященную богине Иштар, верной защитнице и покровительнице царя: „я хочу повествовать о могуществе Иштар, и всякий должен слышать об этом“. Текст содержит целый ряд ценных исторических деталей и, несомненно, сделается одним из главных источников при изучении истории и организации хеттского государства. В обеих работах дана транскрипция текста, перевод и примечания. В виду того, что наука о хеттском языке находится еще в периоде разработки, примечания, вполне естественно, носят преимущественно филологический характер, имея своей целью, главным образом, обосновать данный перевод. Указатель, приложенный в работе Götze, очень облегчает проработку текста.

Г. Пригоровский.

DR. M. LURJE. Studien zur Geschichte der wirtschaftlichen und sozialen Verhältnisse im Israelitisch-jüdischen Reiche von der Einwanderung in Kanaan bis zum babylonischen Exil. Giessen, 1927. S. 64.

При крайней бедности литературы по социально-экономической истории Израиля всякую новую работу в этой области надо приветствовать; но рецензируемая работа заслуживает особого приветствия и внимания, так как она является первым опытом марксистского исследования социально-экономической истории Израиля. Автор, молодой русский ученый, получивший свое образование в Германии, соединяет в себе марксистское понимание истории с той специальной выучкой, которой так отличаются представители немецкой науки; и это счастливое совпадение дало ему возможность поставить и попытаться разрешить проблему, перед которой иной марксист остановился бы в затруднении. Работа д-ра Лурье читается с огромным интересом и живейшим образом будит мысль;

она освещает совершенно новым светом целый ряд областей израильских отношений или остававшихся в тени или, вообще, не становившихся предметом пристального исследования. Историк социальных отношений в Израиле получит в работе д-ра Лурье надежную отправную базу для дальнейшего исследования таких вопросов, как вопрос о крупном землевладении, о внутренней и внешней торговле, о сравнительной статистике городского и сельского населения; он учтет также первый опыт систематического проведения принципа классовой борьбы в израильской истории.

Но вместе с тем приходится отметить, что проблема, поставленная автором, целиком неразрешима. В этом, правда, нет ничего удивительного, так как в рамках одного и притом крайне сжатого очерка она, вообще, не могла бы быть разрешена; и при всяких условиях для ее разрешения потребуется еще ряд усилий. Однако, здесь играют роль не только указанные объективные моменты, но и некоторые существенные дефекты самой работы; их особенно важно отметить, чтобы облегчить дальнейшую плодотворную работу и самого д-ра Лурье и других марксистских исследователей, которые пожелали бы пойти по указанному им пути.

В другом месте (во II книге Zeitschrift Еврейского Отдела Института Белорусской культуры в Минске, сейчас печатающейся) мы даем подробный разбор этих дефектов, и потому в настоящей краткой рецензии ограничимся их указанием. На первом месте стоит вопрос о критике материала традиции и его хронологическом приурочении; этот специфический для истории Израиля вопрос у автора не проработан, и потому некоторые из его главных положений стоят на очень шаткой почве. Такими положениями, недостаточно обоснованными, являются утверждения д-ра Лурье, что денежное хозяйство и пролетариат, т.е. немущие и безработные элементы населения, существовали уже в эпоху судей. На самом деле, критическая оценка тех данных традиций, на которых д-р Лурье пытается обосновать эти положения, приводит к выводу, что эти данные вторичного характера, и что, если основываться на бесспорно приуроченном хронологическом материале, то денежное хозяйство и наемные рабочие констатируются не ранее конца IX—начала VIII века. Это неправильное исходное положение повлекло за собой другие дефекты: автор оставил в стороне вопрос о разложении родовых отношений и о последующей роли уцелевших пережитков их, не учел, что динамика борьбы эпохи зарождения царской власти и первых царей в значительной степени обуславливалась процессом разложения родовых связей и зарождением феодализма, и без дальнейших доказательств характеризует все междоусобные распри, как проявления революционной борьбы пролетариата против собственников.

В связи с этим действительно революционное брожение VII века, нашедшее свой отклик в законодательных проектах и нормах Второзакония, у автора осталось невыясненным: из нового самостоятельного движения, народившегося в результате аграрного кризиса VIII века, оно у него превратилось лишь в эпилог многовековой революционной борьбы. Рядом с этим и анализу материала Второзакония

закона и уделено слишком мало внимания—взято 4—5 пунктов, между тем как почти каждая глава Второзакония может быть использована, как материал для характеристики кризиса VII века.

Далее, нельзя не пожалеть, что автор почти совсем не использовал материала других законодательных слоев Пятикнижия, в особенности т. наз. «Книги договора», являющейся первой записью израильского права. В результате читатель выносит впечатление, что в социальной истории Израиля эволюция была скорее количественная, чем качественная—еще до царей есть денежное хозяйство и наемный труд, и в последующее время развитие заключается только в росте этих категорий и обусловливаемой ими борьбы классовых противоположностей. На самом деле, конечно, социальная история Израиля была гораздо сложнее. Из частных дефектов отметим один, также связанный с вопросом о пролетариате: определяя общую численность населения Израиля для 700 г., д-р Лурье идет очень простым и правильным путем и не сходит с этого пути при определении общего % городского и сельского населения; но он пытается установить также численность отдельных классовых группировок, не имея для этого достаточных точек опоры ни в традиции, ни в археологии. Поэтому полученный им результат—около 35% принадлежало к числу сельского и городского пролетариата—является, на наш взгляд, совершенно субъективным.

Не останавливаясь на других деталях, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что ошибки, допущенные д-ром Лурье, являются неизбежными ошибками всякого пионера. Они могут быть исправлены без труда, так как основная линия взята правильно; и наше пожелание заключается в том, чтобы автор в ближайшем будущем расширил свой первый опыт в большое исчерпывающее исследование. Он имеет для этого все данные.

Проф. Н. М. Никольский.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ.

За отчетный период Научная Ассоциация Востоковедения продолжала свою работу в секциях и комиссиях Политико-Экономического и Историко-Этнологического Отделов. На общих собраниях Политико-Экономического Отдела и его секций были заслушаны доклады: В. А. Гурко-Кряжина. — „Хевсуретия“ (отчет об экспедиции летом 1927 г. с целью всестороннего социально-экономического и бытового обследования этой мало исследованной страны), А. А. Зонненштраль-Пискорского — „Отмена капитуляционного режима в Персии“, Я. Ю. Цимринга — „Профессиональное и рабочее движение в Египте“, т. Губера — „Экономическое положение рабочих Индонезии“ и др. Кроме В. А. Гурко-Кряжина, командированного в Хевсуретию, научный сотрудник т. Аршаруни был командирован в Среднюю Азию для изучения материалов о басмачестве.

В ознаменование десятилетия Октябрьской революции было устроено объединенное заседание Политико-Экономического и Историко-Этнологического Отделов, на котором был прочитан ряд докладов, посвященных характеристике достижений в области востоковедения за десять лет.

Политико-Экономический Кабинет Ассоциации Востоковедения вел за отчетный период работу по составлению картотеки литературы по Востоку, выходящей на английском, французском и итальянском языках. На ряду с библиографической работой, кабинет продолжал составление летописи событий национально-революционного движения стран Востока. Летопись начинается с момента возникновения национально-революционного движения в каждой восточной стране и доведена до конца 1927 года. Отдел выполнял работы по подготовке Октябрьской выставки по Востоку, открытой Музеем Восточных Культур совместно с НАВ. Были составлены карты национально-революционного движения в Аравии, Турции и Персии, схемы народных восстаний, военных действий, таблицы и диаграммы по статистике, экономике и т. д. для соответствующих отделов выставки. Да-

лее, члены секций продолжали свои работы по серии „Труженица Востока“, издаваемой по заданиям Отдела Работницы и Крестьянки ЦК ВКП(б).

Историко-Этнологический Отдел НАВ вел свои работы, придерживаясь выработанного отделом и состоящими при нем комиссиями ориентировочного плана. Главные работы сосредоточивались на изучении культур Советского Востока (с привлечением широкого сравнительного материала). В летние месяцы (июль-сентябрь) деятельность членов отдела и комиссий сосредоточена была преимущественно на полевой работе, участии в экспедициях и научных командировках. Заведующий Историко-Этнологическим Отделом, по ходатайству Ингушского Научно-Исследовательского Института Краеведения, был командирован НАВ для участия в экспедиционном обследовании Горной Ингушетии (района Джераховского ущелья). Экспедиция, в состав которой входили местные работники, научные сотрудники Ингушского Института Л. Н. Семенов, Г. К. Мартиросьян, И. П. Щелыкин, Г. З. Мальсагов и Хаджи Бекир-Ахриев, обследовала Джераховский район в этнологическом, экономическом, историко-археологическом и лингвистическом отношениях. Экспедицией собраны любопытные материалы как по прошлым культурам Ингушетии, так и по современному состоянию горных районов. Ученый секретарь Отдела, проф. А. А. Захаров, изучал коллекции Керченского музея в связи с изучением вопроса о взаимоотношениях культур Крыма и Кавказа с культурой Передней Азии и Эгейского мира. Председатель Комиссии по искусству Востока, проф. Б. П. Денике, руководил экспедицией Музея Восточных Культур для обследования памятников Термеза. Член Ученого Совета Б. Н. Засыпкин и ученый секретарь Комиссии по искусству А. С. Стрелков принимали участие в этой же экспедиции, при чем Б. Н. Засыпкин был командирован НАВ. Ученый секретарь Комиссии по изучению татарской культуры, проф. А. С. Башкиров, вел исследовательские ра-

боты в Дагестане, Абхазии и на Тамани. Член Ученого Совета Ф. В. Гоголь занимался изучением художественной промышленности Крымской Республики. Член президиума НАВ, проф. Л. З. Мсерианиц, находился в заграничной командировке, изучая востоковедные материалы в архивах и библиотеках Берлина и Рима. Заведующий Историко-Этнологическим отделом был командирован НАВ на конференцию археологов СССР в Херсонесе (10—14 сентября 1927 г.), в которой принимал активное участие. В конце сентября возобновились заседания отделов и комиссий, где в первую очередь заслушивались отчетные доклады о проведенных летом исследовательских работах.

В возобновившихся после летнего периода заседаниях отдела и комиссий были заслушаны доклады: И. Н. Вороздина — „Конференция археологов СССР в Херсонесе“, В. В. Струве — „К истории Манефона“, А. М. Ладыженского — „Обычное право черкесов“ (отчет об экспедиции Северо-Кавказского Научно-Исследовательского Института), В. П. Налимова — „Задачи изучения мари“, его же „Тотемизм у вотяков“, А. М. Смирнова — „Дондкерское городище Вотской области“, В. К. Никольского — „Наименее культурные племена Востока“, Е. Г. Пчелиной — „Археологические памятники Северной Осетии и меры, принимаемые к их охране“, А. С. Балкирова — „Обследование Дагестана летом 1927 г.“

В Литературном Отделе НАВ были прочитаны доклады: Н. Иванова — „О творчестве Омар Хейяма“, т. Гаузнера — „О японском театре“, Е. Антоновский — „Георгий Саакадзе (Великий Маурав)“, историческая драма, В. Арндта — „Захак и Кауэ“ (трагедия из жизни древнего Ирака) и др.

Останавливаясь на деятельности филиалов НАВ, следует отметить продолжающуюся интенсивную работу Дальневосточного отделения. Отдел подготавливает сборник по политике и экономике стран Востока. После летнего перерыва на общих собраниях и сессиях Дальневосточного Отдела были заслушаны доклады: „Об экономическом кризисе в Японии“, „О советской литературе Китая за 10 лет“, „Об изучении туземного изобразительного искусства на Амуре“ и др. Дальневосточный отдел тесно увязал свою работу с экономическими организациями (Дальгосторгом, Дальпланом и др.).

Организованное в 1926 г. Общество Востоковедения при Восточном факультете Гос. Дальневосточного Университета во Владивостоке обитилось в Научную Ассоциацию Востоковедения при ЦИК СССР с просьбой о принятии его в НАВ на правах филиала. Общество насчитывает 154 члена, организовало курсы китайского языка и провело ряд докладов по вопросам экономики и культуры Востока.

С. В.

СТЕПЕНЬ СОЦИАЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ БЫТОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ И ОБЛАСТЯХ.

Громадному большинству наших национальных образований, на ряду с обычными повсюду преступлениями, приходится еще иметь дело с правонарушениями особой категории, являющимися пережитками эпохи родового быта в чистом виде (т. н. бытовые преступления).

Основные виды правонарушений этого порядка представляют следующую картину:

1. На первом месте идут те из них, кои связаны с областью брачных отношений: а) это, прежде всего, принуждение женщины ко вступлению в брак против ее воли, сопровождаемое насилием или угрозами; б) затем похищение женщины против ее воли для вступления в брак; в) далее уплата, с целью выкупа невесты, стороной жениха стороне невесты имущественного вознаграждения (калым) и принятие последнего, при чем момент имущественного вознаграждения составляет существенную часть брачной сделки, и отсутствие этого момента ставит сделку под угрозу недей-

ствительности, и г) наконец, двоеженство или многоженство и вступление в брак с лицом, не достигшим половой зрелости.

2. Затем следуют правонарушения, вытекающие из моментов убийства на почве кровной мести. Сюда относятся: а) принятие стороной, потерпевшей от убийства, от стороны убийцы имущественного вознаграждения в качестве выкупа, освобождающего от мести потерпевшей стороны; б) уклонение стороны убитого от примирения со стороной убийцы в порядке примирительного производства.

3. Наконец, последнюю категорию составляют правонарушения с ярко выраженным отпечатком родовых моментов. Это, во-первых, случаи организованного, с участием большого числа сородичей, нападения на личность, семью, род или племя, или на их жилища под влиянием родовой или племенной вражды и, во-вторых, самовольное взятие скота или другого имущества не с намерением

присвоения, а исключительно с целью побуждения к даче удовлетворения за нанесенную обиду или вознаграждения за причиненный ущерб.

Чтобы составить отчетливое представление об экономической сущности бытовых преступлений и их живучести, проследим за эволюцией калыма, хотя бы на примере Северо-Осетинской области, где до революции калым стабилизировался в таком виде. Средний его размер в переводе на деньги выражался в сумме 1.000 руб., с уклоном в ту или другую сторону, в зависимости от материальной базы жениха. Основная масса калыма выплачивалась деньгами, остальное имуществом (скот, обстановка домашняя). Существовавший в таком виде в течение долгого времени калым постепенно, под концентрированным влиянием моментов экономического и культурного развития осетин, стал выветриваться и видоизменяться, и приблизительно к моменту Октябрьской революции калым в чистом виде выпал из сферы общественно-брачных отношений, выкристаллизовавшись в следующей форме. Родители невесты представляют жениху стандартизованный список предметов (швейная машина, кровать, зеркало, комод, постельные принадлежности, гарнитуры белья, платья и т. п.), подлежащих приобретению с его стороны, как условие оформления брака. Общая ценность этого предвадебного стандарта составляет в среднем не менее 1.000 руб. Таким образом, калым, пройдя определенную фазу развития, благополучно вынырнул в нетронутом по существу виде, ибо необходимость обязательного приобретения домашнего инвентаря на сумму 1.000 руб. для жениха не слаще и не легче предвадебного взноса калыма деньгами.

Анализ существа бытовых преступлений приводит нас, таким образом, к следующим выводам.

Источником питания бытовых преступлений являются моменты экономического порядка. Пример похищение женщины обычно имеет место из-за невозможности нести выкуп. Бытовые преступления, по сравнению с обычными правонарушениями, вносят в общественные отношения больший элемент анархии, парализуют волю к хозяйственному строительству и в конечном итоге подрывают крестьянскую экономику. Примеры: а) нападение одного рода на другой, б) самовольное взятие скота с целью повудить к даче удовлетворения за обиду, в) уплата вознаграждения с це-

лью откупиться от кровной мести, действие коей отражается на отношениях в течение десятков лет, г) уклонение стороны убитого от примирения со стороной убийцы, д) уплата калыма.

Туземная женщина, будучи только объектом всевозможных сделок, являет собой пример сплошного абсолютного фактического бесправия и беспомощности. Субъектом некоторых бытовых преступлений является кулацкая часть туземного крестьянства. Бытовые преступления экономически бьют прежде всего бедняка и одновременно льют воду на мельницу богатей.

Примеры: а) бедняк, уплачивая калым, автоматически создает верную предпосылку для превращения своего хозяйства в категорию маломощных, а хозяйство, принимающее калым, — в категорию мощных; б) уголовные репрессии по делам похищения женщин обрушиваются прежде всего на бедняцкую массу, обычного поставщика этого рода преступлений, в) калым частично приводит к закабалению бедняка, вынужденного временами отрабатывать выкупную сумму личным трудом, г) кулаки (баи, малалы) заинтересованы в процветании бытовых преступлений, ибо путем концентрации в своих руках права разрешения по ним конфликтов при посредстве находящихся под их влиянием нелегально существующих обычных судов разнообразных формаций (шариатские, аксакальские, медиаторские), они создают предпосылки политического своего господства над массой, д) в сохранении многоженства заинтересованы обычно зажиточные слои, ибо только их экономика в состоянии обслужить этот дорогостоящий институт.

Отмеченные моменты социальной опасности бытовых преступлений своевременно учтены советской властью, и по инициативе НКЮ РСФСР в 1924 г. в Уголовный Кодекс ред. 1922 г. введена 9 глава, которая определяла состав бытовых преступлений по отдельным национальным образованиям и меры социальной защиты по ним, при чем характерной особенностью последних была повышенная наказуемость в результате требований мест (лишение свободы до 5 лет и др. менее суровые меры).

В виду того, однако, что бытовые преступления составляют пережитки родового быта и питаются в конечном счете моментами невежества и некультурности, а также, что во многих случаях, как указано выше, острее этих репрессий может быть направлено против

бедняков, Наркомюстом РСФСР, при участии мест, разработан новый проект бытовых преступлений (принятый М. СНК РСФСР 9/IV 1927г.), в котором вышеприведенные правонарушения систематизированы и по утверждению его ВЦИК войдут в виде 10 главы в Уголовный Кодекс 1926 г.

По новому проекту меры социальной защиты подверглись значительному смягчению (штраф, конфискация части имущества, удаление из пределов данной местности, лишение свободы до 3 лет и в виде исключения до 8 лет по делам вступления в брак с несовершеннолетними).

Весьма существенным моментом проекта является, между прочим, изменение порядка возбуждения уголовного преследования: последнее делается обязательным, а не ставится в зависимость от подачи жалобы потерпевшим. Этот порядок обязательности возбуждения уголовного преследования имеет особое значение, напр., по делам похищения женщин, громадное большинство коих не доходит до суда, благодаря тому, что действующее законодательство устанавливает преследование их в порядке частной инициативы. Как велик процент безнаказанности по этим делам, можно судить на примере той же Северо-Осетинской автономной области, где за 1925 и 1926 г.г. по одному Алагиро-Ардонскому округу имело место 14 случаев похищения женщин, и из них только 7 (50%) сделались предметами судебного разбирательства, а по остальным не было произведено по отсутствию жалоб. В чем же тут дело и почему не все похитители предстают перед лицом суда. Или, быть-может, похищения совершаются в этих случаях с ведома и согласия похищаемых? Это последнее действительно имеет место, когда женщина согласна выйти замуж, но жених лишен возможности уплатить калым, или же родители невесты против этого брака. Но похищение с согласия женщины не наказуемо по нашим законам, и не об этой категории здесь речь. Если женщина, похищенная против воли для вступления в брак, не всегда обращается с жалобой о наказании похитителя, происходит это, во 1-х, вследствие объективных причин, так как похищенная месяцами держится в плену в глухих местах (детом в лесу) в плотном и неослабном окружении похитителя и его многочисленных соучастников; во 2-х, женщина, поставленная перед фактом похищения, обычно сопряжен-

ного с фактом изнасилования, вынуждена мириться с совершившимся под страхом опасения не выйти замуж. В 3-х, женщине, воля коей исторически воспитывалась по линии безусловного подчинения воле мужчины и старших, чрезвычайно трудно действовать активно в этих случаях, и, в 4-х, сюда нужно присоединить действие правового невежества, т.е. незнание того, как и в каком объеме закон ныне ограждает ее права.

Какова же должна быть линия общей политики государственной власти и линия политики уголовного в борьбе с бытовыми правонарушениями?

Основным фактором, вначале действующим по линии уменьшения вредного действия моментов социальной опасности, заключающихся в этих преступлениях, а со временем, создающим предпосылки полного их исчезновения, является проводимая советской властью политика усиления элементов общенационального и культурного возрождения трудящихся национальных образований. На ряду с этим национальным судработникам и органам юстиции предстоит в перспективе разрешение ряда огромной важности практических проблем.

Требуется внимательнейший подход к делам, связанным с нарушением прав женщины как по моментам возбуждения дела, так и в процессе дознания, следствия и суда, имея в виду фактическое бесправие и беспомощность женщины национальки и ее бессилие в борьбе против всякого враждебного ей уклада. Исключительное внимание должно быть уделено вопросу организации правовой пропаганды. Ценность правовой пропаганды наиболее рельефно выявляется в связи с правонарушениями, посягающими на свободу женщины, ибо последние в громадной своей массе находятся в полном неведении как в отношении объема установленных законом прав, так и о способах их осуществления. В сущности говоря, вопрос судебной защиты женских прав и заполнение реальным содержанием широкой правовой формулы, выдвинутой Октябрьской революцией и идущей по линии облегчения процесса раскрепощения женщины, не в состоянии получить быстрого и положительного разрешения вне переломный глубокого и всестороннего построения и реализации задачи правовой пропаганды.

Н. Джуров.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ТУРКМЕНАХ МЕЙЛИ (МЕХИЛЛИ).

Работая в Ташаузском округе Туркменской ССР и интересуясь племенным составом округа, мне пришлось натолкнуться на туркмен мейли, относительно которых я собрал приводимые здесь сведения, которые не носят, однако, исчерпывающего характера.

Населенный пункт Мейли находится в пределах аулсовета Сипаль (кишлак Бой), Ташаузского района. Он относится к часто встречающемуся в Хорезме типу, именуемому „мечеть“ и представляющему собою объединение некоторого количества разбросанных на одном арыке усадебных хозяйств, сгруппированных по приходскому принципу вокруг одной мечети.

Туркмены-мейли живут в массе своей в пределах этой мечети. Несколько хозяйств имеется в окрестностях гор, Хивы и три хозяйства в ауле Кара-Дашлы, Ильялинского района Ташаузского округа.

Большинство данных, приводимых в этой заметке, собраны в самой мечети Мейли в январе 1927 года, кроме единичных данных, собранных мной в разное время в течение почти двух лет моего пребывания в Ташаузском округе.

Племенное деление ташаузских туркмен чрезвычайно мелко: племя, род, колono и подколono I и II порядка. На вопрос о народности ташаузский туркмен в большинстве случаев называет самое мелкое деление, то-есть колono или подколono; кроме мелкого деления, он обычно знает племя и зачастую не знает рода, который бывает труднее всего выяснить.

Что касается туркмен-мейли, то на вопрос о народности некоторые из них отвечают „туркмен-мейли“, некоторые — „мейли“, а некоторые даже не уясняют вопроса и не находят ответа. Мейли в большинстве не знают названия своего племени, а некоторые старики относят себя к племени „теке“.

Большинство туркмен, населяющих Ташаузский округ, относятся к племенам: иному, карайдашлы, чаудор, емрали. Все они, живя долгое время на территории Хорезма, имеют во внешнем облике и в наречии некоторые отличия от племен теке и ахал-теке, населяющих южную часть Туркмении и отделенных от них песками на протяжении 400—500 верст и более. Представителей последних двух племен на территории всего Хорезма можно встретить лишь единицами. Наличие целой мечети, населенной текинами, заставило меня отнестись к этому определению племени недоверчиво.

Допуская, однако, возможность переселения их в Хорезм с юга, я повел расспросы в этом направлении и получил следующие данные. Мейли считают себя выходцами из местности Каахка (ст. Гинсбург, Ср.-Аз. ж. д.) Ахал-Текинского оазиса. Выхали

оттуда лет 80 тому назад (1840—1850 гг.) в поисках воды и мест для посева. Первоначально прибыли в гор. Илянлы (Ильялы, Ташаузского округа), где и жили под самым городом лет сорок. Коренное население города (узбеки) приняли их хорошо. Затем большинство двинулось на восток и основало ныне существующую мечеть Мейли, в западном клине нынешнего Ташаузского района (прежде бекства), а небольшие части попали в Кара-Дашлы и в Хиву. Такие данные подтверждали возможность принадлежности мейли к племени теке.

Но далее стоял вопрос, являются ли мейли родом племени теке или более мелким делением. По указаниям тов. Чары Пирлиева (уроженца мест, близких к Каахка, и быв. председателя Ташаузского окресткома), оказалось, что неподалеку от Каахка имеется аул Мехил-Кала (Кала-город), откуда и пришли ташаузские мейли или, правильнее, мехилли (окончание „ли“ указывает на происхождение: уроженец Мехил — „мехилли“, что соответствует в русском уроженец Москвы — москвич).

Коренное население Ахал-Текинского оазиса не считает жителей Мехиль-Кала своими единоплеменниками, так же, как мехилли не считают себя ахал-текинами. Несколько сот лет тому назад Мехил-Кала был основан выходцами с территории Хорезма, принадлежавшими к племени алилли. В настоящее время следов племени алилли, как такового, в пределах Ташаузского округа (единственная часть быв. Хорезма, населенная туркменами в массе) обнаружить не удалось даже по данным всесоюзной переписи населения 1926 г., которая вопрос о народности ставила ташаузским туркменам очень подробно. По расспросам оказалось, что алилли были близки к чаудорам и кара-дашлы, и что геклены, живущие в Ленинском (Чарджуйском) округе Туркменской ССР, наравне с мехилли, являются ветвью алилли.

По облику мехилли отличаются от прочих туркменских племен Ташаузского округа и имеют сходство с текинами и ахал-текинами по очертаниям бороды (манера бритья), костюму, домашнему укладу и наречию. Но это сходство далеко неполное—оно частично. Мехилли восприняли много влияний. Поэтому небезинтересно будет обратиться к вопросу о положении мехилли в отношении их непосредственного соприкосновения с другими народностями и племенами и в отношении географического положения их населенного пункта.

Мечеть Мехилли расположена на южном берегу магистрального арыка Шах-Абад (Шават), берущего начало от р. Аму-Дарьи и текущего почти в прямом направлении на запад. К северу от мечети Мехилли идет

полоса песков протяжением в несколько десятков верст, за которой начинается территория Порсинского района, Ташаузского округа, с населением из туркмен племени чаудор. На северо-восток, восток и на юго-восток лежит территория Ташаузского района с населением почти исключительно из узбеков. По соседству с Мехилли расположена к юго-востоку мечеть ж Муруза-Баши, населенная кара-калпаками, больше не встречающимися в массе ближе, чем на расстоянии 100 верст. На юг от Мехилли на песках протяжением в несколько десятков верст кочуют казаки (киргизы), также не встречающиеся больше нигде поблизости. За кочевками на юг начинается территория Тахтинского района Ташаузского округа с населением из туркмен-иомудов. На юго-запад, запад и северо-запад — территория Ильялинского района, Ташаузского округа, с ближайшим к Мехилли населением из туркмен племени кара-дашлы. Таково разноплеменное окружение мечети Мехилли.

О внутреннем племенном составе мечети Мехилли данные таковы. Общее количество хозяйств 88. В них населения 483 человека; мужчин—251 и женщин—232. Из них Мехилли: 70 хозяйств, 400 человек, коренные жители данной мечети, за исключением нескольких хозяйств, пришедших в течение последних нескольких лет; узбеков: 12 хозяйств, 54 человека коренных жителей; туркмен-иомудов, род саллах, колено ак-саллах, подколено мамал: 4 хозяйства, 23 человека, пришедшие из аула Беш-Чекыр, Тахтинского района, в течение пяти последних лет; туркмен-иомудов—кара-дашлы, род геок-чаклы, колено бахты: один человек, пришедший из аула Кара-Дашлы, Ильялинского района, батрак;

Кара-калпаков: 2 хозяйства, 25 человек, пришедшие в прошлом поколении.

Между Мехилли и узбеками идет взаимное перенимание обычаев, которое все более и более сглаживает и национальные грани. Часто на вопрос о народности узбеки данной мечети отвечают „мехилли“. Самый тип населенного пункта — мечеть — более свойственен узбекам Хорезма, в частности Ташаузского района. Мехилли сохранили туркменский акцент, но не совсем чисто. Узбеки из Мехилли перенимали отчасти туркменский акцент, но и туркменам мехилли передали некоторые особенности своего говора. Мехилли сильно обузбеживаются по-прежнему перенятием узбекского уклада — домостроя, обычаев, костюма. Между тем сохранился туркменский обычай оттягивать у мальчиков заднюю часть головы для придания характерной, особенно для текин и ахал-текин, вытянутой формы голове. То, что мехилли часто не знают названия своего племени, уже сильно отличает их от крепкого националиста — коренного ташаузского туркмена. Отношение мехилли к узбекам взаимно весьма дружеское. Есть даже смешанные браки между мехилли и узбеками.

Отношение мехилли к туркменам других племен взаимно враждебное. Смешанных браков с иомудами и другими туркменами не бывает. Во времена междуплеменной вражды, при нападениях на данную мечеть, иомуды били мехилли так же, как и узбеков, не признавая их за своих единоплеменников. Мехилли в таких случаях всегда были в союзе с узбеками против иомудов.

Кара-калпаки, вследствие своей малочисленности, в мечети Мехилли не имеют никакого значения.

П. М. Рафес.

СИБИРСКИЙ МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ.

Музей сибирской археологии и этнографии, основанный в 1882 году при Сибирском (Томском) Университете, впоследствии переименован был в Музей археологии, истории и этнографии. В период 1923—25 гг. он (переименованный в Этнолого-Археологический Музей) числился в ведении Главнауки НКПСРоса и ею субсидировался. С 1 октября 1926 г. Этнолого-Археологический Музей снова был закреплен за Томским Государственным Университетом в качестве учебно-вспомогательного учреждения при филологическом факультете.

Помимо своих чисто научных задач, Этнолого-Археологический Музей Томского Гос. Университета служит просветительной базой как для широких масс учащихся школ I и II ступени, рабочих, крестьян так и школой этнологии для студентов вузов, сгруппировавшихся в туземный краеведче-

ский кружок, образованный с 1925 г. при музее.

Посещаемость музея с момента реорганизации его на новых началах, т.е. с осени 1923 г. по 1 июня 1927 г., выражается солидной для провинциального Сибирского музея цифрой до 76 тысяч человек. Музей состоит из следующих отделов: археологического, этнографического, нумизматического и п/отд. и торического и церковных древностей.

В археологическом отделе наиболее ценная коллекция, собранная в конце 1870 гг. Дмитрием Мамоновым с художником археологом Зваменским частью при раскопках древнего городища на Чувашском мысу (на Иртыше, вблизи г. Тобольска), частью в находящейся здесь же курганах. Коллекция эта состоит из костяных орудий, фибул, блях, диадем, глиняных фигур и пр., имеются

также древности Томской губ. и Семипалатинской обл. (бронза, железо), каменные орудия, предметы, найденные при работах на Обь-Енисейском канале, а также собранные на городище „Таян“ близ Томска и на Томском могильнике.

В археологическом отделе хорошо представлен неолит, бронза, (точнее медь) и железо; своими археологическими коллекциями музей известен не только в СССР, но и в Европе.

В этнографическом отделе наиболее интересные коллекции северо-американских индейцев, амурская, сойотская, китайская, по буддизму, ламаизму и шаманизму.

Коллекция северо-американских индейцев собрана лично И. П. Кузнецовым во время его пребывания в Америке с научными целями и принесена в дар музею. Эта коллекция включает в себе предметы оружия (лук со стрелами, тамагаук—боевой топор), орудия, головные уборы, мокасины, женские украшения (серьги, перстень), фотографии разных племен и местностей и т. п.

Амурская коллекция включает в себе одежду, обувь и разную утварь, сойотская—разные предметы домашнего обихода, преимущественно деревянные и кожаные, много разных трубок для курения табака.

В китайской коллекции, кроме старинной одежды, мелких вещей (трубки для курения

опиума, игорные карты, безмен, фонарик, лекарственные снадобья и пр.), множество фотографий и картин, есть прекрасные образцы керамики (статуэтки, чайная посуда).

Среди коллекций буддизма и ламаизма есть несколько статуэток, картин, при чем некоторые из них представляют собой символические изображения учения Будды, так называемый „круг Сансары“ (несколько отличное от имеющегося в этнографическом отделе Русского Музея в Ленинграде). Есть несколько молитвенных цилиндров („хурде), ударных и духовых инструментов, чаша—„габала“ и пр.

По шаманизму собрана большая коллекция бубен тунгусских, остяцких, якутских, бурятских, алтайских, минусинских, шорских и амурских шаманов, костюмы имеются следующих шаманов: алтайского, тунгусского и качинского (минусинского).

В нумизматическом отделе имеются старинные серебряные русские монеты и несколько иностранных, много медных монет разной чеканки. Есть и редкая золотая монета (маленькая, тонкая) — дукат с латинским текстом и изображением св. Марка.

В п/отд. церковных древностей находятся древние антимины, древняя плащаница, два старинных (первой половины XVII века) епископских жезла.

П. Славин.

ФИНСКИЙ МОГИЛЬНИК В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ.

Во время моих работ летом 1926 года в целях археологических обследований Кузнецкого уезда, Саратовской губ., по течению р. Узы удалось открыть новую культуру для Саратовского края, древне-финскую. Она была обнаружена в виде могильника, находящегося в окрестностях с. Армеева, в 4 в. к с.-з. от него.

Этот могильник разрезан большим оврагом, в обрывах которого и были открыты погребения. В настоящей заметке я лишь в общих чертах даю предварительные сведения об этом памятнике финской жизни, представляющем значительный интерес для исследователей Нижнего Поволжья, так как с установлением факта существования древних финских племен в Саратовском крае возникает вопрос и о продолжительности пребывания финнов на нижней Волге и о районе их там распространения.

Всего было вскрыто и случайно обнаружено в обрывах 25 погребений, давших весьма однородную и характерную культуру. Все могилы, одинаково ориентированные с юга на север, и расположены довольно тесными и правильными рядами, имели длину от 1,70 м до 2,70 м, в ширину — от 0,60 до 0,65 м, в глубину — от 0,70 до 1,30 м.

Покойники лежали на спине, при чем руки их то вытянуты вдоль туловища, то положены на тазу или на груди, касаясь иногда кистями подбородка. Все кости ориентированы головой к югу, за исключением двух (могилы № 7 и № 8), лежащих головой к северу. На дне могил попадались угольки и зола. Из 25 погребений 9 принадлежали мужчинам, 11 — женщинам и остальные нельзя было определить, так как не сохранились кости, и вещи были совершенно не характерны. Рост покойников, в среднем, достигал 1,65 м. Найденные при черепе костяков волосы оказались темно-русого цвета. При всех покойниках имелись глиняные сосуды разной величины в форме горшков с раздутыми боками и хорошо выявленными шейками. В пятнадцати случаях сосуды стояли в ногах у погребенных.

Инвентарь мужских могил довольно однообразен—он представлен, преимущественно, предметами вооружения и поясными пряжками. Что же касается погребений женских, то они в большинстве случаев дают достаточно богатый набор предметов личных украшений, главным образом, в виде красных пастовых бус, бронзовых, серебряных и железных гривен, трапециевидных шумящих

подвесок, круглых нагрудных блях и т. п. Ограничиваясь лишь кратким перечислением наиболее заметных вещей, найденных мною в Армеевском могильнике, обращаю внимание на некоторые аналогии в других, известных нам, финских могильниках. Прежде всего, как мне кажется, мы имеем эти аналогии в Курманском могильнике, Касимовского у., Рязанской губ. ¹⁾ Так, достаточно указать на большую бронзовую бляху с перекрестьем бронзовую гривну с замком корбочкой и некоторые др. предметы. Гривна с замком сходна с подобной ей и из другого могильника, также древнего, — Борковского. То же самое следует сказать и о гривнах с петлевидными концами. Другая бляха — со звездчатой прорезью имеет сходство с бляхой из Кузьминского могильника, с том, однако, отличием, что число прорезей (или, вернее, лопастей) шесть вместо восьми. Наблюдается также сходство вещей и в отношении к Кошпиевскому могильнику, Тамбовской губ., а именно: сходны небольшие пражки, орнаментированные рубчиками, широкие пластинчатые браслеты с орнаментом из крупных выпуклин, железные дротики и красные пастовые бусы.

Боле оригинальными и характерными для нашего Армеевского могильника следует

считать шумящие привески трапецевидной формы с точечным выпуклым орнаментом по основанию. Предмет этот отличается яркостью и тщательностью выполнения, напоминая, между прочим, привеску, указанную А. А. Бобринским в кладе бл. с. Хацки ²⁾ и относимую им к так называемым готским вещам IV—VII вв. Другим столь же интересным предметом я считаю варную ушную подвеску-серьгу в виде спирали, оканчивающейся рубчатым стержнем, имеющим на нижнем конце две, сложенные основаниями, пирамидки. Несомненно, что такие серьги-подвески являются предшественниками предмета того же назначения, напр., в Лядинском могильнике.

Таким образом, можно придти к предварительному заключению, что открытый мною могильник относится, по видимому, к V—VIII вв. н. эры.

Дальнейшие раскопки в районе с. Армева, вероятно, дадут нам возможность подойти к наиболее точным определениям. Кстати, отметим, что расположенные близ Армеевского могильника городища и холмообразные насыпи, оказавшиеся, по видимому, остатками жилищ, должны пролить яркий свет на культуру древних финнов Поволжья.

Проф. П. Рынов.

¹⁾ См. гр. Ф. А. Уваров — Курманский м-к, Древи., т. XIV.

²⁾ См. гр. А. А. Бобринский — Курганы бл. м. Смелы, т. III.

К 6-ЛЕТИЮ МОНГОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ.

Монгольская национальная кооперация родилась сразу с завершением победоносной монгольской революции 1921 года.

Своеобразные условия пастушеской Монголии, экономическая и культурная отсталость населения, его разбросанность по огромной территории диктовали иные пути кооперативного строительства, чем это мы наблюдаем в других государствах, прошедших пути нормального экономического развития. Монгольская кооперация начала строить свою организацию сверху, вылившись затем, при значительной материальной поддержке правительства, в централизованный многолавочный кооператив, охвативший сетью своих отделений, лавок и палаток почти всю страну.

Основные этапы развития монгольского центрального народного кооператива (Монценкоп) за шесть лет его существования характеризуются, прежде всего, подготовительным периодом, когда, после выработки устава, были предприняты первые шаги в деле популяризации идеи и задач кооперации среди широких масс населения, вербовки членов и практического проведения ряда намеченных мероприятий по разверты-

ванию торгово-заготовительных операций. В этот период, и в организационной и в хозяйственной деятельности, Монценкоп делал лишь первые шаги и осторожно нащупывал методы своей работы. Второй период, охвативший собою длительный промежуток времени с 1 мая 1922 г. по 1 мая 1924 года, следует охарактеризовать, как период организационный, когда Монценкоп начал развертывать сеть своих филиалов по районам, сумел своей деятельностью заинтересовать более широкие массы населения, в связи с чем усилился приток членов в его ряды, наметился рост лаевого капитала. Получив крупную материальную поддержку со стороны правительства, Монценкоп начал быстрым темпом развертывать свою торгово-заготовительную деятельность, завоевав на монгольском рынке позиции, которые позволяли ему до известной степени уже регулировать рыночные цены на экспортные и импортные товары. К этому же времени относится завязывание Монценкопом торговых взаимоотношений с Советским Союзом.

В следующий период широко развернутой работы Монценкоп уже окончательно укрепил свое положение на рынке, доведя свой

общий торговый оборот до 10 милл. мекс. долл., т.е. пропуская через свой аппарат одну четвертую часть всего торгового оборота страны. Монценкоп повел решительную борьбу с частно-ростовщическим капиталом и сетью своих отделений сумел достаточно близко подойти к производителю сырья. Наряду с этим Монценкоп организывает ряд промышленных предприятий для переработки сырья в пределах Монголии.

Такое стремительное развитие Монценкопа, естественно, сопровождалось затруднениями, неизбежными в процессе всякого роста. Эти затруднения, в основном, вытекали из несоответствия государственного, заемного и паевого капитала, из сложности планового руководства, широко развернутого торгово-заготовительным аппаратом по периферии при примитивных средствах и путях сообщения и связи и, наконец, из высоких накладных расходов.

С этим балансом своих достижений и недочетов Монценкоп вступил в минувшем году в четвертый период своего существования—период закрепления и уточнения своей работы.

Последний (пятый) съезд уполномоченных Монценкопа в принятой резолюции по докладу правления признал направление работы Монценкопа в основном правильным и продолженную работу правления удовлетворительной; съезд констатировал, что связь с населением продолжает расти и крепнуть, и что рост оборотов кооператива способствует росту и укреплению всего народного хозяйства страны.

О заинтересованности монгольского населения в развитии всей национальной кооперации показывают данные роста членов-пайщиков и их капиталов, которые по годам рисуются в следующем виде:

	Число членов.	Паевой капитал.
1922 год	116	8.300 мекс. долл.
1923 "	837	33 800 " "
1924 "	1.500	60.000 " "
1925 "	3.481	137.368 " "
1926 "	9.627	199.589 " "

Из приведенных цифр явствует, что за пять лет число членов-пайщиков увеличилось в 57 раз, а паевой взнос возрос в 24 раза. Если к этому прибавить, что текущий 1927 год характеризуется продолжающимся ростом членов кооператива, то можно безошибочно утверждать, что рост Монценкопа идет непрерывно и все усиливающимся темпом.

Еще более ярко этот рост выражается в цифрах торгового оборота Монценкопа. Эти данные за истекшие шесть лет свидетельствуют о том, как быстро Монценкоп завоевал хозяйственные позиции, став мощным

экономическим фактором на монгольском рынке. Общий торговый оборот Монценкопа и получаемая им чистая прибыль рисуются в следующем виде:

Года	Общий оборот Монценкопа (в м. долл.)	В %/о отношении к торг. обор. страны.	Чистая прибыль (в м. долл.)
1921/22	30.000	0,1	5.000
1922/23	184.000	0,5	22.000
1923/24	1.506.000	3,8	157.000
1924/25	8.743.000	21,9	534.000
1925/26	9.972.000	24,9	394.560
1926/27	9.547.000	—	—

(предположительно).

Общий торговый оборот Монголии, на основании исследовательских данных последних лет, исчисляется, примерно, в 40 миллионов мекс. долл. Таким образом, Монценкоп уже на пятом году своей деятельности завоевывает четвертую часть всего торгового оборота страны и продолжает удерживать эти позиции до настоящего времени.

Тот же момент роста и широкого охвата монгольского рынка характеризуют данные о развитии заготовительно-сбыточных и товаро-закупочных операций Монценкопа:

Года	Заготовлено сырья (в долл.)	В %/о отнош. к экспорту Монголии	Продано товаров (в долл.)	В %/о отнош. к импорту Монголии
1921/22	14.000	0,1	15 700	0,1
1922/23	61.400	0,3	122.600	0,6
1923/24	747.000	3,7	758.600	3,8
1924/25	4.597.000	22,2	4.146 000	20,7
1925/26	4.849.000	24,2	5.133.000	25,6
1926/27	5.025.000	—	4.522.000	—

(предположительно).

Работу Монценкоп проводит через свою периферийную сеть, которая насчитывает 24 отделения и свыше сотни подотделений, которые, в свою очередь, по своему району имеют сеть подвижных палаток. Подвижные палатки, в условиях кочевого уклада монгольского населения и его разбросанности по территории, имеют огромное значение,

непосредственно увязывая эти торговые пункты с производителем сырья, который получает возможность купить товар, минуя посреднические инстанции частного торговца. Проблема непосредственной связи Монценкопа с широкими слоями трудового населения, конечно, далеко еще не разрешена. Еще слишком велико и распространено так назыв. „панзычество“ — институт перекупщиков, борьба с которым составляет одну из существенных задач, стоящих перед монгольской национальной кооперацией.

Помимо упомянутой сети торговых пунктов Лонценкопа внутри страны, он имеет свои заграничные конторы и представительства в Москве, Верхневудинске, Тяньцзине, Калгане и Хайларе, что дает ему возможность непосредственного выхода на заграничные рынки.

В заключение для характеристики организационной структуры Монценкопа не лишне упомянуть о национальном составе служащих и рабочих кооператива, имея в виду, что при отсутствии достаточно подготовленного кадра своих национальных работников в области кооперативного строительства, Монценкоп, естественно, в значительной мере укомплектовывался рабочею силою, приглашенною из-за рубежа. Так, по данным на 1 мая 1926 года, из общего количества в 786 человек, рабочий персонал Монценкопа по национальности распределялся: монголов — 257 чел., русских — 361 чел., бурят — 95 чел., проч. национальностей — 73 чел. Вопрос о монголизации кооперативного аппарата неоднократно был предметом обсуждения как внутри самого Монценкопа, так равно на с'ездах его уполномоченных и в правительственных и партийных кругах. Однако, разрешение его всегда упиралось в отсутствие национальных работников. Пополнить эту существенную брешь взялся Монценкоп путем создания краткосрочных кооперативных курсов, которые до сего времени смогли дать лишь несколько десятков монгольских работников, посланных на работу по кооперативной сети в худонах.

Чтобы иметь полное представление о роли и значении монгольской национальной кооперации в хозяйственной жизни страны и об ее борьбе за вытеснение с монгольского рынка частного иностранного капитала, следует отметить, что в Монголии хозяйственную работу проводят три основные группы:

Первая группа — Монценкоп и национальный частный капитал, играющий значительную роль в лице перекупщиков, так называемых „панзычей“. Вторая группа — дружественный монгольскому народу советский капитал в лице тех организаций, которые работают в Монголии: Сибгосторг, Дальгосторг, Акц. О-во Шерсть, Коммерческая часть Торгпредства; в настоящее время они объединены в единую хозяйственную органи-

зацию — „Акц. О-во по торговле СССР с Монголией“ („Стормонг“). Третья группа, которая представляет сильную единицу на монгольском рынке — иностранный капитал, который в свою очередь, подразделяется: на китайский капитал и англо-американский капитал, при чем в целом они представляют единый капитал, блокирующийся между собой. К этой же группе относится также германский капитал, удельный вес которого в настоящее время на монгольском рынке, однако, представляется незначительным.

Таким образом, во внешней торговле Монголии, кроме Монценкопа, участвуют иностранные капиталы пяти государств. При этом самым сильным — и количественно и организационно —, до сие время является китайский капитал, насчитывающий за собою историю нескольких столетий органического вращания в монгольский рынок.

Данные о количественном распределении по национальному признаку этих капиталов относятся к 1925 году, однако, можно с уверенностью сказать, что изменения в ту или иную сторону, которые могли бы произойти за истекшие два года, являются столь незначительными, что существенного значения эти изменения, при оценке в настоящее время роли упомянутых капиталов на монгольском рынке, играть не могут.

Участвующие во внешней торговле в Монголии капиталы по своему национальному признаку количественно распределяются следующим образом (в мексиканских долларах)¹⁾.

1. Монголия — Монценкоп с капиталом (без кредитов) в	3.900.000
Монгобанк с осн. смешан. монголо-советским капиталом (без вкладов и текуц. счетов) в	1.000.000
Итого	4.900.000
2. Китай — 283 фирмы с общ. капиталом в	7.248.000
3. Англия — 10 фирм с общ. капиталом в	4.500.000
4. Америка — 5 фирм с общ. капиталом в	560.000
5. Германия — 3 фирмы с общ. капиталом в	173.000
Итого	12.481.000
6. СССР — „Стормонг“ и транспортные организации в	1.267.000
46 частных русских фирм с общ. капиталом в	704.500
Итого	1.971.500
Всего	19.352.500

¹⁾ П. Никифоров. — „Итоги сов.-монг. торговли“, журнал „Хозяйство Монголии“, № 2, 1926 г.

Приведенные данные говорят о том, что иностранный капитал все еще продолжает играть доминирующую роль на монгольском рынке, хотя нужно признать, что деятельность монгольского национального и дружественного ему советского капиталов выбила из седла и положила предел прежнему господству иностранцев, которые держали в своих руках всю торговлю Монголии.

Весь оперирующий в Монголии торговый капитал империалистических стран определяется в сумме 12.481.000 мекс. долл. или 64,50%, а капитал Монголии и СССР составляют 6.871.500 мекс. дол. или 35,50%. При этом не следует упускать, что Монценкоп пользуется кредитами, доходящими до 3 милл. м. д., а Монголбанк у своих корреспондентов — свыше 2 миллионов м. д. Таким образом, процент участия во внешней торговле Монголии монголо-советского капитала должен быть увеличен до 42 — 45%. Такое соотношение действующих на монгольском рынке капиталов ставит перед Монценкопом, еще недостаточно окрепшей организацией, а равно и перед советским хозяйственным органом в Монголии, серьезную задачу создания единого фронта для успешного и быстрого завоевания рынка и вытеснения с него частного иностранного хищнического капитала.

Наличие согласованной деятельности монгольского и советского капиталов обуслови-

вается не только общностью их борьбы за обладание рынком, что в конечном счете предопределяет рост экономического благосостояния широких аратских масс и раскрепощение их от материальной кабалы иностранного торговца, но также и тем опытом, который организационно более сильный советский торговый аппарат передает Монценкопу, чтобы стать последнему действительным и мощным хозяином на монгольском рынке.

Следует отметить, что удельный вес Монценкопа не может быть полностью обрисован теми 10 миллионами оборота, о котором мы говорили выше. Он значительно больше, ибо Монценкоп всецело связан со всем хозяйством страны, и этот вес его исчисляется в цифрах, значительно превышающих различные нормальный капитал.

Таким образом, мы можем констатировать, что, несмотря на все трудности работы, сопряженные со специфическими условиями развития кооперативного строительства в Монголии, Монценкоп за истекшие шесть лет своего существования имеет огромные достижения. Эти достижения должны быть теперь закреплены в интересах дальнейшего его роста, укрепления налаживающегося хозяйства страны и поднятия экономического благосостояния монгольского населения.

В. Юдин.

ОТКРЫТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛИНИИ ТАНЖЕР—ФЕЦ:

25 июля 1927 г. знаменует дату в марокканской колонизации, так как в этот день состоялось официальное открытие железной дороги, соединяющей Танжер с Фецом. Железная дорога Танжер—Фец имеет длинную историю. Она являлась объектом ряда договоров, из которых первый был заключен 4/XI 1911 г. между Францией и Германией. По этому договору железнодорожная линия Танжер—Фец должна была быть сооружена первой до постройки в Марокко какой-либо другой дороги широкой колеи. Постройка дороги предоставлялась французским и испанским капиталистам. По договору, заключенному между Францией и Испанией 27/XI 1911 г., 60% капитала приходилось на долю первой, 40% — второй. Французский капитал представлялся *Compagnie Générale du Maroc*, испанский — *Compagnie Générale Espagnole d'Afrique*. Оба эти общества для постройки дороги создавали *Compagnie franco-espagnole du chemin de Fer de Tanger*. Директором общества должен был быть француз, заместитель — испанец. Дорога делилась на три зоны: танжерская — 14 км, испанская — 92 км и французская — 204 км. Персонал танжерской зоны должен был состоять поровну из испан-

цев, и французов, испанской — из испанцев или испанских подданных, французской — из французов или французских подданных.

Война надолго помешала сооружению линии Танжер—Фец. Фактически к ее сооружению было приступлено лишь с 1921 г. Первыми были сооружены участки французской зоны, из которых два — *Пти Жан — Мекнес*, открытый 1/VI 1923 г., и *Мекнес — Фец* 1/X 1924 г., одновременно служат частью линии Фец — Казабланка. Вся линия французской зоны была открыта для движения в 1925 г. Управление железной дороги находится в Мекнесе, где расположены также главные мастерские, имеющие также вспомогательные мастерские в Эль-Ксаре, лежащем на самой границе французской и испанской зоны. Важнейшими центрами линии являются Танжер—Арсила (узкоколейная ветка к океану), Эль-Ксар (узкоколейная ветка в Лараш) Арбауа-Сук-Эль-Арба (узкоколейная ветка в Мехра Эль-Гадер, расположена у океана), Мехра — Бель-Ксар (узкоколейная ветка к Кенитре на океане и в Фец-эль-Бали в долине верхней Ургли), *Пти Жан — Мекнес — Фец*. После открытия линии Фец—Танжер столицу Марокко возможно достичь с

юга Испании в течение одного дня (при чем морское путешествие Алжирас - Танжер потребует всего два часа); на путешествие же Париж — Фец потребуются всего лишь двое суток. Однако, линия Танжер—Фец имеет не только значение для Марокко, но и для всей французской Северной Африки, так как железнодорожная сеть Алжира и Туниса связана с сетью марокканской. Правда, в настоящее время первые связаны с последней узкоколейкой, идущей от Феца к алжирской границе (Лала Марния) через знаменитую в событиях последних лет Тазу; тем не менее в ближайшем будущем линия будет перестроена на широкую колею. В более отдаленном будущем линия Танжер—Фец станет чрезвычайно важным звеном на международной артерии, которая пройдет к Суэцкому каналу. Однако, весьма вероятно, что до создания подобной

артерии будет сооружена транссахарская дорога, на которую, судя по последним изысканиям, потребуются не более двух миллиардов франков (т.е. 16 млн. фунтов стерлингов или 150 млн. золотых рублей); по этим же данным сооружение транссахарской дороги не встретит больших технических затруднений и может быть закончено в 4—5 лет. В случае же сооружения транссахарской железной дороги, линия Танжер — Фец станет чрезвычайно важным звеном на кратчайшем пути в Южную Америку, сухопутная часть которого закончится в Дакаре, отстоящем от Пернамбуко на расстоянии 2—3 дней плавания. При помощи этого пути Рио де Жанейро возможно будет достичь на 6—7 день. Таким образом, значение сооруженной линии неоспоримо, и вполне понятно то внимание, которое ему уделяется в заграничной прессе.

В. Н.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
С. Димапштейн. — 10 лет национальной политики партии и соввласти	I
В. Кульбешеров. — Советское строительство в Средней Азии и его задачи к десятилетию Октября	XXIII
В. Гурко-Кряжин. — Десять лет востоковедной мысли	XXXVI
И. Бороздин. — Изучение культур Советского Востока (некоторые итоги к десятилетию Октября)	II

Отдел политико-экономический

В. Дитякин. — Французские капиталы во французских колониях	1
А. Е. Ходоров. — Эпоха второй революции в Китае	20
С. Нацов. — Национально-освободительное движение тувинских скотоводов	40
И. А. Вайсман. — Сельское хозяйство Турции	58
Неджида-ханум. — Рабочее законодательство современной Турции	80

Советский Восток

И. Бороздин. — Современная Крымская республика	99
М. А. Немченко. — Аграрная реформа в Туркмении	121

Естественные производительные силы Востока

А. Ю. Серк. — Богатства недр и горная промышленность Голландской Индонезии.	140
Н. И. Берлинг. — Минеральное сырье Китая на мировом рынке	154

Историко-этнологический отдел

Г. Сафаров. — Древнейший период китайской истории	162
И. Рейснер. — Крестьянство Индии в эпоху Великих Моголов	179
Б. Г. Курц. — Русско-китайская колониальная политика XVII и XVIII вв.	194
А. Фрейман. — Новый труд по истории Ирана	207

Критика и библиография

С. Л. Вельтман. — Восток в изображении В. Пильняка, С. Третьякова и др.	214

Отзывы о книгах

И. Бороздина, А. Вознесенского, Л. Воробьева, В. Гурко-Кряжина, Ю. Готье, А. Губера, В. Дитякина, А. Захарова, А. Кантеровича, Т. Козьминой, Г. Кокинова, Ар. Ляхова, С. Майяеля, С. Мирного, Н. М. Никольского, Г. Пригоровского, Н. А. Смирнова, В. Худадова, А. Штуссера, Е. Штейнберг, В. Юдина, и др.

Х р о н и к а

TABLE DES MATIÈRES.

	<i>Cmp.</i>
S. Dimanstein.— 10 années de politique nationale du parti Communiste et les soviets.	I
B. Koulbecheroff.— La construction soviétique dans l'Asie centrale et ses tâches pour le dixième anniversaire d'Octobre	XXIII
V. Gourko-Kriagine.— 10 années d'étude de l'Orient	XXXVI
I. Borozdine.— L'Etude des cultures de l'Orient soviétique. (Quelques bilans pour le dixième anniversaire d'Octobre)	IL

SECTION POLITICO-ECONOMIQUE.

V. Ditiakine.— Les capitaux français dans les colonies françaises	1
A. E. Khodoroff.— L'époque de la deuxième révolution en Chine	20
S. Natzoff.— Le mouvement national pour la libération chez les éleveurs de bestiaux de Touvine	40
I. A. Waismann.— L'économie rurale de la Turquie	58
Nedjidè-Khanoum.— La législation ouvrière de la Turquie contemporaine	80

L'ORIENT SOVIÉTIQUE

I. Borozdine.— La république contemporaine de Crimée	99
N. A. Nemschenko.— La réforme agraire en Turkménistan	121

LES FORCES NATURELLES PRODUCTIVES DE L'ORIENT.

A. U. Serk.— Les richesses du sous-sol de l'Indonésie Hollandaise et son industrie minière	140
N. I. Berlingue.— Les matières premières de Chine sur le marché mondial	154

SECTION HISTORICO-ETHNOLOGIQUE.

G. Safaroff.— La période antique de l'Histoire de Chine	162
I. Reissner.— Les paysans de l'Inde à l'époque des grands Mogols	179
B. G. Kurtz.— La politique coloniale russo-chinoise au XVII et XVIII siècles	194
A. Freymann.— Un ouvrage nouveau sur l'histoire d'Iran	207

KRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE.

S. Weltmann.— Echos littéraires (L'Orient d'après les œuvres de Pilniak, de Tretiakoff et d'autres)	214

CHRONIQUE.

Научная Ассоциация Востоковедения

Союза С. С. Р.

**учреждена в Москве постановлением
ВЦИК 13 декабря 1921 г.**

„НОВЫЙ ВОСТОК“

**Периодический орган, издаваемый Научной
Ассоциацией Востоковедения Союза С.С.Р.**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. П. Павлович, Г. И. Бройдо,
проф. И. Н. Бороздин, В. А. Гур-
ко-Кряжин, Б. Н. Мельников, Д. М.
Мышковский, С. Л. Вельтман
(секретарь редакционной коллегии).

**Научная Ассоциация Востоковедения Союза ССР
и редакция журнала „НОВЫЙ ВОСТОК“ поме-
щаются в Москве, в доме № 10 по Никольской улице.
Телефоны: 2-85-24 и 5-89-29.**

Издания Научной Ассоциации Востоковедения.

Журнал „НОВЫЙ ВОСТОК“. Вышло 18 номеров

К Н И Г И

Проф. И. Г. Франк-Каменецкий. „Как научились читать египетские письма“. С иллюстрациями. 62 стр. М. 1922. Ц. 15 к. (распродано).

Я. Султан-Заде. „Современная Персия“. 66 стр. М. 1922. Ц. 35 к. (распродано).

В. Я. Кряжин. „Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке“. С картами. 150 стр. М. 1923. Ц. 85 коп. (распродано).

Вл. Виленский (Сибиряков). „Китай“. С иллюстр. и карт. 97 стр. М. 1923. Цена 75к. (распродано).

Вл. Виленский (Сибиряков). „Япония“. С иллюстр. и карт. 240 стр. М. 1923. Ц. 1 р.

М. Павлович. „Борьба за Азию и Африку“. С карт. 229 стр. М. 1923. Ц. 1 р. 50к. (распродано).

„Афганистан“. Сборник статей: Д. Анучина, И. Бороздина, М. Вечеслова и А. Самойловича. В. Городцова, В. Гурко-Кряжин, Б. Денике, Л. Мсерианца. Стр. 204. М. 1925. Цена 2 р. 50 к. (распродано).

М. Павлович. „Русский вопрос в английской внешней политике“. Ц. 60 коп. Стр. 53. М. 1924.

С. Яргашев. „Парида“ (Дагестанская поэма), с предисловием

В. Брюсова. Ц. 60 коп. Стр. 79. М. 1924.

„Приключения Самба Днуфа“. Колониальный роман Жерома и Жана Таро. Перевод Федора Ге. Предисловие С. Вельмана. Стр. 172. Ц. 80 коп. М. 1924.

Ленин и Восток. Изд. 2-ое. Сборник статей М. Рафаила, М. Павловича, Н. Нариманова, А. Ходорова. Стр. 80. Цена 50. к. М. 1925.

В. Я. Гурко-Кряжин. Ближний Восток и державы. Стр. 244, с картами. М. 1925. Цена 2 р. (распродано).

Н. Нариманов. „Пир“ (повесть), „Надир-шах“ (историческая драма) с краткой биографией и статьей С. Вельмана „Н. Нариманов—бытописатель Востока“. Стр. 115. М. 1925. Цена 75 к.

Д. В. Соколов и Н. Н. Тихонович. „Сахалин“. С рис. и картой. Стр. 126. М. 1925. Цена 1 р.

М. Павлович, Б. Семенов. „Русско-японские отношения“. Стр. 44. М. 1925. Цена 30 к.

Акад. Н. Марр. „Яфетическая теория“. Стр. 73. М. 1924. Ц. 40 к.

Г. И. Бรอยдо. „Восстание киргиз в 1916 г.“. Стр. 28. М. 1925. Цена 30 к.

И. Н. Бороздин. Новейшие археологические открытия в Крыму. Стр. 30. Москва, 1925, Цена 40 коп.

Памяти Н. Нариманова. Сборник статей М. Павловича, Н. Самурского, Н. Тюржулова, В. Гурко-Кряжина, И. Бороздина, С. Вельмана, А. Ширвани. Стр. 28. Москва, 1925.

В. Я. Гурко-Кряжин. „Великие пути в мировой истории“. Распродано.

„В борьбе за новый тюркский алфавит“. Сборник статей, 69 стр. М. 1926 г. Цена 50 коп.

Я. Я. Иоффе (В. Крымский). „Япония в наши дни“. Стр. 75. Ц. 75 к. М. 1926.

И. Н. Бороздин. „Солхат“. Стр. 31. Ц. 30 к. М. 1926.

В. Я. Гурко-Кряжин. „Абхазия“. Стр. 23. Ц. 40 к. М. 1926.

И. Висанов, В. Я. Гурко-Кряжин, Ирандуст, С. Иранский, Мирза. „Проблемы современной Персии“. Дискуссионный сборник. Стр. 100. Цена 65 к. М. 1927.

С. Вельман. „Задачи кино на Востоке“. Стр. 24. Цена 30. М. 1927.

И. Н. Бороздин. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму. Стр. 21. Цена 30 к. М. 1927

Заканчивается печатанием новая книга: „БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА“

(Библиографический указатель русской литературы по Востоку, вышедшей, начиная с ноября 1917 г. по 1926 год включительно.)

ВЫШЛА СЕРИЯ КНИГ:

„ВОСТОК В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ“

В Ы П У С К I.

А. Ходоров и М. Павлович.

„КИТАЙ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ“.

В Ы П У С К II.

М. Павлович, В. Гурко-Кряжин, Ф. Раскольников.

„ТУРЦИЯ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ“.

В Ы П У С К III.

П. Китайгородский.

„ЕГИПЕТ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ“

В Ы П У С К IV.

М. Павлович, В. Гурко-Кряжин, С. Вельтман.

„ИНДИЯ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ“.

В Ы П У С К V.

М. Павлович, С. Иранский.

ПЕРСИЯ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.

В Ы П У С К VI.

П. Китайгородский, Б. Пурецкий.

„АЛЖИР, МАРОККО, ТУНИС“.

В Ы П У С К VII.

Сборник статей: Фейзулы Ходжаева, Е. Федорова, Т. Рыскулова,
С. Гинзбурга.

„ОЧЕРКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ“.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
ПЕРИОДСЕКТОР

МИХ. ПАВЛОВИЧ (М. Вельтман)
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Империализм и мировая политика последних десятилетий

- Т. I. Империализм. Стр. 248. Ц. 1 р. 80 к. (Вышел из печати).
Т. II. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Стр. 256. Ц. 2 р. 20 к. (Вышел из печати).
Т. III. Борьба за Азию и Африку. Стр. 257. Ц. 2 р. 20 к. (Вышел из печати).
Т. IV. История империализма (эпоха империалистических войн).
Ч. I. Испано-американская война 1898 года. Англо-бурская война 1899—1901 гг. Русско-Японская война. Война за Триполи.
Ч. II. 1-я и 2-я Балканские войны. Румыния в мировой войне. Болгария в мировой войне. Сербия в мировой войне. Греция в мировой войне.
Т. V. Мировая война 1914—1918 гг. и грядущие войны. Стр. 341. Ц. 2 р. 20 к. (Вышел из печати).
Т. VI. Виновники войны. Итоги мировой войны. Брестский мир и условия экономического возрождения СССР.
Т. VII. Французский империализм (Франция до и после мировой войны. Вышел из печати).
Т. VIII. СССР и великие державы (СССР и Франция, СССР и Англия, СССР и Америка, СССР и Япония).
Т. IX. Ч. I. СССР и Восток (Революция 1905 г. и Восток. Революционная Турция). (Вышел из печати).
Ч. II. Персия, Китай и Индия.
Т. X. Ленин, Сталин, Бухарин, Зиновьев, Радек, Троцкий об империализме в мировой политике. Тома — I, II, III, V, VII и IX, часть 1-я вышли из печати.

**ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Госиздат, Воздвиженна, 10/2.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА 20 РУБЛЕЙ.**

При подписке вносится 2 руб. и при получении каждого. Высылаемого наложенным платежом тома уплачивается 1 р. 80 к.

Пересылка за счет подписчика.

1928 год. 7-й год издания. 1928 год.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ

„Экономический Вестник Азербайджана“ (на русск. яз.)

— и —

„ИКИТСАДИ ХЯБЯРЛАР“ (на тюрк. яз.)

(Органы Высш. Экономич. Совета АССР), выход в г. Баку под ред. Б. А. Талыблы.

В журнале принимают участие лучшие научно-экономические силы.

ИМЕЮТ ОТДЕЛЫ: 1. Сельско-хозяйственный. 2. Промышленный. 3. Финансовый. 4. Торговый и кооперативный. 5. Транспортный. 6. Обзор печати. 7. По Азербайджану. 8. Восток. 9. Заграницей. 10. Экономическая хроника. 11. Кон'юнктура народного хозяйства Азербайджана. 12. Библиография.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

	В Баку с достав.	Иногородн.	Заграницу.
На 3 месяца	4 руб. 50 к.	5 руб.	6 руб.
„ 5 „	8 „ —	9 „	11 „
„ 1 год	14 „ —	16 „	20 „

Адрес редакции: г. Баку, ул. Нариманова, 11, телефон № 12-71.